

С О Ф И
КИНСЕЛЛА

Удиви
меня

Шопоголик и другие

Софи Кинселла

Удиви меня

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Удиви меня / С. Кинселла — «Эксмо», 2018 — (Шопоголик и другие)

ISBN 978-5-04-091916-1

Сильви и Дэн – идеальная пара. В восьмую годовщину свадьбы они идут на прием к врачу и слышат шокирующую новость. Им осталось жить, даже страшно произнести... В общем, они оба проживут до ста лет! А это значит, что их безоблачный брак продлится еще шестьдесят восемь лет. Стоя у алтаря, они мечтали, что проведут вместе всю жизнь, вот только не подозревали, что жизнь будет такой длинной. Супруги уже знают друг о друге все. Что же им делать оставшуюся вечность? А если они наскучат друг другу? Этого допускать нельзя. Поэтому Сильви придумывает интересную игру «Удиви меня», чтобы постоянно подогревать отношения. Но практически сразу все выходит из-под контроля. И выясняется, что Сильви и Дэн хранят друг от друга страшные секреты.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091916-1

© Кинселла С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
1	7
2	13
3	20
4	42
5	56
6	64
7	81
8	94
9	104
10	117
11	137
12	144
13	153
14	159
15	169
16	186
17	196
18	205
Благодарности	216

Софи Кинселла

Удиви меня

Посвящается Генри

Нынешние двадцатилетние имеют в три раза больше шансов дожить до ста лет, чем их дедушки и бабушки, и вдвое больше, чем их родители.

Национальная статистическая служба Великобритании, август, 2011

Продолжительность жизни в наш век меняется с поразительной скоростью, а это значит, что пришло время в корне переосмыслить представления о самих себе и о будущем...

Сэр Стивен Уэбб, министр по вопросам пенсионного обеспечения Великобритании 2010–2015

© Мохова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Для описания мужа у меня есть свой тайный маленький глоссарий: слова и фразы, которые придумала я сама. Муж об этом, конечно же, не в курсе. Новые слова время от времени сами возникают у меня в голове. Например...

«Волновать лоб» для милой привычки Дэна вскидывать брови, когда ему что-то непонятно. В такие моменты его лоб поднимают волнами морщин, а глаза ищут разъяснений. Можно сказать, Дэн и сам волнуется подобно морю, когда он чем-то озадачен. Неразбериха и хаос не для Дэна. Он любит порядок. Чтобы все было четко, ясно, в открытую.

Всякий раз, когда речь заходит о моем отце, Дэн «пружинится»: весь напрягается, словно внутри у него пружина, что никак не может разжаться. (Он думает, я не замечаю.)

И наконец, «по-над обрывом»: это когда Дэну кажется, будто сама жизнь обрела телесную форму и невидимым мучителем держит его за грудки на краю обрыва, угрожая сбросить в бездну.

Впрочем, чувство, что тебя вот-вот столкнут в пропасть, знакомо многим. Эту фразу можно применить к любому другому человеку. Даже ко мне. Ибо прямо сейчас по-над обрывом я. Щеки горят, а в легких холод. Чувствую себя актрисой в дешевом сериале, которая повинуется второсортному сценарию: 1. Пробраться в кабинет мужа, пока он еще на работе; 2. Украденным ключом открыть тайный ящик в столе; 3. Неверящим взглядом уставиться на то, что лежит внутри.

Все перечисленное я без труда провернула. И не могу поверить в то, что нашла в ящике, в то, что вижу перед собой, что держу в руках. Неужели? Мог ли он?.. Руки дрожат, а в голове роятся тревожные мысли, одна мрачнее другой. Пожалуйста, нет! Это не может быть правдой. Просто не может... Тогда-то в голову и закрадывается самая страшная мысль: «Неужели Тильда с самого начала была права? И я сама во всем виновата?!»

К глазам подступают слезы, к горлу – комок сомнений; где-то внутри меня шевелится холодная скорлупка страха. Ком сомнений растет, превращается в неверие, смешанное с гневом. Мне хочется кричать: «Как же так, Дэн? Как же так?!»

Но я молчу. Молчу и делаю пару фотографий на телефон, потому что... Я даже не знаю, почему. Могут пригодиться. Затем кладу то, что нашла, обратно в ящик, поворачиваю ключ, проверяю, надежно ли ящик заперт. (У меня небольшой пунктик по поводу незапертых дверей, невыключенных утюгов, всякого такого. Это не синдром, не подумайте. Но проверить лишний раз никогда не помешает.) Кабинет покидаю украдкой, словно место преступления.

Я думала, что знаю о Дэне все, а он – все обо мне. Я видела, как он плакал над мультфильмом «Вверх». Слышала, как он кричал кому-то во сне: «Да я тебя в порошок сотру!» А он видел, как я стираю свое белье (мы были в отпуске, а услуги прачечной в отеле стоили как новая стиральная машинка); он даже помог мне развесить трусики на сушилке.

Мы всегда были идеальной парой. Единым целым. Понимали друг друга с полуслова, угадывали мысли. Буквально растворялись друг в друге. Думала, уже ничто в Дэне не сможет меня удивить.

Выходит, я не знала о нем ничего.

1

Пятью неделями ранее

Началось все в день нашей десятой годовщины. Кто бы мог подумать?

На самом деле тут сразу два вопроса: «Кто бы мог подумать, что такое случится в столь знаменательную дату?» и «Кто бы мог подумать, что мы вообще проживем вместе столько лет?».

Пусть это и не десять лет со дня нашей свадьбы, но десять лет со дня знакомства. А встретились впервые мы на вечеринке в честь дня рождения моей подруги Элисон. В тот момент наши жизни – моя и Дэна – изменились навсегда. Тогда я просто подошла к незнакомому мужчине, который жарил бургеры, чтобы попросить один (на празднике Дэн отвечал за барбекю) и... Тадам! Это произошло.

Конечно, это было не совсем: «Тадам! Любовь с первого взгляда. Хочу за него замуж!», а скорее: «Тадам! Какой интересный мужчина. У него красивые глаза. А посмотри на его руки!» На Дэне была синяя футболка, которая подчеркивала его глаза, а талию его опоясывал белоснежный фартук шеф-повара. Дэн готовил бургеры с таким достоинством, будто он – единственный на свете, кто знает, как нужно это делать. Будто он сам придумал это блюдо.

Самое смешное, что я никогда не подумала бы, что в мужчине меня привлечет умение ловко переворачивать бургеры. Но случилось именно так. Он готовил, не обращая ни на кого внимания, улыбаясь самому себе. И, очарованная зрелищем, я просто молча стояла и следила за его руками.

Естественно, я спросила у Элисон, кто он такой («Старый приятель из универа, занимается инвестициями в недвижимость, очень приятный мужчина»), и весь вечер пыталась с ним заигрывать. Но он на меня даже не смотрел, поэтому я буквально уломала Элисон пригласить нас обоих на ужин в другой день. Когда и *это* не возымело действия, я решилась на смертельный номер: пару раз якобы случайно встретила его в Сити¹ (во второй раз на мне был топик с глубоким вырезом. С очень глубоким вырезом). Вот только не надо меня осуждать, я была в отчаянии. И только после этого он (наконец-то!) меня заметил и пригласил на свидание. Так что это была любовь с пятого взгляда, как я и говорила.

Оправдывался Дэн тем (он и сейчас так говорит!), что в то время только-только разорвал предыдущие отношения и «ходил как в тумане».

И еще: когда мы рассказываем эту историю другим людям, то слегка опускаем детали. Незачем всем подряд знать про топ.

Но вернемся-таки к началу: я смотрела на Дэна сквозь ароматный дымок, поднимающийся от жаровни; и глаза наши встретились. Судьбоносная секунда, что навсегда изменила жизнь. Счастливое мгновение, которое лелеешь в памяти. И десять лет спустя мы уже отмечаем годовщину обедом в нашем любимом месте – там, где всегда вкусная еда и прекрасная атмосфера. У нас с Дэном и вправду нашлось много общих интересов – ему нравятся те же фильмы, комиксы и места для прогулок, что и мне, – но и различий оказалось немало. Меня, например, ни за что не увидишь воскресным утром на велосипеде, а Дэна – в торговом центре, нагруженным пакетами с рождественскими подарками. Дэн вообще равнодушен к подаркам; каждый день его рождения неизменно сопровождается подобным диалогом: «Ну должен же ты хоть чего-нибудь хотеть. Подумай!» – наседаю я. Дэн (с затравленным выражением лица)

¹ Исторический и деловой центр Лондона, сформировавшийся на основе древнеримского города Лондиниум. – Здесь и далее прим. переводчика.

устало отвечает: «Я хочу... Эм... У нас закончился песто. Не подаришь ли мне баночку?» – «Песто? – не унимаюсь я. – На день рождения?»

Нашу годовщину мы традиционно празднуем в одном и том же месте. Женщина в черной униформе провожает нас к столику и предлагает ознакомиться с новым меню.

– Ваш официант скоро подойдет, – с улыбкой сообщает она и уходит.

Новое меню! Я смотрю на Дэна и вижу озорные искорки в его глазах. О, я догадываюсь, что это значит!

– Вот прям так сразу? – поддразниваю я.

– Вот прям так сразу, – кивает Дэн, ничуть не смутившись.

– Хвастунишка!

– Не веришь? Вызов принят. У тебя есть бумага?

Конечно, у меня есть бумага. Я всегда ношу с собой блокнот и ручки, так как мы всегда играем в эту игру. Вручаю Дэну листок и ручку, вырываю страничку из блокнота для себя.

– Ну что? – улыбаюсь я, склонившись над бумагой. – В игру, Ватсон!

И вот мы оба молча погружаемся в изучение меню. Так, у них есть и морской окунь, и палтус... С минуту меня терзают сомнения, но только с минуту, ибо я *точно* знаю, что Дэн собирается заказать. Он попытается меня перехитрить, но я все равно его раскушу. Кому как не мне знать, что он любит.

– Готово. – Дэн черкает пару строк на листке и складывает его пополам.

– Готово. – Я пишу свой ответ и складываю бумажку в ту самую секунду, как к нашему столику приближается официантка.

– Вы готовы заказать напитки? – спрашивает она.

– Конечно, и основные блюда тоже, – улыбаюсь я. – Мне, пожалуйста, «Негрони»², гребешки и фирменного цыпленка.

– Я буду джин с тоником, – сообщает Дэн, когда официантка записала мой заказ. – Еще порцию гребешков, пожалуйста, и морского окуня.

Молча жду, пока официантка отойдет от столика на достаточное расстояние, затем радостно выпаливаю:

– Угадала! – Передаю Дэну свою бумажку. – Правда, я не написала джин-тоник. Думала, ты возьмешь шампанское.

– А я все написал! Точное попадание! – Дэн показывает мне свой листок, и я вижу: «Негрони», гребешки, фирм. цыпленок», выведенные его аккуратным почерком.

– Вот же! – восклицаю я. – Была уверена, что ты напишешь лангустов.

– С полентой в качестве гарнира? Я тебя умоляю. – Он ухмыляется и наливает мне минеральной воды.

– Сам-то чуть не взял палтуса, – не могу удержаться я; настолько хорошо я его знаю. – Выбирал между ним и морским окунем, но в конце концов соблазнился шафрановым соусом, который подают к окуню.

Улыбка Дэна становится шире. Я попала в яблочко!

– Кстати, – добавляю я, разворачивая салфетку, – я тут говорила с...

– Отлично! И как она?..

– Все просто замечательно.

– Вот и хорошо.

Дэн делает глоток воды, а я мысленно вычеркиваю эту тему из воображаемого списка. Почти все наши разговоры так и происходят. Мы перебиваем друг друга, заканчиваем недосказанные предложения, понимаем друг друга с полуслова. С Дэном мне не нужно выдавать

² Коктейль-аперитив на основе джина и вермута. Изобретение приписывается французскому генералу Паскалю-Оливье графу де Негрони, корсиканцу по происхождению.

длинное: «Я тут разговаривала с Карен, няней, о наших девочках». Он и так знает. Нет, мы не телепаты, конечно. Просто чувствуем, что собирается сказать другой.

– Надо бы обсудить мамин... – начинает он, сделав еще глоток.

– Ах да. Лучше выехать сразу после...

– Хорошо. Так и сделаем.

И опять же мне не нужно говорить о том, что на юбилей его мамы мы сможем выехать, как только заберем девочек с занятий в балетной школе. Он и так все понял. Передаю ему корзинку с хлебом и точно знаю, что он возьмет заварной. И не потому, что ему нравится такой хлеб, а потому, что мой муж знает, что я люблю фокаччу. Такой вот он, мой Дэн. Всегда оставляет все самое вкусное для меня.

Приносят наши напитки, мы чокаемся. Бокалы звенят, у нас выходной, мы в прекрасном расположении духа. Правда, сегодня нам обоим нужно обновить медицинский страховой полис, но визит к врачу назначен только во второй половине дня.

– Десять лет, – я вопросительно приподнимаю бровь, – можешь в это...

– Поверить?

– Но у нас же получилось! – смеюсь я.

Десять лет вместе. Это и вправду достижение. Совсем как подняться на Эверест. Это же целая декада. Три переезда, одна свадьба, чудесные близняшки и около двадцати шкафов от Ikea... Вот и жизнь почти прошла.

Нам очень повезло, что мы еще здесь. Вместе. Уж я-то знаю. Несколько наших знакомых пар, которые начали встречаться примерно в то же время, что и мы, уже давно разошлись. Моя подруга Надиа развелась с мужем спустя три года после свадьбы. Просто не срослось.

Я любовно смотрю на Дэна – на лицо, которое знаю даже лучше своего. Высокие скулы, усыпанные бледными веснушками, голубые глаза, вечно слегка растрепанные волосы цвета соломы. От Дэна всегда исходит здоровое сияние (еще бы, учитывая, сколько времени он занимается велосипедной ездой!), его мужская сила ощущается даже сейчас, когда он просто сидит напротив меня. Дэн что-то листает у себя в телефоне; и я достаю свой смартфон. У нас на свиданиях нет глупых правил вроде «никаких телефонов», да и кто в наш век может провести пару часов, ни разу не взглянув на дисплей?

– О, у меня есть кое-что для тебя, – внезапно говорит Дэн. – Знаю, у нас не совсем настоящая годовщина, но все же...

Он протягивает мне продолговатый сверток, упакованный в пеструю бумагу, – я уже знаю, что внутри та самая книжка из серии «Магическая уборка», которую я давно хотела прочитать.

– Вау! – восклицаю я, разворачивая бумагу. – Спасибо. У меня тут тоже небольшой подарок...

Дэн берет пакет в руку, картинно взвешивает, и губы его тут же расплываются в понимающей улыбке. Конечно же, он догадался, что я ему подарю. Мой супруг собирает пресс-папье, поэтому на любой праздник (или просто значимое событие) я дарю ему новое в коллекцию (вместе с баночкой песто, естественно). Беспроигрышный вариант. Кто-то назовет нашу жизнь скучной, без сюрпризов. Но нам с Дэном это не надоедает. Ведь, если я знаю, что любит мой муж, зачем рисковать и тратить деньги, покупая что-то необычное, когда я не уверена, что ему понравится подарок?

– Тебе нравится? – спрашиваю я.

– Очень, – говорит он, и я в очередной раз убеждаюсь, что не прогадала. Он наклоняется ко мне, чтобы поцеловать, и шепчет на ухо: «Я люблю тебя».

– И я тебя, Дэн, – шепчу я в ответ.

В четыре часа дня мы уже сидим в кабинете врача; я чувствую себя совершенно спокойной и счастливой – так, как только может чувствовать себя женщина (у которой выходной и чьи дети играют в гостях у подружки) после изумительного похода в ресторан с любимым человеком.

Мы с Дэном еще никогда не были на приеме у доктора Бэмфорда – страховая компания посоветовала нам его, – и он оказался весьма своеобразным человеком. Для начала он пригласил в кабинет нас обоих сразу, что было необычно уже само по себе. Хотя затем и последовали довольно стандартные вопросы, проверка кровяного давления и осмотр результатов процедур, которые мы сделали заранее, доктор Бэмфорд, заполняя наши карточки, декламировал их содержание громким, точно театральным голосом:

– Миссис Уинтер, очаровательная леди тридцати двух лет, не курит, придерживается здорового питания...

На словах «здоровое питание» Дэн подмигнул мне, но я сделала вид, что не заметила. Сегодня праздник, имею право себя побаловать. Да и как можно было устоять перед чудеснейшим двойным шоколадным муссом? Ловлю свое отражение в стеклянной дверце шкафа для медикаментов и, втянув живот, мгновенно выпрямляюсь.

Я блондинка с длинными волнистыми волосами. По-настоящему длинными, до пояса. Совсем как у Рапунцель. Сколько себя помню, у меня всегда были длинные волосы; даже помыслить не могу о том, чтобы их обрезать. Это моя отличительная черта, моя особенность. Папа так любил мои золотые косы. Очень любил.

У наших с Дэном девочек тоже красивые светлые волосы; я делала все возможное, чтобы подчеркнуть эту красоту: наряжала девочек сначала в милые платья и переднички, как у викторианских куколок, затем в модные сарафанчики и чудесные полосатые свитерки. По крайней мере, до прошлого года, когда девочки решили, что любят футбол больше всего на свете и готовы хоть до старости носить (уже порядком мне надоевшие) ярко-синие футболки с логотипом «Челси». Дэна я не виню. Почти не виню.

– Мистер Уинтер, богатырского сложения мужчина тридцати двух лет...

Доктор Бэмфорд зачитывает карточку Дэна, а я едва заметно улыбаюсь. «Богатырского сложения...» Дэну это понравится.

Конечно, мы время от времени ходим в тренажерку, иногда занимаемся спортом, но мускулистым я бы Дэна не назвала. Дэн просто Дэн. Такой, каким он был всегда. Такой, каким и должен быть мой Дэн.

– Вот и всё, в принципе. Отлично! – Доктор Бэмфорд закончил заполнять карточки и теперь смотрит на нас, улыбаясь во все пятьдесят два. Он носит парик; я это заметила сразу, как только мы вошли в кабинет, поэтому стараюсь ничем себя не выдать. Моя работа связана со сбором средств для Уиллоуби-хаус, крошечного узкоспециализированного музея в центре Лондона. Мне часто приходится общаться с почтенного возраста меценатами в дорогих париках. Какие только парики не мелькали у меня перед глазами: и откровенно ужасные, и те, которые смотрелись неплохо.

Ладно, ладно, беру свои слова назад. Парики всегда смотрятся отвратительно.

– Чудесная здоровая пара. – Доктор Бэмфорд одобрительно кивает, будто учитель, прочитавший хорошее сочинение. – Давно вы женаты?

– Семь лет, – отвечаю я, – три года встречались до свадьбы. Прошло десять лет со дня нашего знакомства. – Во внезапном порыве нежности кладу свою ладонь Дэну на запястье. – Сегодня тот самый день!

– Годовщина нашего знакомства, – подтверждает Дэн.

– Поздравляю! Любопытное у вас семейное древо... – Доктор Бэмфорд вновь погрузился в наши документы. – Бабушки и дедушки либо еще живы, либо покинули этот мир в довольно почтенном возрасте.

– Всё так, – довольно кивает Дэн. – Мои все живы-здоровы, а бабушка и дедушка Сильви здравствуют себе на юге Франции.

– Они закаленные французской анисовой настойкой, – улыбаясь Дэну, вставляю я.

– Но родителей осталось только трое?

– Мой отец погиб в автокатастрофе, – поясняю я.

– Ох. – Глаза доктора Бэмфорда светятся искренним сочувствием. – Но при жизни на здоровье он не жаловался?

– Что вы! У папы здоровья было хоть отбавляй! Он казался мне вечно молодым. Папа был удивительным. Он был...

Я не могу удержаться и лезу в сумочку за телефоном. Мой отец был невероятно привлекательным мужчиной. Доктору Бэмфорду нужно увидеть его, чтобы понять. Каждый раз, когда я разговариваю с людьми, которые не знали моего отца, во мне пробуждается странное чувство сродни возмущению, почти безмолвной ярости за то, что им уже никогда его не узнать, не почувствовать его крепкое, воодушевляющее рукопожатие; что они никогда не поймут, кого я потеряла.

Люди часто говорили, что мой отец похож на Роберта Редфорта³. У моего отца был тот же внутренний свет, та же харизма. Папа был добрейшим, золотым человеком до самой своей смерти, с которой я до сих пор не могу смириться, хоть и прошло уже два года. Бывает так, я просыпаюсь утром и представляю всего на пару секунд, что он снова с нами, что все опять по-прежнему. Но правда тяжелым грузом давит на плечи.

Показываю доктору Бэмфорду свою детскую фотографию с папой. Я нашла фотокарточку спустя несколько дней после его смерти и сфотографировала ее на телефон. Папа и я сидим на крыльце нашего старого семейного дома в тени прекрасных магнолий (этот снимок, должно быть, сделала мама). Мы смеемся над шуткой, которую я уже не вспомню, и солнечные зайчики скачут по нашим лицам и голым коленкам.

Я жду, что же скажет доктор Бэмфорд, подсознательно желая, чтобы он горестно воскликнул: «Какая ужасная потеря для всего мира! И как вы находите силы жить дальше?!»

Но, конечно, я никогда не услышу этого из уст врача. Я заметила, что чем больше времени прошло со дня смерти твоего близкого, тем сдержанней соболезнования окружающих. Доктор Бэмфорд просто кивает и отдает мне телефон, приговаривая: «Хорошо... Очень хорошо».

Он поднимает глаза на нас с Дэном и серьезно говорит:

– Вы, молодые люди, очевидно, взяли все самое лучшее от своих здоровых предков. Если исключить несчастные случаи, то впереди у вас еще много, очень много лет.

– Отлично! – улыбается Дэн. – Как раз это мы и хотели услышать.

– Все мы теперь живем гораздо дольше, – улыбка доктора Бэмфорда становится все шире. – Долголетие, знаете ли, – это сфера моих научных интересов. Ожидаемая продолжительность жизни растет с каждым годом. Но не все, к сожалению, это понимают. Правительство, специалисты по экономике, пенсионные фонды... Нет, они еще не осознали. – С губ врача сорвался короткий смешок. – Как долго вы надеетесь прожить? Каждый из вас?

– Ох, – задумался Дэн. – Ну не знаю. Лет восемьдесят? Восемьдесят пять?

– Девяносто, – самоуверенно вставляю я. – Моя бабуля прожила девяносто лет, что мешает мне прожить столько же?

– О, вы проживете сотню лет, – самозабвенно уверяет меня доктор Бэмфорд. – Даже больше. Сто два года. А вы... – врач смотрит на Дэна. – Наверное, все-таки сотню.

– Продолжительность жизни не может быть *настолько* высокой, – ахает Дэн.

– Средняя продолжительность жизни, нет, – соглашается доктор Бэмфорд. – Но ваш уровень здоровья намного превышает уровень моего среднестатистического пациента. Вы следите

³ Американский актер, независимый кинорежиссер и продюсер. Лауреат премии «Оскар» за лучшую режиссуру (1981).

за собой, у вас хорошие гены... Я абсолютно уверен, что вы отметите свой сотый день рождения, – заключает врач и награждает нас благосклонной улыбкой, будто Дед Мороз⁴, вручающий несмышленому чаду первый рождественский подарок.

– Ух ты!

Пытаюсь представить себя стодвухлетней старушкой, но ничего не выходит. Никогда бы не подумала, что проживу так долго. Я вообще не думала о том, сколько проживу. Будь что будет, всегда говорила я себе.

– Сто лет! – Дэн аж просиял. – А в этом что-то есть!

– А мне будет сто два! – со смехом перебиваю я. – Вперед, в мою супердлинную жизнь!

– Сколько лет, говорите, вы женаты? – спрашивает доктор Бэмфорд. – Семь?

– Да, семь, – подтверждаю я. – А вместе десять.

– Тогда я несказанно рад сообщить вам эти новости. – Доктор Бэмфорд просто светится от удовольствия. – Впереди у вас еще шестьдесят восемь прекрасных лет брака!

Что? Что он только что сказал?

Разеваю рот, мое лицо словно льдом сковано. Внезапно мне не хватает воздуха, а перед глазами пляшут мушки.

Шестьдесят восемь лет? Шестьдесят восемь лет брака с Дэном? Нет, я, конечно, люблю Дэна и все такое, но... Еще шестьдесят восемь лет?

– Надеюсь, у вас в запасе много газет и кроссвордов. – Доктор веселится от души. – Может, вы даже составите список тем вроде «Обсудить после девяноста пяти». Хотя телевизор есть всегда! Как и лото с настольными играми!

Очевидно, он находит это смешным. Выдавливаю слабую улыбку и поворачиваюсь к Дэну. Может, мой супруг оценил шутку. Но Дэн сидит, будто в трансе, даже не заметив, что уронил на пол пластиковый стаканчик из-под воды. Лицо у него серое-пресерое.

– Дэн! – осторожно тереблю его за коленку. – Дэн! Ты меня слышишь?

Он приходит в себя, гримаса ужаса сменяется застывшей улыбкой:

– Угу, – хрипло выдает он.

– Разве это не прекрасно? – снова заговариваю я, но не верю своему голосу. – Шестьдесят восемь лет вместе. Нам так... повезло.

– Конечно, – отвечает, нет, почти стонет Дэн. – Шестьдесят восемь... Повезло.

⁴ В авторском варианте Father Christmas.

2

Новости-то радостные. Отличные даже. У нас отменное здоровье, жить мы будем долго. Нам бы устроить праздник, но...

Шестьдесят восемь лет брака. Серьезно? Нет, не так. *Серьезно?!*

До дома едем молча. Я то и дело бросаю на Дэна взгляды, когда он не видит (и точно знаю, что он делает то же самое, когда я смотрю в окно).

– Приятные новости, правда? – нарушаю я молчание. – О сотом дне рождения и о том, что мы будем вместе... – Нет, не могу произнести число вслух. Просто не могу. – Вместе еще много лет, – наконец выдавливаю из себя я.

– Ах да. Приятные, – отвечает Дэн, не поворачивая головы.

– Мы ведь и представляли себе его долгим? – решаюсь я. – В смысле, наш брак.

И вновь воцаряется молчание. Дэн хмурится, «волнует лоб», как и всякий раз, когда в думах его сумятица, которую он не в силах распутать.

– Это очень долго, – через какое-то время произносит он. – Ты так не думаешь?

– Долго, – эхом отзываюсь я. – Очень долго.

Пока Дэн сворачивает на нашу дорогу, я предлагаю ему жевательную резинку. Жвачка – прекрасное спасение от неловкого молчания. Но я не готова отступить.

– Но это долго в хорошем смысле?

– Конечно, – быстро, даже слишком быстро отвечает Дэн. – Безусловно.

– Прекрасно.

– Да, прекрасно.

И снова тишина. Обычно я на подсознательном уровне чувствую, о чем думает Дэн, но сейчас я уже ни в чем не уверена. Не спускаю с него глаз, мысленно передаю ему безмолвные сигналы: «Скажи что-нибудь. Начни разговор. Посмотри на меня. Ты что, умрешь на месте, если взглянешь на меня хоть разок?»

Но все без толку. Дэн погрузился в собственные мысли. Тут я совершаю то, чего прежде никогда не делала.

– О чем ты думаешь? – прямо спрашиваю я и в ту же секунду жалею об этом. Я не из тех жен, что постоянно выпрашивают подобное. Чувствую себя убогой и вдобавок злюсь на саму себя. Разве Дэну нельзя молча подумать о своем? Зачем я к нему лезу? Почему не оставляю в покое? И все же: о чем *таким* он думает?!

– Да так, ни о чем. – Голос Дэна звучит отстраненно. – О кредитах. Об ипотеке.

Об ипотеке?! Меня едва не разрывает хохот. Вот в чем она, разница между мужчинами и женщинами. Я не люблю утверждать подобное (я вообще далека от сексизма), но... я тут размышляю о нашем браке, а он... об ипотеке.

– Какие-то проблемы с кредитами?

– Да нет, просто... – рассеянно отвечает он, поглядывая на навигатор. – Боже, да этот маршрут ведет в никуда!

– Тогда почему ты думал об ипотеке?

– Ну, это... – Дэн лихорадочно тычет пальцем в экран навигатора. – Если ты берешь ипотечный кредит... – Дэн резко крутит руль и разворачивает машину, игнорируя тут же закукарекавшие со всех сторон гудки, – то ты точно знаешь срок. Двадцать пять лет истекают, и все, ты свободен.

Тревога сжала мне сердце острыми когтями, и я выпалила прежде, чем смогла подумать:

– Так вот, значит, что я для тебя? Какой-то кредит?!

Я больше не любовь его жизни. Я обременительное финансовое соглашение.

– Что?! – Дэн аж опешил и в кои-то веки взглянул на меня. – Я говорил не о тебе, Сильви. Я вообще не о нас говорил.

Боже мой. Опять, я далеко не сексистка, но... Мужчины!

– Конечно, о нас ты не думал. Ты вообще себя слышишь? – Понижаю голос, подражая Дэну: – Впереди у нас долгий-предолгий брак. Вот уж повезло. Но подумаю-ка я лучше об ипотеке. Ипотека прекрасна тем, что ты точно знаешь срок. Двадцать пять лет истекают, и все, ты свободен! – Возобновляю свой обычный тон: – Хочешь, чтобы я поверила, что ты задумался об этом просто так? Что это никак не связано со мной?

– Все не так! – взрывается Дэн, когда до него наконец доходит. – Я не это имел в виду, – решительно добавляет он. – И вообще, я уже забыл о разговоре с врачом.

Бросаю недоверчивый взгляд:

– Забыл?

– Да, забыл.

Дэн и сам понимает, что звучит неубедительно, мне почти жаль его.

– Ты забыл о шестидесяти семи годах, что нам предстоит провести вместе? – В моих словах капкан, который мгновенно захлопывается, стоит Дэну выпалить:

– Шестидесяти восьми! – Дэн краснеет; он понял, что попался. – Или сколько там, я не помню...

Он врёт мне. Слова доктора Бэмфорда прочно засели в его мозгу. Как и в моем.

* * *

И вот мы уже дома, в Уондсворте; в кои-то веки Дэну удалось припарковаться не слишком далеко от нашего небольшого таунхауса на три спальни. К дому ведет извилистая каменная дорожка, позади дома сад. Раньше там росли цветы и немного столовой зелени, но сейчас в саду среди кустарников расположился не такой уж и маленький городок – там стоят два детских игровых домика, которые моя мама подарила девочкам на их четвертый день рождения.

Только моя мама могла купить внукам чудесные домики-близнецы и не сказать об этом нам. Можете представить себе мое удивление, когда в самый разгар детского праздника появляются два незнакомца и принимают воздвигать в саду ярко-леденцовые стены и полосатую бело-красную, как карамелька, кровлю под умиления и оханья гостей.

– Вау, мамуль, даже не знаю, что сказать, – бормочу я, все еще глаза на пряничные домики из сказки, так неожиданно появившиеся в нашем саду. – Они замечательные... просто удивительные, но зачем же два?

Мама моргает и спокойно произносит: «Чтобы девочки не ссорились из-за одного домика», как будто это совершенно очевидно.

Такая вот она, моя мама. У нее самая щедрая душа, и иногда это меня волнует, даже пугает. Но второй игровой домик и вправду пришелся к месту – надо же мне где-то хранить свои гири и коврик для йоги. Так, о чем это я...

Даже зайдя в собственный дом, мы с Дэном продолжаем молчать; я просто не могу найти верных слов, чтобы разрушить тишину. Пытаясь хоть чем-то себя занять, достаю почту и вяло разбираю письма. Дэн на кухне беспокойно озирается по сторонам, будто он в этом месте впервые. «Знакомится со своей тюремной камерой», – мрачно думаю я и тут же ругаю себя за подобную мысль. Дэн совсем не похож на осужденного, изучающего стены своего последнего приюта. Смотрю на Дэна и оправдываю себя. Похож. Бродит как неприкаянный по кругу, угрюмо взирая на ярко-синие кухонные шкафы. Того и гляди сейчас начнет царапать черточки на стенах, отсчитывая поток бесконечных, ненастных и напрасных дней, составляющих его шестидесятивосьмилетнее заключение.

– Что? – спрашивает он, заметив, что я на него смотрю.

– Что «что»? – парирую я.

– Я ничего не говорил.

– Я тоже.

Боже мой. Да что с нами такое? Мы раздражительны и настороженны, боимся даже заговорить друг с другом. А все этот чертов врач со своими научными интересами.

Каюсь, я невольно повышаю голос:

– Слушай, у нас целая вечность впереди. Буквально! И мы должны это как-то принять, осознать. Давай просто поговорим об этом.

– Поговорим о чем? – простодушно хлопает глазами Дэн.

– Брось! – вспыхиваю я. – Ты прекрасно понял, о чем я. Знаю, что ты думаешь. Как, черт возьми, мы продержимся так долго?! В смысле, долголетие – это прекрасно, но для нас... – я сцепляю руки в замок, – для нас это... испытание.

Прислоняюсь спиной к стенке буфета и, медленно сползая вниз, сажусь на корточки. Спустя мгновение Дэн делает то же самое.

– Это пугает, – соглашается он, и мышцы его лица постепенно разглаживаются. – Не буду врать, эти новости меня... напрягают.

Наконец-то все высказано. Честные слова, идущие из глубины души. Мы оба чертовски напуганы эпической продолжительностью нашего супружества, по масштабам сравнимую разве что с событиями «Сильмариллиона»⁵.

– Как долго, по-твоему, продлился бы наш брак?

– Не знаю. – Дэн разводит руками. – Кто вообще об этом думает, когда женится?

– Но когда ты стоял у алтаря и клялся «Покуда смерть не разлучит нас», ты что, подсчитывал в уме площадь бейсбольного поля? – не унимаюсь я.

Дэн морщит лоб, словно пытаюсь отыскать в памяти что-то, давным-давно ускользнувшее:

– Если честно, тогда я представлял себе будущее весьма... туманным.

– Я тоже, – пожимаю плечами я. – Все казалось таким далеким, почти призрачным. Я, конечно, думала о том, что когда-нибудь мы отпразднуем нашу серебряную свадьбу. Когда другие пары достигают двадцать пятой годовщины, ты думаешь: «Вау! У них получилось, они до сих пор вместе!»

– Когда мы отпразднуем нашу серебряную свадьбу, мы будем даже не на середине пути, – немного мрачно добавляет Дэн. – Далеко не на середине.

Мы снова погружаемся в молчание. Все новые и новые детали обретают более четкие границы.

– Вечность куда длиннее, чем я представлял, – со вздохом отмечает Дэн.

– Куда длиннее, – вторю ему я, усаживаясь на пол.

– Марафонская дистанция.

– Супермарафон, – поправляю я. – Ультрамарафон.

– О да, – прибавляет Дэн с внезапным воодушевлением, – верно сказано. Мы думали, что бежим всего-то десять километров, как вдруг узнаем, что участвуем в одном из этих сумасшедших ультрамарафонов по пустыне Сахара, который никогда не кончится. Не то чтобы я хотел, чтобы он закончился, – поспешно добавляет он, поймав мой удивленный взгляд. – Просто, знаешь... не хочется заработать инсульт на полпути.

Дэн хорош в подборе метафор. Сначала сравнил брак с ипотекой, теперь с инсультом. И что же в его представлении пустыня Сахара? Я?

⁵ Произведение английского писателя Дж. Р. Р. Толкина, изданное посмертно его сыном Кристофером; представляет собой сборник мифов и легенд Средиземья, описывающих, с точки зрения Валар и эльфов, историю Арды с момента ее сотворения.

– Мы просто взяли неправильный темп, – самозабвенно продолжает он (ему действительно понравилось рассуждать о марафоне). – Вот если бы я знал, что проживу так долго, наверно, не женился бы молодым. Если люди и вправду будут жить до ста лет, неплохо было бы поменять правила. Для начала не связывать себя узами ни с кем, пока не стукнет пятьдесят...

– Детей рожать тоже в пятьдесят? – немного резко перебиваю я. – Слышал о биологических часах?

Дэн ненадолго замолкает.

– Ладно, согласен, моя теория не подходит, – признает он.

– Во всяком случае, мы не можем вернуться назад во времени. Мы там, где мы есть. Здесь и так хорошо, – улыбаюсь я, стараясь привнести в разговор хоть немного позитива. – Подумай о своих родителях. Они живут в браке тридцать восемь лет и проживут еще больше. Если они смогут, сможем и мы!

– Боюсь, мои родители не слишком удачный пример, – возражает Дэн.

Согласна. Тут я оплошала. У его родителей довольно сложные отношения.

– Ну тогда королева, – соображаю я в ту самую секунду, как звонят в дверь. – Она замужем миллион лет.

Дэн недоверчиво взирает на меня:

– Королева? Это все, что ты можешь придумать?

– Окей, забудь про королеву, – обиженно говорю я и, устремляясь к двери, бросаю на ходу: – Обсудим позже, хорошо?

Девочки с радостным визгом вбегают в прихожую; тревожные мысли об узах Гименея, что в вечность длиною, отходят на второй план. Сейчас это уже не так важно. Мои девочки, их счастливые румяные лица, чистые, звонкие голоса («На обед мы ели пиццу!», «А у нас – татушки!») – вот что важно. Обе виснут у меня на руках, наперебой что-то рассказывают, возбужденно скачут, хотят мне что-то показать, пока я безуспешно пытаюсь попрощаться с моей подругой Анной-Лизой, которая, беззаботно улыбаясь, машет мне рукой по пути к своей машине.

Я крепко обнимаю девочек; морщусь, когда они, вертясь и пританцовывая на месте, нечаянно наступают мне на ноги. Они были в гостях у Анны-Лизы всего два часа, мне же кажется, будто я не видела их два года. Я придумываю или Анна немного подросла, а волосы Тессы пахнут по-другому? И откуда у Анны царапина на подбородке?

Сейчас они притаились в углу кухни, секретничают друг с дружкой на своем тайном языке близняшек; их белокурые пряди сливаются в единое светлое пятно, они склонили головки и увлеченно разглядывают руки, на которых красуются блестящие переводные картинки в виде морских коньков. Я слышу возбужденные детские шепотки: «Давай не будем их смывать никогда-никогда!» Хм, надо будет придумать что-нибудь на замену татушкам, ибо наверняка начнется безудержный рев, когда блестящие картинки начнут слезать с кожи после первого купания. Растить пятилетних близняшек все равно что жить в коммунистическом государстве. Нет, конечно, я не считаю, кому сколько шоколадных подушечек насыпаю в пиалку, хотя... Однажды я и вправду рассчитала количество подушечек в миске. Это не так уж и долго. Что поделать, если малышки хотят, чтобы у них всего было поровну.

– Так, что у нас сейчас? Время купаться? – вопрошает Дэн с кухни и сам же громко отвечает: – Время купаться!

В нашей семье купание девочек – это некий ритуал, центр притяжения, к которому сводятся домашние дела. (Впрочем, как и во всех знакомых мне семьях с маленькими детьми. Основная идея: если купание детей пройдет как надо, то и все в доме будет как надо. А если нет... Начнется хаос. Города разрушатся. Дети будут скитаться по улицам в лохмотьях и обгла-

дывать кости мертвых животных, в то время как их родители будут совокупляться и стонать в грязных переулках. Такие дела.)

В любом случае настало время купания. И все снова происходит как обычно, словно странных сегодняшних новостей и не бывало. Дэн и я как одна команда. Предугадываем действия друг друга, вновь общаемся в нашей почти телепатической (читай – родительской) манере.

– Мне помочь Анне с... – начинает Дэн, протягивая мне баночку детского шампуня для вьющихся волос («Расчесываемся без колтунов и слезок!»).

– Уже сделала это утром.

– А как насчет...

– И это тоже.

– Письмо от мисс Блейк? – Дэн приподнимает бровь.

Я намыливаю волосы Анны шампунем; улыбаясь, одними губами шепчу Дэну поверх ее головы:

– Видела. Верх идиотизма.

Мисс Блейк – директриса в школе, где учатся наши девочки. В дневнике Анны обнаружилась распечатанная записка от директрисы, в которой она «убедительно просит всех родителей» не обсуждать перед детьми некий «инцидент» и не «сплетничать об этом у ворот школы», ведь такое «поведение» не имеет и «тени здравого смысла».

Я даже не представляла, о каком «инциденте» идет речь, поэтому сразу же спросила по электронке у других родителей. Оказалось, что мисс Кристи, преподавательница старших классов, гуглила на школьном компьютере папу одной ученицы, совершенно не подозревая, что компьютер в данный момент подключен к электронной доске.

– Можно мне... – начинаю я, и Дэн сразу же передает мне душевую лейку. Поливаю голову Анны теплой водичкой, пока она хохочет и кричит: «Дождик идет!»

Всегда ли мы были псевдотелепатами? Всегда ли предугадывали мысли друг друга? Мне кажется, мы стали такими после рождения девочек. Когда появляются близнецы, и отец, и мать оказываются в одной упряжке: каждого ребенка нужно покормить, успокоить, каждому поменять пеленки, с каждым нужно пройтись по дому кругов пятьдесят, чтобы укачать. Общим малышам нужно круглосуточное внимание родителей. Ты оттачиваешь искусство ухода за младенцами до совершенства. Ты не тратишь время на пустые слова. Когда я кормила Анну и Тессу грудью, то изматывалась до того, что была не в силах даже разговаривать. Дэн научился угадывать по одному лишь выражению моего лица, чего я хочу:

1. Можешь, пожалуйста, принести мне еще воды? Шестнадцати стаканов будет достаточно.

2. И еще парочку батончиков «Марс». Просто положи их в мой открытый рот, а я уж как-нибудь прожую.

3. Не мог бы ты переключить канал? Я только-только укачала малышку, и меня уже тошнит от Джереми Кайла⁶.

4. Боже, как я устала. Эй, я вовсе не говорю это весь день!

5. Ты хоть понимаешь, о *какой* усталости я говорю? Кажется, будто в моем теле вообще не осталось костей, настолько я вымотана. Мои почки прижались к печени и рыдают в голос.

6. Ох, малышка крепко ухватила мой сосок. Ай! Ауу...

7. Ауууууу!

8. Да знаю я, что кормить грудью – это естественно!

9. Наши малышки совершенно очаровательны. Но давай на этом остановимся?

10. Ты меня понял, Дэн? Читай по моему лицу. Больше никаких детей! Никогда!

⁶ Британский телеведущий, известный своим ток-шоу на канале ITV.

– Ай! – Воспоминания мои прерывает Тесса, которая начала баловаться с водой и обрызгала меня с головы до пят.

– Все, хватит! – не выдерживает Дэн. – Сейчас же вылезли из ванны! Обе!

Девочки тут же раздражаются ревом. Плач и сопли – обязательная программа каждого дня. Тесса плачет, потому что не хотела так сильно меня обрызгать. Анна плачет, потому что Тесса плачет. Плачут, потому что Дэн повысил на них голос. Плачут, потому что устали, но, как и любые дети, никогда в этом не признаются.

– Моя тату-у-ушка, – захлебывается плачем Тесса (почувствовав внимание к своей маленькой персоне, Тесса не остановится, пока не расскажет обо всех своих несчастьях), – моя тату-у-ушка сте-е-ерлась. И я ударила па-а-альчик!

– Картинку мы вылечим, – утешаю я Тессу, пока заворачиваю ее в пушистое полотенце. – А пальчик я поцелую, и он пройдет!

– А можно мне фруктовый лед? – невинно распахивает глазенки Тесса (решила ухватиться за возможность, пока ее жалеют).

Такая находчивость пятилетней девочки не может не умилять. Отворачиваюсь, чтобы она не видела моей улыбки, и строгим голосом говорю:

– Сейчас уже поздно есть мороженое. Подожди до завтра.

Сегодня девочек укладывает спать Дэн, а я удаляюсь в спальню и снимаю с себя мокрую одежду. Пока вытираюсь, ловлю свое отражение в большом зеркале, осматриваю голое тело: каким оно будет через шестьдесят восемь лет?

Сжимаю кожу на бедре, пока не появляются складки. Господь Всемогуший, а ведь складки и морщины – это мое будущее, далекое, но все же будущее. И расползутся они по всему телу. Морщинистые руки, растяжки на бедрах и груди... Что дальше? Морщинистая кожа головы? Отпускаю бедное бедро и вновь рассматриваю свое тело. Может, мне стоит записаться на косметологические процедуры? На пилинг, например. Но выдержит ли моя кожа (которой, к слову, еще обтягивать мои косточки лет семьдесят)? Разве я не должна увеличивать слои, а не удалять их? Да и как вообще следить за собой, когда тебе за сто? Почему об этом не пишут в женских журналах?

– Дочурки в кроватях, а я, пожалуй, пробежусь перед сном. – Дэн заходит в спальню (рубашка расстегнута) и встает в дверях как истукан, увидев меня обнаженную перед зеркалом.

– Мммм, – протягивает он, сверкая глазами. Рубашка тут же летит на кровать, а Дэн приближается ко мне и приобнимает за талию. Теперь он тоже отражается в зеркале. Мой красивый, молодой супруг. Но как он будет выглядеть через шестьдесят восемь лет? Перед глазами предстает картина: Дэн, морщинистый старик, тычущий в меня клюкой и кряхтящий: «Вздор! Чепуха!»

Вот уж действительно вздор и чепуха. Дэн просто постареет, а не превратится в скрягу Скруджа. Качаю головой, чтобы развеять тошнотворный образ. Силы небесные, на кой треклятому Бэмфорду сдалось наше будущее?

– Я тут подумала... – голос предательски дрожит.

– Сколько еще ночей любви у нас впереди? – подхватывает Дэн. – Я уже все подсчитал.

– Что? – поворачиваюсь к нему лицом. – Я совсем не об этом. Погоди-ка. – Поневоле заинтригованная, опять не заканчиваю свою мысль. – И сколько же?

– Одиннадцать тысяч. Плюс-минус.

– Сколько?!

У меня подгибаются ноги. Одиннадцать тысяч... Это вообще возможно физически? А я-то думала, что пилинг испортит мою кожу раньше времени. Теперь же...

– Знаю, – Дэн снимает брюки и вешает их на спинку стула. – Я думал, будет больше.

Больше? Как это укладывается у него в голове? У меня при одной мысли об этом мушки пляшут перед глазами. Одиннадцать тысяч ночей любви, одиннадцать тысяч половых сношений, и все с Дэном. Нет, конечно же, я хочу интимной близости с Дэном, но одиннадцать тысяч раз?

Как мы найдем на это время? Нам же нужно есть, работать, дочерей растить. А как быть, если мы пресытимся друг другом? Стоит ли мне уже сейчас гуглить новые позы? Или легче установить телевизор на потолке?

Расчет Дэна просто не может быть верным. Должно быть, он где-то случайно прибавил лишний нолик.

– Как ты это подсчитал? – не без подозрения в голосе спрашиваю я, но Дэн уже занят другим. Он проводит руками по моей спине, поглаживает ягодицы, слегка шлепает по попе; глаза его уже горят желанием. С Дэном о сексе можно говорить не более тридцати секунд; он сразу же возбуждается и хочет уже заняться сексом, а не толковать об этом. Он вообще считает, что говорить о сексе – пустая трата времени. (Мне же нравится обсуждать интимные удовольствия, но я завожу такие разговоры уже после секса. Довольная лежу в его объятиях, рассказываю о том, что мне нравится и не нравится... Он же мычит что-то нечленораздельное в ответ, все тише и тише, пока не проваливается в сон.)

– Да ну ее, эту пробежку, – шепчет Дэн, покрывая поцелуями мою шею. – Сегодня же наша годовщина...

Лежим в постели. Секс был превосходным – тут наши телепатические способности проявляются во всей красе, мы живо чувствуем, о какой ласке мечтает партнер. В приглушенном свете шепчем друг другу: «Это было потрясающе», «Я люблю тебя» и другие фразы счастливых любовников.

Самое главное, что это не ложь. Секс и вправду был потрясающим. А я и вправду очень люблю Дэна.

Но не буду врать, что в эту самую минуту отчетливо слышу в голове вкрадчивый голос, шепчущий: «Одна ночь любви позади. Осталось всего лишь десять тысяч девятьсот девяносто девять».

3

На следующее утро просыпаюсь рано и, к моему удивлению, не застаю Дэна в постели. Он уже встал, сидит в маленьком плетеном кресле и безучастно смотрит в окно.

– Доброе утро, – в не слишком уж добром настроении здоровается Дэн.

– Доброе.

Сажусь в кровати, уже окончательно проснувшись; целый рой разнообразных мыслей жужжит в моей голове. Похоже, я придумала, как сделать нашу «вечную жизнь» по-настоящему счастливой и интересной. Я размышляла об этом всю ночь, пока не впала в забытие. Хочу поделиться моими исканиями с Дэном, но он заговаривает первым:

– Я тут кое-что подсчитал... – обреченно вздыхает он. – Проще говоря, работать мне придется до девяноста пяти лет.

– Почему? – не понимаю я.

– Если мы будем жить вечно, то и работать придется столько же. – Дэн смотрит на меня с укоризной. – Чтоб было на что проживать наш век. Забудь об уходе на пенсию в шестьдесят пять. Вообще о пенсии забудь, не мечтай о заслуженном отдыхе.

– Откуда такое упадническое настроение? Новости-то были *хорошие*, если помнишь.

– Хочешь работать до девяноста пяти?

– Почему бы и нет, – пожимаю плечами я. – Я люблю свою работу. Ты свою тоже.

– Не настолько, – хмурится Дэн. – Ты знаешь, мой отец вышел на пенсию в пятьдесят семь...

Его отношение начинает меня злить.

– Хватит думать о плохом, – велею я. – У нас впереди целые декады. Это же столько возможностей! Мы можем делать все, что угодно! Самые потрясающие, безумные вещи. Нам просто нужно тщательно все спланировать.

– Ты это о чем? – Дэн бросает на меня настороженный взгляд.

– У меня тут пара идей, – придвигаюсь к самому краю кровати и смотрю Дэну прямо в глаза, надеясь вдохновить его, поднять ему настроение. – Нам всего-то нужно поделить наши жизни на десятилетия. Новая декада – новая жизнь! Каждое десятилетие мы будем пробовать что-то новое, интересное, крутое. Рваться к звездам, продираться сквозь тернии! Например, одно десятилетие будем разговаривать друг с другом только по-итальянски.

– Что? – Дэн аж опешил.

– Будем разговаривать друг с другом по-итальянски, – словно оправдываясь, повторяю я. – Почему нет?

– Но мы не знаем итальянского. – Дэн смотрит на меня, как на умалишенную.

– Так выучим! – неопределенно взмахиваю рукой. – Жизнь для того, чтобы учиться чему-то новому. К тому же...

– Какие еще идеи? – перебивает Дэн.

– Устроимся на новые места.

– На новую работу?

– Возможно. Уж за такую длинную жизнь мы сможем отыскать работу, которую будем выполнять с удовольствием. Работу мечты! А еще можно переехать куда-нибудь... Десять лет в Европе, десять лет в Южной Америке, еще десять в Штатах... – Я увлеченно загибаю пальцы. – Можем жить, где только захотим!

– Путешествия – это неплохо, – одобрительно кивает Дэн. – Всегда мечтал побывать в Эквадоре, увидеть Галапагосские острова.

– Отлично! Отправимся в Эквадор.

С минуту мы оба молчим. Дэн все еще переваривает эту мысль. Вдруг его глаза загораются азартным огоньком, а лицо чуть ли не светится:

– Ты права, Сильви. К чертям все, давай сделаем это! Это же вызов! Жизнь нужно жить, а не нудно размышлять о ее смысле. Купим билеты на самолет, заберем девочек из школы, соберем вещи... Да мы будем там уже в пятницу!

Дэна так захватила мысль об Эквадоре, что мне не хочется его расстраивать, но... Он что, меня совсем не слушал? Я говорила про следующее десятилетие. А может, про второе с конца. Про далекое, неопределенное время. Не про *эту* неделю.

– Разумеется, поездка в Эквадор – идея прекрасная... – заговариваю я после небольшой паузы. – С этим я не спорю. Но такие путевки наверняка стоят целое состояние...

– Состояние? Такие поездки случаются раз в жизни! Незабываемый опыт! – запальчиво возражает Дэн. – Деньги найдем. Это же Эквадор, Сильви!

– Согласна, место совершенно чудесное! – Всеми силами стараюсь звучать так же оживленно, но, поразмыслив, неуверенно добавляю: – Только вот миссис Кендрик не любит, когда сотрудники берут внеплановый отпуск.

– Переживет!

– А девочки участвуют в школьной пьесе. Они так этого ждут. Плюс они не могут пропускать репетиции...

– Хорошо, полетим в следующем месяце. – В голосе Дэна уже слышны недовольные нотки.

– В следующем месяце у твоей мамы юбилей, – напоминаю я. – Да и Ричардсоны обещали приехать к нам, а у девочек спартакиада в школе.

– Ладно-ладно, – бурчит Дэн (но я-то чувствую, что он на грани срыва). – Через месяц. Или на летние каникулы.

– Мы едем в Озерный край⁷, – пытаюсь вразумить Дэна. – Конечно, мы можем все отменить, вот только мы уже внесли залог и... – вздрагиваю при виде выражения его лица и мгновенно умолкаю.

– Давай поставим все точки над i. – Дэн старается говорить ровно, вот только выглядит так, будто готов взорваться. – У меня впереди бесконечно долгая жизнь, но мне нельзя позволить себе спонтанное, полное красок путешествие в Эквадор?

Тишина. Не хочу говорить вслух, что я об этом думаю. (Естественно, нельзя! Потому что, алло, у нас и здесь есть жизнь.)

– Мы можем сходить в ресторан эквадорской кухни, – с улыбкой предлагаю я.

Смотрю на Дэна, и улыбка меркнет. Лучше бы я молчала.

Накрываю на стол. Рассыпая в миски мюсли для себя и Дэна, добавляю больше подсолнечных семян, чем обычно. Хочу к ста годам сохранить здоровую кожу. Может, пора уже колоть ботокс?

– Еще двадцать пять тысяч завтраков, – произносит Дэн, уставившись в миску. – Только что подсчитал.

Тесса отвлекается от своего хлебца и поднимает на отца глазки, блестящие в предвкушении хорошей шутки:

– Если ты съешь двадцать пять завтраков, у тебя живот лопнет!

– Двадцать пять тысяч, – поправляет Анна.

– Я так и сказала! – надувает губки Тесса.

⁷ Горный регион в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия; знаменит своими живописными горными и озерными ландшафтами.

– Господи, Дэн, ты все еще думаешь об этом? – Честно, мне уже жаль своего супруга. – Пора просто принять это как данное.

Двадцать пять тысяч завтраков. Этот доктор вообще думал о нашем женском уделе? Вот как мне сделать так, чтобы у Дэна вообще не пропало желание завтракать лет этак через пятьдесят? Научиться готовить кеджери?⁸ Или целое десятилетие подавать на завтрак японские блюда? Изобрести двадцать разных способов приготовления тофу?

– Что это ты морщишься? – спрашивает Дэн.

– Да так, ничего. – Смутившись, принимаюсь расправлять свою розовую цветастую юбку. Я хожу на работу в юбках с цветочным узором, и, не поверите, но там они смотрятся более чем уместно. Официального дресс-кода у нас нет, но если я надеваю что-то узорное, конфетно-розовое или весенне-девчачье, то обязательно слышу в свой адрес комплименты от начальницы: «Как чудесно, Сильви! Тебе так идет!»

Когда твоя начальница владеет собственным бизнесом и обладает властью казнить или миловать всех, кто, по ее мнению, «не вписывается в команду», ты идешь на многое, чтобы услышать: «Как чудесно, Сильви!» За те шесть лет, что я работаю на нее, в моем гардеробе значительно прибавилось ванильно-девчачьих нарядов.

Миссис Кендрик нравятся лимонно-желтый и незабудковый цвета, мелкий цветочный рисунок, всякие оборочки, рюшечки, перламутровые пуговицы и туфли с бантиками (я стала постоянным клиентом интернет-магазина, где продают всю эту прелесть).

И она терпеть не может («Я этого крайне не одобряю») черные, блестящие ткани, кожу, топы с глубоким вырезом, футболки и туфли на платформе («Тебе, милочка, пошли бы модели с ортопедической подошвой»). Как я уже говорила, она – хозяйка. Не рабовладелица, конечно, но хозяйка. Все должно быть так, как она того желает.

– Ха, – с губ Дэна сорвался короткий смешок. Он вскрыл почту (которую я вчера так и не разобрала) и достал из конверта какое-то приглашение.

– Что такое?

– Тебе это понравится, – ухмыляется и поворачивает ко мне карточку, чтобы я смогла прочесть. Ну, понятно. Прием для какой-то новой медицинской благотворительной организации, устраиваемый Дэвидом Уитоллом, старым другом моего отца. Вот только происходить все будет в Скай Гарден.

Я знаю о Скай Гарден. Пространство размером с футбольное поле на высоте тридцати пяти этажей. Со всех сторон и сверху – стекло. Одна мысль об этом заставляет меня покрепче вжаться в стул, словно приковывая себя к земле.

– Как раз то, что я люблю, – демонстративно закатываю глаза.

– Я так и сказал, – криво улыбается Дэн, потому что знает, даже слишком хорошо, что...

Я боюсь высоты, и это не смешно. Я не могу выходить на высокие балконы. Не могу ездить в прозрачных лифтах. Если смотрю по телевизору программу, где герои прыгают с парашютом или ходят по канату, меня охватывает смертельный ужас, даже если я просто сижу на диване.

Я не всегда была такой. Я каталась на горных лыжах и подвесные мосты переходила, будь здоров. Но после рождения девочек не знаю, что случилось с моим мозгом, но я начала чувствовать головокружение, даже когда просто залезала на стремянку. Думала, это пройдет через несколько месяцев, но не прошло. Когда девочкам было полгода или около того, одна из коллег Дэна приобрела квартиру с террасой на крыше; нас пригласили на новоселье, но я так и

⁸ Блюдо британской кухни из вареной нарезанной рыбы (традиционно – копченой пикши), отварного риса, петрушки, яиц вкрутую, карри, масла, сливок и изюма; рецепты в зависимости от местности могут различаться и включать дополнительные ингредиенты.

не смогла подойти к краю и взглянуть с высоты на город. Мои ноги просто примерзли к месту. Когда мы вернулись домой, Дэн спросил: «Что случилось?» Я ответила честно: «Не знаю».

Я понимаю, что давно пора уже что-нибудь с этим сделать. (Гипноз? КПП? Экспозиционная терапия? Я гуглю все это время от времени.) Но в последние пару лет моя фобия отошла на второй план. У меня были другие, более насущные проблемы. Например...

Окей, хорошо. Я должна рассказать кое-что о себе. Два года назад погиб мой отец, и во мне что-то треснуло. Я «не могла отойти». Люди так говорили; я слышала, как они шепчутся за моей спиной (Дэн, мама, врач, которого они притащили): «Сильви все никак не может отойти». Это начало меня серьезно доставать. Что такое «отойти»? Как можно «отойти», когда твой отец, твой герой просто разбивается на машине? Когда только вчера он улыбался тебе, а сегодня его просто нет? Люди, которые якобы перестают скорбеть, просто обманывают себя. Либо они бесчувственные. Либо у них не было такого чудесного отца.

Я не хотела мириться с его смертью. Не хотела «отходить»! Об этом они не подумали? После его смерти все пошло не так. Я взяла временный перерыв на работе. Совершила пару... глупостей. Врач все пытался посадить меня на таблетки (нет уж, спасибо). По сравнению со всем этим боязнь высоты просто маленькая неприятность.

Сейчас я в полном порядке (не считая акрофобию, с которой я когда-нибудь разберусь, было бы время).

– Тебе стоит обратиться к кому-нибудь по поводу твоей фобии, – говорит Дэн, словно читая мои мысли (иногда наша связь меня по-настоящему пугает). – ЗиСи? – окликает он, когда я не отвечаю. – Ты меня слышишь?

Дэн иногда называет меня «ЗиСи», что значит «Златовласка Сильви». А все из-за того, что, когда мы только начинали встречаться, я была златовласой принцессой, а он – простым рабочим парнем. Впервые он назвал меня «принцессой Златовлаской» в свадебной речи, на что мой отец вставил свои пять пенсов: «Стало быть, я теперь король!» Гости засмеялись, а Дэн отвесил моему папе шуточный поклон. Мой отец и вправду выглядел как король: красивый, статный, окруженный всеобщим вниманием. До сих пор помню, каким он был в день моей свадьбы: стоит, широко улыбаясь в своем любимом, безукоризненно чистом, скрутке-визитке (папа обладал безупречным вкусом в одежде), его светлые волосы, едва тронутые сединой, при свете свечей отливают золотом. «Прошу вас, продолжайте, принц Дэниел», – сказал тогда папа и подмигнул Дэну. Шафер позже пошутил, что имеет честь присутствовать на «королевской свадьбе». Помню, всем было очень весело.

Но со временем – или просто потому, что я стала старше, – мне надоело называться Златовлаской. Теперь меня задевает это прозвище. Каждый раз вздрагиваю, когда Дэн зовет меня так. Он не замечает, а я ничего ему не говорю. За этим прозвищем стоит еще одна история. Неловкая.

Ну, не то чтобы неловкая... Слишком сильно сказано, просто... Боже, как же мне сказать об этом без...

Хорошо, придется рассказать еще кое-что о себе. В детстве со мной носились, как с принцессой. Каждое желание, конечно, не исполняли, но баловали достаточно. Я была папенькиной дочкой. Денег у нас было прилично. Изначально папа работал в индустрии авиаперевозок в качестве исполнительного директора, но, когда компания сменила владельца, на папу как с неба свалились хорошая сумма и большой пакет акций компании. Папа основал свое консалтинговое агентство, вскоре ставшее очень успешным. Разве у папы могло быть иначе? Доброта и профессионализм отца притягивали клиентов, словно большой магнит. Если ему случалось лететь первым классом с какой-нибудь знаменитостью, то к концу полета у него на руках была звездная визитка и приглашение в бар.

Так что у нас были не просто деньги, но привилегии. Дорогущие авиабилеты. Специальное обслуживание. У меня куча детских фотографий, где я сижу в кабине пилота в фуражке

командира воздушного судна. Когда я была маленькой, у нас даже был коттедж в Лос-Боскес-Антигуос, поселке закрытого типа в Испании, где в свое время праздновали свадьбу знаменитые игроки в гольф (вы наверняка видели фотографии в журнале *Hello!*). Мои родители с ними даже очень хорошо общались. Так я и жила.

Дэн же из скромной (его родители очень милые, приятные люди), можно даже сказать практичной семьи. Отец Дэна – бухгалтер, и он буквально помешан на экономии. Он начал копить на дом с восемнадцати лет. Двенадцать лет копил, но накопил же. (Я слышала эту историю на моем первом ужине у родителей Дэна. Его отец весь вечер нудил про пенсии.) Отец Дэна никогда не отправил бы всю семью в Барбадос, повинуясь мимолетному порыву (как сделал мой), не устроил бы семье отвязный шопинг в Хэрроде⁹.

Не поймите меня превратно: мне вовсе не нужен был Барбадос и мириады дорогуших покупок. Я твердила об этом Дэну миллион раз. Но Дэн немного (открываю мой глоссарий... Так, где же это слово?) занозистый по поводу моей семьи.

Больнее всего, что он не был таким, когда мы только сошлись. Дэн отлично ладил с моим отцом. Мы часто выходили в море на яхте, все четверо, и прекрасно проводили время. Папа, конечно, куда лучше управлял яхтой, чем Дэн (до встречи с моим отцом он ни разу не ходил под парусом), но они находили вместе общий язык и даже, как мне казалось, уважали друг друга. Папа шутил, что наметанный глаз Дэна не помешал бы ему в работе с отделом расчетов с клиентами, и даже несколько раз просил у него профессиональной помощи. Тогда все было спокойно и просто.

Но год за годом Дэн будто обрастал колючками. Он больше не хотел выходить с моим отцом в море. (Впрочем, после рождения девочек находить время на подобные развлечения стало куда труднее.) Три года назад мы купили наш дом, используя деньги, полученные мной в наследство от бабушки в качестве задатка. Папа хотел дать нам оставшуюся сумму, но Дэн денег не принял. Он вдруг начал странно себя вести и сказал, что мы и так слишком полагаемся на деньги моей семьи. (Стало еще хуже, когда отец Дэна приехал к нам на новоселье и выдал: «Так вот чем одаривает тебя богатая семейка!», как будто мы приобрели дворец, а не трехспальный дом в Уондсворте по ипотечному кредиту.) Когда папы не стало, все досталось моей маме, и она снова предложила нам денег – Дэн снова отказался. Он стал еще более колючим в этом вопросе. Не стану врать, мы едва не поскандалили из-за этого.

Я понимаю, почему Дэн такой гордый. (Почти понимаю. Вру, не понимаю вовсе. Но, может быть, это мужское.) Но что у меня совсем не укладывается в голове, так это как Дэн реагирует на любое упоминание о моем отце. Я видела, что со временем их отношения становились все более напряженными, даже когда отец еще был жив. Дэн утверждает, что я все придумала, но это не так. Не знаю, что между ними произошло, но пружина внутри Дэна сжималась все сильнее. (Именно тогда я придумала слово «пружиниться».) Как будто он смертельно обижен на моего отца.

Но и сейчас над Дэном нависает тень моего отца. Он отказывается предаваться воспоминаниям о папе вместе со мной как положено. А если же я достаю альбом со старыми фотографиями, чтобы вместе посмотреть, взгляд Дэна все время блуждает по сторонам. Спустя несколько минут он выдумывает какой-нибудь предлог и уходит по своим делам. Знает ли он, что этим причиняет мне боль? Ведь если я не могу повспоминать папу вместе с Дэном, то с кем же тогда? С мамой? Я люблю свою маму, но с ней такое не обсудишь. Разговоры по душам у нас не особо получаются. А братьев и сестер у меня нет.

Мне не нравилось быть единственным ребенком в семье. Когда я была маленькой, то все время прилипала к маме с просьбой купить мне младшую сестренку. («Ничего не выйдет, малышка», – отвечала мне мама.) Тогда я придумала себе воображаемую подругу. Ее звали

⁹ Самый известный универмаг Лондона; считается одним из самых больших и фешенебельных универмагов мира.

Линн, у нее была густая черная челка, которая всегда падала ей на глаза, окаймленные длинными ресницами. От Линн приятно пахло перечной мятой, и я делилась со своей подружкой всеми тайнами. Но все равно это было не то.

Когда на свет появились Анна и Тесса, я наблюдала, как они мирно спят рядом друг с дружкой, носик к носику, и завидовала некоей загадочной незримой связи, что сопровождает их с самого рождения. У меня было все, когда я была ребенком. Но такой сакральной магической связи я была лишена.

Ладно. Хватит уже об этом. Я уже давно не ребенок, и мне больше не нужна воображаемая подруга. А что касается Дэна и моего отца... Что ж. Даже в самых прекрасных и гармоничных отношениях не обходится без ложки дегтя. Самое лучшее решение здесь избегать тем, связанных с моим отцом, и мило улыбаться, когда Дэн зовет меня ЗиСи. Ведь это не так уж сложно, правда?

– Хорошая идея, – отвечаю я Дэну, пробудившись от воспоминаний. – Стоит и вправду к кому-нибудь обратиться. Так и сделаю.

– Но туда мы не пойдем. – Дэн стучит ноготком по приглашению в Скай Гарден.

– Напишу Уитоллу и откажусь, – предлагаю я. – Он поймет.

Тут Тесса опрокидывает на себя кружку с молоком, а Анна плачет, что потеряла свою заколку («Не хочу другу-у-ю! Та была с ромашкой!»). Утро идет своим чередом.

Провожая Дэна на работу. Когда мы только встретились, он работал в огромной инвестиционной компании. Платили много, но и душу выматывали каждый день. Дэн устал от однообразной, утомительной работы, которая не приносила удовольствия, поэтому он каждый год откладывал деньги (яблоко от яблони) и вскоре накопил достаточно, чтобы открыть собственную фирму, которая продает или предоставляет в долгосрочную аренду отдельные, полностью готовые офисные помещения другим компаниям. Его же офис находится в восточном Лондоне, так что он часто подвозит девочек в школу, ему по пути.

Стою на пороге, машу Дэну с девочками рукой на прощание и замечая нашего соседа, профессора Рассела, который забирает со ступеньки утреннюю газету. На голове у него почти что карикатурный седой хохолок (каждый раз, когда вижу этот вихор, не могу удержаться от смеха и едва успеваю сделать серьезное лицо, если профессор смотрит в мою сторону).

Профессор Рассел переехал в наш район в начале года. Полагаю, ему около семидесяти. Раньше он преподавал ботанику в Оксфорде (наверняка он мировой специалист по какому-нибудь редкому папоротнику). В его саду возвышается огромная, прямо-таки внушительная оранжерея, через стекла которой видно, как он возится с разнообразными растениями. С профессором живет еще один седовласый мужчина (знаю только, что его зовут Оуэн); я думаю, они пара, хотя и не совсем уверена.

На самом деле я их слегка опасаюсь, так как спустя пару дней, как они переехали сюда, Тесса нечаянно зафутболила мячик прямо на крышу их оранжереи. Дэн полез его доставать и случайно повредил (читай – разбил) стекло, когда взбирался наверх. Мы заплатили за его замену, но знакомство получилось отнюдь не теплым. Жду, когда старики начнут жаловаться на визги и крики моих малышей. Хотя, может, они туги на ухо. Надеюсь на это.

Забудьте о моих словах. Я вовсе не надеюсь, что соседи глуховаты. Понятно, что они не глухие. Но было бы кстати.

– Здравствуйте! – оживленно здороваюсь я.

– Доброе утро. – Профессор Рассел широко улыбается мне, но глаза его блуждают где-то далеко-далеко отсюда.

– Вам нравится на Канвилл-роуд?

– Да, да, очень нравится, – кивает он, – очень нравится.

Но его взгляд вновь уплывает куда-то. Может, он устал. Или ему скучно. Или разум его уже не тот, что прежде. Честно, не могу сказать.

– Должно быть, здесь весьма непривычно после Оксфорда? – Так и вижу, как профессор Рассел расхаживает в черной мантии по древним коридорам на манер Северуса Снегга и поучает неразумных студентов. Сказать по правде, эта роль подходит ему лучше, чем образ старичка на пороге дома маленькой улочки в Уондсворте, смотрящего на мир так, будто он забыл, какой сегодня день.

– Пожалуй. Да, немного непривычно. – Мне кажется, или он действительно впервые задумался об этом. – Но даже лучше, – продолжает он. – В жизни важны перемены. – Внезапно он устремляет свой взор на меня, и я вижу живой, неподвластный течению времени ум в его глазах. – Многие задерживаются на одном месте слишком долго. Если ни к чему не стремишься в жизни, исчерпываешь самого себя. *Vincit qui se vincit*¹⁰. – Он умолкает, словно хочет наполнить странные слова воздухом. – Уверен, вы понимаете, о чем я.

Что ж, профессорский ум явно еще на месте.

– Безусловно, – киваю я. – Винцит... эм... – слишком поздно понимаю, что попытаться повторить фразу было ошибкой. – Определенно.

Размышляю, что значит этот винцит-винтит и смогу ли это быстренько загуглить, как еще один голос прорезает утренний воздух.

– Тоби, ты меня слышишь? Уберись в своей комнате в кои-то веки! И если хочешь помочь, пройдишь до магазина и купи что-нибудь на обед. И куда подевались все кружки? Не знаешь? Они все на полу в твоей комнате, вот где.

Поворачиваю голову и вижу, как Тильда, наша вторая соседка, выходит из дома. Она обматывает шею чем-то вроде бесконечного шарфа с этническим узором, умудряясь при этом бранить беднягу Тоби, своего сына. Тоби двадцать четыре, пару лет назад он окончил Университет Лидса. С тех самых пор живет с мамой и работает над каким-то техническим проектом. (Каждый раз, когда он пытается объяснить мне, чем именно занимается, мой мозг буквально замерзает, но я помню, что его работа как-то связана с «системами цифрового слежения», чем бы они ни были.)

Тоби молча выслушивает маму, прислонившись к парадной двери и засунув руки в карманы, и, что примечательно, с совершенно отсутствующим выражением на лице. Тоби довольно симпатичный молодой человек, но вот его борода... Ну, знаете, бывают сексуальные бороды, а бывают нелепые бородки. Так вот у Тоби последняя. Какая-то бесформенная, торчит клочками. Как вижу ее, так резко втягиваю воздух, чтобы не начать: «Сбрей, сделай форму, что-нибудь сделай!»

– ...вечером обсудим твой бюджет, готовься! – зловеще заканчивает свою речь Тильда и лучезарно улыбается мне: – Готова, Сильви?

Тильда и я всегда по утрам идем вместе до станции Уондсворт-Коммон уж шесть лет как. Тильда вообще-то не садится на поезд; она удаленно выполняет услуги личного секретаря для пяти-шести клиентов, но ей просто нравится прогуливаться и болтать.

Ближайшие соседи мы только три года, но до того, как мы с Дэном приобрели собственный дом, жили в многоквартирном напротив частного сектора. С Тильдой мы познакомились шесть лет назад; именно она рассказала нам, что дом рядом с ней продается, и умоляла нас переехать сюда и поселиться по соседству. В этом вся Тильда. Деловитая, прямолинейная, упрямая (в хорошем смысле), она сразу же стала моей лучшей подругой.

– До свидания, – прощаюсь с профессором Расселом и Тоби и пускаюсь вслед за Тильдой. Сейчас на мне кроссовки, туфельки с невысоким тонким каблуком покоятся себе в сумке вместе с бирюзовым бархатным ободком для волос, который я надену в офисе. Миссис Кендрик

¹⁰ Побеждает тот, кто побеждает самого себя (лат.).

обожает ободки для волос, бирюзовый она мне подарила на Рождество. Хотя я скорее умру, чем буду носить такой дома, в офисе подобный аксессуар строго обязателен.

– Интересное мелирование, – отмечаю я, разглядывая новую прическу Тильды. – Пряди очень... яркие.

– Так и знала! – в отчаянии схватила за голову Тильда. – Слишком яркие!

– Нет, нет, такой тон тебе очень идет, – поспешно добавляю я. – Хорошо подчеркивает естественный цвет твоего лица.

– Думаешь? – Тильда нерешительно накручивает прядь на палец. – Может, стоит сделать чуть темнее?

Тильда весьма противоречива в том, что касается внешности. Она красит волосы с каким-то религиозным фанатизмом, но почти не пользуется декоративной косметикой. Каждый божий день она надевает какой-нибудь этнический шарфик, а вот украшения – крайне редко; говорит, драгоценности напоминают ей обо всех извинительных подарках бывшего мужа. По крайней мере, теперь она понимает, что это были извинительные подарки. («Лучше б он дарил мне бытовую технику! – однажды яростно воскликнула она. – Что-нибудь от *KitchenAid!*¹¹»)

– Итак, – говорю я, когда мы сворачиваем за угол, – завтра викторина.

– Ой, не напоминай. – Тильда демонстративно закатывает глаза. – Вообще ничего не знаю!

– Я и того меньше, – признаюсь и прибавляю: – Как всегда, сяду в лужу!

Тильда, Дэн и я вместе участвуем в ежегодной благотворительной викторине, которая проводится в пабе неподалеку. Саймон и Оливия, что живут через дорогу, собрали команду и заманили нас своим: «Вопросы будут проще простого!»

Но только вчера Саймон встретил нас с Тильдой на улице и заговорил совершенно по-другому. Оказалось, что некоторые раунды могут быть «довольно сложными», но волноваться не о чем, ведь они все на «общую эрудицию».

Когда он отошел на достаточное расстояние, мы с Тильдой в нескрываемом ужасе посмотрели друг на дружку. Общая эрудиция?

Может, когда-то давно я и знала чего-то. Однажды я выучила названия ста государств (вместе со столицами) для школьной олимпиады. Но с тех пор, как появились девочки, единственная информация, которую я в состоянии постоянно хранить в голове, это: 1. Рецепт «куриных пальчиков» от Анабель Кармель¹²; 2. Мелодия из мультфильма про свинку Пеппу; 3. И по каким дням у девочек бассейн (вторник).

По правде говоря, я иногда путаю заставку «Свинки Пеппы»¹³ с мелодией из «Чарли и Лолы»¹⁴. Так что я совершенно безнадежна.

– Тоби присоединится к нашей команде, – сообщает Тильда. – Ему нравится еда в том пабе, так что мне даже не пришлось его уговаривать. Он разбирается в музыке и всяком таком. Хоть вытащу его ненадолго из дома. Ох уж этот парень! – Тильда издает знакомый обреченный вздох.

Увы, сказать, что мама с сыном ежедневно треплют друг другу нервы, это не сказать ничего. Оба работают на дому, и каждый ведет жестокие бои за свою идеальную рабочую атмосферу. Тильде нужен порядок в кабинете и абсолютная тишина. Тоби же разбрасывает вещи по

¹¹ Товарный знак бытовой техники (крупной встроенной и отдельной техники для кухни, мелкой бытовой техники, в том числе популярных миксеров) производства компании KitchenAid, U.S.A.. Существует с 1919 г.

¹² Самый продаваемый автор книг о детском питании в Великобритании.

¹³ Британский мультсериал из коротких мультфильмов по 5 минут; главные герои сериала: Свинка Пеппа, ее младший брат Джордж, мама Свинья и папа Свин.

¹⁴ Мультсериал, созданный по мотивам одноименной книги Лорейн Чайлд. В основе сюжета – взаимоотношения в семье между братом и сестрой.

всей комнате, громко включает музыку (для вдохновения!) и в ночи созванивается по скайпу со своим бизнес-партнером, при этом, словами Тильды, «не зарабатывает ни гроша». Пока.

«Пока» – дежурное слово Тоби. Все, чего он не достиг в жизни, он обязательно достигнет в будущем. Просто не сделал этого *пока*. Один раз я даже слышала, как он кричит: «Блин, мам, ну не убрался я еще на кухне! *Пока* не убрался!»

Он не нашел спонсора для своего проекта *пока*. И *пока* не рассматривает другие профессии. И не думает *пока* переезжать в собственную квартиру. И не научился *пока* готовить лазанью.

У Тильды есть старшая дочь по имени Габриэлла, и к двадцати четырем годам она уже работала в банке, жила у своего парня и могла посоветовать маме, что заказать из каталога *Lakeland*. Такая жизнь наверняка служит признаком чего-то. Вот только чего?

Но в общении с Тильдой я научилась одному: когда она начинает свои Тоби-тирады, лучше сразу сменить тему. На самом деле сейчас я и вправду хочу у нее кое-что спросить. Ее мнение по поводу семейных союзов.

– Тильда, когда ты вышла замуж, сколько, ты думала, продлится твой брак? – как бы с невинным любопытством спрашиваю я. – Наверное, все поначалу думают, что это «навсегда». – Пальцами изображаю в воздухе кавычки. – Сейчас ты разведена... – Я нерешительно замялась. – Но в день свадьбы, когда ты еще не знала, что произойдет, каким долгим для тебя было это «навсегда»?

– Хочешь знать правду? – Тильда останавливается и трясет запястьем. – Черт. Мой фитнес-трекер сломался.

– Да, но я имела в виду...

– Что-то с батареей. – Тильда раздосадованно щелкает по браслету ногтем. – Сколько мы уже прошли? – снова трясет браслет. – Если это не засчиталось шагомером, то зря я вообще напрягалась.

В последнее время Тильда буквально одержима фитнес-трекерами. Всего пару недель назад она заваливала Инстаграм фоточками листьев под дождем и хмурого неба, которые делала во время наших пеших утренних прогулок. Теперь вот любовно носится с шагомерами.

– Совсем не зря! Я скажу тебе, сколько мы прошли, когда доберемся до станции, хорошо? – пытаюсь затащить ее обратно на тротуар. – Итак, когда ты вышла замуж...

– Тогда я вышла замуж, – повторяет Тильда, будто не услышала вопроса.

– Как долго для тебя это пресловутое «навсегда»? Тридцать лет? Пятьдесят?

– Пятьдесят? – Тильда издает странный звук; не могу понять, фыркает она или смеется. – Пятьдесят лет с Адамом? Поверь мне, пятнадцати вполне достаточно, и нам еще повезло, что мы продержались так долго. – Тильда бросает на меня испытующий взгляд: – А почему ты спрашиваешь?

– Да так, не знаю, – мямлю я. – Просто размышляю о браке. Как долго люди живут вместе и все такое.

– Если и правду хочешь знать мое мнение, – Тильда зашагала бодрее, – вся система прогудела. Вечность? Кто подписывает договор с вечностью? Кто может взять на себя вечные обязательства по отношению к другому человеку? Меняются люди, обстоятельства, жизнь меняется...

– Ну... – начинаю я и тут же умолкаю. Мне нечего сказать. Я подписала договор с вечностью вместе с Дэном. Или нет?

– А как насчет того, чтобы состариться вместе? – наконец выдыхаю я.

– Никогда этого не понимала, – твердо заявляет Тильда. – Самая нелепая цель в жизни, до которой только можно додуматься. Состариться вместе... Пфф! Все равно что пожелать до конца жизни сохранить молочные зубы.

– Это не одно и то же, – со смехом возражаю я, но Тильда меня уже не слышит. Что поделать, иногда ее заносит совершенно в другую сторону.

– А еще этот бессмысленный акцент на вечную любовь. Может, конечно, такое и бывает. Но, по-моему, брачный обет «Покуда смерть не разлучит нас» слишком уж честолюбив. На такое могут согласиться только безумцы. Есть куда более вероятные сценарии. Покуда разные взгляды на жизнь не разлучат нас. Покуда нудная бытовуха не разлучит нас. В моем случае – покуда чрезмерно чешущийся инструмент мужа не разлучит нас.

Криво улыбаюсь. Тильда нечасто говорит об Адаме, своем бывшем муже, но однажды она рассказала мне всю их историю без утайки. Курьезную, душераздирающую, от которой слезы наворачиваются на глаза (то ли от сочувствия, то ли от смеха).

Адам сейчас женат на другой женщине, у них трое детей. Ручаюсь, спокойно по ночам он не спит.

– Вот мы и пришли. – Как только достигаем станции, Тильда шлепает рукой по своему браслету. – Вот же чертова штука. Так и не работает, зараза.

Поворачивается ко мне:

– Что у тебя сегодня утром?

– О, просто кофе с потенциальным спонсором, – показываю Тильде экран моего смартфона, на котором установлено приложение-шагомер. – Давай посмотрим. 4458 шагов.

– Но ты наверняка еще пробежалась вверх-вниз по лестнице раз шесть, до того как мы начали, – подытоживает Тильда. – И где ты будешь пить кофе? – заговорщически шепчет Тильда, комично приподнимая бровь (я смеюсь). – И не притворяйся, что в «Старбаксе»!

– В отеле «Кларидж», – смущенно признаюсь я.

– В «Кларидже»! – на всю станцию оглашает Тильда. – С ума сойти!

– Увидимся завтра, – подмигиваю Тильде и направляюсь к вестибюлю метро.

Достаю смарт-карту и все еще слышу за спиной возбужденный голос:

– Бог ты мой, Сильви! «Кларидж»!

* * *

Работа у меня прекрасная, зачем это скрывать. По-настоящему чудесная.

Сажу за столик в ресторане самого фешенебельного отеля в Лондоне, сплошь уставленного тарелками с круассанами и абрикосовыми тартелетками. Напротив меня сидит девушка по имени Сьюзи Джексон. Я уже встречалась с ней пару раз и рассказывала ей о нашей предстоящей экспозиции вееров девятнадцатого века.

Как я уже говорила, я работаю в крошечном музее, существующем только на благотворительность. Семья Кендрик владеет Уиллоуби-хаус уже много лет. Это небольшой городской особняк в Мэрилебоне¹⁵, построенный в георгианском стиле. А в этом особняке – чудеснейшая коллекция драгоценностей, произведений искусства и, что немного странно, клавесинов. Сэр Уолтер Кендрик был очарован этими музыкальными инструментами, коллекцию начал собирать с тысяча восемьсот девяносто четвертого года. Также он обожал церемониальные мечи, а его жена питала слабость к миниатюрам. На самом деле все в семье Кендрик были маниакальными скопидами. Но, естественно, никто в музее не называет экспонаты «сокровищами эпохи». Слишком просто. Как вам «бесценная коллекция произведений искусства и артефактов, представляющая исторический интерес и имеющая национальное значение»? В музее помимо экспозиций проводятся лекции и камерные концерты.

¹⁵ Зажиточный квартал на севере Вестминстера, берущий название от приходской церкви Девы Марии. Застраивался в продолжение всего XIX века.

Эта работа мне идеально подходит, так как я изучала историю искусства в университете. Для такой, как я, нет ничего лучше, чем быть окруженной не просто прекрасными, но и исторически важными образчиками гениальности человеческого ремесла. В Уиллоуби-хаус вы найдете то, что навсегда пленит ваше сердце. (Есть же экспонаты совершенно безобразные, к истории не имеющие никакого отношения, но мы и их заботливо выставляем на витрины, ибо, как говорит миссис Кендрик, в них заключена «индивидуальная сентиментальная значимость». С начальницей не спорят.)

До Уиллоуби-хаус я помогала составлять каталоги в архивах элитного аукционного дома. Правда, архивы располагались в совершенно другом здании, а туда, где, собственно, происходили сами аукционы, мне был ход закрыт. Я так и не увидела вживую и не потрогала ни один лот. Если честно, это была довольно однообразная работа. Поэтому, когда появилась возможность работать хоть за меньшие деньги, но больше общаться с людьми и получить опыт в сфере «развития», я согласилась не раздумывая. Развитие в моем случае означает «сбор денег», только мы так не говорим. При упоминании слова «деньги» миссис Кендрик белеет как полотно (в запретный список также входят слова «туалет» и «веб-сайт»). У миссис Кендрик свое четкое представление о том, как нужно вести дела Уиллоуби-хаус, и за шесть лет работы здесь я выучила ее правила назубок. Избегай в разговоре слова «деньги», не называй потенциальных спонсоров по именам, не тряси кружкой для сбора пожертвований у людей перед носом (фигурально) и не веди нудных лекций о благотворительности (буквально). Вместо этого «строй отношения».

Вот это я и пытаюсь сделать сегодня. Стараюсь построить хорошие отношения со Сьюзи, которая работает на крупный благотворительный траст, фонд Уилсона-Кросса, чья задача – поддерживать науки и искусства. («Крупный» значит, что у нас будет возможность каждый год получать свою, пусть и небольшую, долю из двухсот семидесяти пяти миллионов фунтов.) Мягко и ненавязчиво рассказываю Сьюзи про нашу обитель искусства. Миссис Кендрик научила меня действовать тактично и неочевидно, вести игру с дальним прицелом. На первой деловой беседе просить пожертвования миссис Кендрик категорически запрещает. Золотое правило: чем дольше вы знаете покровителя, тем больше он даст, когда придет время.

Наше тайное желание – отыскать еще одну миссис Причкетт-Уильямс. Об этой женщине в Уиллоуби-хаус ходят легенды. Она посещала каждое мероприятие в музее в течение десяти лет. Пила шампанское, угощалась канapé, слушала разговоры, но никогда не давала нам ни пенни.

А когда странная старушечка почилá в бозе, оказалось, что она выделила музею пятьсот тысяч фунтов. Полмиллиона!

– Еще кофе? – лучезарно улыбаюсь Сьюзи. – Итак, вот ваше приглашение на открытие выставки старинных вееров «Шелковый ветер». Очень надеемся, что у вас получится ее посетить.

– Звучит очень интересно, – кивает Сьюзи, рот забит круассаном.

На вид я бы дала Сьюзи лет двадцать восемь. Сколько бы мы ни встречались, на ней всегда новехонькая пара первоклассных туфель.

– Боюсь только, в этот же вечер я приглашена на мероприятие в Музей Виктории и Альберта¹⁶.

– Ах, очень жаль. – Улыбка моя ни за что не дрогнет, хотя внутри я и пылаю, как адское пламя. Вечно Виктория и Альберт встают у нас на пути. Половина наших меценатов являются и покровителями Музея Виктории и Альберта; наверное, даже больше половины. Большую

¹⁶ Музей в Лондоне; является крупнейшим в мире музеем декоративно-прикладного искусства и дизайна. Основан в 1852 году.

часть своей трудовой жизни сотрудники Уиллоуби меняют график наших мероприятий, чтобы избежать совпадений с V&A.

– А что там будет? Я об этом еще не слышала, – опрометчиво спрашиваю я.

Сьюзи строго смотрит на меня:

– «Выставка текстиля: от первобытных образцов до тканей XX века», – сообщает мне она. – Говорят, всем гостям в подарок дадут шарфики.

Шарфики? Черт. Думай, Сильви, думай быстро.

– Ох, разве я вам не сказала? – небрежно бросаю я. – Всем нашим патронам на открытии мы вручим прекрасные подарки. Это... сумки.

В глазах Сьюзи промелькнул интерес:

– Сумки? – переспрашивает она.

– Дизайн вдохновлен самыми интересными экспонатами с нашей выставки, – вру, не краснея. – Эксклюзивные модели.

О том, где мне достать тридцать эксклюзивных сумок с узорами, как на антикварных веерах, буду думать позже. Я не отдам Сьюзи Джексон Виктории и Альберту, впрочем, как и других наших покровителей.

Вижу по лицу Сьюзи, что она прокручивает варианты. Шарф от V&A или сумочка от Уиллоуби-хаус? Любому, кто хоть мало-мальски разбирается в искусстве, понятно, что нужно выбирать сумочку. Или не понятно?

– Знаете, возможно, у меня и получится заскочить к вам, – решает она.

– Замечательно. – Моя лучезарная улыбка становится еще лучезарнее. – Мы будем вас ждать. Обещаю вам прекрасный вечер.

Прошу счет и доедаю свой круассан, мысленно оценивая эту деловую встречу на четверку с плюсом. Остается добраться до офиса, написать отчет и рассказать миссис Кендрик о совпадении с датами мероприятий в Виктории и Альберте. Да, а еще заказать где-нибудь тридцать сумок на бесплатную раздачу.

Может, просмотреть варианты в магазине самого V&A?

– Что ж, – с неким странным оживлением начинает Сьюзи, когда приносят счет, – как ваши девочки? Давно я о них не слышала. Есть новые фотографии? Можно посмотреть?

– О, у них все просто замечательно. Спасибо, что спросили, – немного удивленно отвечаю я.

Проверяю счет и передаю свою карточку официанту.

– Это так мило, растить чудесных близняшек, – беззаботно болтает Сьюзи. – Я бы тоже хотела близнецов. Конечно, сначала нужно найти подходящего мужчину...

Слушаю ее вполуха, одновременно листаю фотографии на телефоне в поисках тех, что Сьюзи еще не видела, но что-то не дает мне покоя. И вдруг меня осеняет. Какая сумма была в счете? Я, конечно, понимаю, что это «Кларидж», но...

– Могу я еще раз взглянуть на счет? – спрашиваю у официанта. Беру листок и внимательно читаю.

Так... Кофе (тут все в порядке). Круассаны и абрикосовые тарталетки (здесь вроде тоже нет ошибки). И вдруг... Что? Кофейный торт стоимостью пятьдесят фунтов?

– Это... – выдавливают Сьюзи без своего обычного жеманства в голосе. – Я как раз хотела сказать...

Медленно поднимаю голову от счета и смотрю на нее. Сьюзи же смотрит на меня с вызовом, но щеки ее предательски краснеют. Начинаю понимать, что происходит, лишь когда к нам приближается другой официант с огромной кондитерской коробкой, перевязанной ленточками, и вручает ее Сьюзи.

– Ваш торт, мадам.

Смотрю на Сьюзи, не в силах вымолвить ни слова. Да как она посмела?! Она заказала себе торт и попросила вписать его в наш счет? Торт в чертовом «Кларидж»?

Ну не наглость ли? Совершеннейшая, невозможная наглость. Вот почему она тогда начала болтать, хотела отвлечь меня. И у нее почти получилось. В голове не укладывается.

Дежурная улыбка не покидает моего лица. Шесть лет работы на миссис Кендрик научили меня, что делать в подобных ситуациях. Не раздумывая ни минуты, ввожу пин-код и жду, когда официант отдаст мне чек. Затем начинаю самым сладостным, мелодичным голосом, на который только способна:

– Приятно было вновь встретиться с вами. Надеюсь увидеть вас на открытии выставки «Шелковый ветер».

– Да, мне тоже. Буду рада прийти, – в замешательстве бормочет Сьюзи. Смотрит на коробку с тортом в своих руках, затем поднимает на меня опасливый взгляд. – По поводу торта... Я не знаю, почему они вписали его в ваш счет.

Весьма неубедительная отговорка, но ничего другого я от нее не ожидала.

– Что вы, не хочу ничего об этом слышать, – говорю я таким тоном, будто крайне удивлена ее попытке извиниться за покупку торта, будто мы всегда покупаем людям торты за пятьдесят фунтов. – Это вам угощение от нас. Приятного аппетита!

Выхожу из «Кларидж» вне себя от гнева. Мы благотворительный музей, черт возьми! Но когда двадцать минут спустя прибываю в Уиллоуби-хаус, немного успоаиваюсь. Есть в этом что-то анекдотичное. Плюс Сьюзи теперь должна нам тортик.

Останавливаюсь у парадной двери, надеваю на голову бархатный ободок и подчеркиваю губы розовой помадой. Захожу в холл – звук шагов отдается приятным эхом от плитки – и прохожу мимо стойки, за которой болтают наши добровольцы, Нина и Изобель. Машу им рукой и поднимаюсь в свой офис на самом верхнем этаже.

У нас много добровольцев; в основном это женщины определенного возраста. Обычно они просто пьют чай и болтают весь день, изредка обращая внимание на посетителей и рассказывая им что-то об экспонатах. Многие из них волонтерствуют тут годами; некоторые женщины хорошие подруги. Подозреваю, Уиллоуби-хаус для них – альтернатива женских посиделок в гостиной. У нас было бы и больше добровольцев, но пришлось отказать некоторым, так как в особняке не хватало уже места для посетителей.

Большинство из них проводят время в гостиной, в которой находится знаменитое полотно Гейнсборо¹⁷ и чудесный витраж из золотисто-янтарного стекла. Но моя любимая комната в особняке – библиотека: в огромных шкафах можно увидеть как редкие фолианты, так и дневники членов семьи, исписанные витиеватым каллиграфическим почерком. Думаю, эта комната меньше всего изменилась за все года, в ней чувствуется дух эпохи. Заходишь туда и будто возвращаешься назад во времени, наслаждаясь запахом книг и загадочным отблеском старинных газовых ламп в застекленных дверцах шкафов.

Есть еще подвал, где находится кухня для слуг. Многих это место пугает своими чугунными сковородками, висящими на стене, – они словно глаза чернооких великанов, – длинным дубовым столом и ужасающего вида печью. Но я люблю туда спускаться и представлять, каково это – быть поварихой в таком доме. Я даже как-то предлагала разработать план выставки о жизни прислуги, но миссис Кендрик в свойственной ей манере ответила: «Не думаю, милочка, что нам это нужно». На этом вопрос был исчерпан.

Сначала лестница Уиллоуби-хаус может показаться бесконечной – пять этажей все-таки, – но я к ней привыкла. Есть, конечно, капризный маленький лифт, но мне не по душе устройства, которые сначала увезут вас наверх, а потом могут сломаться и оставить вас задыхаться в душной кабинке без надежды выйти наружу.

¹⁷ Томас Гейнсборо (14 мая 1727–2 августа 1788) – английский живописец, график, портретист и пейзажист.

В любом случае каждодневный подъем и спуск по лестнице считаются за кардионагрузку. Поднимаюсь и оказываюсь в залитой светом мансарде, где находится мой офис, и приветствую Клариссу.

Кларисса – моя коллега, ей двадцать восемь. Она работает администратором, но иногда занимается сбором средств, как и я. Вот и вся команда музея (плюс еще миссис Кендрик); совсем немного, но мы прекрасно ладим друг с другом, потому что занимаемся одним делом. Естественно, знаем все правила миссис Кендрик наизусть. До Клариссы здесь работала девушка по имени Эми, но она разговаривала слишком громко и часто дерзила. Сомневалась в подлинности многих экспонатов и критиковала наши методы ведения дел (то есть, говоря словами миссис Кендрик, «не вписывалась в команду»). Долго она здесь не задержалась.

Кларисса, с другой стороны, вписывается идеально. Она тоже носит платья из набивной ткани и туфельки с пуговками, которые покупает в профессиональном магазине для танцоров. У нее длинные темные волосы и большие серые глаза; но самое главное, она почти по-детски искренняя, что сразу покоряет тебя в общении с ней.

Когда я захожу, она опрыскивает растения водой из пульверизатора, что мы должны делать каждый день. Миссис Кендрик очень расстроится, если мы вдруг забудем.

– Доброе утро, Сильви. – Кларисса поворачивает голову и одаривает меня лучезарной улыбкой. – Только что вернулась с делового завтрака. Прошло вроде успешно. Шесть человек пообещали включить Уиллоуби-хаус в свои завещания. Так мило с их стороны.

– Чудесно! Отличная работа. – Я бы «дала ей пять», но миссис Кендрик крайне не одобряет подобное поведение (а зайти миссис Кендрик может в любую секунду).

– Моя встреча, к сожалению, была не такой удачной, – рассказываю я. – Я пила кофе со Сьюзи Джексон из фонда Уилсона-Кросса, и она сообщила, что Музей Виктории и Альберта проводит мероприятие в тот же вечер, что и открытие «Шелкового ветра».

– Опять? – тут же поникла Кларисса.

– Не волнуйся, я сказала ей, что мы раздаем сумки в подарок, и она обещала «заскочить».

– Ну класс, – выдыхает Кларисса (и беспокойно озирается: не маячит ли где миссис Кендрик?). – И какие сумки?

– Не знаю. Придется что-нибудь найти. Есть идеи?

– Сувенирный магазин V&A? – предлагает она спустя пару минут. – У них бывают дивные вещишки.

– Я тоже об этом думала.

Снимаю пиджак, достаю из сумочки чек за кофе и кладу его в специальную деревянную Коробку в шкафу. Да, именно так, с большой буквы, чтобы ее не путали с Красной коробкой, что стоит по соседству (на самом деле это простая картонная коробка, которая раньше была обернута красной подарочной бумагой с цветочным узором; на крышке до сих пор остался небольшой кусочек бумаги).

Коробка предназначена для хранения чеков, Красная – для факсов. Рядом с ними Маленькая коробка, где всегда в наличии клейкие листочки для заметок и скрепки (не канцелярские, потому что канцелярским место в Чаше, глубокой глиняной тарелке, что стоит на следующей полке). А ручки и карандаши у нас живут в Горшке. Поначалу это кажется странным, но со временем привыкаешь.

– У нас почти закончилась бумага для факса, – сообщает Кларисса, наморщив носик. – Попозже сгоняю в магазин.

Неудивительно, что бумага для факса заканчивается так быстро, мы отправляем (и получаем) много факсов. В основном от миссис Кендрик, которая иногда работает дома. Она любит переписываться подобным, хоть и весьма устаревшим, образом. Как я уже говорила, все в Уиллоуби-хаус происходит так, как хочет того миссис Кендрик.

– С кем ты сегодня общалась на деловом завтраке? – спрашиваю я Клариссу, глядя на нее поверх монитора компьютера.

– С парнями из *HSBC*¹⁸. Шестеро симпатичных молодых людей. Очень молодых, – подмигивает мне Кларисса, – только что из университета. Но они были ужасно милы, обещали сделать нас наследниками. Думаю, мы можем рассчитывать на тысячи!

– Превосходно! – улыбаюсь я и создаю новый текстовый документ для отчета. Только начинаю печатать, как слышу громкий топот ног по лестнице.

Я узнаю поступь миссис Кендрик, но вместе с этим отчетливо улавливаю и шаги другого человека. Незнакомые. Более тяжелые, ритмичные. Мужские.

Офисная дверь открывается, и за ней и вправду стоит мужчина.

Я бы дала ему тридцать. Темный костюм, голубая рубашка, короткая стрижка, широкая мускулистая грудь. Волосатые запястья и ощутимый запах лосьона после бритья. (Должно быть, он бреется по два раза в день и упражняется с гирями в спортзале.) Смотришь на его шикарный костюм с иголки и отчетливо представляешь себе роскошную машину, припаркованную у Уиллоуби-хаус. Такие люди крайне редко появляются в наших стенах, так что я уставилась на него, раскрыв рот (каюсь). И кажется это совершенно неправильным, что он стоит на нашем выцветшем зеленом ковре в своих дорогих, начищенных до блеска туфлях, едва не задевая затылком притолоку.

Сказать по правде, мужчин в Уиллоуби-хаус почти не бывает. А если и бывают, то это седовласые мужья наших дам-добровольцев в бархатных смокингах. Они приходят на некоторые мероприятия, задают вопросы о барочной музыке и пьют херес. (Херес – бессменный напиток на каждый вечер в Уиллоуби. Еще одно правило миссис Кендрик.)

Они никогда не поднимаются на верхний этаж, не окидывают сомнительным взглядом нашу мансарду и не выдают: «И это вы называете офисом?»

Волоски на моей шее гневно поднимаются. Что значит «называем»? Это наш офис!

Смотрю на миссис Кендрик (она в цветочном платье с украшенным рюшами воротником, седые волосы уложены аккуратными волнами). Жду, когда она поставит его на место одной из своих точных, бьющих прямо в цель фраз. («Эми, милочка, – сказала она, когда Эми контрабандой протащила в нашу обитель культуры баночку колы и открыла ее за столом. – У нас музей, а не американская старшая школа».)

Но сейчас, когда миссис Кендрик смотрит на этого мужчину, ее глаза не светятся присущим ей умом и пронизательностью. Руки ее дрожат, она беспокойно теребит свою любимую брошку-камею, приколотую к платью.

– Нам этого достаточно, – отвечает миссис Кендрик с нотками беспокойства в голосе. – Что ж, позволь представить тебе наших сотрудников. Девочки, это мой племянник, Роберт Кендрик. Роберт, это Кларисса, наш администратор, и Сильви, менеджер по привлечению спонсоров.

Роберт сухо пожимает нам руки, не переставая с демонстративным осуждением осматривать все вокруг.

– Хм, – протягивает он. – У вас тут небольшой беспорядок. Вам стоит взять за правило убираться на рабочем столе.

Волоски на моей шее уже прямее кошачьего уса. Кем этот племянник себя возомнил? Почему он нам указывает? Сглатываю язвительный ответ, уже готовый сорваться с языка. Сначала лучше пойму, что происходит.

Кларисса с открытым ртом и остекленевшими глазами переводит взгляд то на меня, то на миссис Кендрик. Начальница наконец понимает, что мы с Клариссой в полнейшем неведении.

¹⁸ Банковская корпорация Гонконга и Шанхая, один из крупнейших финансовых конгломератов в мире; штаб-квартира расположена в Лондоне.

– Роберт заинтересовался делами Уиллоуби-хаус, – с натянутой улыбкой сообщает она. – Однажды он унаследует его. С двумя старшими братьями, конечно.

Внутри меня все сжимается. Неужели на горизонте нарисовался злобный племяншка, который хочет закрыть тетушкин музей и превратить его в дом с двухкомнатными квартирами?

– В каком смысле заинтересовались? – отваживаюсь спросить я.

– Интерес мой объективный, свободный от эмоций, – отрезает он. – На который, к сожалению, моя тетя не способна.

Боже мой, да у нас тут злобный племяншка в квадрате.

– Вы не можете нас закрыть! – выпалила я прежде, чем успела подумать. – Не посмеете. Уиллоуби-хаус – кусочек истории, приют для культурных лондонцев.

– Больше похоже на приют для сплетников-нахлебников, – отнюдь не растерялся Роберт. Голос у него глубокий, хорошо поставленный. Роберт был бы мне даже симпатичен, если бы не говорил так резко и не осматривал меня с головы до ног с таким враждебным выражением лица.

– Сколько же добровольцев нужно этому месту? Потому как у вас, кажется, внизу собралась половина лондонских кумушек.

– Добровольцы оживляют это место, – твердо говорю я.

– Добровольцы только печенье поглощают с утра до вечера, – возражает он. – Да не просто печенье, а из «*Fortnum & Maison*». Весьма рачительно для благотворительного музея, не находите? Можно мне увидеть счет за печенье?

Тишина. Миссис Кендрик потупила взор и изучает пуговицы на своих рукавах, глаза Клариссы беспокойно бегают по сторонам. Печенье от «*Fortnum*» и вправду довольно дорогое удовольствие, но миссис Кендрик считает, что это единственная марка для настоящих «культурных» людей. Мы пробовали закупать вкусности от «*Duchy Originals*», но потом вернулись к «*Fortnum*». (И да, жестяные баночки от «*Fortnum*» намного удобнее, а потом и в хозяйстве пригождаются.)

– Я бы вообще хотел увидеть всю бухгалтерию, – продолжает Роберт. – Информация о движении денежных средств, затраты, необходимые издержки... Вы сохраняете чеки?

– Сохраняем, – холодно отвечаю я.

– Они в Коробке, – Кларисса кивает в сторону шкафа.

– Где, простите? – переспрашивает Роберт, и Кларисса сама приближается к полке.

– Это Коробка, – показывает она. – Рядом с ней Красная коробка, а вот это Маленькая коробка.

– Коробка, коробка и коробка? – Роберт переводит взгляд с Клариссы на меня. – Бессмыслица какая.

– В этом есть смысл, и это удобно, – вставляю я, но он меня не слушает, а задумчиво меряет шагами офис.

– Почему только один компьютер? – внезапно вопрошает он.

– Мы им вместе пользуемся.

Опять же не совсем традиционно для офиса, но мы с Клариссой уже привыкли.

– Вместе? – Он остановился и уставился на меня. – Как могут два человека пользоваться одним компьютером? Безумие.

– Работаем по очереди, – пожимаю плечами я. – Нас все устраивает.

– Но... – Роберт выглядит так, будто не может подобрать слов. – Но... как же вы отправляете друг другу электронные письма?

– Если я дома и хочу связаться с девочками, я посылаю факс, – с вызовом в голосе вставляет миссис Кендрик. – Так удобнее всего.

– Факс? – Роберт скривил губы и обратился к нам с Клариссой: – Скажите мне, что она шутит.

– Мы часто отправляем факсы, – говорю я, указывая рукой на факс-аппарат. – Патронам и спонсорам тоже.

Роберт подходит к факсу и с минуту смотрит на него.

– Может, вы еще и чертовыми перьями пишете? – тяжело выдыхает он. – При свечах?

– Знаю, поначалу это кажется довольно странным, – словно оправдываясь, мямлю я. – Но мы так работаем.

– Ерунда все это, – решительно отрезает он. – В современном офисе невозможно так работать.

Я не осмеливаюсь поднять глаза на миссис Кендрик. «Ерунда» – еще одно слово, которое она очень, очень не одобряет.

– Это наша система, – отвечаю я. – Своеобразная.

Вопреки своим собственным словам, чувствую себя немного неуютно. Когда я только пришла работать в Уиллоуби-хаус и увидела поименные коробки и факс-аппарат, боюсь, я отреагировала точно так же. Хотела выкинуть это все и работать как современный человек (с беспроводной связью и минимумом макулатуры). У меня были всевозможные предложения. Но весь рабочий процесс подчинялся правилам миссис Кендрик, как это и происходит сейчас. Все мои идеи отвергли. В итоге я постепенно разобралась в назначении каждой коробки и научилась пользоваться факсом. Полагаю, я просто привыкла к условиям.

Но разве это важно? Что с того, что наши способы ведения дел немного старомодны? Какое право этот парень имеет расхаживать тут и указывать нам, как нужно работать? У нас успешное место, разве нет?

Взгляд Роберта вновь блуждает по мансарде.

– Я еще вернусь, – зловеще обещает он. – В этом месте нужно навести порядок. Пока не поздно.

Пока не поздно?

– Что ж, – подает голос слегка ошарашенная миссис Кендрик. – Что ж, мы с Робертом пойдем пообедаем и обсудим... все.

И они покидают офис, оставляя нас с Клариссой в удивленном молчании. Когда звуки их шагов затихают вдали, Кларисса поворачивается ко мне и озвучивает мои мысли: – Что он хотел сказать этим «пока не поздно»?

– Не знаю, – смотрю на ковер, ворс которого еще хранит отпечаток тяжелых мужских туфель Роберта. – Вообще не представляю, с чего он объявился тут и начал нам указывать.

– Может, миссис Кендрик уходит на пенсию и собирается оставить его начальником здесь, – предполагает Кларисса.

– Нет! – с неподдельным ужасом восклицаю я. – Силы небесные, ты только представь, что он скажет волонтерам? «Спасибо, что пришли, а теперь валите!»

Тут Кларисса не выдерживает и прыскает, и вскоре мы обе просто давимся от смеха. Однако я не делюсь с Клариссой своими мрачными мыслями о том, что Роберт наверняка совсем не жаждет управлять музеем, а видит в нем просто очередной лондонский особнячок для продажи. В конце концов, все всегда сводится к большим деньгам.

Мы успокаиваемся, и Кларисса отправляется приготовить нам кофе. Сажусь за стол и принимаюсь за отчет, всеми силами стараясь выкинуть утренние события из головы. Но не могу, настолько я взвинчена. Мои тревоги и страхи отчаянно борются с духом неповиновения. Почему мы не можем остаться последним уютным и причудливым уголком на свете? Почему должны соответствовать стандартам бездушных офисов и учреждений? Мне совершенно все равно, кто этот парень и какие права он имеет на Уиллоуби-хаус. Если он хочет уничтожить это особенное, драгоценное место и превратить его в стереотипный многоквартирный дом, то ему придется иметь дело со мной.

После работы я посетила (в обязательном порядке) лекцию по итальянской живописи, которую читал один из наших покровителей, так что домой я прибыла около восьми. В доме меня встретила абсолютная тишина, что означало, что девочки уже спят. Поднимаюсь наверх, чтобы поцеловать в щеки моих мирно посапывающих малышей, укрыть их поплотнее одеялом и перевернуть Анну в кровати. (Она почему-то полюбила спать, как Пеппи Длинныйчулок – голова накрыта одеялом, а ноги на подушке.) Затем спускаюсь на кухню и застаю Дэна за столом с открытой бутылкой вина.

– Привет, – здороваюсь я. – Как день прошел?

– Нормально, – пожимает плечами Дэн. – Твой?

– Пришел к нам сегодня один конторский крыс, – говорю я мрачно. – Племянник миссис Кендрик. «Заинтересовался нами», говорит. А на самом деле хочет прикрыть нас и разбить особняк на кучу квартир.

– Он прямо так и сказал? – поднял голову Дэн. – Боже правый.

– Нет, не так, – признаюсь я. – Но он сказал, что мы должны измениться, пока не стало поздно, – стараюсь голосом передать весь устрашающий смысл этих слов, но Дэн уже расслабился.

– Наверное, он хотел сказать «пока не начнется вся рождественская кутерьма», – говорит он. – Хочешь немного?

Он наливает мне вина, не дождавшись моего ответа. Дэн протягивает бокал, а я перевожу взгляд с него на бутылку, наполовину пустую. Дэн явно чем-то озабочен.

– У тебя все хорошо? – осторожно спрашиваю я.

Дэн не отвечает, а тупо пялится в пространство. Он пьян, понимаю я. Скорее всего, после работы он зашел в паб. Он иногда туда ходит, когда знает, что я задержусь, а с девочками все равно сидит Карен. А потом он вернулся домой и налег на вино.

– Сегодня я сидел на работе, – наконец отвечает он, – и все время думал: а этим ли я хочу заниматься все свои шестьдесят восемь лет? Строить офисы, продавать офисы, снова строить и снова продавать, потом опять строить...

– Я поняла.

– ...опять продавать. – Дэн кажется подавленным. – Вечность.

– Не всю же вечность, – смеюсь я, пытаюсь разрядить обстановку. – И тебе необязательно работать до самой смерти.

– А кажется, что вечность. Мы бессмертны, Сильви. Так нам сказали. – И угрюмо смотрит на меня. – А знаешь, кто такие бессмертные?

– Герои? – предполагаю я, вспомнив древнегреческие мифы.

– Задолбавшиеся. Вот кто.

Он тянется через стол, хватает бутылку и наливает себе еще.

Так, это нехорошо. Совсем нехорошо.

– Дэн, у тебя кризис среднего возраста? – Слова вылетают сами собой.

– Как у меня может быть кризис среднего возраста? – взрывается Дэн. – У меня даже возраст сейчас не средний. Далеко не средний. Я у подножия этого чертова холма жизни!

– Но это же хорошо! – настойчиво вставляю я. – У нас впереди столько времени.

– Но что мы будем делать со всем этим временем, Сильви? Чем заполнять бесконечные, бездушные года, занятые бессмысленной и монотонной работой? Где же счастье в нашей жизни? – Лихорадочным взглядом окидывает кухонные шкафы, будто где-то там, среди жестяных банок с куркумой и гвоздикой, могла притаиться и баночка с наклейкой «счастье».

– Как я уже говорила утром, нам нужен план. Нужно взять жизнь в свои руки, а не подчиняться судьбе. *Vincit qui se vincit*, – гордо прибавляю я. – Что в переводе с латыни значит «Побеждает тот, кто побеждает себя». (Я загуглила это на работе, когда была моя очередь пользоваться компьютером.)

– И как же победить себя?

– Я не знаю.

Делаю глоток вина; букет настолько хорош, что я делаю еще пару глотков перед тем, как накрывать на стол. Достая из кухонного шкафа тарелки и накладываю в них рагу из курицы, приготовленную в долговарке. Пока Дэн достает ножи и вилки, хорошо сдабриваю рагу кориандром.

– Оставь это. – Дэн чуть ли не бросает столовые приборы на стол. – Ты знаешь...

– Что?

– Ты знаешь, – повторяет Дэн.

– Не понимаю...

– Секс, – выдает он, будто это было совершенно очевидно.

Бог ты мой. Опять секс? Серьезно?

Почему все всегда сводится к сексу с Дэном? Нет, я понимаю, что секс важен в семейной жизни, но есть и другие вещи, которые Дэн, похоже, не замечает и не ценит. Например, подхваты для гардин с кисточками. Или Всебританский конкурс на лучшую выпечку.

– И что же ты хотел сказать про секс?

– Понимаешь... – Дэн смешался и умолк.

– Что?

– Секс с одним человеком навсегда. На веки и веки вечные. Миллион лет.

Тишина. Ставлю тарелки с рагу на стол и замираю, сознание мое кружится в безумном танце. Вот, значит, как он это видит? Узы Гименея в миллион лет длиною? Вспоминаю слова Тильды: «Брачный обет «Покуда смерть не разлучит нас» слишком уж честолюбив. На такое могут согласиться только безумцы».

Смотрю на Дэна, на мужчину, с которым я решила на союз безумцев. В то время брак с ним казался хорошей партией. Но сейчас он ведет себя так, будто секс со мной на веки вечные – это какое-то наказание, и я чувствую, что все хорошее ускользает, как песок сквозь пальцы.

– Думаю, мы вполне можем устраивать что-то вроде творческого отпуска, чтобы отдохнуть друг от друга, – предлагаю я, не совсем понимая, что несу.

– Отпуск? – Дэн вскидывает голову.

– Перерыв в отношениях. Проводить время порознь. Встречаться с другими людьми. Например, в одно из наших десятилетий, – пожимаю плечами, стараясь звучать безэмоционально. – Просто предложение.

Мысль совершенно безрассудная. Я вовсе не хочу, чтобы Дэн целое десятилетие спал с другими женщинами. Вообще не хочу, чтобы в его постели был кто-то, кроме меня. Но и не хочу, чтобы он всю жизнь чувствовал себя как под дулом пистолета или облаченным в поло-сатую робу.

Дэн в недоумении смотрит на меня:

– Итак, значит, сначала мы одну декаду разговариваем по-итальянски, потом спим с другими людьми и... Что там было последнее? Переезжаем в Южную Америку?

– Да не знаю! – защищаясь, возразила я. – Просто хочу помочь нам как-то разобраться со всем этим.

– Ты хочешь перерыва в отношениях? – Дэн пристально смотрит на меня. – Ты *это* мне пытаешься сказать?

– Нет! – в отчаянии кричу я. – Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Я думала, ты счастлив. Но сейчас ты хочешь оставить нас и...

– Что? – всполохнулся Дэн. – Это ты хочешь, чтобы я ушел! Хочешь, чтобы я сделал это сейчас?

Срываюсь на визг:

– Я не хочу, чтобы ты уходил!

Как мы дошли до этого? Осушаю свой бокал и тянусь за бутылкой, перематывая в голове весь наш разговор. Может, я немного поспешила с выводами. Возможно, он тоже.

Какое-то время едим молча, делаю пару глотков вина в надежде, что оно поможет мне привести мысли в порядок. Приятное тепло разливается по телу, и я постепенно успокаиваюсь. Под «успокаиваюсь» я имею в виду «пьянею». Два бокала просекко, которые я выпила на лекции, дают о себе знать. Но я осушаю еще один бокал. Это необходимо. Это лекарство.

– Я просто хочу долгого и счастливого брака, – наконец произношу я, язык мой немного заплетается. – Но я не хочу, чтобы мы пресытились друг другом. Чтобы мы чувствовали себя словно в заточении, и делали засечки на стене. И я не хочу перерыва в отношениях, – решительно добавляю я. – Что касается секса, нам просто нужно... – обреченно пожимаю плечами, – ладно, я всегда могу купить новое нижнее белье...

– Прости меня. – Дэн качает головой. – Я не хотел... Ты и вправду хороша в постели, ты же знаешь.

И вправду хороша? Я ожидала что-то вроде «умопомрачительно-офигенски безупречна», но не буду сейчас на него давить.

– Все нормально, – говорю я. – Мы ведь можем быть изобретательными, правда? И мы можем быть счастливы?

– Конечно, мы можем быть счастливы. Боже, Сильви, я так тебя люблю. И наших замечательных девочек... – Ну вот, Дэн выплыл из бурного гневно-пьяного моря и стал сентиментально-пьяным. (Для таких эмоциональных переходов у меня тоже есть слово: «чувство-ворот».) – В тот день, когда появились наши малышки, моя жизнь просто... мое сердце... – Дэн скользит взглядом по стене, будто там написаны верные слова. – Мое сердце распахнулось, стало огромным, как мир. Я и не знал, что можно кого-то любить так сильно. Помнишь, какими они были крошечными? В тех маленьких пластмассовых кроватках?

Тишина. Знаю, что мы оба вспоминаем те ужасные двадцать четыре часа, когда Тесса нуждалась в искусственном поддержании дыхания. Кажется, это было миллион лет назад. Сейчас она сильная и здоровая девчушка. Но все равно.

– Я знаю. – Глаза наполняются пьяными слезами. – Знаю.

– Помнишь те крошечные носочки у них на ножках? – Дэн делает еще один глоток. – Рассказать секрет? Я до сих пор скупаю по тем носочкам.

– Они все еще у меня! – Я нетерпеливо вскакиваю из-за стола, едва не споткнувшись о ножку стула. – На днях я разбирала одежду и отложила целую охапку детского белья для... Не знаю. Однажды у наших девочек будут дети...

Иду в прихожую, открываю шкаф под лестницей и вытаскиваю оттуда черный мусорный мешок, доверху заполненный детской одеждой. Дэн открыл еще одну бутылку вина; ставит передо мной бокал, в то время как я вытаскиваю из мешка пару комбинезончиков. Они сильно пахнут кондиционером для белья, но, приняв душ, можно понять, что они сохранили этот едва уловимый запах детства. Вдыхаю, и сердце наполняется теплом. Когда-то крошечные младенцы были нашим миром, и мир этот вот-вот канет в Лету. Все, что осталось, это застиранные комбинезоны.

– Боже мой. – Дэн, словно замороженный рассматривает комбинезончики. – Они такие махонькие.

– Знаю, – делаю еще глоток вина. – Смотри, вот те самые, с утятами.

Эти комбинезоны с изображением ярко-желтых утят были всегда моими любимыми. Иногда мы называли девочек нашими утятами. Говорили, что укладываем их спать обратно в гнездышки. Забавно, как все это возвращается к тебе спустя какое-то время.

– Помнишь музыкальный мобиль с плюшевыми мишутками? – Дэн беспорядочно размахивает в воздухе бокалом вина. – Какая там была мелодия?

– Ла-ла-ла... – Я пытаюсь вспомнить мелодию, но не выходит. Черт. А ведь эта музыка должна была навсегда закрепиться в психике.

– Это же есть на видео. – Дэн берет свой ноутбук и через пару минут открывает папку «Девочки: первый год». Смотрим пленку пятилетней давности, и глаза мои то и дело цепляются за Дэна на мониторе, такого, каким он был тогда. Я так потрясена, что даже не могу говорить.

На экране Дэн сидит на диване и укачивает Анну (ей всего неделя от роду), прижимая малышку к своей голой груди. В его руках она похожа на маленького лягушонка, вытягивающего свои тощие лапки. Она такая хрупкая, беззащитная. Люди говорят: «Вы забудете, какими они были крошками», а ты лишь пожимаешь плечами и не веришь им. А вот теперь я смотрю пленку и верю. Я забыла, что мои проказницы когда-то были такими крохами. А Дэн на видео такой чуткий, заботливый, гордый. Настоящий отец.

Я смотрю на Дэна (сидящего рядом со мной) и вижу, что его тоже переполняют эмоции.

– Вот он, – говорит он сиплым голосом, будто готов расплакаться. – Смысл жизни. Вот здесь, – тычет пальцем в экран, – вот здесь.

– Вот здесь, – утираю навернувшиеся слезы тыльной стороной ладони.

– Вот здесь, – эхом повторяет он, все еще разглядывая крошку Анну на экране.

– Ты прав, – решительно киваю я. – Ты такой, такой... – Моя голова совсем опустела. – Именно. Именно.

– В смысле, что может быть важнее? – Бокал в его руке летает из стороны в сторону. – Ничего.

– Ничего, – соглашаюсь я и вцепляюсь в спинку кухонного стула. Мой желудок скрутило в трубочку, мир плывет у меня перед глазами. Кажется, передо мной сидят два Дэна.

– Ничего, – со все большей силой в голосе повторяет Дэн. – В этом мире вообще ничего нет, кроме этого.

– Ничего нет, – киваю я.

– Знаешь что? Нам нужно больше. – Дэн решительно тычет пальцем в экран.

– Да, – от всей души соглашаюсь я, хотя совершенно не понимаю, о чем он. – Больше чего?

– Вот как мы придадим нашей жизни смысл. Вот чем мы заполним бесконечно тянущиеся года. – Дэн просто светится изнутри. – Нам нужно больше детей, Сильви. Нам нужно... – смотрит по сторонам, – еще десять.

Я уставилась на него, не в силах выдать ни слова. Десять детей.

Мои глаза вновь наполняются слезами. О боже, Дэн прав. Вот и ответ на все наши вопросы.

Сквозь пьяную дымку вижу незамысловатую картину: десять деревянных колыбелек в ряд, в который плачут, смеются и разевают роты десять очаровательных младенцев. Конечно, у нас должно быть больше детей. Почему мы не подумали об этом раньше? Я буду Матушкой-Землей. Ходить в мешковатых штанах, возить детей на велосипедные прогулки и петь правильные песни.

Вкрадчивый шепоток в моей голове что-то нечленораздельно вякает, но я его не слушаю, да и не хочу слышать. Мне нужны крохотные пяточки и смешные утиные носики. Мне нужны маленькие человечки, которые будут звать меня мамой и любить больше всего на свете.

Десять маленьких человечков.

Повинуясь внезапному порыву, хватаю «утиный» комбинезончик и поднимаю его в воздух, чтобы мы оба могли на него любоваться. И я знаю, что мы оба представляем себе в нем розовенького, истошно орущего младенца. И тут я бросаю комбинезон на стол.

– Давай сделаем это, – выдыхаю я. – Прямо здесь, прямо сейчас. – Наклоняюсь, чтобы поцеловать Дэна, но съезжаю со своего стула на пол. Черт. Ой!

– Прямо здесь, прямо сейчас. – Дэн присоединяется ко мне на полу и нетерпеливо стягивает с меня одежду.

Да, здесь, на кафельном пол, предаваться любви совершенно неудобно, но нам все равно. Мы начинаем новую жизнь! Мы начинаем новую главу. У нас есть цель: милый маленький ребенок в люльке... Внезапно все кажется таким безоблачным.

4

Боже мой, что мы наделали? Я беременна? На самом деле?

Лежу в постели следующим утром, голова раскалывается. К горлу подступает тошнота, и мне страшно. Господи, неужели я и вправду беременна? Снова?

Поверить не могу, что просыпаюсь по такому сценарию. Будто я героиня ролика о случайной беременности, который показывают подросткам в школе. Мы ведь не предохранялись прошлой ночью. Или предохранялись?

Черт, точно нет.

Опасливо кладу руку на живот. Вроде ничего не изменилось, но это еще ничего не значит. Со мной могло произойти это чудо зачатия. Внутри меня уже может расти маленькая жизнь, прямо сейчас, пока Дэн еще блаженно спит в обнимку с подушкой и не подозревает, что наши собственные жизни загублены.

Нет, не загублены.

Да, загублены. Во многих отношениях.

Ранний токсикоз. Боли в спине. Никакого сна. Огромный живот. Мерзкие джинсы для беременных с эластичными вставками. Все деньги на малыша. Никакого сна.

Знаю, я немного заиклена на сне. Но разве недостаток сна – это не самая изощренная пытка? Я не могу снова не спать. Плюс разница в возрасте со старшими девочками будет шесть лет. Значит, нам придется завести четвертого ребенка, чтобы младшие дети росли вместе? Четыре ребенка? Какая машина нам тогда понадобится? Какой-нибудь чудовищный человеко-носитель. А как мы будем парковаться на наших маленьких улочках? Кошмар.

Придется ли мне бросить работу, чтобы присматривать за нашим неугомонным племенем? Но я не хочу уходить с работы. Я люблю свою работу и своих коллег...

Еще одна чудовищная мысль врывается мне в голову, и мне становится тошно. Что, если у нас родится один ребенок, мы с Дэном попытаемся зачать четвертого и... родятся тройняшки? Такое случается. Тильда знает такую семью в Сток-Ньюингтоне. Один, второй, третий, а потом – бац! – тройня. Я просто умру. Распадусь на частицы. Боже, почему мы не подумали об этом раньше? Шесть детей... Куда мы их денем?

Учащенно дышу. Вот так вот из матери двух дочерей, едва держащейся на плаву, я погружаюсь в бурные воды, накрывающие с головой мать огромного семейства с растрепанными волосами, наспех перевязанными резинкой, и в шлепанцах на отечных ногах, с изможденным смиренным взглядом...

Так. Мне срочно нужно в ванную.

Выползаю из кровати, на цыпочках бреду в ванную, чтобы не разбудить Дэна, и тут понимаю: я не беременна. Даже совсем наоборот.

Силы небесные, какое облегчение. Опускаюсь на унитаз, утыкаюсь локтями в колени и опускаю голову на руки. Будто я неслась на огромной скорости к краю обрыва и в последнюю секунду машина затормозила. Я счастлива, что все будет как раньше: только мы четверо. Идеально.

Но что скажет Дэн? А как же комбинезон с утятами, маленькие нарядные носочки и «Вот как мы придадим нашей жизни смысл»? Что, если Дэн всегда хотел шестерых детей, но никогда не говорил мне?

Некоторое время сижу и размышляю, как же мне сказать Дэну о том, что я не беременна. И что у нас больше не будет детей.

– Сильви? – слышу его голос из спальни. – У тебя все хорошо?

– О, привет. Ты проснулся, – приветствую Дэна высоким, слегка натянутым голосом. – Я просто...

Возвращаюсь в спальню, стараюсь не смотреть на Дэна.

– Я... я не беременна, – выдыхаю я, уставившись на пол.

– Ох, – кашлянул он. – Что ж... это...

И тут наступила страшная пауза. Я жду, затаив дыхание, словно участвую в шоу «Пан и пропал». Как он закончит предложение? Каким будет мой приговор?

– Это печально, – наконец произносит он.

Мычу что-то похожее на соглашение, хотя втайне радуюсь тому, что не беременна. Живот скрутило узлом. Станет ли это для нас последней каплей, которой едва не стал изумрудный бархатный диван? (С ним вообще была настоящая эпопея. Мы долго спорили и даже ругались. В конце концов сошлись на сером цвете. Но изумрудный смотрелся бы куда лучше.)

– Мы можем попробовать в следующем месяце, – предлагает он.

– Угу, – сглатываю я, думая про себя: «Черт, черт, черт! Он таки хочет шестерых...»

– Тебе нужно принимать больше... как его там?.. витамина B₉, – говорит Дэн.

Нет-нет-нет. Все происходит слишком быстро. Может, мне и подгузников сразу прикупить, когда пойду в аптеку за чертовым B₉?

– Хорошо, – смотрю на комод, все еще не смея поднять глаза на Дэна. – В смысле, можно попробовать.

Мне нужно ему сказать... Мне придется ему сказать! Но это все равно что прыгать в воду. Так, просто задержи дыхание и вперед!

– Дэн, просто я не хочу больше детей, – на одном дыхании выдаю я. – Мы так расчувствовались из-за носков и комбинезонов. Но пойми, носки так и останутся носками, а еще один ребенок – это новые огромные, меняющие жизнь обязанности. А я привыкла к моей жизни, мне все нравится. Плюс нам тогда нужно будет завести четвертого, а может получится шесть... А у нас даже комнат не хватит для шести детей!

Выдыхаю. Я сказала это. И тут понимаю, что Дэн тоже что-то говорит, быстро, глотая слова, словно он тоже прыгнул в воду.

– И у нас нет больше спален... Придется покупать новую машину... А что у нас с деньгами? Как же плата за образование?

Минуточку.

– О чем это ты? – в недоумении смотрю на него.

– Сильви, прости меня, – похоже, у него начали сдавать нервы, – мы вчера немного... увлеклись. Знаю, ты хочешь большую семью, и нам нужно это обсудить на трезвую голову. Я всегда буду уважать твои взгляды на жизнь, но сам я...

– Я не хочу большую семью! – нетерпеливо перебиваю я. – Это ты хочешь шестеро детей!

– Шестеро? – непонимающе переспрашивает Дэн. – Что за глупость? Да, вчера мы не предохранялись... Но почему сразу шестеро детей?

Он что, не понял? Это же очевидно.

– Если у нас родится один малыш, то нужно будет завести четвертого, чтобы дети росли погодками, – объясняю я. – А представляешь, родятся тройняшки? Такое случается. Вспомни семью в Сток-Ньюингтоне.

На слове «тройняшки» Дэн выпучивает глаза. Смотрю и ясно вижу: Дэн не хочет никаких тройняшек. Не хочет покупать машину-человеконоситель. Вообще не хочет этого.

– Думаю, еще один ребенок – не ответ на все наши вопросы, – наконец произносит он. – Ложный след.

– Вчера мы просто напились, – закусываю губу. – Не стоит винить себе за то, что нас накрыла страсть.

Вспоминаю о комбинезончике с утятами. Прошлой ночью во мне проснулся инстинкт «курочки-наседки». Я всем сердцем хотела орущего младенца в этом комбинезоне. Сейчас хочу лишь сложить комбинезон и убрать его куда подальше. Почему я так быстро передумала?

– А как же комбинезон с утятами? – не могу остановиться я. Я должна быть уверена, что Дэн ничего не умалчивает, что не скрывает тайное, сильное желание, которое он озвучит в порыве обиды и гнева тогда, когда будет слишком поздно что-либо менять. Когда мы будем парочкой дряхлых стариков, мотающих дни у озера в Италии в постоянных размышлениях: когда же и отчего мы совершили столько ошибок? (На прошлой неделе мы читали Аниту Брукнер¹⁹ в книжном клубе.)

– Это просто комбинезон, – пожимает плечами Дэн. – Вот и все.

– А как же следующие шестьдесят восемь лет? – напоминаю я. – Как же пустые нескончаемые десятилетия, которые нас ждут?

Тишина.

– Ну, как сказал врач... Всегда есть лото и настольные игры, – криво улыбается Дэн.

Настольные игры... Неужели мы не сможем сделать нашу бесконечную жизнь ярче и интереснее, чем бросание чертовых кубиков?

Когда вечером прибываю в паб на викторину, чувствую себя музыкальной колонкой, врубленной на полную катушку. Во мне грохочут звуки и чувства, я едва ли не плавлюсь. И связано это со многим, не только с попыткой наполнить счастьем года, отмеренные нам с Дэном (я почти не вру).

Ведь и вправду меня сильно волнуют события, происходящие на работе. Я просто не знаю, что творится с Уиллоуби-хаус. Хотя, конечно же, знаю: злой племяшка творится. Но я не знаю, что же такое он сказал миссис Кендрик, что за ночь она совершенно изменилась. Боюсь, не в лучшую сторону.

Миссис Кендрик всегда была хозяйкой, предводительницей, лидером. Все «правильно» или «неправильно» определялись по ее собственной шкале. Она просто знала, что нужно. Всегда строго придерживалась своих правил, ни секунды в них не сомневаясь, а вслед за ней переставали сомневаться и мы.

Теперь же стальной стержень внутри ее начал покрываться ржавчиной. Она кажется обеспокоенной и нервной, не уверенной больше в своих принципах. Сегодня около получаса она мерила шагами наш офис, глядела на все будто впервые. Взяла в руки Коробку и недовольно скривила лицо. Выбросила в мусорное ведро все свои выпуски *Cournty Life* (позже вернула их на место, я видела). Долго с тоской во взгляде смотрела на факс, затем отвернулась и спросила меня с надеждой в голосе: «Компьютер ведь почти как факс, да, Сильви?»

Я долго уверяла ее, что компьютер во многом похож на факс и что это не менее прекрасное устройство для общения с людьми. Поняла, что ошиблась, лишь тогда, когда миссис Кендрик села за стол и, беспечно протянув: «Тогда, пожалуй, отправлю немного электронных писем», попыталась листать экран компьютера, как на планшете.

Так что я бросила свои дела и решила ей помочь. Однако, когда минут через десять миссис Кендрик с нарастающим раздражением в голосе произнесла: «Сильви, милочка, в этом нет никакого смысла», я поняла, что без Клариссы мне здесь не справиться.

Силы небесные. Как в конце концов оказалось – после долгих минут всяческих разочарований, смятения и растерянности (со стороны каждой из нас), – миссис Кендрик была твердо убеждена, что строчка «тема письма» и есть само электронное письмо. Пришлось объяснить, что на каждую такую строчку нужно нажимать, чтобы прочитать содержимое. Она смотрела на меня с выражением крайнего удивления на лице и кивала: «Теперь ясно». Но, закрывая каждое письмо, она охала и восклицала: «Куда же оно пропало?»

¹⁹ Английская писательница и историк искусства (16 июля 1928–10 марта 2016). Наиболее известна благодаря роману «Отель «У озера», который получил Букеровскую премию в 1984 году.

Двадцать раз. К тому времени она уже достаточно извела меня, так что я вызвалась сделать ей чашечку чая, а заодно и показать ей благодарственное письмо, которое пришло от одного из наших патронов (написано на бумаге, перьевой ручкой). При виде письма лицо миссис Кендрик тут же просияло. Должно быть, племянник вчера не отставал от нее: «Бросьте вы свои правила, тетя Маргарет, и научитесь пользоваться электронной почтой!» Попадись он мне тогда, я бы ему высказала: «Ради бога, оставьте вы ее. Дайте ей общаться с друзьями и коллегами по факсу. Что в этом плохого?»

По видимому, он явится снова, чтобы «проверить», как идут дела. Что ж, в ревизора могут играть и два человека. И уж если я увижу, что он сводит с ума тетю без всякой уважительной причины, я сообщу ему эти пренебрежительнейшие известия, поверьте мне. (Скорее всего в приятном вежливом письме, после того как он уйдет. Если честно, я не сильна в спорах.)

Прежде чем проскользнуть в паб, слегка поправляю прическу, чтобы не думать (теперь, когда уже слишком поздно) о том, что участвовать в викторине было ужасной идеей. Хм, а это место немного преобразили для викторины: развесили огромное полотно-баннер с блестящей надписью «Роял Тринити Хоспис. Благотворительная викторина», воздвигли в уголке небольшую сцену с акустической системой. Маленькие группки людей уже сидят за стойкой или столиками и угощаются вином или пивом, глядя на листы с вопросами. Замечаю за одним из столиков Саймона, Оливию, Тильду с Тоби и направляюсь к ним. поприветствовав и чмокнув в щеку каждого, усаживаюсь на стул, приговаривая: «Дэн скоро будет. Ждет, пока приедет няня».

С расходами на няню, билеты и выпивку этот вечер (на котором мы оба ужасно боимся сесть в лужу) получается уж очень дорогостоящим. Когда я уже выходила из дома, Дэн невесело протянул: «Эх, и почему мы, черт возьми, просто не прислали им пятьдесят фунтов в качестве пожертвования? Остались бы дома смотреть «Вице-президент»²⁰».

Но друзьям я об этом не скажу. Буду сохранять позитивную атмосферу.

– Вечер обещает быть довольно интересным, – с улыбкой подключаюсь я к разговору.

– Ох, это без сомнения, – тут же подхватывает Оливия. – Но не стоит воспринимать все вопросы и очки слишком серьезно. Мы здесь просто для удовольствия.

Я не очень хорошо знаю Саймона и Оливию. Они примерно одного возраста с Тильдой, их дети учатся в университете. Саймон веселый и добродушный, с вьющимися волосами и в очках. В Оливии же всегда чувствуется какое-то напряжение; она так сильно сжимает кулаки, что костяшки ее пальцев белеют. А еще она весь разговор может смотреть в пространство, словно сквозь тебя, а потом резко податься назад и пригнуть голову, будто ты собираешься ее ударить. (В первый раз я по-настоящему испугалась.)

Ходили слухи, что Оливия и Саймон собирались развестись в прошлом году из-за интрижки Саймона со своей секретаршей, но Оливия настояла на недельном путешествии в Котсуолдс на специальную «брачную терапию»: они зажигали свечи и «сметали с порога супружескую неверность» заговоренными метлами. Так мне Тоби рассказывал (он услышал это от их соседей).

Я, конечно, не верю сплетням. Да и не хочу каждый раз, когда вижу Саймона с Оливией, представлять их обоих с метлами, иступленно шепчущих какие-то заговоры. (Вот если бы Дэн мне изменил, я бы его не только метлой, молотком бы ударила.)

– В какой теме ты сильна, Сильви? – спрашивает меня Тильда, когда я удобно устроилась за столиком. – Я вызубрила все столицы.

– Эй! Столицы – это моя тема.

– Столица Латвии? – улыбается Тильда, передавая мне бокал вина.

²⁰ Американский комедийный сериал с Джулией Луис-Дрейфус в главной роли.

Жду, пока в голове моей с характерным звуком зажжется лампочка. Вроде я должна это знать... Латвия. Латвия... Прага? Нет-нет. Будапешт? Черт, это же столица Венгрии.

– Ладно, оставь столицы себе, – щедро разрешаю я. – Надеюсь на вопросы по истории искусства.

– Здорово. Саймон знает много о футболе.

– В прошлом году мы бы выиграли в благотворительном футбольном матче, если бы слишком рано не выдали наш козырный трюк, – внезапно в разговор врывается Оливия. – Это Саймон виноват, он настаивал.

Оливия исподлобья смотрит на Саймона, мы же с Тильдой обмениваемся короткими понимающими взглядами. Оливия здесь явно не просто ради удовольствия.

– Наша команда называется «Канвилльские завоеватели», – сообщает мне Тильда. – Потому что мы живем на Канвилл-роуд.

– То еще названьице, – шепчу я Тильде (чтобы Оливия не услышала) и делаю глоток вина. Только собираюсь рассказать Тильде, как сегодня все прошло на работе, над столом склоняется Оливия и сует нам под нос какие-то распечатки.

– Сильви, посмотри на эти мировые достопримечательности. – На обычной бумаге отвратительного качества изображения из интернета. – Можешь что-нибудь назвать? Это первый раунд.

С хмурым видом всматриваюсь в изображения. На них практически невозможно ничего разобрать, не говоря уже о...

– Эйфелева башня! – выпаливаю я, узнав знакомые очертания.

– Все узнали башню! – суетится Оливия. – Смотри, ее уже записали. Неужели больше ничего не видишь?

С радостью увидела бы, не будь фотографии такими зернистыми!

– Эм... – пялюсь в несчастную бумажку, пропускаю Стоунхендж и Улуру (их тоже уже записали). – А это, случайно, не Крайслер-билдинг?

– Нет, – фыркает Оливия, – выглядит похоже, но не оно.

– Понятно, – покорно соглашаюсь, но на самом деле начинаю нервничать. Я ничего не знаю, Тильда тоже, а Оливия смотрит на нас, сжав губы в ниточку, словно недовольная директриса. Внезапно она резко выпрямляется и толкает локтем Саймона. «Кто такие?» – шипит она сквозь сжатые зубы.

Поворачиваюсь, чтобы понять, о ком это она. В бар нетерпеливо входит команда парней в одинаковых фиолетовых поло. У некоторых из них бороды, у половины очки на носу, но все они без исключения выглядят невероятно умными.

– Может, стоит сдать без борьбы? – полушутя предлагаю я Тильде. – Будем просто зрителями.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! – Я и не заметила, как средних лет мужчина с усами поднялся на сцену. – Меня зовут Дэйв, и я ваш ведущий на этот вечер, – говорит он в микрофон. – Я никогда этого не делал, просто Найджел заболел и мне пришлось заменить его. Прошу вас, не тратьте на меня и без того несвежие помидоры... – Он выдал неловкий смешок, затем откашлялся. – Что ж, давайте повеселимся. Будем играть честно, так что прошу вас отключить телефоны... – серьезным взглядом окидывает присутствующих. – Никакого гугла. Никаких звонков другу. *Verboten!*²¹

– Тоби! А ну выключи! – шикает Тильда на сына.

Тоби моргает и убирает телефон в карман. А он подровнял свою хипстерскую бородку, замечая я. Отлично. Теперь ему осталось лишь избавиться от этих безобразных кожаных браслетов.

²¹ Запрещено! (нем.)

– Ой, это же Национальный парк Игуасу! – вдруг восклицает он, указывая пальцем на одну из зернистых фоток. – Я там был.

– Тихо, – шипит побагровевшая Оливия. – Что ты так орешь? Тебя же услышат.

Улавливаю, как кто-то за соседним столиком шепчет: «Пиши. Национальный парк Игуасу». Оливия натужилась так, будто сейчас снесет яичко.

– Доволен? Они тебя слышали! Если знаешь ответ, просто молча пиши. – В гневном порыве она едва не сметает бумагу с ответами со стола. – Запиши!

– Пойду возьму чипсов. – Тоби встает из-за стола и уходит, даже не взглянув на Оливию. Заговорщицки улыбаюсь Тильде, но та лишь прижимает ладони к щекам и с обреченным вздохом выдает бессменное: «Ох уж этот парень!»

И тут из нее так и начинается сыпаться:

– Я просто не знаю, что с ним делать. Просто не знаю. Ни за что не угадаешь его последнюю выходку. Никогда.

– И что же он натворил?

– Пустые коробки из-под пиццы. Он прятал их в сушилке, можешь в это поверить? В сушильном шкафу! Рядом с чистыми простынями! – причитает Тильда.

Она вся покраснелась, мне с трудом удастся сохранять серьезное лицо.

– Это совсем нехорошо, – соглашаюсь я.

– Ты права! – горячо восклицает она. – Совсем нехорошо! Я чувствовала запах приправ каждый раз, когда открывала сушилку. Ну там орегано, базилик. Думала, это наш новый кондиционер для белья. Сейчас ведь чего только не придумают. Но сегодня, когда запах стал странным и невыносимо мерзким, я решила проверить, в чем дело. И что, ты думаешь, я обнаружила?

– Коробки из-под пиццы?

– Именно! Коробки из-под пиццы! – Тильда встретила Тоби осуждающим взглядом, когда он вернулся к нам, бросив на столик три пачки чипсов. – Захоранивал их в чистом белье, потому что был слишком «занят», чтобы спуститься вниз.

– Я их не захоранивал, – немногословно отвечает Тоби. – Мам, я тебе уже сто раз объяснял, это было временно. Я собирался сдать их на повторную переработку.

– Нет, не собирался!

– Собирался, – враждебно сверкает глазами Тоби. – Просто не сделал этого *пока*.

– Ну, даже если это и было временно, нельзя держать коробки из-под пиццы в сушильном шкафу! – повышает голос Тильда. – Нельзя!

– Итак, настало время для раунда «Пространство и время»! – раздается оживленный голос Дэйва, усиленный микрофоном. – И первый вопрос: кто был третьим человеком на Луне? Повторяю: кто был третьим человеком на Луне?

Шепотки и бормотания волнами проносятся по заведению.

– Кто-нибудь знает? – спрашивает Оливия, обводя наш столик взглядом.

– Третий человек на Луне? – приподнимаю бровь и смотрю на Тильду.

– Естественно, не Нил Армстронг, – загибает пальцы Тильда, – и не Баз Олдрин.

Мы все беспомощно смотрим друг на друга. Слышу, как по залу пробегают шепотки: «Нил Армстронг? Не, тот первый был!»

– Да знаем мы, что это не они, – отрезает Оливия. – А нам нужно знать, кто. Тоби, ты увлекаешься наукой и математикой. Ты знаешь ответ?

– Высадка на Луну – мистификация, – невозмутимо отвечает Тоби, – так что сам вопрос некорректен.

Тильда издает возмущенный писк:

– Это не мистификация. Не обращай на него внимания, Оливия.

– Можешь отрицать правду сколько хочешь, – пожимает плечами Тоби. – Живи в своем пузыре, верь всей лапше, которую тебе вешают на уши.

– А почему ты считаешь полеты на Луну мистификацией? – с неподдельным любопытством спрашиваю я, но Тильда шикает на меня.

– Не спрашивай у него ничего, а то сейчас начнется. Теории заговора, Пол Маккартни, бальзам для губ...

– Бальзам для губ? – непонимающе смотрю на нее.

– Из-за бальзамов губы чаще трескаются, – бесстрастно сообщает Тоби. – Бальзам вызывает привыкание. Их придумали для того, чтобы содрать побольше денег. Ты пользуешься бальзамом для губ, Сильви? Для крупных фармацевтических компаний ты как марионетка, которых миллионы, – подытоживает он.

Взволнованная, откидываюсь на спинку стула. У меня в сумочке всегда лежит пара бальзамов с разными ароматами.

– А что с Полом Маккартни? – не могу удержаться я.

– Умер в 1966-м, – лаконично отвечает Тоби. – Заменили двойником. В песнях и на обложках пластинок Битлов содержатся многочисленные скрытые намеки на это. Если вы, конечно, знаете, где искать.

– Вот видишь? – обращается ко мне Тильда. – Видишь, с чем мне приходится мириться каждый день? Коробки из-под пиццы, теории заговора, все в доме перекоммутировано...

– Перемаршрутизировано, – терпеливо поправляет Тоби.

– Вопрос второй! – в перепалку между матерью и сыном врывается голос Дэйва. – Харрисон Форд играет Хана Соло в фантастической франшизе «Звездные войны». А какую роль он сыграл в фильме «Свидетель» 1985 года?

– Он играл амиша! – оживляется Саймон и задумчиво стучит ручкой по пальцам. – Нет, постойте, девчонка была из амишей...

– Боже, – стонет Оливия. – Этот фильм такой старый. Кто-нибудь вообще его помнит? – Поворачивается к Тоби: – Его сняли еще до твоего рождения. Он о... О чем он? – хмурит брови. – О программе защиты свидетелей.

– Ха! «Программа защиты свидетелей», – язвительно повторил Тоби, изобразив пальцами в воздухе кавычки.

– Тоби, не начинай! – зловеще предупреждает Тильда. – Только попробуй!

– А что такое? – спрашиваю я, загоровшись внезапным любопытством. – Есть теория заговора о программе защиты свидетелей?

– Кто-нибудь знает ответ на второй вопрос? – строго пытается призвать нас к порядку Оливия, но никто ее не слушает.

– Хочешь знать? – поворачивается ко мне Тоби.

– Да! Расскажи.

– Если предложат участие в программе защиты свидетелей, беги без оглядки, – не поведя и бровью, вещает Тоби. – Потому что они собираются избавиться от тебя.

– Ты о чем? Кто? – выпрашиваю я.

– Правительство убивает любого, кто оказывается в этой программе, – пожимает плечами он. – Экономически целесообразно.

– Убивает?

– Правительство никогда не могло защитить такое количество людей. Это просто невозможно. – Снова в воздухе затанцевали пальцы-кавычки. – Защита – миф, сказка. От людей просто избавляются.

– Но как же можно так просто избавиться от людей? Их семьи же... – смешиваюсь и умолкаю. – Ох...

– И я об этом, – многозначительно поднимает брови. – В любом случае люди исчезают навсегда. Никто не чувствует разницы.

– Совершеннейшая чепуха, – отрезает Тильда. – Ты слишком много времени проводишь в интернете, Тоби. Прошу меня извинить, мне нужно в уборную.

Когда она уходит, я складываю ладони клином и серьезно смотрю на Тоби:

– Ты ведь не веришь во всю эту ересь, правда? Просто хочешь позлить маму.

– Может, да, – подмигивает мне, – а может, и нет. Если ты параноик, еще не значит, что против тебя не найдется теории заговора. Эй, твои девочки любят оригами?

Берет салфетку и начинает быстро складывать ее. Восторженно слежу за его пальцами, ибо прямо через минуту на столе красуется бумажный журавлик.

– Какая прелесть! – ахаю я.

– Это для Анны. А вот это для Тессы. – Теперь он складывает котика с острыми треугольными ушками. – Скажи, они от Тобса.

Он улыбается совсем по-ребячьи, и я чувствую внезапный прилив симпатии к нему. Я ведь помню Тоби еще подростком в школьной форме, когда он каждый день таскал в школу тромбон.

– Харрисон Форд! – Оливия стучит кулаком по столу, дабы привлечь наше внимание. – Сосредоточьтесь! Кого он играл?

– О, я вижу, что Дэн подъезжает. – Вскидываю на ноги в надежде сбежать отсюда. – Я пойду... эм... Вернусь через пару секунд!

Никогда, вы слышите, никогда больше не буду участвовать в викторинах. Викторины – абсолютное зло, исходят от Сатаны. Вот вам еще одна теория заговора.

Спустя два часа и почти сто раундов (кажется, что так) мы наконец переходим к зачитыванию ответов. Все устали и хотят домой. Но уйдем мы, похоже, не скоро, ибо разгорелся нешуточный спор между «командой в фиолетовых поло» и какой-то русской девушкой. Вопрос был: как пишется фамилия «Рахманинов»? Девушка написала фамилию кириллицей, а «фиолетовые» парни возмущаются, что, если в зале никто, кроме нее, не читает по-русски, она могла написать и неверно. Цитирую: «Как тут проверишь? И вообще, вопрос был о международной записи латиницей». Дэйв безуспешно пытается их успокоить.

Ради бога, какая разница? Дайте ей очко. Дайте ей десять очков. Давайте уже просто продолжим.

Не только наш брак будет длиться вечно. Эта викторина будет длиться вечно. Мы навсегда застряли за этим столиком с бокалами ужасного шардоне. Вечно будем вспоминать, кто же выиграл Уимблдонский турнир в две тысячи восьмом, пока наши волосы не поседеют и мы не превратимся в живых призраков, как мисс Хэвишем²².

– Кстати, Сильви, я видел в одной газете статью о твоём отце, – вполголоса говорит Саймон. – О его достижениях в сфере привлечения ресурсов. Ты, должно быть, им очень гордишься.

– Да, – благодарно киваю я ему. – Очень горжусь.

Мой отец потратил много времени и сил на сбор средств для фонда борьбы с онкологическими заболеваниями. Он называл это своим «большим делом». А поскольку папа был самым общительным человеком, которого я знала, ему не составило большого труда запустить ежегодный бал в Дорчестере. В одном месте и в одно время ему удалось собрать и многих знаменитостей, и дальнюю родню британской монархии.

– Там было написано, в его честь назовут рентген-кабинет в Нью-Лондон Хоспитал?

²² Героиня романа Чарльза Диккенса «Большие надежды»; хозяйка богатого дома, которая провела долгие годы в затворничестве, сидя в свадебном платье в своей комнате.

– Все верно, – киваю я. – Потрясающе, правда? Через пару недель они устроят большую церемонию открытия. Ты знаешь, что развязывать ленточку и срывать ткань с мемориальной доски будет Шинейд Брук с канала новостей? Это такая честь. А я произнесу речь.

Которую мне еще предстоит дописать, вспоминаю я. Я так уверенно рассказываю о своей речи, в то время как написала только: «Дамы и господа, уважаемая супруга лорд-мэра, добро пожаловать на это особое событие».

– Честно, я восхищен тем, что мне удалось о нем узнать, – продолжает Саймон. – Собрать такое огромное количество денег, задействовать столько людей...

– А еще он дважды поднимался на Эверест, – охотно киваю я. – И участвовал в парусной регате «Фастнет». И очень много своих друзей и знакомых вдохновил на это.

– Вау, – вскидывает брови Саймон. – Впечатляет.

– Его старый школьный друг умер от рака печени, – коротко говорю я. – Отец хотел сделать что-то для людей, у которых диагностировали рак. В его компании было запрещено собирать средства на другие нужды!

Я смеюсь, будто это была шутка, но на самом деле я не шутила. Папа был в каком-то смысле... что же это за слово?.. Непримирым. Признаюсь честно, в тринадцать мне захотелось сделать короткую стрижку. Папа разозлился на меня, когда я ненароком высказала свое желание вслух. «Твои волосы – твоя сила, Сильви, – без устали повторял он. – Твоя красота». И на самом деле он был прав. Позже я бы, наверное, пожалела, что постриглась.

Повинуясь внезапному порыву, приглаживаю рукой свои длинные золотистые волны. Никогда не смогу их отрезать. Это все равно что предать папу.

– Ты, должно быть, скучаешь по нему, – произносит Саймон.

– Да. Очень сильно.

К глазам подступают слезы, но я по-прежнему широко улыбаюсь и делаю глоток вина, стараясь не встретиться взглядом с Дэном. Он уже напряжился, я чувствую. Его челюсти сжаты, лоб облепили знакомые волны морщин. Он ждет не дождется, когда тема моего отца иссякнет, как люди ждут, пока грозовая туча проплывет мимо.

Боже мой, почему он так в себе не уверен? Эта мысль пронзает мой мозг прежде, чем понимаю, почему так подумала. Знаю, что это неправильно. Знаю, что это несправедливо по отношению к Дэну. Мой отец был всегда неотразим, на всех производил глубокое впечатление. Не так-то просто быть зятем такого человека, да еще и слышать, как люди постоянно восторгаются им, в то время как ты просто...

Так. Сильви, остановись! Дэн ведь тоже особенный. Но по сравнению с отцом...

Хорошо, буду с собой совершенно честна. Наедине со своими мыслями, за которые никто меня не осудит, я могу сказать сама себе: для внешнего мира Дэн и в подметки не годится моему отцу. У него нет ни денег, ни гордого стана, нет той потрясающей харизмы и достижений в благотворительности.

Но я не хочу, чтобы Дэн был моим «вторым отцом». Я люблю Дэна таким, какой он есть. Люблю без ума. Но неужели он не может, хотя бы ради меня, принять, что мой отец обладал всеми вышеуказанными качествами, и понять, что ему вовсе не обязательно быть таким?

Но нет, он все еще каждый раз подскакивает, как на пружинке, при упоминании моего отца. Вот когда эта тема исчерпает себя, он заметно расслабится, откинется на спинку стула и потянется, подавляя зевок...

Нет, мне не показалось. Дэн действительно тянется и зевает, как я и представляла. Делает глоток вина (как я и думала) и щелкает арахис (я не удивлена).

Ранее он заказал бургер из баранины на ужин (как я и предполагала), попросил не добавлять туда майонез (и этого я тоже ожидала) и пошутил, спросив у официанта: «А это настоящий лондонский ягненок?» (Опять не удивлена.)

Кажется, все это время я пугала сама себя. Может, я и не знаю столицу Латвии или сколько футов в фатоме, но я знаю все о Дэне.

Знаю его привычки, как он думает и что его беспокоит. Я даже знаю, что он будет делать, как только допьет вино. Он будет расспрашивать Тоби о работе (он всегда так делает, когда видится с Тоби). Я знаю это, знаю это, знаю...

– Эй, Тоби, – любезно вопрошает Дэн. – Как там твой проект?

Ух! Силы небесные, я ясновидящая!

А в голову закрадываются странные мысли. Не знаю, виной ли всему шардоне, эта мучительная викторина или полный тревог рабочий день, но... я теряю контроль над реальностью. Будто болтовня и смех в пабе разносятся где-то далеко-далеко. Лампы гаснут. И лишь Дэн остается ясным лучом света, единственным в этом темном...

Мы знаем друг о друге слишком много! В этом наша проблема. В этом корень всех моих вопросов о будущем. Я знаю все о своем муже. Все! Я могу читать его мысли. Могу предсказывать его действия. Могу заказать для него еду (не ошибившись даже в приемлемом количестве соли). Могу вести с ним короткие разговоры, когда не нужно ничего пояснять. Он и так понимает меня с полуслова.

Черт, да у нас каждый день – день брачного сурка. Не удивительно, что он боится такого однообразного будущего длиною в вечность. Кто захочет прожить еще шестьдесят восемь лет с тем, кто ночь за ночью ставит тапочки перед сном на одно и то же место под одним и тем же углом? (А, с другой стороны, что еще делать с тапочками? Не разбрасывать же их по всему дому! Да, не слишком удачный пример. Но суть в любом случае та же.)

Большими глотками пью шардоне, позволяя своим мыслям самим прийти к нужному заключению. Потому что на самом деле все довольно просто. Нам с Дэном нужны сюрпризы. Именно так. Мы должны удивлять друг друга. Нам нужно встряхнуть наш брак, потешить друг друга, бросить друг другу вызов мириадами маленьких сюрпризов. И тогда шестьдесят восемь лет пролетят со свистом на огромной скорости. Вот оно!

Дэн увлеченно болтает с Тоби, на меня даже не смотрит. Но выглядит изможденным, замученным (похоже, это заметила только я). Значит, нужно что-то, что поднимет ему настроение, заставит его улыбнуться, а может, и рассмешит. Что-нибудь забавное, но при этом необычное. Что-нибудь романтическое. Чего он совсем от меня не ждет. То, что удивит его.

Вот только что? Слишком поздно устраивать приватный танец (на самом деле он их терпеть не может!). Но неужели я ничего не могу сделать прямо сейчас, что хоть на время излечило бы нас от нашей хандры? Еще глоток ужасного шардоне, и ответ как на ладони. Простой и ясный, как и все лучшие ответы.

Достаю блокнот и склоняюсь над столом – сочиняю любовное стихотворение.

Ты можешь удивиться,
Прошу тебя, не стоит.
Ведь то, что я тебя люблю,
И ткань времен не скроет.
Пусть будем рядом только мы
Всю эту бесконечность.
И не разрушит той любви...

Останавливаюсь, смотрю на возникшие будто из ниоткуда строчки. М-да, поэтического дара у меня никогда не было. Весь запал прошел. Как же мне закончить?

«Отмеренная нам вечность», – наконец пишу я. Рисую сердечко со стрелой и пару поцелуйчиков, как в старых девичьих дневниках, затем складываю листок в маленький прямоугольник, чтобы тот запросто мог поместиться в карман.

Остался вопрос: как тайно подсунуть Дэну мое стихотворение? Дожидаюсь, пока Дэн отвернется, и ловко забрасываю листочек в карман его пиджака, который висит на стуле. Когда он найдет его, сначала удивится, что это такое, затем медленно развернет и непонимающе уставится на строки, что согреют его душу. Надеюсь, что согреют. Все-таки мое стихотворение – не шедевр, но ведь истинные чувства важнее, правда?

– Хочешь ириску? – Тоби предлагает мне что-то из бумажного пакетика. – Сам приготовил. Тебе понравятся.

– Спасибо. – Беру ириску и с удовольствием кидаю в рот. Через пару секунд понимаю: лучше бы я этого не делала. Мои зубы склеились! Я не могу жевать, не могу говорить. Во рту будто огромный липкий кляп. Что за ерунда такая?

– Ну да, они немного вязкие, – говорит Тоби, видимо заметив мое онемевшее лицо. – Я называю их «Прощай, челюсть!».

Бросаю на него злобный взгляд в стиле: «Спасибо, что предупредил!»

– Тоби! Ты должен был заранее об этом сказать, – строго отчитывает его Тильда. – Не волнуйся, – поворачивается ко мне, – растает через минут десять-одиннадцать.

Одиннадцать минут?

– Итак, всем внимание! – возвращается к микрофону Дэйв. Должно быть, уже разрешил спор между девушкой и «фиолетовыми». Жизнерадостность и веселье его куда-то улетучились, видимо, ему, как и нам, уже не терпится все закончить. – Двигаемся дальше, следующий вопрос был: сколько актеров сыграло Доктора Кто в культовом сериале? И ответ: тринадцать.

– Неверно, – тут же взвыл толстячок в фиолетовом поло. – Их сорок четыре.

Дэн опасливо смотрит на него.

– Не может этого быть, – вставляет он. – Слишком много.

– Доктор Кто был не только в сериале от Би-би-си, – с важным видом выдает «фиолетовый».

– Вопрос был про сериал, – подает голос девчушка за соседним столиком. – И вообще, их четырнадцать. – Был еще один, Военный Доктор. Его играл Джон Херт.

– Слушайте, – встречается осажденный со всех сторон Дэйв. – Листы с ответами у меня, и тут написано...

– Нисколько не сыграло, – выкрикивает Тоби. – Это вопрос с подвохом. «Доктор Кто» – это название сериала, а не персонажа. Персонажа называют просто Доктор. Выкусили? – добавляет он, страшно довольный собой. – Видели бы вы ваши лица, все те, кто написал номер. Мне бы фото в инстаграм выложить с хэштегом «boomkanani»²³.

– Нет, это распространенное заблуждение. – Мужчина в фиолетовом поло бросает на Тоби уничтожающий взгляд. – Их сорок четыре, как я и сказал. Озвучить полный список?

– Кто-нибудь написал «тринадцать»? – упорно продолжает Дэйв, но его никто не слушает.

– Кто вы вообще такие, черт вас возьми? – выкрикивает мужчина в цветастой рубашке и с красным лицом за дальним столиком. Его враждебный взгляд направлен на «фиолетовую» команду. – Это должна была быть дружеская викторина, а вы приперлись сюда в своих чертовых поло и спорите со всеми...

– Ох, не любишь незнакомцев, – издевательски протягивает «фиолетовый». – Прошу прощения, Адольф.

– Как ты меня назвал? – тяжело выдыхает мужчина в цветастой рубашке и отпихивает в сторону стул.

– Как слышал. – «Фиолетовый» тоже встает и угрожающе двигается в сторону «цветастого».

²³ Boom-kanani! – сленговое триумфальное восклицание, пришедшее в английский язык из гавайского пиджина (смесь нескольких азиатских языков с английским). Обрело популярность во всем мире в качестве хэштега в инстаграме.

– Нет, я не собираюсь на это смотреть, – говорит Оливия. – Пойду покурю.

Она надевает Дэнов пиджак, затем в недоумении смотрит на пиджак Саймона (в полутьме бара пиджаки кажутся почти неотличимыми) и обратно на тот, который на ней.

– Постойте-ка. Саймон, это твой пиджак? – кивает она на тот, что на стуле.

– Пиджак Саймона сейчас на тебе, – сразу отвечает Дэн. – Мы поменялись стульями. Ему захотелось со спинкой пониже.

Лишь спустя пять секунд до меня доходит: я что, положила свою любовную лирику в пиджак Саймона?!

– У тебя есть зажигалка? – Оливия засовывает руку в карман и достает мой бумажный прямоугольник. – А это что такое?

Разворачивает, и лицо ее становится бледным как полотно. Только не это! Я должна все объяснить. Пытаюсь разжать зубы, чтобы что-то сказать, но предательская ириска, как назло, склеила их, как клеем «Момент». Отчаянно машу руками, пытаюсь привлечь внимание Оливии, но та все еще смотрит на бумажку с выражением крайнего отвращения на лице.

– Опять? – наконец выдыхает она. – Саймон?

– Что «опять»? – поворачивается Саймон, который все это время увлеченно следил за перепалкой «фиолетового» с «цветастым».

– Ты обещал мне! – Голос Оливии полон такого презрения. Я готова провалиться сквозь землю от стыда. – Саймон, ты обещал, что больше никогда!

Она размахивает стихотворением у него перед носом. Саймон вчитывается, лицо его белеет с каждой строчкой.

Я пытаюсь схватить бумажку и привлечь их внимание, но Оливия в упор меня не видит. Глаза ее полыхают гневом.

– В первый раз это вижу! – оправдывается Саймон. – Оливия, ты должна мне поверить! Я понятия не имею... ик... кто... ик... мог... – Бедняга аж начал заикаться.

– Ах, понятия не имеешь! – беспощадно напирает Оливия. – Да здесь уже все в курсе! Очевидно же, что этот кусок безграмотного мусора от твоей «коллегочки». «Ведь то, что я тебя люблю, и ткань времен не скроет...» – зачитывает она елеинным голоском. – «Пусть будем рядом только мы...» Откуда она откопала эту хрень? С какой-то дурацкой валентинки?

Могу поспорить, мое лицо сейчас ярко-пунцовое. Никогда не думала, что Оливия может быть настолько язвительной. Решительным рывком побеждаю клейкую ириску и не менее решительно вырываю бумагу из рук Оливии.

– Вообще-то, это мой стих, – стараюсь говорить беспечным тоном. – Он для Дэна. Я перепутала пиджаки. В общем, это... наше. Мое. Не для Саймона. Тебе не о чем беспокоиться. Короче... да.

Умолкаю, когда понимаю, что все за нашим столом ошарашенно смотрят на меня. Я бы посмеялась застывшей маски ужаса на лице Оливии (смотрите фильм «Крик»), если бы так перед ней не опозорилась.

– Короче, это для тебя, Дэн, – смущенно передаю ему бумажку. – Можешь прочитать сейчас... или потом. Оно короткое, – добавляю я, если вдруг Дэн ожидает что-то вроде длинной поэмы со сложными метафорами.

Удивленным-то Дэн выглядит, но совсем не так, как я хотела. Смотрит на бумажку, откашливается и засовывает ее в карман, не читая.

– Я не хотела... – Оливия сжимает кулаки крепче, чем когда-либо, костяшки кажутся почти прозрачными. – Сильви, мне очень жаль. Я не хотела тебя оскорбить.

– Все хорошо, правда...

– Да таких, как ты, вообще сюда пускать нельзя! – Раскатистый бас «цветастого» мужчины заставляет нас всех подпрыгнуть. – Позорище! У тебя все время был телефон под столом!

– Ложь! – орет в ответ «фиолетовый». – Гнусная клевета!

«Фиолетовый» резко толкает ближайший стол в сторону «цветастого», бокалы падают, стукаясь друг о друга.

– Мочи его! Мочи! – кричит Тоби.

– Тоби, тихо! – цыкает Тильда.

– Итак, давайте продолжим! – Дэйв в отчаянии хватается за микрофонную стойку, пытаясь перекрыть разразившийся гвалт. – Следующий вопрос был: какой британский конькобежец выиграл золото на...

Он замолкает, ибо «фиолетовый» полез на «цветастого», а за ним и вся команда. Толпа превращается в дерущийся пестро-фиолетовый клубок. Шум и гам стоят, будто на футбольном стадионе. Русская девушка визжит, словно кто-то пырнул ее ножом.

– Народ! Народ! Пожалуйста, успокойтесь! – умоляет со сцены Дэйв.

Вот так благотворительная викторина превратилась в драку в пабе. Люди по-настоящему бьют друг друга. Не думала, что доживу до такого.

– Пойдем отсюда, Сильви, – шепчет мне на ухо Дэн.

– Да, идем, – мгновенно отвечаю я.

По дороге домой Дэн достает из кармана мое стихотворение и читает его. Переворачивает листок, будто ожидал большего. Затем читает еще раз и только тогда убирает. Он выглядит растроганным и немного сбитым с толку. Что ж, наверное, больше сбитым с толку, чем растроганным.

– Дэн, послушай, – поспешно начинаю я. – Я хотела тебе все объяснить.

– Это насчет стихотворения? – вопросительно смотрит на меня.

– Да, насчет стихотворения! А ты думал, про комплекс термосжигания?

– Тебе не нужно ничего объяснять. Я все понял. Было приятно, – добавляет он после минутного раздумья. – Спасибо.

– Дело не только в стихотворении, – нетерпеливо выпаливаю я. – Я имела в виду самую идею, замысел, сам факт этого стихотворения. Мне кажется, я придумала то, что решит все наши вопросы.

– Понятно. – Дэн снова вынимает бумажку и рассматривает ее при свете уличного фонаря. – Там должно было быть продолжение?

– Нет, – оправдываюсь я. – Оно закончено.

– Ах.

– Стих – это только начало, Дэн. Послушай, что я придумала. Мы должны удивлять друг друга. Это будет наш совместный проект, такая игра. Мы назовем ее... – призадумываюсь на минутку, – «Удиви меня».

К моему счастью, Дэн и вправду выглядит удивленным. Ха! Вот и началось! Я думала, Дэн сразу зацепится за эту идею, но он неуверенно смотрит на меня.

– Ясно... И зачем?

– Чтобы пройти через наши бесконечные утомительные десятилетия, конечно! Представь, что наш брак – это эпическая киносага! Никто ведь не скучает в кино, так? А почему? Потому что не знает, какие сюрпризы готовит им следующая сцена!

– Я уснул на «Аватаре», – бурчит он.

– Я имела в виду какой-нибудь захватывающий фильм, – объясняю я. – Да и уснул ты на середине, совсем ненадолго. Плюс ты был уставшим.

Мы уже у входной двери, и Дэн тянется за своим ключом. И вдруг, узрев что-то за моим плечом, пятится назад с выражением крайнего ужаса на лице:

– Бог ты мой. Не оборачивайся, Сильви. Не оборачивайся, – бормочет он. – Это ужасно. Не смотри.

– Что? – мгновенно оборачиваюсь я, мое сердце учащенно бьется. – Что там такое?

– Сюрприз! – восклицает Дэн и открывает входную дверь.

– Не такие сюрпризы! – яростно шагаю я в коридор. – Не такие!

Нет, ну серьезно. Он совсем не уловил сути. Я имела в виду приятные сюрпризы, а не дурацкие розыгрыши.

Няню, которая сегодня сидела с девочками, зовут Бет, и раньше мы ее никогда не приглашали. Когда мы заходим на кухню, она нам весело улыбается, я же не могу улыбнуться в ответ. Весь дом завален игрушками. На полу словно раскидали жертв игрушечной чумы.

Мы, конечно, не самая чистоплотная семья в мире, но мне не хочется ходить по дому, натываясь на игрушечную мебель.

– Эм... Здравствуй, Бет, – выдавливаю из себя я. – Как дела?

– Ох, отлично! – Она уже надевает куртку. – Ваши девочки такие милахи. Они не могли уснуть, поэтому я разрешила им поиграть еще чуть-чуть. Мы славно повеселились!

– Да... Я вижу.

Везде запчасти от *Lego*. Одежка для кукол. Миниатюрная мебель *Sylvanian Families*.

– Ну, тогда до следующего раза, – беспечно щебечет Бет, забирая у Дэна деньги. – Благодарю.

– Да... До следующего...

Вот и все, что я успела сказать перед тем, как захлопнулась входная дверь.

– М-да-а, – протягиваю я, озираясь по сторонам.

– Оставь это, – говорит Дэн. – Встанем утром пораньше, скажем девочкам помочь убрать...

– Нет, – качаю головой. – Утром всегда такая спешка. Нужно хотя бы часть убрать сейчас.

Опускаюсь на корточки и начинаю собирать миниатюрные стульчики и столы. Ставлю их на подставку, добавляю крошечные кукольные пакетики хлопьев. Спустя минуту Дэн вздыхает и принимается собирать лего-детальки с видом каторжника, скованного одной цепью с миллионами других.

– Как много часов в нашей жизни мы...

– Не начинай! – прерываю его я.

Ставлю махонькие кастрюльки на игрушечную плиту и глажу их пальцем. Обожаю игрушки от *Sylvanian Families*.

– Я говорила серьезно, – внезапно говорю я, поднявшись на ноги. – Будем устраивать друг другу маленькие сюрпризы. Неожиданные. Чтоб всю жизнь чувства горели синем пламенем. – Жду, когда он сложит собранные детальки в ящик с игрушками. – Что думаешь? Ты готов к этому?

– К чему именно? – Он опять «волнует лоб». – Все еще не понимаю, что я должен делать.

– В этом-то и смысл. Нельзя сделать что-то правильно или неправильно. Просто... используй свое воображение. Экспериментируй. Развлекайся! – Наклоняюсь к Дэну, обнимаю его за шею и ласково шепчу: – Удиви меня.

5

Я невероятно взволнована.

Дэн сказал, что не может просто так из ничего придумать для меня сюрприз, ему нужно время, чтобы придумать что-нибудь замечательное. Так что у нас обоих была неделя подготовки. Это почти как готовиться к Рождеству. Я знаю, что Дэн воспринял мою идею очень серьезно, так как он практически не вылезал из гугла. Ну а я... Я безумно горжусь своей идеей! Мне уже не терпится начать! Я даже завела для этого специальный блокнот, заботливо подписав: «Игра «Удиви меня». Ох, Дэн даже не представляет, что его ждет.

Удовлетворенно смотрю на первую страницу, где аккуратно выведено: «Удиви меня. Суперплан», когда слышу за дверью легкую поступь миссис Кендрик. Поспешно закрываю блокнот и возвращаюсь к компьютеру: мне нужно срочно составить текст для буклетов к выставке «Шелковый ветер». Мы распечатаем буклеты на кремовой бумаге и каждый подпишем вручную иссиня-черной перьевой ручкой. (Шариковые ручки миссис Кендрик также «крайне не одобряет»).

Веер XIX века, ручная роспись. Французский мастер (неизвестен).

– Доброе утро, миссис Кендрик, – с улыбкой приветствую ее я.

– Доброе утро, Сильви.

На миссис Кендрик сегодня бледно-голубой костюм с любимой брошкой-камеей, а на лице традиционный хмурый взгляд. Традиционный для тех дней, когда приезжает злобный племянник. Видимо, сейчас он остановился у нее, что и объясняет, почему она так подавлена. Должно быть, он каждый день за завтраком читает ей лекции о современных успешных музеях. Вот она снова тревожным взглядом обводит мансарду, словно безмолвно говоря: «Что-то здесь не так, но я не знаю, что». Затем она обращается ко мне.

– Сильви, – спрашивает она, – а ты слышала о Дне музейного селфи?

Она произносит это так, будто пытается говорить на незнакомом ей иностранном языке.

– Да, – осторожно отвечаю я. – Слышала. А что случилось?

– Роберт только что упомянул об этом. Он считает, нам нужно поучаствовать.

– Что ж, – пожимаю плечами я. – Думаю, мы могли бы. Но я не думаю, что мы сможем привлечь этим новых меценатов. Такие акции все же для немного другой аудитории. Если честно, повальное увлечение селфи лишь отпугнет некоторых наших покровителей.

– Ах, – кивает миссис Кендрик. – Вполне. Вполне. Интересная точка зрения. – Она умолкает, и взгляд ее становится еще более тревожным. – Сильви, могу я тебя спросить, – она опускается до шепота, – что такое «селфи»? Я везде слышу это слово, но никогда не понимала, что оно значит. У Роберта я спросить не могла, ты же понимаешь...

Бог мой. Закусываю губу, представляя бедняжку миссис Кендрик за завтраком: Роберт что-то деловито вещает ей о дне селфи, а она даже не понимает, что это такое.

– Селфи – это такая фотография. Автопортрет, – добродушно рассказываю я. – Когда ты фотографируешь сам себя где-то в основном на телефон.

Не уверена, что миссис Кендрик сможет до конца понять. В ее мире телефон – это аппарат на тумбочке с трубкой и проводом-макарониной. Она медленно покидает офис, должно быть, чтобы уныло пожевать печенье от *Tesco Value*, которое мы теперь покупаем. Я же набираю новую подрисуючную надпись.

Веер с перьями...

Пока печатаю, во мне борются противоречивые чувства. Конечно, я до сих пор «крайне не одобряю» поведение Роберта, который втоптал наш тесный уютный мирок в грязь и довел свою тетю. Но с другой стороны, если он предлагает нам провести День музейного селфи,

может, он вовсе не собирается закрывать нас ради многоквартирного дома? Может, он и вправду хочет нам помочь?

И стоит ли нам участвовать в Дне музейного селфи?

Так и вижу, как наши пожилые меценаты в париках пытаются сделать селфи, держа сморщенными ручками смартфоны. Я прекрасно понимаю, с чего у Роберта возникло такое предложение, но неужели он не уловил атмосферу нашего музея? Неужели не видел, кто в основном к нам приходит?

Тем не менее вывожу: «День музейного селфи?», на клейком листочке для заметок и вздыхаю. Это довольно дальновидная идея, которая привела бы меня в восторг в то время, когда я только начинала работать в Уиллоуби-хаус. Если честно, я в свое свободное время разрабатывала целую цифровую стратегию. Я откопала свою писанину вчера вечером, чтобы посмотреть, есть ли там что-нибудь полезное для нас. Меня поразило, насколько средневековой теперь кажется моя стратегия. Там были ссылки на веб-сайты, которые больше не существуют.

Миссис Кендрик в свое время встретила эту стратегию своим обычным «Не думаю, милочка, что нам это нужно». Она никогда не использовала мои идеи. Уиллоуби-хаус жил по своим собственным милым, причудливым законам. И все было хорошо. Мы были счастливы. Разве не может быть в мире хотя бы одного места, которое не похоже на все остальные?

С очередным вздохом проверяю себя по заметкам, которые составил для нас любимый специалист миссис Кендрик. Вот только про этот веер он ничего больше не написал. Серьезно? Больше он ничего не может сказать про этот экспонат. Не могу же я так оставить, звучит просто ужасно. Сомневаюсь, что на выставке в Виктории и Альберте такое бы допустили.

Всматриваюсь в фотографию веера: он огромный и броский, с цветными перьями. Дописываю «вероятно, принадлежал куртизанке» (надеюсь, что так и было), и тут мой телефон вибрирует и на экране высвечивается «Тильда».

– Привет! – придерживаю трубку ухом, а сама продолжаю печатать. – Как дела?

– У меня для тебя гипотетическая ситуация, – начинает она безо всяких предисловий. – Предположим, Дэн купил тебе кое-что из одежды в качестве сюрприза и тебе это не понравилось.

Мозг мой работает с быстротой молнии. Значит, Дэн мне что-то купил, и Тильда знает, что. Но как? Может, он спрашивал у нее совета? Но тогда как мне может не понравиться? Что же *такое* он купил? Нет, не хочу знать. Не должна знать. Я не могу испортить ему сюрприз.

И опять же, я не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню, даже если они не идеальны. Я не какая-то мелочная жена с манией контроля. Я уже рада, что Дэн выбрал для меня что-то, и я приму это с искренней улыбкой, что бы это ни оказалось.

– Я оценю это, что бы это ни оказалось, – немного по-ханжески повторяю я уже для Тильды. – Я и вправду люблю то, что он мне купит. Ведь для этого и существуют подарки. Дело не в самих вещах, которые сами по себе не важны, а в чувствах, что в них вкладывает дарящий.

Заканчиваю печатать подпись к вееру с каким-то прекрасным, почти благородным чувством оттого, что я совсем не меркантильная.

– Допустим. – Похоже, Тильду убедить мне не удалось. – Но предположим, что подарок безумно дорогой, но при этом совершенно безобразный?

Пальцы замирают над клавиатурой, не допечатав слово «расшитый».

– Насколько дорогой? – выдавливаю я наконец. – И насколько безобразный?

– Не хочу выдавать Дэна, – с опаской произносит Тильда. – Все-таки это должен быть сюрприз.

– Ну хоть что-нибудь расскажи, – невольно понижаю голос. – Дэн не узнает.

– Хорошо. – Тильда вдруг тоже заговорила шепотом. – Допустим, это что-то из кашемира, но довольно... *странного* цвета?

И снова в голове вращаются молнии-жернова. Кашемир! Дэн купил мне что-то кашемировое. Но боже мой, какого же цвета? У Тильды весьма своеобразное представление о цветовой гамме, но даже если она считает цвет странным...

– Какого? Какого цвета? – не могу удержаться я.

– Дэн попросил меня принять доставку, а коробка была немного приоткрыта, я всего одним глазком взглянула и... – вздыхает. – Не знаю точно, но думаю, тебе не понравится.

– Так какой цвет?!

Тильда снова вздыхает:

– Сине-серо-зеленый. Вроде. Отвратительный. Тебе прислать фото?

– Да! – выпаливаю я.

В ужасе жду, когда придет письмо, затем дрожащими руками нажимаю на ссылку.

Силы небесные! Видимо, Тильда угадала мою реакцию, потому что в трубке сразу слышится:

– Знаю. Кошмар полнейший.

– Как вообще можно было придумать такой цвет?

– Меня не спрашивай.

Сам джемпер довольно симпатичный, хоть и немного скучного фасона. Но этот цвет! На фотографии этот джемпер на красивой модели-азиатке с бирюзовыми стрелками на глазах и темно-синей помадой в тон. Такую девушку этот джемпер только украшает. Но я, с моей бледной кожей и золотистыми волосами? Как это будет смотреться на мне?

– Дэн не виноват, его развели, – утверждает Тильда. – Он сказал: «Сотрудники интернет-магазина были такими вежливыми по телефону, помогли мне выбрать». Еще бы они не помогли! У них кипа отвратных джемперов цветом как униформа работников бензоколонки. И кипу эту нужно распродать, а тут появляется Дэн, аки агнец невинный, с кредиткой.

– Что же мне делать, Тильда? – мой голос срывается. – Что же мне делать?

Ощушаю себя уже не такой благородной и не меркантильной. Нет, я понимаю, что важны чувства, которые Дэн хотел выразить этим подарком... Но я вовсе не хочу дорогуший сине-зеленый джемпер, который будет вызывать у меня отвращение каждый раз, когда я буду видеть его в своем шкафу. Не хочу наткнуться на непонимающий взгляд Дэна, слышать вопросы вроде: «А почему ты не носишь джемпер, который я тебе подарил?» Или хуже, надевать джемпер каждый раз на наши свидания, чтобы порадовать Дэна.

Сказать Дэну, что мне очень нравится? Тогда Дэн подарит мне на Рождество шарфик и варежки в тон (придется сказать, что и они мне нравятся), а потом еще пальто со словами: «Выбирал специально для тебя. Это твой цвет, родная...»

– Может, обменять джемпер? – предлагает Тильда.

– Ага, так и представляю... – вздрагиваю я. – Ох, Дэн, милый, спасибо. Мне так нравится. Идеальный подарок, вот только пойду поменяю на другой цвет.

– Может, мне как-нибудь намекнуть Дэну?

– Ты это сделаешь для меня? – с облегчением вздыхаю я.

– Признаюсь, что мельком увидела джемпер, скажу, что хорошо знаю этот лейбл одежды и что у них есть кое-что, что подойдет тебе гораздо лучше. Просто дружеский совет.

– Тильда, да ты мой ангел-хранитель!

– Так что мне ему посоветовать?

– Ой. Я раньше никогда не была на этом сайте.

И честно, я удивлена (и впечатлена одновременно), что Дэн решил искать подарок для меня там. Самый лучший шикарный шотландский кашемир (и даже не по скидке!).

Увлеченно листаю страницы сайта и натываюсь на... Вот оно! Кардиган «Нэнси». Совершенно потрясающий. Плавные линии, фасон, который стройнит фигуру, симпатичный тонкий пояс. Будет фантастически смотреться с джинсами.

– Взгляни на кардиган «Нэнси», – восторженно говорю я в трубку.

– Секундочку... пока до него не дошла... – Небольшая пауза, затем Тильда прям-таки визжит мне в трубку. – Вау! Прекрасно. Тебе идеально подойдет! Скажу Дэну, чтобы заказал тебе этот вместо мерзко-синего. Какой цвет ты хочешь?

Смотрю представленные в наличии цвета и чувствую себя ребенком в магазине сладостей. Я и не думала, что выбирать для себя подарок-сюрприз так забавно!

– Цвет морской пены, – после долгих раздумий выбираю я.

– Отлично. Размер какой?

– Эм... – неуверенно рассматриваю страницу веб-сайта. – Десятый. А может, и двенадцатый. Какого размера джемпер?

– Десятого, – сообщает Тильда. – Но это маломерка. Знаешь что, я скажу Дэну, чтобы заказал оба размера, а взгляну и решу, какой подойдет. Я это все к чему: если уж ищем для тебя идеальный подарок, пускай все будет идеально.

– Тильда, спасибо тебе огромное!

– Ох, было бы за что. Это все довольно забавно: заветная коробочка, прибывающая тайно... – Полминуты тишины, затем она спрашивает: – А с чего это Дэн решил подарить тебе такой дорогой джемпер? Просто так? Или есть особый повод?

– Эм... – Даже не знаю, что ответить. Я никому не рассказывала о нашей с супругом маленькой игре. Но Тильде довериться можно. – Вроде как, – после секундного колебания отвечаю я. – Я расскажу тебе все при встрече.

Сегодня я уже не жду новостей от Тильды, но спустя два часа, когда я уже почти закончила текст для буклетов, она мне перезванивает:

– Они здесь!

– Кто здесь? – непонимающе переспрашиваю я.

– Не кто, а что! Твои кардиганы! Дэн изменил заказ, курьеры приехали, забрали джемпер и доставили кардиганы. Быстро и удобно, я должна сказать.

– Вау! И вправду быстро. Говори, не томи. Как кардиганы?

– Они роскошные! – восклицает Тильда. – Но вот размер... Не могу я на глаз сказать. Слушай, а почему бы тебе не заскочить ко мне и не примерить их?

– Примерить? – неуверенно смотрю на телефон. Выбирать подарок-сюрприз для самой себя, конечно, весело. Но не зашло ли это слишком далеко?

– Разве не должна для меня остаться хоть какая-то загадка?

– Загадка? – фыркает Тильда. – Сейчас я тебе загадаю загадку. Приезжает Сильви, примеряет кардиганы, выбирает тот, что сидит лучше. Ответ: точное попадание. В конце концов, я могу и ошибиться, и станет еще хуже, чем было.

Говорит она убедительно, я соглашаюсь.

– Хорошо, – смотрю на часы. – В любом случае уже время обеда. Жди, скоро буду у тебя.

* * *

Подхожу к дому Тильды и слышу странный грохот, доносящийся со второго этажа. Тильда открывает дверь, обнимает меня и тут же кричит через плечо: «Ты что там творишь?!»

Через минуту снизу спускается Тоби в старой белой футболке и черных джинсах, в руках у него молоток.

– Привет, Сильви. Как дела? – вежливо кивает он и поворачивается к матери, не дождавшись моего ответа: – Что значит «что я творю»? Ты прекрасно знаешь. Мы это обсуждали.

Тильда медленно дышит, ее грудь тяжело вздымается:

– Обсуждать-то обсуждали. Но откуда столько шума?

– Я устанавливаю колонки, мама, – говорит Тоби беспечно, будто это совершенно очевидный ответ.

– Но почему так долго?

– Мам, ты когда-нибудь ставила акустическую систему? – в голосе Тоби появляются нотки раздражения. – Нет? Так вот. Устанавливать колонки дома и стучать при этом молотком – это нормально. Пока, Сильви. Приятно было пообщаться, – снова вежливо кивает мне Тоби и скачет вверх по лестнице.

Я невольно улыбаюсь, когда Тильда бросает ему в спину сердитый взгляд.

– Стену не сломай! – кричит она ему вслед. – Долби сколько хочешь, только не сломай стену!

– Я и не собирался. С чего вдруг? – обиженно отзывается сверху Тоби и хлопает дверью в свою комнату.

– Боже, Сильви, – хватается за голову Тильда. – Этот мальчик понятия не имеет, что он делает. Но достал же откуда-то ящик с инструментами...

– Не волнуйся, – успокаиваю ее я. – Уверена, стену он не снесет.

– Да, может быть, – неуверенно бормочет Тильда. – В любом случае... – Вдруг она поднимает глаза на меня и смотрит с таким изумлением, будто впервые видит. – Что мы... Ах да! Кардиганы!

– Кардиганы! – эхом отзываюсь я, чувствуя приятное покалывание по всему телу. Иду за Тильдой в ее солнечный кабинет с ярко-желтыми стенами, высокими книжными полками и двустворчатыми, выходящими в сад окнами до пола. Тильда достает из-под стола плоскую и довольно дорогую на вид коробку.

– Они идеальны, – приговаривает она, когда я поднимаю крышку. – Осталось лишь выбрать.

Беру в руки кардиганы и чуть ли не визжу от восторга. Шерсть такая мягкая и приятная на ощупь, а цвет совершенно невероятный. И как только Дэн мог остановиться на том синем безобразии...

Так. Сейчас не об этом.

И тут дьявольские, ноющие звуки дрели сотрясают второй этаж. Тильда аж подпрыгивает и в отчаянии смотрит на потолок:

– А сейчас-то что?

– Все будет хорошо, – заверяю ее я. – Должно быть, он просто ставит крепежные скобы или что-то в этом роде.

Осторожно примеряю кардиган десятого размера, затем двенадцатого, потом снова десятого. С восхищением оглядываю себя со всех сторон в большом зеркале Тильды.

– Сногсшибательно, – комментирует Тильда, – но ты мне так и не сказала, по какому поводу этот подарок. День рождения? Рождество? – с любопытством спрашивает она. – Вряд ли годовщина свадьбы...

– Ох, – перестаю любоваться своим отражением. Думаю, ничего страшного не случится, если я расскажу Тильде, хотя это и слишком личное. – Понимаешь... Мы с Дэном решили устраивать друг другу маленькие сюрпризы. Удивлять друг друга.

– Да? – Глаза Тильды загораются все большим любопытством. – А почему?

Решаю пока не говорить ей о нашем вечном семейном союзе. Ей это покажется немного странным.

– Потому что... А почему бы и нет? – пытаюсь увильнуть я. – Чтобы сохранить наш брак. Оживить отношения, сделать их интересными. Потому что это весело.

– Весело? – в непритворном ужасе переспрашивает Тильда. – Что веселого в сюрпризах?

– Да все! – Честно говоря, меня веселит уже ее выражение лица.

– Я еще могу понять про «сохранение брака». Но при чем тут сюрпризы? – Она решительно мотает головой. – Сюрпризы иногда плохо кончаются, знаешь ли.

– Вовсе нет! – возражаю я, слегка обидевшись. – Все любят сюрпризы.

– Жизнь и без того полна неожиданностей. Зачем добавлять еще? Повторяю, хорошо это не закончится, – мрачно говорит она, я же начинаю злиться.

– Да откуда у вас всех эта мировая скорбь? Слушай, просто потому, что ты не любишь сюрпризы, еще не значит...

– Ты права, – кивает она. – Я не люблю сюрпризы. По собственному опыту знаю, готовишь один сюрприз, а выходит... Когда мне было двадцать восемь, мой молодой человек – его звали Лука, итальянское имя – устроил мне вечеринку-сюрприз в знак своей любви ко мне. Вот только на этой вечеринке я застукала его с моей кузиной понятно за каким занятием. Сюрприз-сюрприз.

– Ох, – все, что я могу выдавить.

– Пока все на празднике пели мне «С днем рождения тебя...».

– Бог ты мой.

– Не думаю, что они встречались. Наверняка просто перепихнулись пару раз за моей спиной.

– Эм... – нахмурилась я. – Это и вправду было...

– Мы ведь встречались с ним три года до той вечеринки, – не останавливается Тильда, – и были счастливы. Если бы не эта вечеринка, я бы, возможно, вышла замуж за Луку, а не за Адама. И жизнь моя не превратилась бы в сплошной бардак. Слышала, он вернулся в Италию. Иногда я даже просматривала его страничку на Фейсбуке. Тоскана, Сильви. Прекрасная Флоренция! Я думаю, тебе нужно взять десятый размер, – на одном дыхании выдает она. – Хорошо сидит в плечах.

– Эм... – повторяю я, как заевшая пластинка, все еще пытаюсь переварить то, что говорит Тильда. Тильда блестяще умеет перескакивать с одной темы на другую, и иногда этих тем слишком много. – Ну, если бы ты не вышла за Адама, ты бы не родила Тоби с Габриэллой, – отмечаю я. Собираюсь и дальше развивать тему детей, как дверь в кабинет Тильды распахивается и на пороге появляется Тоби: в волосах и на бороде хлопья штукатурки, в руках – электрическая дрель.

– Стены – дерьмо, – негодуяще выдает он. – Убогая дешевка. Сколько ты заплатила за дом?

– Что ты натворил? – вопрошает Тильда.

Он хмурится и игнорирует вопрос:

– Они хлипкие. Стены должны быть твердыми. Не должны разваливаться по кускам.

– Разваливаться по кускам?! – взвизгнула Тильда. – Что значит «разваливаться по кускам»? Что ты натворил, я тебя спрашиваю?

– Слушай, я не виноват, – оправдывается Тоби. – Если бы дом был построен на совесть...

Машет рукой с дрелью в сторону двери и, видимо, по ошибке нажимает кнопку «Вкл.», так как насадка дрели в ту же секунду врезается в дверной косяк и шумно начинает сверлить.

– Тоби! – кричит Тильда сквозь шум. – Остановись! Выключи эту штуку!

Тоби молниеносно выключает дрель и вытаскивает наконечник из дырочки, которая теперь украшает дверной косяк.

– Не знаю, что произошло, – спокойно говорит Тоби, безучастно осматривая дырку. – Такого не должно было быть.

– Что ты натворил? – в третий раз спрашивает Тильда. Сейчас она не кричит, но голос ее полон стали.

– Там... В общем... Дыра, – отвечает Тоби, но, поймав взгляд Тильды, испуганно сглатывает, мигот растеряв всю свою уверенность. – Я надеюсь, что смогу ее прикрыть чем-то. Да, именно так я и сделаю. Пока, Сильви, – добавляет он и поспешно ретируется.

– Пока, – киваю я ему и закусываю губу. Только бы не рассмеяться, только бы не рассмеяться. Но у Тильды такое потешное выражение лица.

– Моя жизнь могла быть совсем другой, – протягивает Тильда, обращаясь скорее к пространству, чем ко мне. – Жила бы в Тоскане. Делала бы собственное оливковое масло.

– Эй, тут Дэн на пороге, – раздаётся сверху голос Тоби. – Мне его впустить?

Меня словно молнией ударило. Дэн? Дэн здесь?

Мы с Тильдой в ужасе смотрим друг на дружку.

– Все хорошо, Тоби! Я сама его введу! – кричит Тильда Тоби, а мне сдавленно шепчет: – Наверх, быстро. Не волнуйся, я его выпровожу.

Спешу вверх по лестнице, сердце бешено колотится, молюсь, чтобы Дэн не увидел меня сквозь волнистое стекло на двери Тильды и не узнал меня. Что он вообще тут делает?

– Здравствуй, Дэн. – С моего обзорного пункта на лестничной площадке вижу, как Тильда открывает ему дверь. – Какой сюрприз!

– Я сейчас еду в Клэпхэм на стройплощадку, – говорит Дэн. – Вот и решил заскочить и забрать посылку сейчас, пока Сильви на работе.

– Отлично! Просто замечательно! Проходи же в дом, не стой на пороге, – сердечно приглашает его Тильда. – Сюда, пожалуйста. В мой кабинет...

Сердцебиение приходит в норму, я глубоко вздыхаю. Так, не нужно паниковать. Он просто заберет коробку, уйдет и никогда не узнает, что я была здесь. Если честно, даже немного забавно прятаться от мужа в доме у лучшей подруги.

Тильда заводит Дэна в кабинет, а я немного наклоняюсь, чтобы послушать.

– ...очень мило, – говорит Дэн голосом, по которому слишком сложно угадать его эмоции. – Ты права, синий был немного... синим. Так какой размер, ты думаешь, мне стоит взять?

– Десятый, конечно, десятый, – уверяет его Тильда. – На Сильви будет смотреться великолепно.

– Отлично.

Пауза, затем озадаченный голос Дэна:

– Эм... А где здесь десятый размер?

Черт, черт, черт!

В ужасе опускаю глаза на свою грудь. Десятый размер сейчас на мне!

– Ой! – отчаянно пискнула Тильда. – Ой... Точно же! Я отнесла его наверх... Спросить мнение Тоби... Сейчас принесу. Побудь пока здесь, – хрипло добавляет она.

Бежит в прихожую и машет мне руками в безмолвном отчаянии. Судорожными пальцами расстегиваю пуговицы, стягиваю с себя кардиган и вручаю Тильде через перила.

– Наверх, наверх, – одними губами шепчет Тильда.

Пока поднимаюсь по лестнице, краем глаза замечаю, как Дэн расхаживает по кабинету Тильды с коробкой в руках. В животе порхают бабочки. Фух! Вроде пронесло.

– А вот и мы. – Тильда передает Дэну кардиган, улыбаясь во весь рот.

– Теплый, – растерянно протягивает Дэн. Держу пари, он сейчас «волнует лоб».

– Он лежал на солнце, – не растерялась Тильда. – Какой чудесный подарок! Уверена, ей понравится. Но сейчас, я боюсь, мне нужно вернуться к работе.

Чувствую движение у себя за спиной, оборачиваюсь и вижу выходящего из своей комнаты Тоби, всего белого от гипсовой пыли и ошметков штукатурки.

– Ой, – удивленно икает он. – Привет...

Закрываю ему рот рукой, как заправский грабитель, прежде чем он произнесет «Сильви».

– Тихо, – яростно шепчу ему на ухо, отчего он лишь испуганно моргает. Он пытается вырваться, но я его не отпускаю. Пока небезопасно.

– Что ж, – слышу голос Дэна из прихожей. – Еще раз спасибо, Тильда. Ты мне очень помогла.

– Обращайся в любое время. – Тильда лукаво смотрит на него. – Какой-нибудь особый повод? Или просто так, маленький сюрприз?

– Просто маленький сюрприз, – улыбается Дэн. – Захотелось ее порадовать.

– Чудненько! Нет ничего лучше приятного сюрприза, – мило щебечет перед Дэном Тильда, мне же корчит еле заметную гримасу. – Увидимся, Дэн.

Она чмокает его в щеку и закрывает за ним дверь.

Отпускаю Тоби, который бросает на меня полный злобы взгляд, вытирая губы тыльной стороной ладони:

– Это че вообще было?

– Прости, – извиняюсь я, хотя мне совсем не стыдно. – Ты мог меня выдать. Я не могла рисковать.

– Так что это было? – требует ответа он.

– Да так, просто... – говорю я, поспешно спускаясь. – Подарок-сюрприз. Не говори Дэну, что видел меня, ладно? – Всматриваюсь сквозь фрамугу над дверью: – Где он? Точно уехал? Тебе видно?

– Уехал, не волнуйся, – отвечает Тильда, выглядывая на улицу через щелочку для почты, затем встает и преувеличенно тяжело вздыхает. – Видишь, какая со всем этим морока? Помяни мое слово, добром это все не кончится.

– Хватит уже! – с вызовом отвечаю я. – Это весело.

– Ну а ты что подаришь Дэну? – закатывает глаза Тильда. – Кашемировые носки?

– Много всего, – уже предвкушаю воплощение своих чудесных планов на завтра. Губы мои сами расплываются в мечтательной улыбке. – Много всего.

6

Сегодня я первая преподнесу Дэну свой сюрприз. Просыпаюсь раньше Дэна (как хорошо, что мои биологические часы меня никогда не подводили), слышу, как девочки тихо болтают и смеются в своей спальне. У меня есть полчаса, прежде чем они начнут спорить, кричать и мутузить друг дружку плюшевыми мишками.

Осторожно спускаюсь вниз, открываю входную дверь и жду, пока не появится парень из «Лондонской службы доставки» на мотоцикле.

– Привет, – машу ему рукой, когда он подъезжает к дому (только бы Дэн не услышал рев мотоцикла). – Вот, это тебе. А это, я так понимаю, мое, – приглушенным голосом говорю ему. – Спасибо.

Я так собой довольна. Любая жена может приготовить завтрак (да и муж тоже). Любой может положить пару круассанов на поднос или пожарить простейшую яичницу с беконом. Я пошла дальше, я приготовила Дэну *удивительный* интернациональный завтрак, который снесет ему крышу! (Образно.)

Ну, «приготовила» – не совсем то слово. «Заказала» будет вернее. Я нашла сайт, где ты можешь выбрать все, что угодно (прямо как в отеле), и тебе привозят все на дом в двух отдельных контейнерах (для горячего и холодного) вместе с серебряным подносом в комплекте. (За серебряный поднос приходится вносить депозит, но знаю, многие все равно оставляют поднос себе.)

– Шшш! – говорю я парню (он все еще в своем мотоциклетном шлеме), когда он громко опускает контейнеры на порог (должно быть, это от серебряного подноса такой звук). – Это сюрприз.

– Угу, – невозмутимо кивает парень и протягивает мне чек на подпись. – У нас часто сюрпризы.

– Да?

– Знали бы вы, сколько женушек в юго-западном Лондоне заказывают у нас завтраки для своих мужей. Сороковой день рождения, да?

– Нет! – отрезаю я и награждаю парня уничтожающим взглядом. Во-первых, я уникальная и непредсказуемая, а не просто очередная «женушка из юго-западного Лондона». Во-вторых, сороковой день рождения? Серьезно? Почему я должна быть замужем за сорокалетним? Мне всего-то тридцать два! И выгляжу я гораздо, *гораздо* моложе. И вообще, у меня близнецы и все такое. Должна ли я сказать: «Вообще-то, это для моего двадцатилетнего любовника»?

Нет. Я взрослая женщина, и мне плевать, что люди из службы доставки обо мне подумают. (Кроме того, вдруг Дэн появится в дверях в халате.)

– Большой заказ, – кивает парень на контейнеры. – Все, что он любит?

– Неа, – чуть ли не фыркаю я. – Это приготовленный на заказ интернациональный завтрак-сюрприз.

Ха! Понял теперь? Не такое уж и «юго-западное лондонское» клише, да?

Парень из службы доставки молча направляется к своему мотоциклу, а я заново покупаю на кухню. Срываю обертку с подноса – довольно красивого, матово-серебристого, с гравировкой «ЛСД» («Лондонская служба доставки», а не то, что вы подумали) – и начинаю сервировку блюд. Еда уложена в простые белые фарфоровые пиалы (за них тоже пришлось отдавать депозит), в наборе также идут салфетки и столовые приборы. Выглядит все просто потрясающе. Единственное, я не совсем уверена – какое блюдо где и как оно выглядит.

Да и разве это важно. Засовываю меню в карман моего халата – будем пробовать все, а там уже разберемся. Главное, осторожно донести поднос до спальни (и побыстрее, чтобы

горячие блюда не успели остыть), не опрокинув его. Поднос довольно тяжелый, но я делаю глубокий вздох и поднимаюсь по лестнице.

– Сюрприз!

Дэн, заспанный, отрывает голову от подушки и мутным взглядом смотрит на меня. Замечает поднос, и губы его расплываются в улыбке:

– Не может быть!

– Может! – довольно киваю я. – Удивительный завтрак в постель!

Направляюсь к нему и тяжело опускаю поднос на кровать (едва не перевернув).

– Только посмотри на это! – Дэн садится в кровати, умудрившись не опрокинуть поднос, и изумленно рассматривает яства, протирая сонные глаза. – Какое угощение!

– Это *удивительный* завтрак! – вновь повторяю я, подчеркивая слово «удивительный», чтобы посыл был ясен и понятен.

– Ух ты! – Глаза Дэна задерживаются на стакане ярко-пунцового сока. – Это у нас...

– Гранатовый сок, – довольно сообщаю я ему. – Вкусно и полезно. Долой опостылевший апельсиновый сок.

Дэн осторожно пробует и тут же кривит губы.

– Здорово, – не слишком здорово выдает он. – Очень... освежает.

Освежает в хорошем смысле? Или...

– Дай я попробую, – беру у Дэна стакан. Едва пунцовая жидкость касается моего языка, мои вкусовые рецепторы бунтуют. «Кисло, согласна. Но к такому вкусу нужно привыкнуть, – говорю я себе. – И я быстро привыкну».

– А что это вообще такое? – спрашивает Дэн, все еще рассматривая еду. – Какое-то тематическое меню?

– Это завтрак в стиле фьюжн, – гордо сообщаю я. – Интернациональный. Я сама выбрала все блюда. Немного европейских, американских, азиатская кухня... – вытаскиваю меню из кармана. – Должна быть маринованная сельдь, специально приготовленное мясо в немецких традициях...

– Это кофе? – Дэн указывает на маленькую чашечку.

– Неа, – смеюсь я. – Кофе бы никого не *удивил*. Это чай из артишоков и одуванчиков. Южноамериканский.

Дэн тут же теряет интерес к чашке и, взяв ложку, тянется к пиалке с какой-то кашеобразной субстанцией.

– Дай угадаю. Вот здесь вряд ли мюсли?

– Нет, – сверяюсь я со своим меню. – Это конджи. Китайская рисовая каша.

И если честно, выглядит она не так аппетитно, как я ожидала. Особенно это похожее на желатин яйцо, которое плавает на поверхности. От одного взгляда на него у меня желудок выворачивается наизнанку. Но китайцы же едят такое каждое утро. Целый миллиард людей же не может ошибиться, правда?

– Окееей, – Дэн отставляет пиалу с кашей в сторону. – А это что?

– Если не ошибаюсь, это индийский бульон из чечевицы, – снова сверяюсь с меню. – Если только это не маис со сливочным сыром.

В первый раз должным образом обвожу глазами поднос и понимаю: все, что я заказала, сводится в основном к клейким, вязким массам. Но откуда мне было знать? Почему на сайте нет фильтра «кашеобразная субстанция»? Они должны были сделать полезное всплывающее окно: «Вы действительно хотите заказать столько кашеобразных субстанций?» Надо будет предложить им это по электронной почте.

– Но мы ведь даже еще ничего не попробовали! – вручаю Дэну что-то круглое, похожее на большой пельмень. – Это иди. Индийское блюдо. Рисово-бобовые лепешки на пару.

– Угу. – Дэн берет у меня из рук идли и, посмотрев на лепешку пару секунд, кладет ее обратно на поднос. – Вау. Все это и вправду...

– Необычное, другое? – подхватываю я. – Не совсем то, чего ты ожидал?

– Такого я и представить себе не мог, – искренне отвечает Дэн.

– Так вперед! – в приглашающем жесте развожу руки в стороны. – Это все твое.

– Я это съем. Конечно, я все съем, – кивает он. Слишком часто кивает, будто пытается сам себя убедить в своих же словах. – Просто... сложно решить, с чего начать. Все выглядит так... – он умолкает. – А что это такое? – указывает на мясо по-немецки.

– Леберкэзе, – читаю я по меню, уж как могу. – Переводится как «печеночный сыр».

Дэн издает какой-то булькающий звук, я же ободряюще улыбаюсь ему, мысленно отчитывая себя за то, что вообще произнесла «печеночный сыр» вслух. Не самое лучшее слово для того, чтобы пробудить утренний аппетит, верно?

– Слушай, ты же любишь ржаной хлеб, – продолжаю я как ни в чем не бывало. – Почему бы не начать с этого?

Протягиваю ему миску со скандинавским угощением. Это маринованная сельдь со сметаной на ржаном хлебе. Идеально. Дэн накалывает кусочек рыбы на вилку, кладет в рот и медленно жует.

– Боже... мой... – Он хватается руками за горло. – Не могу... – С ужасом понимаю, что он давится. – Мне надо...

– Держи, – дрожащими руками сую ему салфетку. – Просто выплюнь сюда.

– Прости меня, Сильви, – произносит Дэн, избавившись от тошнотворного кусочка. Губы его дрожат, лицо посерело, на лбу выступили бисеринки пота. – Я не смог. Будто жую гнилую, разлагающуюся плоть... Что это было?

– Попробуй печеночный сыр, – предлагаю я, в отчаянии протягивая Дэну тарелку. – Он перебьет вкус рыбы.

Дэн выглядит так, будто его сейчас стошнит.

– Может быть, через минуту, – затравленно озираясь по сторонам. – А есть что-нибудь... Ну, знаешь... Нормальное.

– Эм... – лихорадочно изучаю меню. Уверена, что заказала немного клубники на десерт. Где же она?

И тут замечаю маленькую приписку внизу страницы: «Пожалуйста, примите наши извинения. Пункт «Клубничная корзинка» временно недоступен, поэтому мы заменили его в вашем заказе на блюдо египетской кухни «фуль мидамесс». Приятного аппетита».

Фуль мидамесс? Не нужны мне эти чертовы египетские вареные бобы! Смотрю на серебряный поднос, волна отчаяния захлестывает меня. Вот так мой удивительный завтрак превратился в кашеобразную субстанцию. Вязкую и неаппетитную. Лучше бы я купила круассаны. Или блинчики испекла.

– Прости меня, – горестно закусываю губу. – Дэн, пожалуйста, прости. Отвратный завтрак. Не ешь его.

– Не отвратный вовсе, – тут же возражает Дэн.

– Отвратный.

– Да нет, он просто... – пытается подобрать нужные слова, – нетривиальный. Сложно поначалу оценить, если ты к такому не привык.

Лицо Дэна вновь приобрело здоровый оттенок, и он ободряюще приобнимает меня:

– Идея была просто отличная. – Он берет индийскую лепешку и надкусывает ее. – Знаешь, а вот эта лепешка очень даже ничего. – Делает глоток чая из артишоков и морщится. – В то время как это – гадость редкостная.

У него такое лицо, что я невольно прыскаю со смеху.

– Сделать тебе кофе?

– Я бы с удовольствием выпил кофе. – Он снова притягивает меня к себе. – Спасибо, Сильви. Я тронут. Правда.

Через пять минут я уже несу наверх две чашки ароматного кофе и парочку тостов с апельсиновым джемом.

Тесса и Анна забрались на нашу с Дэном кровать; поднос с удивительным завтраком задвинут куда-то в угол комнаты, чтобы он не попался нам на глаза.

– Кофе! – радостно вопит Дэн, словно человек на необитаемом острове, завидевший на горизонте корабль. – И тосты!

– Сюрприз! – протягиваю ему тарелку с тостами.

– У меня для тебя тоже сюрприз, – говорит Дэн с хитрой улыбкой.

– Он в коробке, – выпаливает Тесса. – Мы ее видели. Коробка с ленточками под кроватью.

– Ты не должна была говорить об этом маме! – Анна почему-то сильно расстроена. – Папочка! А Тесса сказала маме! Тесса сказала маме!

Тесса тут же заливается краской. Может, ей всего пять, но у нее есть характер. Тесса никогда не извиняется, не сдается и не оправдывается (сознается лишь тогда, когда ей по-настоящему стыдно). В то время как бедняжка Анна сразу же начинает рыдать.

– Мама уже знала, – смело заявляет Тесса. – Мама уже знала про сюрприз. Правда, мамочка?

Сердце предательски подскакивает в груди, но потом осознаю, что Тесса просто ведет себя как... Тесса. Выдумывает мгновенную, правдоподобную отговорку. (Боже, как я буду справляться с ней, когда ей стукнет пятнадцать? Ладно, подумаю об этом позже.)

– Знала о чем? – звучу слишком фальшиво даже для моих собственных ушей (к счастью, Дэн полез под кровать за коробкой и не видит моего горе-лицедейства). – Ух ты, какая коробка! Интересно, что в ней может быть?

Под неусыпным оком Тессы развязываю ленты, стараясь при этом выражать подлинное удивление. И почему ее маленькие пронизательные глазки пугают меня больше, чем доверчивый взгляд Дэна?

– Боже мой! – восклицаю я. – Какая прелесть! Кашемир! Это... кардиган? Он просто... Божечки! Идеальный цвет! И поясик!

Переигрываю? Да вроде нет. Дэн просто светится от счастья – чем громче я восклицаю, тем шире становится его улыбка. Его так легко одурачить. Волна любви и нежности к нему накрывает меня. Вот он, мой любимый супруг, сидит себе с тостом в руках и не подозревает, что я беззастенчиво вру.

С его стороны такое бы не прокатило. Дэн совершенно прозрачный, бесхитростный. Если бы он мне лгал, я бы сразу поняла. Я всегда знаю.

– Тильда помогла мне выбрать, – скромно признает он.

– Да ну! – ахаю я. – Тильда? Вы с Тильдой были в сговоре? Шутишь! – легонько хлопаю его по руке.

Опять переигрываю? Да вроде нет. Дэн выглядит еще более радостным.

– Тебе правда нравится?

– Я его обожаю. Какой замечательный сюрприз!

Нежно целую Дэна, в душе крайне довольная собой. План сработал! У нас получается! Мы оживляем наш брак. Да, с завтраком вышла небольшая промашка, но во всем остальном – идеально. Шестьдесят восемь лет брака пролетят как миг, если Дэн каждое утро будет дарить мне кашемировый кардиган.

Стоп, перемотайте пленку назад. Я вовсе не имела это в виду буквально. Дорогуший кардиган каждое утро, до чего же нелепо звучит. Ведь тогда ничего *удивительного* в этом уже не будет. (Хотя раз в полгода, почему бы и нет? Просто мысль.) Я лишь хотела сказать, что

было бы прекрасно, если бы каждый день этих шестидесяти восьми лет начинался как этот. Мы все счастливы, соединены незримой связью настоящей любви.

На самом деле я не уверена, куда все это нас приведет. Но я все же стараюсь думать о нашем будущем, привносить в жизнь новые краски. Разве это плохо?

– Так. – Дэн одним глотком допивает кофе и резко ставит чашку на поднос. – Мне пора. Есть у меня одно загадочное дельце.

Сверкает на меня глазами, я улыбаюсь в ответ:

– У меня на повестке дня тоже тайное задание, – смеюсь я. – Приедешь домой на обед? – как бы невзначай спрашиваю я. – Будет паста с соусом песто, ничего необычного...

Ха! Как бы не так.

– Конечно, – кивает Дэн. – Буду к полудню.

– Отлично! – поворачиваюсь к Анне и Тессе. – Так, девочки. Время завтракать!

Обычно субботним утром я занимаюсь рутинными домашними делами, в то время как Анна и Тесса играют со всеми своими игрушками, до которых их шаловливые детские ручки не добрались в течение недели. Обедаем мы рано, а потом я отвожу девочек на занятия в балетную школу (в два часа дня).

Но сегодня все будет по-другому.

В ту секунду, как Дэн выезжает из дома, я начинаю суетиться. Я и так давно хотела сменить портьеры, а теперь у меня есть идеальный повод. Еще я купила скатерть в тон, новые подсвечники и люстру. Сегодня я полностью преобразую нашу кухню, совсем как в «Квартирном вопросе», который я всегда смотрю, нежась в постели, пока Дэн внизу смотрит футбол. Наша кухня будет яркой, свежей, солнечной; Дэну обязательно понравится.

К тому времени, как протираю тряпочкой последний подсвечник, я уже не чувствую рук и с меня градом льется пот. Не думала, что небольшая перестановочка на кухне потребует столько времени и сил. Я даже разрешила девочкам посмотреть мультики по телевизору дольше, чем обычно. Зато кухня теперь выглядит потрясающе и очень современно. На портьерах обалденный принт от Джонни Любиса, а прорезиненные неоновые подсвечники добавляют яркий, почти хулиганский акцент (я увидела такие все в том же ТВ-шоу, в выпуске, посвященном «буйству красок» в современном интерьере).

Когда приходит Карен, наша няня, я беспечно облакачиваюсь на барную стойку и жду восхищенных откликов. Карен хорошо разбирается в дизайне и всяком таком. Она носит модные кроссовки с разноцветными шнурками, и у нее всегда убийственный маникюр. Плюс она часто берет у меня почитать журнал *Livingetc*²⁴, на который я подписана. Карен наполовину шотландка, наполовину гаитянка; у нее темные вьющиеся волосы (она разрешает Анне творить с ними все, что та захочет). Естественно, Карен сразу же замечает преобразования на кухне.

– Изумительно! – Она оглядывается по сторонам, шупает портьеры, гладит руками подсвечники, чтобы лучше рассмотреть все детали. – Портьеры просто изумительные! Какой узор!

Фишка Карен в том, что она целую неделю использует одно и то же слово (неважно, к месту или нет), а потому переходит к другому словечку. На прошлой неделе это было слово «бросовый», на этой неделе, видимо, «изумительно».

– Изумительные подсвечники! Они из *Habitat*, да? Я видела такие на прошлой неделе.

– Я думаю, они добавляют яркий, почти хулиганский акцент, – говорю я так, будто сама это придумала.

– Изумительно, – кивает Карен и ставит подсвечник на место. – Так что сегодня случилось?

²⁴ Популярный британский журнал о дизайне интерьера, украшении жилища, уюте и комфорте.

Она несколько озадачена, и я ее не виню. Обычно мы не приглашаем ее по субботам, особенно сообщениями вроде: *«Прив. Можешь присмотреть сегодня за А. и Т.? Не говори Дэн, что я тебе писала!!!»*

– Хочу устроить Дэну сюрприз, – объясняю я. – Пригласить его в одно особенное место.

– А... – Карен открывает рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, не решается. – Изумительно, – в который раз повторяет она.

– Покормишь девочек обедом, к двум отвезешь в балетную школу. А потом можно сводить их куда-нибудь. В парк, например. Мы вернемся около четырех.

– Хорошо, – медленно протягивает Карен. Опять же, она выглядит так, будто собиралась сказать что-то еще, но не знает, с чего начать. Уж не изменились ли у нее планы? Или она хочет уйти пораньше? Ох, это было бы так некстати.

– В любом случае мне уже пора готовиться, – бодро говорю я. – И да, Карен, спасибо огромное!

Быстро принимаю душ, затем надеваю укороченные брючки и мой новый кардиган. При мысли о заказанном мной такси, которое вот-вот появится у дома, ощущаю прилив радости, почти ликования. То-то Дэн удивится, когда узнает, что я для нас запланировала! Неужели я слышу звук автомобильных шин за окном? Тогда мне лучше поторопиться.

Четыре минуты на легкий макияж, еще минуту укладываю волосы в элегантный узел. Спешу вниз и останавливаюсь на середине лестницы, вперившись взглядом в окно. К моему удивлению, у нашего дома стоят два такси.

Два? Боже, неужели Дэн тоже...

Пока я пялюсь через окно на такси, в гостиной появляется Дэн при полном параде: нарядная голубая рубашка (одна из моих любимых) и льняной пиджак.

– Чудесно выглядишь! – глаза Дэна блестят. – И это очень хорошо, так как... барабанная дробь... мы сегодня не едим пасту дома!

– Дэн, – медленно начинаю я. – Ты подготовил что-то? Дело в том, что... Я тоже кое-что подготовила.

– Ты это о чем? – растерялся Дэн.

– Посмотри наружу, – говорю я, спускаясь по лестнице. Он открывает дверь, и я вижу, как он моргает при виде двух машин. Более чем уверена, что он заказал такси в *Asis Taxis*, в той же компании, куда звонила я.

– Какого черта? – недоумевает Дэн.

– Одно из них мое. И не говори мне, что второе заказал ты, – прошу его я, хотя сама прекрасно знаю ответ. – Мы оба организовали сюрприз?

– Но... – Дэн опять «волнует брови», переводя взгляд с одного такси на другое. – Но... я организовал для нас обед, – наконец говорит он.

– А вот и нет! – сердито говорю я. – Это был сюрприз! Я заказала машину, попросила Карен посидеть с девочками...

– Это я попросил Карен, – горячо возражает Дэн. – Еще два дня назад.

– Вы оба меня попросили, – раздается за нашими спинами голос Карен. Мы оба поворачиваемся и смотрим на няню. Мне кажется, или она слегка потрясена всем происходящим? – Вы оба прислали мне эти сообщения с просьбой выйти в субботу и «хранить молчание». И честно говоря, сначала я даже растерялась. Но решила, что просто приду в субботу сюда и... Как-то так.

– Что ж, все логично, – заключаю я.

Мы должны были знать, что такое может произойти. Надо было составить план. Только тогда это не было бы сюрпризом.

– Ну, очевидно, что на два обеда зараз съездить не получится... – Дэн смотрит на меня. – Куда ты хотела меня пригласить?

– Не могу сказать! Это же *сюрприз*! А ты?
– Свой сюрприз тебе я тоже не открою, – Дэн непреклонен. – Иначе все без толку.
– И что мы будем делать? – складываю руки на груди; я тоже могу быть непреклонной.
– Бросим монетку?
– Не собираюсь я бросать монетку! – отрезаю я. – Мы должны поехать на мой обед-сюрприз. Тебе понравится. А на твой мы можем съездить в другой день.
– Нет, не можем! – обиделся Дэн. – И вообще, с чего ты решила, что твой сюрприз лучше моего?

Так и хочется крикнуть: «Что может быть лучше билетов на аншлаговое выступление Тима Вендера на Барбиканском комедийном фестивале?»²⁵ Наш любимый стендап-комик и обед в самом большом культурном центре в Европе? Он думает, что смог придумать что-то получше?»

Но не хочется вести себя по-детски перед Карен, так что я просто пожимаю плечами и с улыбкой говорю:

– Мой сюрприз очень хороший. Тебе должно понравиться.
– Мой тоже, – не сдаётся Дэн.
– Давайте я решу! – внезапно предлагает Карен. – Вы каждый по отдельности расскажете мне свои планы, а я решу, какое место стоит посетить.
Что? Ну и глупая же идея!

– Отличная идея! – просиял Дэн. – Чур, я первый!

Энергия, так и бьющая из него ключом, впервые заставляет меня задуматься: что же такое он приготовил?

– Мы пойдем в гостиную, – говорит Дэн Карен, – я изложу тебе свою идею, чтобы Сильви не слышала. Под дверью не подслушивать! – обращается он уже ко мне.

Изложу идею? С чего так высокопарно? Он хочет меня сводить на рыцарский турнир? Главное блюдо – дракон на вертеле?

Перед тем как он исчезает в гостиной с Карен, бросаю на него недоверчивый взгляд. Печально бреду на кухню, где девочки ковыряют вилками пасту с соусом песто (морковные палочки так и лежат нетронутыми).

– Мам, а что такое «девственная»? – сразу же спрашивает Тесса, как только видит, что я захожу в кухню.

– Девственная? – переспрашиваю я.

– Да. – Тесса поднимает на меня глаза. – Я не знаю, что это значит.

Боже мой. Я сглатываю. Понятно, что малышка Тесса неправильно произносит слово «девственница». Но где она могла его услышать?

– Ну... это... это такая девушка, которая... – Замолкаю и дрожащими руками гну морковную палочку. Вот как мне объяснить это пятилетней девочке?

– Это не может быть девушка! – Тесса надувает губки, будто думает, что взрослые ей опять врут. – Она бы не влезла!

– Девушки слишком большие! – соглашается Анна. Она меряет руками свой рост и показывает мне. – Я девочка, но и я бы не влезла! – заявляет она так, будто это и без того очевидно.

Слишком большие? Кто куда влезает? Ничего не понимаю. Откуда мои девочки об этом знают?

– Тесса, – осторожно спрашиваю я, – ребята на детской площадке что-то тебе рассказывали об этом?

²⁵ Барбикан – лондонский жилой комплекс и самый большой в Европе культурный центр с потрясающей программой в области искусств, кино, театра, музыки, танца и образования.

Я думала, пройдет еще лет семь-десять, прежде чем между нами произойдет такой взрослый разговор. Но сейчас... Что я могу сказать сейчас? Возможно, чем раньше они узнают, тем лучше. Может, в голландском методе полового воспитания все же есть своя правда. Но я не смогу произнести слово «презерватив» при пятилетнем ребенке. Просто не смогу...

– Я думаю, это помидорка, – прерывает мои мысли Анна.

– Это не помидорка. Там же все зеленое внутри.

Тут я понимаю, что они говорят про баночку песто, на которой написано (видимо, не совсем удачный перевод с итальянского): «Девственная природа Италии в каждой баночке!» Конечно, невинная девушка вряд ли бы влезла в такую крохотную банку.

– Ах, вы об этом! – с облегчением вздыхаю я. – Девственная природа... это значит, что в вашем соусе базилик прямо с грядки. Свежее оливковое масло. Орешки пинни. Ням-ням. Кушайте, девочки.

Когда придет время, я им честно все расскажу. Прямо как в Нидерландах. И даже произнесу это страшное слово «презерватив». Но не сегодня.

– Мы все! – Дэн с таким довольным видом входит на кухню, как будто рассказал кому-то по секрету, что выиграл в «Как стать миллионером». – Твой ход.

Захожу в гостиную: Карен сидит посреди комнаты на стуле с высокой спинкой, держа в руках ручку и отрывной блокнот.

– Здравствуйте, Сильви. Добро пожаловать. Начинайте, когда будете готовы, – говорит она вежливо, но слишком формально.

Начинаю злиться. Добро пожаловать в мою собственную гостиную? Кем она себя возомнила? Ведущей ток-шоу? И что она такое там пишет? Я же еще не начала ничего говорить.

– Начинайте, когда будете готовы, – повторяет Карен, мешая мне привести мысли в порядок.

– Что ж, – начинаю я, – я хочу вытащить Дэна на фантастическое, исключительное по своей редкости выступление нашего любимого комика Тима Вендера в специальном отделении Барбиканского комедийного фестиваля. Чудесный обед и напитки включены в стоимость билетов, которых, кстати, уже давно нет в продаже, – гордо добавляю я.

Черт возьми, а перед ней я и вправду чувствую себя как потенциальная невеста на съемках «Давай поженимся». Еще чуть-чуть, и я пообещаю своему «жениху» потратить на него пятьсот фунтов на развлечения в Вест-Энде.

– Очень мило, – говорит Карен все так же вежливо и неоднозначно. – И это все?

И это все?! Да она хоть знает, чего мне стоило достать эти билеты? Правда, закричи я так, это мне не поможет. (И вообще, билеты достала Кларисса, которая раньше работала в Барбикане.)

– Да, это все, – спокойно отвечаю я.

– Хорошо. Я сообщу свое решение через несколько минут.

Читаю по ее лицу «Спасибо, вы свободны». Выхожу в прихожую, злая и взволнованная одновременно. Честное слово, это просто смешно.

Дэн на кухне хрустит морковной палочкой:

– Как все прошло? – вопрошает он с набитым ртом.

Пожимаю плечами:

– Нормально.

– Отлично! – И снова эта полная энтузиазма улыбка.

Из гостиной выходит Карен и с серьезным видом обводит глазами нас обоих.

– Я вынесла решение, – делает паузу, как судья в «Законе и порядке». – И сегодняшнее право на сюрприз передается... Дэну. Прости, Сильви, но у Дэна для тебя запланировано понастоящему внеочередное приключение.

Дэн выиграл? Нет, я не поняла. Дэн выиграл?!

Не могу в это поверить. Не хочу в это верить. Внеочередное приключение? А как же аншлаговое выступление? Но, как и каждый участник реалити-шоу, умудряюсь скрыть свои настоящие чувства под бодрой улыбкой.

– Прекрасно! – целую Дэна в щеку. – Уверена, ты это заслужил.

– Как бы я хотел, чтобы мы оба выиграли, – добродушно улыбается он.

– У тебя тоже был отличный план, Сильви, – любезничает Карен. – Но Дэн был более внимателен к деталям.

– Конечно! – улыбаюсь уже так широко, как только могу. – Не могу дождаться, чтобы увидеть все это в действии!

Никакого давления. Абсолютно никакого давления на Дэна. Вот только я уже настолько высоко подняла планку.

– Сильви удивила меня сегодняшним завтраком, – рассказывает Дэн Карен. – Так что это справедливо, что я должен удивить ее обедом.

– Эй, а почему ты не рассказал Карен о другом моем сюрпризе? – вспоминаю я. Дэн ведь только что был на кухне. Значит, уже видел преобразившийся интерьер. Почему он ничего не сказал *мне*?

– Какой еще сюрприз?

– Кухня... – шепотом подсказываю я, но глаза Дэна все равно выглядят пустыми. – Кухня! Кухня! – повышаю я голос.

– Прости, а я должен был найти что-то на кухне? – Дэн кажется совсем сбитым с толку. Вдох-выдох, Сильви. Вдох-выдох.

– Портьеры? – намекаю я.

Мне показалось, или в глазах Дэна промелькнул страх?

– Ну, конечно, – поспешно говорит он. – Портьеры. Я как раз хотел о них сказать.

– Что еще? – Я крепко схватила Дэна за руку, чтобы он не смог проскользнуть в кухню. – Расскажи, что там еще изменилось.

– Эм... ну... шкафчики? – сглатывает Дэн.

– Неа.

– Стол... нет... скатерть?

– Удачная догадка, – не спускаю с него глаз. – Но ты же ничего этого не заметил, правда?

– Дай-ка я еще раз посмотрю, – умоляет Дэн. – Меня просто занимала вся эта кутерьма с обедами-сюрпризами, что, боюсь, я не смотрел по сторонам.

– Хорошо.

Следую за ним на кухню. Должна признать, мои яркие акценты просто изумляют (как сказала бы Карен). Как он мог этого не заметить?

– Вау! – Вот теперь он восклицает должным образом. – Портьеры и вправду очень красивые. И скатерть.

– Что еще? – безжалостно наседаю я. – Что еще изменилось?

– Ох... – Глаза Дэна беспокойно бегают по стенам, он совершенно сбит с толку. – Это! – Он вдруг схватил поваренную книгу Найджелы Лоусон²⁶, лежащую на столе. – Это новое!

– Книжка не новая, папочка, – смеется Тесса.

– Подсвечники, – подсказываю ему я. – Подсвечники!

– Ну, конечно! – Дэн тупо глядит на подсвечники и «волнует лоб». Видимо, думает, что сказать. – Я должен был... Они такие... яркие!

– Яркий, почти хулиганский акцент, – в который раз за день повторяю я, удрученная тем, что Дэн так ничего и не заметил сам.

²⁶ Британская журналистка, телеведущая, редактор, ресторанный критик и автор книг на тему кулинарии.

– Точно! – Дэн будто не совсем уверен, что такое «яркий акцент», но не осмеливается спросить.

– В любом случае, я просто хотела украсить это место. Думала, тебе понравится... – добавляю в голос мученические нотки.

– Мне нравится. Мне очень нравится, – решительно повторяет Дэн. – А сейчас, моя леди... – он церемонно склонил голову, – прошу вас последовать за мной в вашу карету.

К счастью, вежливый парень из Барбикана сообщил мне по телефону, что у них в листе ожидания числится еще одна семейная пара и они были бы рады узнать, что освободились билеты на Тима Вендера. (Ха, кто бы сомневался.) А вот таксист был не столь вежлив, когда узнал, что заказ на вторую машину отменяется. К счастью, услугами этой фирмы мы пользуемся давно, поэтому смогли избежать штрафа.

С другой стороны, энтузиазм Дэна настолько заразителен, что, когда мы едем на машине, которую забронировал он, мне начинает передаваться его волнение и предвосхищение чего-то *удивительного*. Он приготовил для меня что-то особенное, я знаю.

Хотя странно, что машина не едет в город (чего я, честно говоря, ожидала), а сворачивает в незнакомую мне часть Клэпхэма. Что там такого интересного?

Автомобиль подъезжает к маленькому ресторанчику в переулке. Подозрительно выглядываю из окна машины. «Мунк»? В честь норвежского художника, что ли? Почему я не слышала об этом ресторанчике? Может, это одно из тех удивительных крошечных мест, где ты сидишь на неудобной скамейке, но еда там способна удовлетворить вкусы даже самых взыскательных гурманов?

– Что ж, – поворачивается ко мне Дэн, его лицо просто светится. – Ты хотела, чтобы я удивил тебя?

– Да!

Почему меня так веселит выражение его лица?

Так, вот теперь я по-настоящему взволнована. Что же он такое приготовил?

Водитель открывает перед нами дверь, и Дэн помогает мне выйти из машины. Пока Дэн расплачивается с таксистом, рассматриваю меню на специальной выносной табличке и понимаю, что это вегетарианский ресторан. Интересно. Не совсем то, чего я ожидала от Дэна. Если только...

– Божечки, – в тревоге поворачиваюсь к Дэну. – Ты что, решил стать вегетарианцем? Это и есть твой сюрприз? Ну, если так, то это отлично! – поспешно добавляю я. – Супер!

– Нет, я не собираюсь становиться вегетарианцем, – смеется Дэн.

– Ты просто решил перейти на здоровое питание?

– Снова не угадала.

Дэн ведет меня ко входу, я закрываю за нами дверь. Это одно из тех земных, заслуживающих внимания мест, я сразу определила для себя. Стены и полы в терракотовой гамме, деревянные потолочные вентиляторы. Мята в маленьких горшочках (акция «Выбери сам себе мяту для чая!»). Забавная идея на самом деле. Надо будет замутить такое на вечеринке.

– Вау! – начинаю я. – Вот это...

– Не сюрприз! – поддразнивает Дэн. – Пока еще нет.

Честное слово, он сейчас лопнет от гордости за себя.

Он указывает мне на столик в дальнем углу:

– Вот мой сюрприз!

Смотрю туда и вижу за столиком девушку. Девушку с длинными каштановыми волосами и очень худыми ногами в черных джинсах. Кто это? Я ее знаю? Думаю, я узнаю ее...

Боже, ну конечно. Это та девушка из универа. С курса... химии? Биохимии? Как ее зовут-то?

Вдруг понимаю, что Дэн ждет моей реакции. И не просто какой-то там реакции.

– Не может... быть! – восклицаю я, собирая в голос всю свою энергию. – Дэн, ты не мог...

– Но я это сделал! – лучезарно улыбается Дэн, будто только что вручил мне все мои мечты на блюде с голубой каемочкой.

Мозги мои работают как мельничные жернова. Что же делать? Что происходит? Почему какая-то случайная девчонка из универа ожидает со мной встречи? И как, черт возьми, ее зовут?

– Что ж, – снова заговариваю я, когда мы передаем наши пиджаки девушке с шестнадцатью сережками в правом ухе. – Это удивительно! Как ты... что ты...

– Ты столько раз мне говорила, что хотела бы поддерживать связь с Клэр. – Лицо Дэна аж раздвинулось от восторга. – И знаешь, о чем я подумал? Я сделаю это для тебя!

Клэр. Окей, имя я узнала. Начинаю ее припоминать. Но это же безумие! Я даже и не вспоминала о Клэр после окончания университета. Почему Дэн решил, что...

О боже. Он говорит о Клэр с курса по истории искусства.

Мне все же удается выдавить улыбку, когда официантка провожает нас к угловому столику. На курсе по истории искусства и вправду училась девушка по имени Клэр. Она была классной девчонкой с прекрасным чувством юмора; мы несколько раз обедали с ней вместе в университетский столовой, обсуждая интересные предметы и преподавателей. Но потом наша так называемая дружба выдохлась. Про *эту* Клэр я говорила Дэну.

Не про ту, что сейчас сидит за столиком.

Черт, черт...

Чем меньше расстояния остается до столика, тем сильнее каменеет мое лицо. Что же мне делать? Что же делать?

– Наконец-то мы встретились! – Дэн приветствует Клэр словно старую подругу. – Спасибо, что согласилась помочь мне в этой «бондиане».

– Без проблем, – довольно сухо отвечает Клэр. Теперь припоминаю. У *этой* Клэр всегда был сухой, почти безжизненный голос. – Привет, Сильви. – Она отодвигает свой стул и встает (она выше, чем я, на лице ни грамма косметики). – Давно не виделись.

Смотрю на Дэна. Он любовно наблюдает за нами, будто ждет, что мы бросимся друг к другу в распростертые объятия, как тот домашний львенок из ролика на *YouTube*, который долгое время не видел своих хозяев.

– Клэр! – восклицаю я самым эмоциональным голосом, на который только способна. – Да... очень давно. – Обнимаю ее тощее, костлявое тело. – И вот ты здесь! Даже не знаю, что сказать!

– Ну, я тоже, – пожимает плечами Клэр. – Универ был так давно.

– Так, нам должны были принести шампанское, – суетится Дэн. – Пойду-ка разберусь... Клэр выбирала ресторан, – говорит он мне. – Разве не здорово?

– Супер! – только и могу выдавить я, пока присаживаюсь на деревянный стул (и вправду неудобный).

– Значит, это и был сюрприз, – бесстрастно произносит Клэр.

– Угу. Так что все-таки произошло? – стараюсь говорить беспечным тоном. – Как он все это устроил?

– Твой муж связался со мной по Фейсбуку и написал, что ты очень хотела бы со мной встретиться. – Клэр разглядывает меня. – Писал, что ты не раз сожалела о том, что мы утратили связь.

– Угу.

Улыбка не покидает моего лица, но мозг жадно рыщет в поисках возможных вариантов. Может, стоит сказать Клэр всю правду, посмеяться вместе с ней и попросить ее молчать об

этом? Нет, она не такая. Она сразу же выложит все Дэну, не успею я моргнуть. Дэн будет подавлен.

Я справлюсь с этим. Как-нибудь да справлюсь.

– Честно говоря, было довольно странно получить весточку от тебя, пусть и таким косвенным образом, – говорит Клэр.

– Ну, знаешь, так иногда бывает, – говорю я, пожалуй, даже слишком оживленно, – доживаешь до определенного возраста, невольно оглядываешься назад и думаешь... А как сейчас живет Клэр? Что случилось с... бандой?

– С бандой? – Клэр непонимающе хлопает глазами.

– Со всеми нашими друзьями! – выпаливаю я. – Друзьями! Как...

Черт, не могу вспомнить ни одного имени того, кого Клэр могла знать. Мы тусовались в разных кругах. Конечно, иногда мы пересекались на лекциях. Один раз, помню, мы даже играли в нетбол за одну команду (когда меня в последний момент попросили заменить одного игрока). Возможно, поэтому Дэн и запутался. Увидел в интернете фотографию команды. Но это была наша единственная точка соприкосновения с Клэр. Мы не были чертовыми подружками!

– Я до сих пор общаюсь с Хаски. – Клэр будто предлагает мне соломинку для утопающей.

И я цепляюсь за эту соломинку всеми коготками:

– Хаски! – слишком громко восклицаю я. – И как...

Он? Она? Кто, черт побери, этот Хаски? Когда вернусь домой, внимательнейшим образом изучу свой список «друзей» на Фейсбуке. С тех пор как появились близняшки, у меня совсем не остается времени, чтобы проверять ленты всех семисот шестидесяти восьми человек. Я и с настоящими-то друзьями едва успеваю встречаться.

– Я до сих пор на связи с Сэмом... Фиби... и Фрейей... ну, с ребятами с истории искусства. – Я честно стараюсь. – Фиби недавно вышла замуж.

– Ну круто. – Клэр тоже хоть как-то силится сгладить наше обоюдное отсутствие интереса к этой беседе. – Я с ними особо не общалась.

Боже мой, это самая настоящая пытка. И где там Дэн застрял со своим шампанским?

– Слушай, вы с мужем, случайно, не *продаете* ничего? – Клэр смотрит на меня с подозрением.

– Нет, что ты!

– Хотите обратить меня в свою веру? Вы мормоны?

– Нет! – Даже не знаю, чего мне хочется больше: взвыть от отчаяния или скатиться в истерический смех. А ведь у нас были билеты на Тима Вендера... – Эй, смотри, вот и Дэн с шампанским. Давай выпьем за встречу.

Это голгофа, настоящая голгофа. Еда (в основном бобовые) сухая и пресная. Шампанское – та еще кислятина. Редкие разговоры очень сложно поддерживать, все равно что сажать морковь в каменистую почву. Клэр не особо-то помогает. Я имею в виду, с ней очень сложно общаться. И как она только курирует целую научно-исследовательскую группу в «Глаксосмит-клайн»?²⁷ Единственный плюс этой встречи в том, что мне сразу же захотелось позвонить всем своим настоящим друзьям и с упоением пуститься с ними в бесконечные разговоры ни о чем.

Наконец-то мы садимся в такси, которое Дэн предусмотрительно заказал. (Мы предложили подвезти и Клэр, но она, слава богу, отказалась.) Не думала, что момент, когда я помашу Клэр рукой на прощание, станет самым счастливым за весь этот вечер. Дэн довольно откидывается на спинку своего сиденья.

²⁷ Британская фармацевтическая компания, одна из крупнейших в мире; штаб-квартира – в Брентфорде, пригороде Лондона.

– Это было потрясающе! – поспешно говорю я. – Просто потрясающе!

Он улыбается:

– Тебе понравилось, да?

– Я просто поражена, – отвечаю я и, что самое интересное, не лгу. – Организовать эту встречу ради меня... Я так тронута, – тянусь к нему, чтобы поцеловать. – Совершенно ошеломлена.

Я и вправду тронута. Дэн по-настоящему все продумал (хоть и ошибся). Но не могу не признать, что он не мог устроить для меня лучшего сюрприза (если бы только не пригласил кого-нибудь, с кем я действительно хотела бы встретиться).

– Она совсем не такая, какой я себе ее представлял, – с любопытством рассуждает Дэн. – Она уже в универе была такой отчаянной вегетарианкой?

– Ну... – да я понятия не имею, – может, не настолько отчаянной.

– И ее взгляды на ферментацию компоста, – распахивает глаза Дэн. – Она до последнего готова отстаивать свои интересы, не правда ли?

За разговором Дэн позволил себе лишь одну шутку, и ему пришлось мириться с длинной тирадой человека, начисто лишённого чувства юмора (и Дэн довольно миролюбиво ее воспринял). И все ради меня. Я же видела, что он смотрит на Клэр с одной лишь мыслью: почему Сильви так хотела встретиться с этой девушкой?

Закусываю губу, чтобы не рассмеяться. Однажды я скажу ему всю правду. Через год. А может быть, и через пять лет.

– В любом случае, – говорит Дэн, когда такси сворачивает за угол. – У меня для тебя остался еще один сюрприз.

– И у меня, – легонечко дотрагиваюсь до его колена. – Сексуальный сюрприз. А у тебя?

– Самый сексуальный. – Вижу страстный блеск в его глазах, и мы целуемся долго, горячо, пылко, как мы делали когда-то давно в такси. До того как фраза «заднее сиденье» стала означать для нас «два автокресла, бумажные пакеты и пара пачек влажных салфеток на всякий случай».

Мой сюрприз – специальное «покалывающее» массажное масло для суперстимуляции. Хотя не думаю, что Дэн сегодня нуждается в прелюдиях и дополнительных ласках. Интересно, а что он приготовил для меня? Какое-нибудь нижнее белье? Неужели от *Agent Provocateur*?

– Не могу дождаться, – мурлычу я, зарываясь носом в его волосы. Так мы и доезжаем до дома в обнимку на заднем сиденье.

Когда мы заходим в дом, нам навстречу бросаются девочки, вереща что-то о новом балетном спектакле; за ними Карен, ее глаза сияют в предвкушении интересного рассказа.

– Ну, как все прошло? Изумительно, да? – вопрошает она, поворачиваясь ко мне. – Теперь ты понимаешь, почему я выбрала сюрприз Дэна? Воссоединение подруг! Самый лучший подарок!

– Да, изумительно! – подстраиваюсь под ее возбужденный голосок. – Меня это совершенно потрясло!

Пиип! Телефон Дэна раздражается звуковым сигналом, Дэн смотрит на экран, и глаза моего мужа загораются каким-то странным огоньком.

– Уже... – бормочет он себе под нос, затем поднимает глаза на Карен. – Ты можешь идти домой, Карен. Спасибо огромное, что посидела с девочками и помогла нам с Сильви.

– Всегда пожалуйста! – отвечает Карен.

Внезапно понимаю, что Дэн заметно нервничает; он весь натянут, словно струна. (Что совсем не похоже на привычную ему «пружинистость».) Он прощается с Карен и закрывает за ней дверь, умудряясь при этом что-то лихорадочно строчить в своем телефоне. Это как-то связано с его сексуальным сюрпризом?

– Стоит ли нам распланировать остаток дня? – пытаюсь вывести я. – Или?

– Через минуту, через минуту... – бормочет Дэн, будто и не слышит меня вовсе.

Уголки губ Дэна то поднимаются, то резко опускаются. Атмосфера в прихожей вдруг стала до жути напряженной. Не отрываясь от экрана телефона, Дэн все ходит и ходит кругами вокруг входной двери, не обращая внимания на меня. Дэн похож на бочку вина, в которой происходит этот таинственный процесс брожения, когда чудесный напиток со страхом и трепетом готовит себя к тому, что когда-нибудь он будет веселить сердца и развязывать языки. Я и сама заражаюсь от Дэна этим страхом и трепетом. Что же это за сексуальный сюрприз? Если он готовит что-то настолько эпическое, может, не стоило отпускать Карен, а самим отправиться в какой-нибудь мотель?

Внезапно раздавшийся звонок в дверь заставляет нас обоих подпрыгнуть.

– Что за... – начинаю я.

– Доставка. – Губы Дэна не перестают дергаться. – Специальная доставка.

Дэн открывает дверь, за ней незнакомый парень в черном анораке.

– Дэн Уинтер? – коротко кивает тот.

– Да, – отвечает Дэн. – Мы готовы.

– Тогда мы вытаскиваем ее из фургона. – Парень заходит в прихожую и оглядывается по сторонам. – Вы уже решили, где все поставить?

– Да, – кивает Дэн. – У вас получится пронести ее через прихожую?

Боюсь, я глазею на Дэна с парнем, разинув рот. Что ж, это явно не комплект нижнего белья от *Agent Provocateur*. И почему двум мужчинам нужно вытаскивать «ее» (что бы это ни было) из фургона?

Боже мой, это ведь не какая-нибудь... секс-машина? Или специальная кровать? Стоит ли мне увести девочек наверх, чтобы они не увидели что-нибудь, что ненароком травмирует их психику на всю оставшуюся жизнь?

– Сильви, можешь подняться с девочками наверх? Пока я не попрошу спуститься.

Впервые за много лет не могу понять тон его голоса. Бабочки в моем животе превращаются в огромных махаонов со стальными крыльями. Что же *такое* Дэн заказал?

– Хорошо, – сдавленным голосом отвечаю я.

Поспешно увожу девочек в их комнату и там читаю им «Винни-Пуха» натянутым, совершенно не своим голосом, а сама все время думаю: эротический стул? Эротическая... Господи, что же еще такое делают? Секс-качели? Нет, Дэн не мог заказать секс-качели. Наш потолок их ни за что не выдержит.

До смерти хочется схватить телефон и загуглить «большая сексуальная... мебель, требующая доставки в фургоне». Вот только девочки сразу начнут канючить (и почему только современные дети предпочитают телефон интересным книжкам?). Так что я просто сижу и читаю что-то о слонопотамах, утопая в пене опасений и эротических фантазий... когда я наконец слышу хлопок закрывающейся входной двери и тяжелую поступь Дэна по лестнице.

– Можете спуститься, – лучезарно улыбается он. – Пора увидеть сюрприз!

– Сюрприиииз! – радостно кричит Тесса, я же в тревоге смотрю на дочерей.

– Дэн, а девочкам можно... – бросаю на него многозначительный взгляд. – Это... подobaюще?

– Конечно! – не перестает улыбаться Дэн. – Скорее, девочки, скорее на кухню! Вы не поверите своим глазам!

На кухню? Так, теперь я уже точно ничего не понимаю.

– Дэн, – подаю голос я, когда девочки нетерпеливо скачут вниз по лестнице, – я не понимаю. Это и есть твой сексуальный сюрприз?

– Ага, – Дэн блаженно кивает. – Не просто сексуальный. Красивый. Она красивая.

Она?

– Ааааа! Змея! – Тесса пулей вылетает из кухни и прижимается к моей ноге. – На кухне змея!

– Что?!

Сердце гулко колотится о ребра. Осторожно захожу на кухню и тут же отскакиваю футов на шесть. Бог ты мой. Бог ты мой!

У стены, где раньше находился ящик с игрушками, теперь стоит стеклянный террариум, внутри – змея. Оранжево-бурая, косится на меня своими черными глазами-бусинками. Не могу смотреть, кажется, меня сейчас вырвет.

– Какого... – невнятно бормочу я. Кажется, под гипнотическим взглядом змеюки я навсегда потеряла способность складывать звуки в слова. – Какого...

– Сюрприз! – слышу за спиной голос Дэна. – Разве она не прекрасна? Рождена в неволе, так что не нужно волноваться, что ей будет неуютно в террариуме.

О, Дэн, чувства проклятой змеюки – это последнее, о чем я волнуюсь.

– Дэн. – Наконец дар речи вернулся ко мне, и я схватила его за лацканы, чтобы не смел больше меня покидать. – Мы не можем завести змею.

– Мы уже завели змею, – поправляет меня Дэн. – Как мы ее назовем, девочки?

– Змейка! – верещит Тесса.

– Нет! – Я на грани истерики. – У нас не будет змеи! Только не в доме! Нет, ни за что!

Наконец-то Дэн смотрит мне в глаза, невинно вскинув брови. Как будто это я безрассудно притащила в дом скользкую рептилию.

– А в чем проблема-то?

– Ты еще спрашиваешь? – начинаю гневно шипеть. (Если ты хотел змею, Дэн, в доме сейчас появится еще одна.) – Ты сказал, что купил мне что-то сексуальное. Сексуальное!

– Она сексуальная! Экзотическая, извивающаяся... порочная. Змей-искуситель!

– Нет! – не могу унять дрожь. – Я даже смотреть на нее... на *это* не могу.

Какая, к черту, «она»? Это мерзкое, уродливое существо!

– А можно нам собачку? – встречается Анна, наблюдая за нами. Она всегда была довольно проницательной малышкой. – Вместо змеи?

– Нет! – взвизгивает Тесса. – Я хочу оставить чудесную змейку...

Тесса пытается обнять стеклянный террариум, и змея ползет ближе к стеклу, оказывается почти вровень с глазами Тессы.

Я отворачиваюсь. Не могу смотреть, не могу смотреть. И как Дэну только взбрело в голову, что змея – это сексуальный подарок? Как?

К тому времени, когда девочек нужно укладывать спать, мы с Дэном таки достигли компромисса. Змея останется в доме. Однако я не собираюсь кормить ее и ухаживать за ней, я на нее даже смотреть не хочу. Ни за что не прикоснусь к морозильной камере, где будет храниться ее еда. (Она заглатывает мышей, настоящих мышей.) И уж тем более не буду называть ее Дорой (такое имя дали ей девочки). Никакая это не Дора, это – змеюка. И точка.

Восемь часов вечера, сидим в кровати, оба измученные нашими длительными переговорами (читай – ссорами). Девочки наконец уснули (то бишь перестали выползать из кровати каждые пять минут с просьбой сходить на кухню и проверить, спит ли Дора).

– Думал, тебе понравится. – Дэн не может скрыть боли в голосе. Думаю, он только осознал всю правду. – Мы же как-то обсуждали возможность завести змею...

– Я же только шутила, – устало протягиваю я. – И говорила тебе тысячу раз, что это шутка. Многие болтают о тарантулах, крысах и аллигаторах в доме... Но не заводят же.

Я никогда не думала, что он воспринимал все настолько серьезно. Ладно, хорошо хоть, не тарантул...

Дэн прислоняется к изголовью кровати и закидывает руки за голову.

- И все же мне удалось тебя удивить, правда? – криво улыбается он.
- Ага, – улыбаюсь я в ответ, искренне. – Удивил.
- В любом случае у тебя есть новый кардиган.
- Он потрясающий! – восторженно говорю я, пытаюсь извиниться за мою реакцию со змеей. – Мне и вправду очень нравится, – любовно поглаживаю ткань. – Такой мягкий.
- Тебе нравится цвет?
- Чудесный цвет. Гораздо лучше, чем син...
- Останавливаюсь на полуслове. Черт! И как меня только опять угораздило вляпаться...
- Что ты сказала? – Дэн приподнимается на локте и внимательно смотрит на меня.
- Ничего. Сегодня был такой насыщенный день. Может, посмотрим телик или... – изо всех сил стараюсь сменить тему.
- Ты собиралась сказать «синий».
- Вовсе нет! – отнекиваюсь я, но недостаточно убедительно. Дэн не тупой, он сразу же все понял.
- Тильда тебе позвонила, – протягивает он. – Черт возьми! Конечно, она тебе позвонила. И вы в пух и... шерсть разнесли мой первый подарок.
- Его глаза потемнели от обиды. Это нехорошо. Совсем нехорошо.
- Кардиган вовсе не был для тебя сюрпризом. Постой-ка... – Он умолкает, и внезапная тень омрачает его лицо. – Так вот почему кардиган был теплым? – Смотрит на меня так, будто я собираюсь сбросить его в бездну. Понятно, Дэн по-над обрывом. – Ты была у Тильды в тот день?
- Послушай... – неуверенно тру нос. – Мне очень жаль. Она не знала, какой размер выбрать, она не хотела, чтобы ты потом мучился с возвратом товара. Нам показалось логичным, что...
- Это должен был быть сюрприз! – чуть ли не взвизгивает он.
- Он прав. Это ведь я затеяла всю эту кутерьму с сюрпризами, а сама... Какое-то время мы оба молча пялимся в потолок.
- Ну, мой завтрак-сюрприз тоже прошел не так, как я ожидала, – нарушаю тишину я. – И ты даже не заметил перестановку на кухне, – угрюмо добавляю.
- Я заметил, – тут же выпаливает Дэн. – Подсвечники... изумительные.
- Изумительный черт бы тебя побрал, Карен!
- Спасибо, – криво улыбаюсь. – Только не нужно притворяться. Я обманывала сама себя, когда думала, что небольшое преображение на кухне станет для тебя хорошим подарком.
- Стоит стать честнее с собой. Я себя обманывала, когда думала, что делаю это все для Дэна. Возможно, мне просто нужен был повод, чтобы купить новые вещи для кухни.
- Наверное, – разводит руками Дэн. И я знаю, о чем мы оба думаем: то же самое касается и змеи.
- Жаль, что мы так и не сходили на Тима Вендера, – сокрушенно добавляю я.
- На Тима Вендера? – поворачивается ко мне Дэн. – Ты это о чем?
- Боже, ведь из-за всех этих змеестреволнений я даже забыла ему рассказать.
- У меня были билеты, – не могу скрыть разочарования в голосе. – Специальное выступление на Барбиканском комедийном фестивале во время обеда. Это был мой... – умолкаю. Что толку сейчас об этом говорить. – Неважно. Сходим как-нибудь в другой раз. – С моих губ срывается короткий смешок. – Вот это засада.
- Может, сюрпризы – это ложный путь? Идея забавная, но пора поставить на этом точку.
- Нет, – тут же возражаю я. – Мы не можем сдать так быстро. Подожди, Дэн. Я еще удивлю тебя. Вот увидишь.
- Сильви...

– Я не собираюсь сдаваться, – упорно повторяю я. – И, кстати говоря, у меня есть еще один козырь в рукаве.

Открываю ящик прикроватной тумбочки, достаю массажное масло и передаю его Дэну.

– Вот это я понимаю. – Глаза Дэна загораются страстным огоньком, когда он читает этикетку. Что ж, по крайней мере с этим я не прогадала. Путь к сердцу Дэна всегда лежит через секс. Так что...

Постойте-ка. Одну минутку.

Сажу, уставившись в пространство, пока все не становится кристально ясным. И почему я так суежилась все это время? Хлопотала на кухне, меняла скатерть и прочее. Какой же идиоткой я была. Секс – вот ответ. Как говорится, «все дороги ведут к сексу, дурочка». Секс – наш способ сохранять брак живым.

И в голове у меня уже, словно почки весной, распускаются новые идеи. Формируется новая стратегия. О, кажется, я придумала, как по-настоящему удивить Дэна. Идеальный план. На этот раз ему понравится все, я знаю.

7

Но не могу перейти к своему секс-плану сразу, так как: а) мы договорились не *удивлять* друг друга несколько дней; б) у меня есть и другие дела, с которыми нужно разобраться как можно скорее. Например, как накрывать на стол, убираться на кухне и заплетать девочкам волосы, избегая при этом взглядов на змеюку. Потому что, если я играю в «гляделки» со змеей, змея выигрывает; и тогда весь день (даже на работе) меня преследуют ее черные гипнотические глаза. Именно так змеи смотрят на жертву, прежде чем наброситься на нее и заглотить целиком.

Знаю, что это неразумно. Но что хорошего в том, чтобы всегда быть разумной? Если спросите меня, я скажу, что поступать разумно не всегда поступать правильно. Мне хочется поделиться моей маленькой максимой с Дэном, но он полностью погружен в чтение утренней газеты, так что я его не беспокою.

А еще он сегодня не в настроении, и я прекрасно знаю почему. Этим утром мы едем навестить мою маму. Если честно, мне начинает надоедать отношение Дэна к таким визитам. Поначалу Дэн прекрасно ладил с моей мамой (так же, как и с отцом), но эти времена давно прошли. Каждый раз, когда на горизонте маячит визит к ней, в воздухе над Дэном собираются плотные тучи напряжения, которые я не могу рассеять легкостью своего тона. Первое время я и вправду пыталась, спрашивала его: «Что случилось?» Он же всегда кривил губы и мрачно переспрашивал: «Ты о чем? Ничего не случилось». Я же не сдавалась: «Ты случился, сидишь тут весь озлобленный!» После чего он неизменно огрызался: «Опять ты накручиваешь себя, все у меня нормально». Дальше этого никогда не заходило, ибо мне претит сама мысль устраивать из-за этого скандал (тем более в драгоценные выходные).

И я жила с этим, убеждая себя, что это всего лишь маленький закуток в нашем огромном доме семейного счастья. Но если мы собираемся жить в браке еще миллион лет, нужно с этим разобраться. Надо положить конец его страдальческим лицам каждый раз, когда я предлагаю навестить мою маму. Скоро уже девочки это приметят и начнут выпрашивать: «А почему папе не нравится бабушка?» А это будет очень плохо, ибо я не буду знать, что им ответить.

– Дэн? – начинаю я.

– Что такое?

Он поднимает на меня глаза, все еще хмурясь, и мое самообладание покидает меня. Как я уже говорила, я не сильна в спорах. И я даже не представляю, с чего начать *этом*.

Может, мне вовсе не стоит наступать в открытую, решаю я. Может, стоит действовать тайком? Построить стены доверия и привязанности между моей матерью и Дэном каким-нибудь ненавязчивым способом, чтобы никто из них и не заметил. Да. Отличный план.

– Нам уже пора, – бросаю я и покидаю кухню, умудряясь-таки не взглянуть на чертову змею.

Когда Дэн везет нас в Челси, я смотрю на дорогу, размышляя о браке и жизни, о том, насколько все несправедливо. Если кому-то и суждено было иметь долгий и счастливый (читай – идеальный) брак, то это были мои родители. Ведь они и вправду были совершенны во всем. Папа души не чаял в маме, мама души не чаяла в нем; на танцполе они всегда были самой красивой парой, на яхте – одной командой в одинаковых рубашках-поло, на родительских собраниях в школе они тоже появлялись вместе, излучая свет и радость, очаровывая всех своим обаянием.

Ну, мама по-прежнему всех очаровывает (почти всех). Но это иное очарование, нервное, непостоянное, готовое поблукнуть в любую секунду. Все говорили, она «успешно» справлялась со скорбью по папе, в отличие от Сильви, которая «до сих пор не может отойти». (Иногда люди совсем не думают о том, что говорят, правда? Переживать утрату – это не соревнование. Мама просто не выказывала своих чувств на людях, вот и все.)

Она часто говорит о папе, на самом деле она очень любит говорить о папе. Мы обе любим. Но разговор должен строиться строго по ее плану. Если вдруг заведешь «запретную» тему, она тут же начинает раздувать ноздри и сверкать глазами, потом она просто отворачивается к окну и начинает часто моргать. Ты чувствуешь себя отвратительно. Беда в том, что «запретных» тем много, они случайные и совершенно непредсказуемые. Папины разноцветные носовые платки, его забавные суеверия, связанные с игрой в гольф, каникулы, которые мы проводили в Испании. Темы кажутся вроде безопасными и безобидными, но не тут-то было. Каждая из них неизменно приносит с собой волну ярости, гляделки в окно и отчаянные попытки эту тему сменить.

Я списываю это все на скорбь. Скорбь подобна новорожденному младенцу. Она будит тебя в любое время суток. Заполняет твой мозг непрекращающимся плачем. Она отрывает тебя от жизни, не дает есть и спать, а все вокруг талдычат: «Крепись, время лечит». Чего они не говорят, так это: «Ты думаешь, спустя два года тебе станет легче, но вдруг ты слышишь знакомую мелодию в супермаркете и начинаешь рыдать у всех на виду».

Мама никогда не рыдает на людях, но она смаргивает слезы и думает, что никто не замечает. Я часто плачу. Но иногда выдаются часы и даже дни, когда я совсем не вспоминаю о папе. И потом, конечно, я чувствую себя ужасно.

– Почему мы сегодня туда едем? – спрашивает Дэн, остановив машину на красный свет.

– Просто пообедаем у нее, – немного резко отвечаю я. – Побудем семьей.

– И больше ничего? – приподнимает бровь он, оставляя меня в замешательстве. А почему должно быть еще что-то? По телефону прошлой ночью я несколько раз переспросила у мамы: «Это просто обед, да? Больше ничего?» – «Конечно, родная» – отозвалась она, как мне показалось, обиженно.

У каждого из нас есть свое, как любят сейчас говорить, «темное прошлое». Моя мама не исключение. Об этом знает Дэн, знаю я, знает она сама. Даже девочки догадываются.

– Она опять начала, – спокойно говорит Дэн, приметив отличное парковочное место за ее кварталом.

– Ты не можешь знать наверняка, – возражаю я.

Но когда мы заходим в ее просторную квартиру (часть перестроенного особняка), мои глаза не дремлют, рыскают по сторонам, ищут улики, в надежде, что я ничего не найду...

Но я сразу замечаю его через двойные кухонные двери. Белое кухонное устройство на журнальном столике с ножками из золоченой бронзы. Большое и блестящее, стоит на старой замусоленной книге про импрессионистов, здесь совершенно не к месту.

Черт. Дэн оказался прав.

Я демонстративно не замечаю устройства, не спрашиваю, что это такое, не даю Дэну понять, что я заметила. Ключу маму в щеку (Дэн, кстати, тоже), помогаю девочкам снять пальтишки и ботинки и направляюсь на кухню, где уже накрыт стол. (В кои-то веки я уговорила маму не накрывать нам в гостиной, когда мы привозим девочек.) Захожу на кухню и резко вдыхаю. Ради всего святого, что она опять задумала?

Мама, как обычно, прикинулась агнцем невинным, но буквально пихает мне под нос овощную тарелку:

– Попробуй, Сильви, – и смеется своим серебристым смехом, который раньше был настоящим, а теперь более напоминает хрип. – Девочки, вы ведь любите морковку? Посмотрите, какая красота.

М-да, вижу я эту красоту. На столе четыре огромные тарелки с овощами каких-то невообразимых форм. Цукини, нарезанные в виде крестиков и ноликов, кружочки огурцов с зубчатыми краями, похожие на маленькие коронки, морковные звездочки, сердечки из редиса (выглядит супермило, я должна признать). И наконец, в центре, как гвоздь программы, цветок из ананаса.

Обмениваюсь с Дэном понимающим взглядом. Мы оба знаем, к чему все идет. И одна часть меня умоляет другую закрыть свое сердце, быть суровой, не поддаваться, даже не упоминать этот овощной конструктор. Но не могу. Мне нужно подыграть.

И я покорно начинаю:

– Вау! Какая прелесть!

– Я все это сделала сама, – гордо сообщает мама. – Заняло всего полчаса.

– Полчаса? – чувствую себя второй ведущей в телемагазине. – Невероятно. Как же ты справилась с этим?

– Так слушай, – мамино лицо загорается азартом. – Я купила этот замечательный, просто фантастический кухонный комбайн! Девочки, хотите посмотреть, как работает новая бабулина машинка?

– Да! – хором выдают Анна и Тесса, которых легко завлечь в подобного рода авантюры. Для них это как игра. Если я правильным голосом спрошу у них: «Вы хотите изучать квантовую физику?», они воскликнут в унисон: «Да!», и даже будут спорить: «Я первая изучать! Нет, я!» А когда я спрошу: «Вы знаете, что такое квантовая физика?», Анна уставится на меня пустым немигающим взглядом, а Тесса ляпнет: «Это как медвежонок Паддингтон!», потому что ей всегда и на все нужно дать ответ.

Когда мама и девочки уходят смотреть на чудо-машину, Дэн бросает на меня предупреждающий взгляд.

– Что бы это ни было, мы это не купим, – низким голосом говорит он.

– Хорошо, только...

– Что?

– Не воспринимай все так негативно, – развожу руками я.

– Я и не воспринимаю, – врет Дэн; более негативно может выглядеть только негатив. – Но мы больше не будем тратить деньги на очередной...

– Тсс! – пытаюсь успокоить его я.

– ...хлам твоей мамы, – закончил он. – Та шайтан-машина...

– Знаю, знаю, то была ошибка, – вздрагиваю я. – Я сотни раз признавала это.

Не поймите меня превратно: я такая же поклонница тяжеловесных американских ретро-соковыжималок и ручных мясорубок, как и все остальные. Но та машина для приготовления традиционного яблочного пюре была просто огромной. Мы почти никогда не ели яблочное пюре. И мы не делали все виды «вкусных и питательных пюре и каш», о которых мама разглажествовала на своих торговых презентациях. (Историю о заготовке пакетиков с «жидкими специями» лучше вообще предать забвению.)

Каждый справляется со скорбью и горем своим собственным путем. Это я уже поняла. Но мамин путь привел ее к распаду. И дело не только в молчаливом яростном моргании. Дело в продаже непонятного «незаменимого и суперсовременного» хлама друзьям и семье.

Нет, когда она начала устраивать ювелирные вечеринки, я была в восторге. Я думала, это будет просто веселое хобби, чтобы хоть немного отвлечь ее от тоски и уныния. Первую вечеринку я посетила с удовольствием: выпила шампанского со всеми ее подругами, купила кольцо и браслет. Была и вторая ювелирная вечеринка, на которую я не смогла приехать, но прошло все хорошо. Затем она провела вечеринку эфирных масел, на которой я купила рождественские подарки для всей семьи Дэна, так что это тоже было прекрасно. Вечеринка с испанской посудой тоже была ничего. Я купила пару расписных тарелок для закусок и использовала их раза два (может, три).

А потом была вечеринка *Trendiware*.

Боже мой, одно только воспоминание об этом «действе» заставляет меня передернуться. Позвольте мне объяснить: *Trendiware* – это такой бренд одежды (если можно назвать их продукцией одеждой) из эластичных тканей с «современными и яркими» (читай – отвратитель-

ными) принтами. Каждый предмет можно носить шестнадцатью разными способами, чтобы отразить свою индивидуальность (мне пришлось натянуть на себя что-то невообразимое с принтом из почек и бутонов, купившись на мамино «Вам, экстравертам, там подойдет узор «Дыхание весны»), а потом продавец (то есть мама) пыталась меня убедить выкинуть всю мою одежду и носить только *Trendiware*.

Это был самый настоящий кошмар. Мама сохранила довольно стройную фигуру, так что может себе позволить натянуть кусок обтягивающей ткани в качестве юбки. Но ее подруги? Алло? На вечеринке в основном были полные дамы за шестьдесят, угрюмо пытающиеся натянуть на себя дико-розовые кофточки поверх огромных бюстгалтеров или понять, как надеть трехстороннюю куртку (без научной степени в теоретической механике можно не пытаться). Некоторые гости вообще отказывались во всем этом участвовать. На деле я оказалась единственной, кто хоть что-то купил (и то «Платье-индивидуальность» я больше ни разу в жизни не надела ни одним известным способом, не говоря уже о шестнадцати).

Не удивительно, что после этого число маминих подруг резко сократилось. На следующую ювелирную вечеринку пришло меньше половины. На вечеринке с ароматическими свечами присутствовали только я и Лорна, мамина самая старая и самая преданная подруга. Когда мамы не было в комнате, я поведала Лорне свои опасения. Она же заверила меня, что скоро такой способ борьбы со скорбью исчерпает себя и придет к логическому завершению. Лорна ошиблась. Мама продает все новый и новый хлам. И единственный бесхребетный человек, который все это покупает, – я. (Лорна заявила, что у нее в квартире «больше не хватает места», что было очень умно с ее стороны. Если же я скажу такое, мама будет периодически навешиваться ко мне и разбираться в шкафах, чтобы освободить место).

Я знаю, нам давно пора вмешаться. Мы много раз обсуждали это, сидя в постели, и твердо заявляли: «Нужно поговорить с ней». И на самом деле, я была готова к этому еще в прошлый наш визит. Но у мамы был плохой день, она слишком часто моргала (яростнее, чем обычно) и смотрела в окно (намного дольше, чем обычно). Она выглядела такой маленькой и хрупкой, что я хотела хоть чем-то порадовать ее. Так что я купила эту чертову машинку для приготовления яблочного пюре. (Могло быть и хуже. Это могла быть специальная девятисотфунтовая ретроветчинорезка: уникальная и незаменимая для любой кухни.)

– Что ж. – Мама возвращается на кухню и хватается за белый кухонный комбайн, который я заметила раньше. Ее щеки покраснелись, она смотрит на нас с Дэном в упор (как делает всякий раз, когда готова начать свою «торговую презентацию»). – Вы можете подумать, что это обычный кухонный комбайн. Так позвольте мне переубедить вас: знаменитый Овощесоздатель-2000 не имеет аналогов среди современной кухонной техники.

– Овощесоздатель? – переспрашивает Дэн. – А я-то думал, овощи на грядке растут.

– Мы все так устали от скучных овощей, – машет мама, не обращая внимания на Дэна. – Но представьте себе совершенно новый способ сервировки, при котором ваши овощные блюда станут главным украшением стола! Пятьдесят две уникальные насадки с фигурными лезвиями, все в одной чудо-машине! А если вы закажете сегодня, мы подарим вам еще двенадцать новых насадок! Это наше сезонное предложение! – Голос повышается с каждым словом. – Овощесоздатель-2000 незаменим, феноменален и так прост в использовании. Анна, Тесса, хотите попробовать?

– Да! – ожидаемо визжит Тесса. – Я хочу!

– Нет, я! Я! – ноет Анна.

Мама устанавливает машину на столешницу, запикивает туда морковь и пропускает через отверстия. Мы все молча смотрим, как оттуда на тарелку выпадают крошечные оранжевые мишки.

– Мишки! – вопят девочки. – Морковные мишки!

Неудивительно. Я знала, что она приманит девочек этой штуковиной. Но я буду тверда в своих намерениях.

– Думаю, у нас дома и так уже слишком много таких штук, – с сожалением в голосе выдаю я. – Хотя смотрится и вправду красиво.

– Исследования показали, что если в семье есть Овощесоздатель-2000, то в таких семьях дети едят на тридцать процентов больше овощей по сравнению с другими семьями, – улыбается мама.

Что за чушь? Какие еще исследования? Ладно, не буду с ней спорить, а то еще начнет цитировать тезисы выдуманных академиков из «Научно-исследовательского института здорового питания при поддержке местных овощных ферм».

– Очень много мусора, – замечаю я. – Посмотри на все эти оставшиеся не у дел кусочки моркови.

– Так закинь их в бульон, – не растерялась мама, – это ведь так полезно. Ну что, девочки, попробуем сделать огуречные звездочки?

Я это не куплю. Знаю, что я ее единственный покупатель, но я не сдамся. Не куплю. Решительно отворачиваюсь и бегаю глазами по комнате в поисках хоть какой-то иной темы для разговора.

– Что у тебя еще нового, мам? – рассматриваю закрепленные на холодильнике записочки и билеты. – Ух ты, Зумба-фитнесс. Звучит интересно.

– Все неиспользуемые в данный момент насадки можно удобно сложить в это компактное вместилище... – Мама все еще пытается соблазнить меня своей овощерезкой.

– О, «Тенета лжи»! – восклицаю я, заведя на ее журнальном столике книгу в твердой обложке. – Мы читали ее в моем книжном клубе. Как тебе? Тяжеловато идет, если честно.

Сказать по правде, я лишь наполовину осилила «Тенета лжи», несмотря на то, что это одна из тех книг, которую читали все (слышала, по ней собираются снимать фильм). Автор произведения, Джосс Бертон, поборол анорексию и создала собственную парфюмерную компанию под названием «Тенета» (видимо, чтобы намекнуть, что все ароматы в ее духах переплетаются, словно нити паутины). Довольно симпатичная женщина с короткими черными волосами с отличительной белой прядью (которая стала ее фишкой). И духи у нее и вправду приятные, особенно «Янтарные слезы» и «Роза».

Сейчас она проводит мероприятия, где рассказывает деловым людям, как добиться успеха, и я полагаю, что эти встречи вдохновляют людей (а кроме вдохновения вряд ли из них можно что-то вынести).

Но все равно, когда я читаю об этих супервдохновляющих людях, невольно начинаю их уважать и в конечном итоге думаю: «Боже, почему я не проехала всю пустыню Сахара? Почему не помогла голодающим детям Африки?» После этого неизменно приходит мысль: «А человек ли я?»

Мама, однако, так и не ответила на мой вопрос о книге, но, с другой стороны, перестала талдычить о своей овощерезке, так что я поспешно заговариваю опять.

– Ты идешь в театр! – восклицаю я, заметив билеты. – «Выбор дилера»?²⁸ Хм, это про азартные игры, да? Ты идешь с Лорной? Вы можете заранее заказать себе столик где-нибудь, чтобы посидеть перед пьесой.

Абсолютная тишина. Мама по-прежнему мне не отвечает, что совсем на нее не похоже. Поворачиваюсь к ней и не верю своим глазам: мамины руки дрожат, на лице ее застыло странное выражение, будто ее лицо опустили в ванночку формалина. Она отворачивается от меня к окну и начинает моргать, очень быстро. Что я такого сказала? Что случилось?

²⁸ Пьеса британского драматурга Патрика Марбера, автора современной британской «новой драмы».

Вот черт! Наверняка я опять подняла одну из «запретных» тем. Но какую именно? Театр? «Выбор дилера»? Сомневаюсь. Перевожу взгляд на Дэна, ища у него помощи, но, к моему удивлению, он тоже стоит как истукан: челюсть напряжена, глаза насторожены. Смотрит на маму, потом на меня. Что? В чем дело? Я забыла что-то?

– Так, ну хватит этого, – наконец произносит мама, взяв себя в руки, – вы, наверное, проголодались. Сейчас я все это уберу. – И отрешенно начинает сметать обрезки овощей со столешницы. Затем она уносит Овощесоздатель, гору пустой пластиковой посуды (которую она наверняка подготовила для демонстрации овощерезки) и копию «Тенет лжи». Небрежно скидывает все это в свою крошечную подсобку (и даже чудо-машину!) и возвращается на кухню; лицо у нее красное, заплаканное.

– Хотите Бакз Физ?²⁹ – спрашивает она, слегка визгливо. – Дэн, я уверена, тебе понравится этот коктейль. Пройдем в гостиную?

Я совершенно сбита с толку. Она что, даже не попытается продать мне свою чудо-овощерезку? Она выглядит чрезвычайно расстроенной, но я не могу понять почему. Я следую за ней в гостиную, где шампанское и апельсиновый сок ждут нас в ведерках со льдом, что покоятся на верхней полке папиного бара орехового дерева в стиле ар-деко. (Папа обожал сам смешивать коктейли. На его шестидесятый день рождения все, кто пришел его поздравить, подарили ему коктейль-шейкер. Он еще долго над этим смеялся.)

Дэн открывает шампанское, мама смешивает коктейли, девочки играют с огромным кукольным домиком на подоконнике. Все как обычно и в то же время – не так. Произошло что-то странное.

Мама задает Дэну много вопросов о его работе, один за другим, будто боится, что хоть на секунду в гостиной воцарится тишина. Приканчивает свой коктейль одним разом, смешивает себе еще (мы с Дэном едва пригубили наши), затем одаривает меня улыбкой и говорит: «Пойду-ка сделаю немного блинчиков».

– Девочки, идем вымоем ручки, – зову я их и веду в мамину туалетную комнату. Как всегда, в ванной разыгрывается потешная баталия, кому мыть ручки первой. Результат: немного воды на полу и мыльная пена на раковине. В волосах Тессы сваялся колтун, поэтому возвращаюсь на кухню, чтобы достать расческу из сумочки. На полпути заглядываю в гостиную и... останавливаюсь.

Мама и Дэн стоят слишком близко друг к другу, разговаривают шепотом. Ничего не могу с собой поделать, приближаюсь к гостиной и прислоняюсь к дверному косяку так, чтобы меня не было видно, но чтобы я могла хоть чего-то расслышать.

– Сильви должна узнать *сейчас*, – горячо шепчет Дэн. Желудок мой делает двойное сальто. Они говорят обо мне!

Мама что-то говорит в ответ, но так тихо, что я не могу разобрать. Да мне и не нужно, я уже все поняла. Это один из сюрпризов Дэна для меня! Они с мамой что-то задумали.

Не хочу, чтобы меня поймали подслушивающей у двери, поэтому ретируюсь обратно в туалетную комнату. Мне готовят сюрприз! Но какой, вот в чем вопрос. И тут меня осеняет. Неужели те билеты на «Выбор дилера» предназначались для нас с Дэном? Мама просто была очень занята и прикрепила их к холодильнику, не подумав. А тут возникаю я и начинаю расспрашивать ее о книгах и театре.

Так, все. С этого момента перестаю совать свой нос куда не просят. С этой секунды не замечаю ничего, абсолютно ничего.

Заплетаю волосы Тессы в золотистую косичку и веду малышей обратно на кухню, в прихожей натякаюсь на огромную папину фотографию в массивной рамке, стоящую на столике подобно зоркому часовому. Папочка. Мой очаровательный, элегантный, всегда щегольски оде-

²⁹ Популярный коктейль, смесь шампанского и апельсинового сока.

тый отец. Убитый в самом расцвете сил. Прежде чем он успел по-настоящему узнать своих внуков, дописать свою книгу, насладиться заслуженным отдыхом на пенсии...

Невольно сжимаю кулаки, да так сильно, что костяшки пальцев белеют. Дышу учащенно, порывисто, буквально давлюсь воздухом. Знаю, надо было давно забыть обо всем, но не могу. Знаю, что не было доказано, разговаривал ли он по телефону за рулем или нет, но я вечно буду ненавидеть Гэри Батлера. Вечно.

Так зовут водителя грузовика, который убил моего папу на трассе М6. Гэри Батлер. (Его дело так и не дошло до суда за неимением доказательств.) В самые страшные из моих «плохих дней» (как я это называю сейчас) я отыскала его адрес, приехала к нему и просто стояла за его домом. Но, по всей видимости, стоять позади людских домов безо всякой на то причины (они называли это «следить»), писать письма (они называли их «угрожающими») для нормального человека «совершенно неприемлемо» (так сказала его жена). Угрожать? Серьезно? Дэну пришлось приехать и уговаривать меня уйти. Тогда-то все и начали встревоженно шушукаться по углам: «Бедняжка Сильви! Все никак не может отойти».

После этого случая у Дэна что-то щелкнуло в голове. Он и так всегда чересчур меня опекал (открывал передо мной двери и предлагал свою куртку), но в тот раз все зашло слишком далеко. Он забирал меня на машине после работы. Сам он взял отпуск, чтобы присматривать за девочками. Даже договорился с миссис Кендрик о небольшом дополнительном отпуске для меня. А еще он всеми силами пытался затащить меня к психотерапевту (хотя я и всячески отговаривала его от этого). Помню, когда врач сказал Дэну, что мне нужно хорошо выспаться (конечно, тогда я страдала бессонницей. А кто смог бы спать спокойно после всего, что произошло?), Дэн купил затемняющие жалюзи и диски с медитативной расслабляющей музыкой. Он даже попросил всех наших соседей не шуметь по вечерам. Он все еще спрашивает меня каждое утро, хорошо ли я выспалась. Это вошло у него в привычку, он будто превратился в персональный трекер сна.

Мама, с другой стороны, совсем не хотела об этом знать. Я вовсе не говорю, что это плохо. Она скорбела, безумно скучала по папе, как она могла беспокоиться еще и обо мне? Это вовсе не делало ее холодной и равнодушной, просто мама плохо справляется с проявлениями необъяснимого поведения у кого-то. Однажды, когда мне было девять, у нас обедал один дядька, который напился так, что свалился с дивана. Как и любому ребенку, мне было весело наблюдать за таким. Но когда я упомянула об этом на следующий день, мама просто закрыла тему. Как будто ничего не случилось.

Поэтому, когда я начала свои безмолвные дозоры у дома Гэри Батлера, мама захотела поскорее это прекратить («Сильви, что же люди скажут?!»). Мама хотела, чтобы я начала принимать таблетки. Мама хотела, чтобы я съездила за границу на месяц-другой.

(Сама она погрузилась в свое горе, как черепаха в панцирь. Закрылась в своей спальне после похорон и не впускала никого две недели. Потом она просто вышла оттуда хорошо одетая с идеальным макияжем. Но каждый раз при упоминании папы начинала моргать. Мама никогда не плакала, только яростно моргала.)

– Дедуля на небесах, – вставляет Тесса, также разглядывая фотографию. – Дедуля сидит на облачке, да, мамуль?

– Может быть, – опасливо отвечаю я.

В конце концов, что я могу знать? Возможно, папа и вправду где-то там, наверху, сидит на огромном облаке.

– А что, если он упадет? – боязливо спрашивает Анна. – Мама, что будет, если дедуля упадет?

– Он будет крепко держаться за облачко, да, мама? – произносит Тесса, и обе они смотрят на меня с надеждой в глазах, абсолютно уверенные, что я знаю ответ. Потому что я мамочка, которая знает все на свете.

Из глаз уже готовы хлынуть горячие слезы. Хотела бы я в действительности быть такой, какой они меня видят. Хотела бы и вправду знать все на свете. Через сколько лет они поймут, что мамочка вовсе не знает ответов на все вопросы? Что всех ответов не может знать никто? Смотрю на их пытливые личики и не могу даже вынести мысли о том, что однажды мои девочки узнают обо всем том дерьме, что происходит в мире, и им придется с этим разбираться самим. Меня может не быть рядом, чтобы помочь им.

– Все хорошо, Сильви? – спрашивает Дэн, внезапно появившийся из гостиной. Видит, что я смотрю на фотографию папы, и понимает сразу, о чем я думаю. Папины фотографии всегда топят меня в болоте собственной боли.

Если честно, загнать меня в это болото может все, что угодно.

– Все отлично, – натягиваю на лицо радостную улыбку. – Итак, девочки, с какой вкуснятинкой вы хотите блинчиков?

Отвлечь девочек необходимо; не хочу, чтобы Тесса лепетала о дедуле и облаках перед моей мамой.

– Кленовый сироп!

– А я хочу с шоколадной пастой!

Анна и Тесса пулями ринулись на кухню, позабыв о дедушке. Следую за Дэном на кухню, мама уже тоже вышла из гостиной и идет чуть ли не бок о бок с Дэном. Настроение само собой начинает улучшаться. Похоже, у игры «Удиви меня» оказался неожиданный (и довольно приятный) побочный эффект – Дэн и моя мама наконец-то опять хорошо общаются. То, как они стояли в гостиной, так близко друг к другу, говорили с такой прямолинейностью и открытостью, какой я не замечала за ними даже раньше.

Выходит, они все-таки ладят друг с другом. В каком-то смысле. Просто...

Я уже говорила, что Дэн «пружинится» всякий раз, когда речь заходит о моем отце. Говорила, что Дэн немного занозист по поводу его денег и... прочего. Может, Дэн наконец перестал так напрягаться из-за этого? Может, Дэн изменил свое отношение?

Или не изменил. К концу обеда на лице Дэна застыло его обычное колючее выражение глаз (какое бывает всегда, когда он в гостях у моей мамы), а все потому, что мама узнала о змее и начала подтрунивать над Дэном. Я вижу его попытки отвечать вежливо и с улыбкой на ее подковырки, так что не виню его (почти). У мамы в привычке выбирать какую-нибудь тему для шутки и обмусоливать ее часами, пока не надоест. Поймала себя на том, что едва не встала на сторону змеюки (едва!).

– Я всегда хотела себе любимого питомца, когда была маленькой, – рассказываю я девочкам, чтобы хоть как-то прекратить эти шутки. – Не змею, конечно. Котенка.

– Котеночка! – восторженно вздыхает Тесса.

– Твоя рептилия наверняка бы съела котенка, – все не унимается мама. – Ты этим кормишь змею, Дэн? Живыми котятами?

– Вовсе нет. – Дэн пытается говорить ровным голосом. – Это совсем не так.

– Какой вздор, мама, – хмурюсь я. Как бы мама своими шуточками не напугала девчат. – Бабушка шутит, девочки, – поворачиваюсь я к малышкам. – Змеи не едят котят! В любом случае, – продолжаю я, – завести домашнее животное мне не разрешали. Братьев и сестер у меня не было, так что... Попробуйте угадайте? Я придумала себе воображаемую подружку. Ее звали Линн.

Я никогда не рассказывала девочкам о моей воображаемой подружке. Не знаю почему.

Нет, конечно, я знаю. Потому что мои родители заставляли меня стыдиться этого. Стыдиться собственного воображения. До сих пор не представляю, где я нашла мужество, чтобы сейчас просто так заговорить об этом перед мамой.

Я часто размышляю о своем детстве, особенно сейчас, когда у меня уже есть свои дети. Отчетливо помню, что родители мои совсем не одобряли ту форму, в которую вылилось мое детское одиночество. Они были замечательными, самыми лучшими родителями, но в одном они ошиблись.

Я понимаю, что времена тогда были другие. Люди были менее открытыми. И папа с мамой восприняли мою игру вполне себе традиционно: если ребенок слышит голоса в голове, он, должно быть, психически нездоров. Но воображаемые друзья – совершенно нормальное и здоровое явление для детей (я гуглила, много раз, на самом деле).

Им не стоило так резко порицать мое поведение. Каждый раз, когда я упоминала Линн, лицо мамы превращалось в страдальческую маску (как в греческих трагедиях), папа же смотрел на маму с таким негодованием, будто это полностью ее вина. Воздух сразу же становился тяжелым и удушливым, словно напичканным химикатами. Это было ужасно.

Больше я не рассказывала им про Линн, но подругу свою не бросила. Наоборот, такое отношение моих родителей к ней заставляло меня лишь сильнее тянуться к ней. Наделять ее лучшими качествами. Боготворить ее. Иногда я чувствовала себя виноватой, что до сих пор держусь за нее. Иногда я чувствовала себя бунтаркой, когда шла против желаний родителей. Но ужасное чувство стыда не покидало меня никогда. Мне тридцать два, но до сих пор, когда произношу имя «Линн» вслух, я боюсь, что меня вновь застыдят.

Однажды я проснулась с мыслями (или воспоминаниями?) о Линн. Я словно вновь слышала ее залиvistый прозрачный смех, слышала, как она напевает *Kumbaya*³⁰, песню, которую я когда-то любила.

– Ты когда-нибудь разговаривала с ней по-настоящему? – хлопает глазками Тесса.

– Нет, только в своей голове, – улыбаюсь я ей. – Я выдумала ее, потому что чувствовала себя немного одинокой. Это нормально. У многих детей есть воображаемые друзья, – подчеркнуто добавляю я, – а когда дети становятся старше, они им больше не нужны.

Последнее замечание всколыхнуло какие-то эмоции в маме, но она делает вид, что ничего не слышала. Как это в ее духе.

Я пообещала себе, что однажды я выскажу все это маме. «Вы хоть представляете, что я чувствовала себя униженной? – скажу я ей. – Что было не так? Вы думали, я схожу с ума или что?» Слова уже готовы, они все в моей голове... Только у меня кишка тонка произнести это вслух. Как я уже говорила, я не сильна в спорах, особенно после папиной кончины. Семейный челнок и без того качает по бурным волнам, незачем опрокидывать его.

Естественно, мама проигнорировала весь этот разговор и теперь сама меняет тему.

– Посмотри, что я нашла на днях, – говорит она и щелкает пультом; через несколько секунд в настенном телевизоре появляется изображение папы. Я узнаю эту семейную хронику: это день моего шестнадцатилетия, папа встал, чтобы произнести тост.

– Сто лет это не видела, – выдыхаю я, и мы все молча устремляем наши взоры на экран. Бархатный папин голос разносится эхом по всему танцевальному залу клуба-ресторана *Hurlingham* (на записи это отлично слышно), где и проходила моя вечеринка. Папа в сером смокинге, мамино платье сияет серебристыми блестками, а я в ярко-красном коктейльном платье. Уже не припомню, сколько выходных мы с мамой проторчали в магазинах, чтобы отыскать мне на праздник платье, о котором я мечтала все шестнадцать лет. (Смотрю видео и осознаю, что сидело оно на мне просто *ужасно*. Но мне было шестнадцать. Что я понимала?)

³⁰ Имеется в виду песня «Kum ba yah, my Lord» (рус. «Господи, приди!»); духовная песня 1930-х гг. Она пользовалась популярностью во время народного возрождения 1960-х годов и стала стандартной традиционной песней у костра в движении скаутов и в подобных организациях.

– Моя дочь остроумна, как Лиззи Беннет, – произносит он своим по-королевски покровительственным тоном, – упряма, как Джо Марч, элегантна, как Скарлетт О’Хара и такая же смелая, как Пеппи Длинныйчулок.

Гости на экране взрываются аплодисментами, папа же смотрит только на меня. Там, на записи, юная я моргаю, не в силах выдать ни звука.

Я помню эту речь, она меня совершенно потрясла. Папа тайно пролистал все мои любимые книжки и вплел в свою речь героинь, на которых я всегда хотела быть похожей. Честное слово, спустя столько лет я и сейчас готова расплакаться. Смотрю на маму, и она награждает меня робкой, слегка дрожащей улыбкой. Моя мама иногда сводит меня с ума, но бывают случаи, когда никто не понимает меня лучше нее.

– Хорошая речь, – произносит Дэн через пару минут, и я благодарно улыбаюсь ему.

Внезапно изображение на экране начинает идти полосками, голоса искажаются, а затем видео и вовсе превращается в серый дребезжащий фон.

– Что случилось? – испугалась Тесса.

– О боже. – Мама лихорадочно щелкает пультом, но картинка не возвращается. – Должно быть, видео повреждено. Неважно. Если все уже наелись, давайте пройдем в гостиную и посмотрим что-нибудь другое.

– Свадьбу! Свадьбу! – в унисон верещат девочки.

– Свадьбу? – хмурится Дэн. – Разве недостаточно на сегодня семейных видео?

– Что плохого в том, чтобы посмотреть свадьбу? – говорю я так, будто оправдываюсь. Если честно, я и вправду оправдываюсь, потому что...

Что ж, вот вам еще одна истина о моей семье: мы миллион раз смотрели видео нашей свадьбы. Я не шучу, миллион! Мы смотрим свадьбу каждый раз, когда приезжаем в гости к маме. Девочки обожают это видео, мама тоже, да и я должна признаться, что безумно его люблю.

Дэн же считает диким постоянно воспроизводить один и тот же день из нашей жизни (пусть и такой сказочный). На самом деле Дэн ненавидит наше свадебное видео по той же причине, по какой мы с мамой его обожаем. Если на многих свадебных хрониках запечатлена во всей красе счастливая пара молодоженов, то на нашей пленке во всей красе предстает мой отец.

Поначалу я этого даже не замечала. Видела лишь прекрасный, отлично снятый фильм. Но не прошло и года после нашей свадьбы, как Дэн (по дороге домой после очередного просмотра этого видео в гостях у мамы) буквально взорвался: «Неужели ты не видишь, Сильви? Это был не наш день! Это был *его* день!»

В следующий раз, когда я смотрела фильм, все стало вдруг совершенно очевидно. Это шоу папы. Первый кадр – папа важно стоит в своем сюртуке-визитке возле «Роллс-Ройса», на котором мы прибыли в церковь. Вот папа помогает мне расправить фату, здесь папа за рулем, папа ведет меня к алтарю...

Самый трогательный момент всего видео – наши брачные клятвы. На вопрос священника: «Кто выдает невесту замуж за этого жениха?» папа хрипло пробасил: «Я». И во время наших клятв камера неустанно возвращается к моему отцу, который задумчиво смотрит на нас со смесью гордости и печали в глазах.

Дэн думает, что папа специально обращался в монтажную, чтобы видео включало самые видные сцены с ним. В конце концов, платил папа – он был тем, кто настаивал на профессиональной съемочной группе, – так что получиться должно было именно так, как он того хотел.

Когда Дэн поделился со мной этой мыслью, я на него жутко обиделась. Но потом поняла, что супруг мой, возможно, прав. Нет, папа, конечно, не был самовлюбленным, но чувство собственного достоинства всегда было его стержневым качеством. Ему нравилось находиться в центре внимания. Например, он отчаянно жаждал получить рыцарский титул. Друзья часто подтрунивали над ним из-за этого; папа же отмахивался от них легкомысленными шуточками.

(Но все мы знали, как сильно он мечтал быть посвященным в рыцари.) И почему нет, после всех его добрых деяний? (Мама до сих пор недоумевает, почему папины достижения так и не отметили. Знаю, она яростно моргает всякий раз, когда просматривает в газете список получивших почетные звания. Если бы папу посвятили в рыцари, мама звалась бы «Леди Лоу», что звучит совершенно чудесно.)

Я согласна с Дэном лишь отчасти, у меня есть собственная теория по поводу свадебного фильма. Мне кажется, съемочной группе нравилось снимать моего отца, потому что он был ослепительным, как кинозвезда, и великолепно получался в кадре. Красивый и остроумный, так изящно кружит с мамой в вальсе. Не удивительно, что операторы, монтажеры, или кто бы там ни был, так сосредоточились на нем.

Я ведь прекрасно понимаю, что Дэн – не самый яростный поклонник моего отца. Но девочки просто обожают смотреть видео со свадьбы – в основном разглядывать мое белоснежное платье и прическу. Папа настоял, чтобы мои золотистые волны – «моя сила и красота», как называл их папа, – были в основном распушены. Смотрелось это и вправду великолепно: сияющие золотом локоны рассыпаны по плечам, небольшая полупрозрачная фата, голову венком опоясывают небольшие косички, в которые изящно вплетены цветы. Девочки называют это «свадебной прической Рапунцель» и часто просят сделать их куклам такую же.

Но, как почти всегда случается при просмотре этого фильма, девочки, надивившись на «принцессину прическу», постепенно теряют к нему интерес и убегают играть; Дэн же сидит с вымученной улыбкой и либо исчезает куда-то на середине фильма, либо идет присматривать за девочками. В итоге мы с мамой остаемся одни: пьем и молча смотрим на папу. Ах, каким человеком он был. Он – наша слабость и наша же привилегия. Наша коробка изысканных шоколадных конфет.

Сегодня, однако, я не хочу, чтобы мы с мамой в одиночестве наслаждались любимым видео. Сегодня я хочу, чтобы все было иначе. Чтобы мы были все вместе, расслабленные, не таящие ни на кого обид и... Не знаю. Единым целым. Как семья. Когда мы направляемся в гостиную, осторожно беру Дэна под руку.

– Досмотри его сегодня, – умоляю я. – Останься с нами.

Мама нажимает на кнопку «плей» – никто из нас не комментирует тот факт, что диск уже стоит в приемнике, – и мы все вместе смотрим, как папа и я покидаем порог нашего дома в Челси, моего дома детства. (Мама продала этот дом год назад и переехала в квартиру неподалеку; для того, чтобы начать все «с чистого листа».)

– Я вчера разговаривала по телефону с репортерами из местной газеты, – сообщает мама (на экране папа и я позируем фотографу у «Роллс-Ройса»). – Они будут фотографировать на открытии рентген-кабинета. Не забудь сделать ту прическу, Сильви, – добавляет мама.

– Ты рассказала об этом Эсми? – спрашиваю я. – Надо бы ее предупредить.

Эсми работает в Нью-Лондон-Хоспитал, именно она занимается организацией церемонии открытия кабинета. Она новенькая, эта церемония – ее первый большой проект; я почти каждый день получаю от нее электронные письма (даже по выходным), полные тревог и беспокойств, начинающиеся с «Кажется, все уже готово. Только...» и продолжающиеся огромным количеством символов. Вчера она хотела знать, сколько нужно парковочных мест. Сегодня: «Вы будете использовать презентацию *Power Point* в своей речи?» *Power Point*? Seriously? Никому это еще не надоело?

– Дэн, ты ведь придешь на церемонию? – спрашивает мама, внезапно повернувшись к нам.

Слегка подталкиваю его локтем, и Дэн выдает:

– Да. Да, приеду.

Знаете, он мог бы проявить и больше энтузиазма. Все-таки не каждый день в честь твоего свекра открывают ультрасовременный рентген-кабинет в престижной больнице.

– Когда я рассказала журналисту все, чего мой муж достиг в своей жизни, парень из газеты не смог в это поверить, – продолжает мама. – Построил собственный бизнес из ничего, собрал столько средств на нужды онкологических больных, организовал столько замечательных приемов и вечеров, поднялся на Эверест... Журналист сказал, рабочее название статьи – «Исключительный человек».

– Ну не совсем «из ничего», – вставляет Дэн.

– В смысле? – переспрашивает мама.

– Сумма от компании авиаперевозок досталась ему приличная, не так ли? Совсем не «ничего».

Бросаю на Дэна настороженный взгляд; так и знала, он опять «пружинится». Челюсти плотно сжаты, сидит как на иголках.

Каждый раз, когда я провожу время с Дэном и мамой, мои симпатии колеблются, будто бешено раскачивающийся маятник. Сейчас я полностью на стороне мамы. Почему Дэну так сложно дать нам с мамой предаться воспоминаниям об отце? Воспоминания не обязаны быть на сто процентов точными. Кому вред от того, что мама идеализирует своего погибшего мужа.

– Чудесное название для статьи, – улыбаюсь я маме, совершенно проигнорировав слова Дэна. Осторожно глажу ее руку, при этом неустанно слежу, не начнет ли она опять моргать. Нет, мама вроде кажется спокойной.

– Помнишь, как он отвез нас в Грецию? – Ее глаза заволокла пелена воспоминаний. – Ты была совсем еще малышкой.

– Конечно, помню, – поворачиваюсь к Дэну. – Это было невероятно. Папа зафрахтовал яхту, и мы плыли по побережью. Каждый вечер мы устраивали фантастические ужины при свечах на пляже. Крабы, лобстеры...

– Каждый вечер он придумывал новый коктейль, – мечтательно проурчала мама.

– Звучит неплохо, – сухо комментирует Дэн.

Мама опять моргает. О нет, только не это. Вдруг, будто очнувшись от воспоминаний, она спрашивает четким, твердым голосом:

– А куда вы собираетесь этим летом?

– Озерный край, – отвечаю я. – Забронировали домик с кухней.

– Хорошо, – говорит она, но улыбка ее какая-то отстраненная, холодная. Подавляю вздох. Знаю, она вовсе не хотела оскорбить нас, но мама искренне не понимает нашей с Дэном жизни. Она не понимает, что значит жить на бюджет, находить удовольствие в простых вещах, прививать девочкам понимание того, что не все в жизни можно приобрести за деньги. Когда я показала ей брошюрку французского палаточного лагеря, куда мы собирались отправиться, она побледнела и дрожащим голосом спросила:

– Дорогая, почему бы вам просто не снять чудесную виллу в Провансе?

(Я бы ответила: «Из-за денег», а она бы удивленно захлопала глазами: «Милая, так я дам вам на это денег. Сколько попросите». Дэн бы еще сильнее «напружинился»; так что я предпочитаю не отвечать.)

– Ох, смотри, – мама показывает на экран, – папа сейчас отпустит ту шутку, перед тем как ты переступишь порог церкви. Твой отец всегда был таким остроумным, – с тоской добавляет она. – Все потом говорили, что его речь была лучшей на торжестве.

Ну вот, как я и ожидала, Дэн встает на ноги:

– Прошу прощения, – направляется к двери, избегая моего взгляда. – Только что вспомнил, что мне нужно сделать несколько срочных звонков по работе.

Что ж, я его не виню. Почти не виню. Все-таки чуточку виню. Неужели он не может хоть раз пересилить себя?

– Все хорошо, – мило улыбаюсь я, хотя прекрасно знаю, что эти срочные звонки он только что придумал. – Иди работай, не беспокойся.

Когда Дэн покидает комнату, мама тут же спрашивает:

– Бедняга Дэн сегодня немного напряженный, не находишь? Интересно, почему.

Она часто называет Дэна беднягой, и при этом голос звучит так покровительственно (вряд ли она это специально), что маятник внутри меня немедленно качает в сторону Дэна. Я должна защищать Дэна, в таком его поведении все же есть причина.

– Понимаешь, Дэн считает... – Глубоко вздыхаю. Я должна это сказать. Давно должна была. – Мама, ты когда-нибудь замечала, что в нашем свадебном видео слишком много папы.

– Много? – удивленно моргает мама.

– Ну, по сравнению с другими людьми.

– Но он ведь был отцом невесты. – Мама по-прежнему смотрит на меня в недоумении.

– Все так, но... – чувствую, что вспотела. Мне стоит огромного труда продолжить: – Но в фильме папы намного больше, чем Дэна. А ведь это *его* свадьба!

– Ох, – распахивает глаза мама, – это поэтому бедняга Дэн такой колючий?

– И вовсе он не колючий, – пытаюсь защитить Дэна я, но чувствую себя крайне неудобно, будто понимаю, что вру. – Ты должна понять его точку зрения.

– А я не понимаю, – отрезает мама. – Свадебный фильм прекрасно отражает дух свадьбы, и нравится тебе это или нет, но твой папа был сердцем того праздника. И операторы решили сосредоточиться на самом интересном и зрелищном человеке. Твой Дэн славный малый, и ты знаешь, что он мне нравится. Но вряд ли его можно назвать душой компании.

– Нет, можно! – горячо возражаю я, хотя прекрасно понимаю, о чем она. Дэн интересный собеседник и очень веселый человек, но нет в нем папиной харизмы. Он не закружит внезапно в танце сразу трех женщин под хлопки и радостные возгласы гостей, как делал папа.

– У Дэна совершенно нелепейшие представления о жизни, – слегка надменно произносит мама. – Не могу понять, почему Дэна так мучают достижения твоего отца. Хотя, – она вздыхает, – можно ли винить его за это? – Она умолкает на секунду, взгляд ее становится мягким и отрешенным. – Ты должна помнить, Сильви, что твой отец был золотым человеком. Не каждой девочке так повезло с отцом.

– Я знаю, – киваю я. – Мы были самыми счастливыми на свете.

– Конечно, у Дэна тоже много прекрасных качеств, – добавляет она после паузы. – Он очень... преданный.

Я знаю, она старается быть милой, но в ее голове эпитет «преданный» явно на несколько уровней ниже, чем «золотой».

Замолкаем. Видео идет своим ходом, сменяются кадры: вот мы с Дэном держимся за руки и произносим наши брачные клятвы, вот фокус камеры переезжает на папу – он стоит в ореоле света, его лицо благородное, его взгляд преисполнен достоинства, вот папа с улыбкой подмигивает в камеру.

И хотя я смотрела этот фильм бесчисленное количество раз, в горле встает ком, в груди теснится новая волна боли. Всю свою жизнь папа подмигивал мне. На школьных концертах, на скучных ужинах, перед тем как погасить свет в моей комнате после того, как пожелал мне спокойной ночи. Знаю, все это звучит довольно глупо, ведь все умеют подмигивать. Но папа делал это по-особенному. Его подмигивание словно укол адреналина, словно глоток свежего воздуха, словно разряд молнии.

Мой внутренний маятник остановился. Безмолвно смотрю на экран. Все мысли и чувства покинули меня, оставив лишь горящую строку в моем мозгу: папа мертв, он никогда не вернется. Остальное неважно.

8

На следующее утро маятник внутри меня летает из стороны в сторону как бешеный. На самом деле все вокруг меня кажется сумасшедшим, беспорядочным; настоящий хаос. Вот как можно прожить с Дэном в браке шестьдесят восемь лет, если последние шестьдесят восемь минут были сущим кошмаром.

Даже не представляю, что могло его довести. С тех самых пор, как мы вчера вернулись от мамы, Дэн бродит угрюмый, озлобленный, придирчивый. Он совершенно невозможен. По дороге домой Дэн сказал мне, что моя семья живет прошлым, а не настоящим, а это совсем нехорошо для воспитания девочек. Он даже спросил, обязательно ли мне было упоминать о своей воображаемой подруге? Но когда я спросила у него, что же в этом плохого, он не ответил.

Я знаю, что беспокоит Дэна, хоть он никогда в этом не признается. Он боится, я неуравновешенная. Эмоционально неустойчивая. А все потому, что я стояла у дома Гэри Батлера. Потому что положила маленькое письмо в его почтовый ящик (ладно, признаю, этого делать не стоило). Но это был особый случай. Я была вне себя от горя. Такие «эпизоды» (как мы это называем) больше никогда не повторятся.

А Линн-то я вообще придумала давно, когда еще была ребенком. Это совершенно нормально (я гуглила), и Дэн об этом прекрасно знает. Так какого черта он так себя ведет?

Примерно то же самое я высказала Дэну. Ну не совсем высказала, прошипела. Чтобы девочки не слышали. Не уверена, услышал ли Дэн.

Утром я проснулась с мыслью: не думай больше об этом. Новый день, новый старт. И я решила встретить этот день самым оптимистичным образом. Даже буркнула «привет» змее (правда, с закрытыми глазами). Дэн же показался мне еще угрюмее и мрачнее, чем вчера. Сидел за завтраком молча, все вертел в руках телефон, а потом внезапно сказал:

– Знаешь, а к нам ведь поступило предложение расшириться в Европу.

– Правда? – отвлеклась я от Аниного учебника.

(Я помогала девочкам с домашним заданием. Пока мы с Дэном разговаривали, Анна читала по слогам слово «ту-ча».)

– Есть ребята из Копенгагена, которые делают примерно то же самое, что и мы, – объяснил он. – У них куча проектов в Северной Европе, и они хотят, чтобы мы объединились с ними. Наша компания смогла бы в конечном итоге утроить свой оборот.

– И это хорошие новости?

– Не знаю. Возможно. Риск промахнуться всегда есть. – Дэн смотрел на меня взглядом несчастного, запутавшегося человека, что в мозгу моем словно ударил предупреждающий колокол. – Но мы должны что-то решить.

– Что ты имеешь в виду?

– Либо я расширю бизнес, либо...

Он замолчал и одним глотком допил свой кофе, прибавив мне поводов для беспокойства. Как я уже говорила, я очень хорошо знаю Дэна. Я могу почувствовать, когда его мозг буквально разрывается от гениальных, легко претворяемых в бизнес идей. И также чувствую, когда идей у него нет никаких. Его не радует расширение компании в Европу. Он считает, что загнал себя в угол.

– Когда ты сказал о расширении, ты имел в виду... – Параллельно я успевала помогать девочкам с заданием по правописанию. («Лу-жа», – читает Тесса вслух.)

– Что компания должна быть раз в пять больше, чем сейчас, – ответил он, перекрывая голос Тессы.

– В пять? – удивленно повторила я. – А кто это придумал? Дела же идут хорошо. У вас много проектов, большой доход...

– Брось, Сильви, – чуть ли не прорычал он. – У девочек крохотная спальня. Скоро нам нужно будет переезжать в более просторный дом.

– Опять, кто это придумал? Дэн, с чего ты вдруг об этом задумался?

– Я смотрю в будущее, – говорит он твердо, но не встречаясь со мной взглядом. – Просто составляю план.

– Окей, и что этот «план» повлечет за собой? – резко спросила я, чувствуя, что на душе начинают скреститься кошки. – Тебе придется уезжать в длительные командировки?

– Конечно, – отрезал он. – Новый уровень инвестиций, новые обязательства...

– Инвестиций? – уцепилась я за слово. – Тебе придется занимать деньги?

– Нам нужно больше рычагов воздействия, – пожал плечами он. – Кредитное плечо.

«Кредитное плечо». Ненавижу эту фразу. Звучит вроде уютно и просто. А на самом деле скользкая фраза. Представляешь себе надежную денежную опору и думаешь: «Да, в этом что-то есть». Много времени у меня ушло понять, что это по-настоящему значит: «Чем больше денег, тем выше ставка, чем выше ставка, тем шире пасть бездны, в которую ты упадешь».

– Я не знаю. Звучит очень рискованно. Когда эти копенгагенцы связались с тобой?

– Два месяца назад, – ответил Дэн. – Но мы отказались. А теперь я склонен повторно рассмотреть их предложение.

Внутри меня вспыхивает что-то сродни ярости. Почему он решил пересмотреть их предложение именно сейчас? Не потому ли, что вчера мама упомянула о спонтанных (но дорогостоящих) каникулах в Греции?

– Дэн, – я не спускала с него глаз. – У нас прекрасная жизнь. Такому балансу «работа – свободное время», как у нас, можно только позавидовать. Зачем тебе расширять свою компанию в пять раз? На кой тебе сдался этот Копенгаген? Я не хочу, чтобы ты уезжал в Копенгаген. И я люблю этот дом! Мы сделали его нашим домом! Нам не нужно переезжать, нам не нужно больше денег...

Боюсь, я слишком увлеклась. Проговорила без малого минут двадцать, говорила бы и дольше, если бы не раздался тихий голосок Анны: «Семь пять два». Она обожает произносить вслух цифры с электронных часов на микроволновке, это теперь ее новое хобби. Не договорив, я воскликнула:

– Сколько? Чер... Червячок мармеладный! – и быстро побежала собирать девочек к школе.

Я так и не успела проверить домашнюю работу дочек. Здорово, ничего не скажешь. Мои девочки наверняка теперь получают три балла из десяти за контрольную. И когда учительница спросит их: «Почему вы не подготовились?», Тесса невозмутимо пропищит своим ясным голоском: «Мы не выучили слова, потому что мама с папой спорили о деньгах». И все учителя будут нам косточки перемывать за кофейком в учительской.

Вздыхаю. Вздыхаю снова.

– Сильви! – это Тильда вырывает меня из плена утренних воспоминаний. – Что с тобой такое? Я тебе уже три раза позвала, а ты как будто не здесь совсем! – восклицает она, приближаясь к нашей калитке.

– Прости. – Ключу ее в щеку, и мы отправляемся на наш традиционный променад.

– Что случилось, милая? – спрашивает она, изучая свой фитнес-трекер. – Понедельничная хандра?

– Ты знаешь, – вновь вздыхаю я, – семейная хандра. Брак.

– Ах, брак, – фыркает она. – Ты что, не читала противопоказания? «Может вызывать головную боль, тревогу, перепады настроения, нарушение сна или желание огреть кого-нибудь дубинкой». – Ее выражение лица настолько комично, что я не могу не смеяться. – Пчелиный улей, – добавляет Тильда. – Вот что такое семья и брак. Пчелиный улей.

– Хорошо, что у нас нет пчел, – отвечаю я. («Только змея», – мрачно думаю про себя.)

– Зато есть симпатичный кашемировый кардиган, – подсказывает Тильда с озорными искорками в глазах. – Все прошло по плану, я надеюсь?

– Боже, кажется, будто с того момента прошло лет сто, – хлопаю себя рукой по лбу. – Если честно, вообще ничего не пошло по плану. Дэн узнал, что я была у тебя и мерила кардиган. Потом мы оба устроили обед-сюрприз друг для друга в одно и то же время. А закончилось все змеей.

– Змеей? – распахивает глаза Тильда. – Ну, такого ты точно не могла ожидать.

Посвящаю Тильду во все субботние события, и мы обе чуть ли не лопаемся от смеха. Мое плохое настроение как рукой сняло. А потом вспоминаю Дэна, и скребущее ощущение внутри возвращается.

– Ну, и чего это мы хандрим в понедельник утром? – Тильда – одна из тех подруг, которой нужно убедиться, что у тебя все хорошо; она не отвяжется, пока все не выяснит, но и не обидится, если ты ненароком ей нагрубишь. То есть самая лучшая подруга на свете. – Все эта змеюка?

– Нет, змея ни при чем, – честно отвечаю я. – Я к ней уже привыкла. Просто... – развожу руками и со вздохом опускаю их.

– Дэн?

Молча делаю пару шагов, чтобы упорядочить мысли. Тильда мудрая и надежная. Мы обе рассказывали друг другу такие щепетильные вещи, какие я бы не решилась рассказать никому другому. Возможно, она увидит ситуацию совсем в другом свете.

– Нет, это все...

– Значит, дело в деньгах, – сразу угадывает Тильда.

– Ты права. Дело всегда в деньгах. Думала, все изменится к лучшему, а вышло с точностью до наоборот, – понижаю голос, хотя на улице нет никого кроме нас. – Дэн придумал план по расширению своей компании. И я знаю, что он пытается таким образом соревноваться с папой, с папиными достижениями. – Смотрю на Тильду и встречаю ее мудрый, пронизательный взгляд. – Но я не хочу, чтобы он изводил себя на работе лишь потому, что хочет стать своеобразной копией моего отца. Дэн не мой отец! И поэтому я его люблю! Поточу что Дэн просто Дэн... – В совершенной растерянности умолкаю, не зная, как закончить предложение.

Идем молча, но я знаю, что Тильда размышляет над моим вопросом.

– Давным-давно я смотрела документальный фильм о львах, – вдруг произносит она. – О молодых самцах, которые дерутся за прайд со взрослыми львами. Они невероятно жестоки, рвут друг друга в клочья, но не сдаются. Прайду нужен вожак, за место которого проливается много крови.

– Выходит, Дэн как лев?

– Как молодой самец, которому не с кем бороться, – бросает на меня загадочный взгляд. – Подумай об этом. Твой отец погиб в самом расцвете сил. Ему никогда уже не стать старым и немощным, в отличие от Дэна. Что бы Дэн ни делал, тень твоего отца всегда будет довлеть над ним. А Дэн хочет быть королем джунглей!

– Но он король наших джунглей! – недовольно выдаю я. – Хотя скорее римский консул... вместе со мной, – поправляю я, потому что у нас на самом деле равноправный брак. Я стараюсь воспитывать девочек в позитивном феминистском ключе. (Когда не ругаюсь с Дэном и не игнорирую их домашнее задание.) – Мы оба короли, – уточняю я.

– Может, он вовсе не чувствует себя королем, – пожимает плечами Тильда, – вожаком в прайде. Не знаю. Можно обратиться к Дэвиду Аттенборо³¹. – Молча делаю пару шагов, затем

³¹ Один из самых знаменитых в мире телеведущих и натуралистов; был ведущим и главным создателем десяти знаменитых документальных сериалов о природе, подробно рассказывающих обо всех видах жизни на Земле и об их взаимодействии.

добавляет: – А может, Дэну просто нужно подобрать сопли и покончить с этим. Прости за грубость, – поспешно говорит она, – но ты ведь поняла, о чем я.

– Угу, – киваю я. Мы уже добрались до станции, как всегда запруженной обычным потоком пассажиров и школьников. – В любом случае, – говорю я Тильде, стараясь перекрыть шум, – я придумала новый план, который определенно заставит Дэна почувствовать себя королем джунглей. Еще один сюрприз, – добавляю я, а Тильда стонет:

– Кончай с этой ерундой. Я думала, ты уже поняла, что из этого ничего хорошего не выйдет. Хочешь еще одну змею? Или кое-что похуже?

– Да почему сразу хуже? Мой план просто великолепен, – вызывающе заявляю я. – Это связано с сексом. Все дороги ведут к сексу, разве ты не согласна?

– К сексу? – Тильда потрясена и заворожена одновременно. – Только не говори, что ты придумала новые позы, которые заставят его «почувствовать себя королем джунглей». Честно говоря, это уму непостижимо.

– Это не позы, это сексуальный подарок. – Для пушного эффекта выдерживаю драматическую паузу. – Будуарные фотографии.

– Чегось? – хлопает глазами Тильда. – Это что еще такое?

– Ну, эротическая фотосессия. Отличный подарок. Такие фото делают перед тем, как выйти замуж. Ты вся такая в чулках, корсете или пеньюарчике на постановочных фотографиях отличнейшего качества. Их потом печатают в специальном альбоме-книге, который можно подарить мужу. Перелистываешь альбом спустя много лет и вспоминаешь, какой соблазнительной ты была.

– А потом смотришь в зеркало и оцениваешь масштаб трагедии? – в ужасе спрашивает Тильда. – Нет уж, спасибо. Воспоминания потому и прекрасны, что со временем тают, как утренняя дымка.

– А я все равно это сделаю, – дерзко выдаю я. – Погуглю сегодня. Есть специальные студии, которые этим занимаются.

– И сколько же это удовольствие стоит?

– Не знаю, – признаюсь я. – А сколько стоит счастливый брак?

Тильда закатывает глаза:

– Я сфотографирую тебя, если захочешь, – предлагает она. – И ничего за это не возьму. Но можешь купить мне бутылку вина. Хорошего вина, – уточняет она.

– Ты? – выдаю недоверчивый смешок. – Но ты же сама сказала, что это полная ерунда!

– Сама бы я никогда не решилась. Но для тебя, почему бы и нет? Будет весело.

– Но ты не фотограф, – возражаю я, внезапно вспоминая ее фотоопусы в Инстаграме. – Не профессиональный фотограф, я имела в виду, – поспешно добавляю я.

– У меня глаз наметан, – уверенно говорит Тильда, – а это самое главное. И камера у меня хорошая, а освещение всегда можно нанять или вроде того. На самом деле я давно хотела всерьез заняться фотографией. Осталось только найти реквизит. Знаешь, у меня где-то был хлыст для верховой езды, – приподнимает бровь Тильда, а я прыскаю со смеху.

– Хорошо, я подумаю над этим. А сейчас мне пора!

Обнимаю ее и спешу на поезд, все еще посмеиваясь над предложением.

Хотя на самом деле... Тильда в чем-то права. К десяти часам утра я уже основательно нагуглила будуарных фото на офисном компьютере. (Клариссу я отправила на беседу с добровольцами о будущих изменениях в Уиллоуби-хаус, чтобы хоть ненадолго убрать ее из офиса.) Во-первых, такие фотосессии стоят сотни фунтов (я не шучу!). Во-вторых, от описания некоторых сайтов меня аж передернуло: «Наш фотограф Кевин использует свой многолетний опыт (журналы *Playboy*, *Penthouse*), чтобы впустить наших заказчиц в мир чувственных удовольствий, в частности помогает принять нужные позы и правильно расположить руки. (Помогает

принять позы? Расположение рук?!) В-третьих, с Тильдой все пройдет куда спокойнее и приятнее, правда?

Но зато я подцепила пару великолепных идей. На одной из фотографий девушка в белом халатике соблазнительно перекидывает ножку через спинку стула, который очень похож на те, что стоят у нас на кухне. Можно попробовать сфотографироваться так же. Внимательно вглядываюсь в изображение, чтобы получше запомнить ее позу, но тут слышу тяжелый стук шагов по лестнице.

Черт по имени Роберт скоро пожалует. Злобный племянша всегда появляется не вовремя.

У меня на компьютере открыто около тридцати окошек с эротическими разнообразными фотографиями: юная нимфа в корсете, женщина в рыбацкой сети и с трезубцем, лежащая на кровати девушка, на которой нет ничего, кроме свадебной фаты и тридцати пар накладных ресничек.

Сердце колотится как сумасшедшее, когда я лихорадочно кликаю мышкой, стараясь закрыть все окна. Но я так напугана, что все время промахиваюсь. Пошловатых дамочек в кружевных бюстгальтерах, выпячивающих пухлые губы уткой и вызывающе оттягивающих руками стринги, на экране не становится меньше. (Теперь я понимаю, зачем нужны советы по расположению рук.)

Когда судорожно закрываю последнее окошко, понимаю, что шаги на лестнице прекратились. Он здесь. Но все в порядке, я успела закрыть все окна. Он ничего не видел. Надеюсь, что ничего. Или видел?

От чувства неловкости меня бросает в дрожь. Не могу себя заставить повернуться к нему. Притвориться, что я так занята работой, что даже не заметила, что он вошел? Отличный план. Так и сделаю.

Беру телефон и набираю случайный номер.

– Здравствуйте! – показушно говорю я в трубку. – Это Сильви из Уиллоуби-хаус, и я хотела бы обсудить с вами предстоящую выставку. Не могли бы вы мне перезвонить? Благодарю.

Кладу трубку, поворачиваюсь и призываю все мои актерские таланты, чтобы удивленно распахнуть глаза на Роберта, стоящего так в своем черном костюме с дипломатом.

– Ой, здрасте! – слишком уж оживленно восклицаю я. – Простите, не заметила вас.

Его лицо остается бесстрастным, в то время как глаза сначала задерживаются на компьютере, потом опускаются на телефон в моей руке. Они такие темные и непроницаемые; никогда не понятно, что на душе у этого человека. Само его лицо какое-то неприятное, отталкивающее. Как будто вы видите только верхушку айсберга, с которым вам, подобно «Титанику», неизбежно предстоит столкнуться.

Дэн совсем не такой. У Дэна открытое лицо, глаза ясные и правдивые. Если он хмурится, я всегда могу понять почему. Если он улыбается, я знаю, что могло его рассмешить. В Роберте забавно лишь то, что с таким же невозмутимым видом он мог бы держать в руках мешок палача с отрубленными головами, совершенно не догадываясь, что он сам их только что и срубил.

И тут же мгновенно себя отчитываю за подобную мысль. Хватит преувеличивать. Он не такой уж и плохой.

– Большинство телефонных номеров начинается с нуля, – сухо произносит он.

Вот черт. И его дурацкий кипящий котел. Да он следил за моими пальцами, чтобы подловить меня. Это все же доказывает, что я была права. Мне стоит быть осторожнее рядом с ним.

– Но не все, – невнятно бормочу я и открываю на компьютере первый попавшийся документ – смету на клавишинный концерт, который мы устраивали в прошлом году. М-да. Ладно, если спросит, что я делаю, скажу, что провожу ревизию бухгалтерских книг.

Вот я, фальшивая и, наверное, потихоньку краснеющая от стыда (я же не могу видеть свое лицо), сижу перед его уничтожающим взглядом... А знаете, это полностью его вина, решаю я.

Он одним своим присутствием нагнетает атмосферу донельзя. Это не способствует... да чему угодно это не способствует. К счастью, слышу торопливые шажки Клариссы на лестнице. Она входит и издает сдавленный писк, когда едва не натывается на него.

– Хорошо, что ты здесь, – внезапно обращается к Клариссе Роберт. – Я хотел поговорить с вами обеими. Мне нужны четкие ответы на совершенно определенные вопросы.

Вот об этом я и говорила. Почему его голос такой властный?

– Хорошо, – говорю я с прохладцей в голосе. – Кларисса, не приготовишь ли нам всем кофе? А я пока закончу тут.

Не собираюсь прыгать с многоэтажки, если он вдруг прикажет. И не собираюсь отвлекаться от своих дел. Мы занятые люди, у нас есть работа. Он думает, мы целыми днями пьем чай и печенье трескаем?

Закрываю концертную смету, перемещаю в папки несколько «бездомных» документов (Кларисса всегда оставляет их на рабочем столе), бездумно щелкаю на какое-то JPEG-изображение на рабочем столе. Экран заполняет тетенька с перекачанными коллажем губами и в полупрозрачном бюстгальтере, который она похотливо прикрывает ручками (идеальное расположение кистей). Желудок мой в ужасе делает двойное сальто. Вот дерьмо, какая же я идиотка. Закрывайся, закрывайся... Закрывайся, дурацкая фотка, кому говорят!

Спорим, лицо мое побагровело, когда я словно умалишенная принялась кликать мышью, чтобы избавиться от позорной картинки навсегда. Наконец она исчезает с глаз моих, а я поворачиваюсь в кресле, не в силах сдержать нервный, визгливый смех.

– Вы, должно быть, удивились, что такая фотография делает на моем рабочем столе! Вообще-то это... – Думай, Сильви, думай! – Это мое исследование. Для возможной... эротической выставки.

Мое лицо пылает. Я не должна было произносить «эротической» вслух. В этих стенах произнести «эротика» все равно что сказать слово «влажный» в определенном контексте. (Если вы понимаете, о чем я.)

– Эротической? – Роберт буквально ошеломлен. (В другое время я бы порадовалась, если бы мне не было так стыдно.)

– Исторической. Человеческая сексуальность сквозь века. Викторианская, эдвардианская эротика. Эротика в искусстве. Ретроэротика начала прошлого века. Я только на ранней стадии планирования, – запинаясь, заканчиваю я.

Тишина.

– А разве в Уиллоуби-хаус есть полотна на эротическую тематику? – нахмурился Роберт. – Я думал, моя тетушка не жалуется подобное.

Конечно, не жалуется! «Крайне не одобряет», я бы сказала. Но я должна что-то ответить, и где-то в глубине моей памяти всплывает нужное изображение.

– Есть фотография девушки на качелях в архивной фототеке, – говорю я.

– Девушка на качелях? – приподнимает бровь. – Звучит не очень...

– Она обнажена, – уточняю я. – И довольно... полновата. Но для викторианского джентльмена она бы выглядела привлекательной.

– А для современного мужчины? – сверкает глазами он.

А это вообще законно, сверкать глазами таким, как он? Притворюсь, что не заметила. Или что не услышала вопроса. Или что вообще не начинала этот разговор.

– Вы, кажется, хотели у нас что-то спросить? – меняю тему я.

– Я хочу знать, что ты делаешь здесь весь день, – скалит зубы он, я же мгновенно начинаю злиться. (И с каких это пор он ко мне на «ты»?)

– Мы управляем администрацией Уиллоуби-хаус и занимаемся сбором средств.

– Отлично. Тогда ты сможешь мне объяснить, что *это* такое.

Он показывает на нашу Лестницу. (Да, именно так, опять с большой буквы.) Это деревянная библиотечная лесенка, но по ней никто не взбирается, так как все ступеньки уставлены ящиками с карточками. Сглатываю, когда слежу за взглядом Роберта. Должна признать, эта лестница довольно странная даже по нашим стандартам.

– Это наша картотека с рождественскими открытками, – поясняю я. Миссис Кендрик помещена на рождественских открытках. Огромная, битком набитая коробка на верхней ступеньке – это то, что мы получили на Рождество в прошлом году. Средняя ступенька – это открытки на этот год, еще не подписанные. Нижняя – уже подписанные открытки, мы заполняем по пять открыток в день.

Все это я попыталась объяснить Роберту. Но он только гневно отвернулся от меня и вперился взглядом в Клариссу, которая только что принесла три чашки кофе и едва не подпрыгнула от его взгляда.

– Этим вы и занимаетесь весь день? Подписываете рождественские открытки? В мае?

– Мы не только этим занимаемся! – уязвленная, восклицаю я и беру свой кофе.

– А как у вас с социальными сетями, рекламной стратегией, позиционированием на рынке? – внезапно выстреливает он в меня своими терминами.

– Ну что ж... – Признаюсь, он в который раз за день застал меня врасплох. – С социальными сетями у нас все... ненавязчиво.

– Ненавязчиво? – скептически переспрашивает он. – Так у вас это называется?

– Сдержанно, – вставляет Кларисса.

– Я посмотрел ваш веб-сайт и просто глазам поверить не мог. Это тихий ужас, – категорично заявляет он.

– Ох, – пытаюсь придумать хоть какой-нибудь ответ на это. Я так надеялась, что ему не взбредет в голову проверять наш сайт.

– Можете как-нибудь это объяснить? – спрашивает он ровно и сухо, как будто говорит: «Я единственный здесь, кто старается рассуждать здраво».

– Миссис Кендрик не очень-то одобряла саму идею веб-сайта, – оправдываюсь я. – Так что она сама придумала финальную... концепцию.

– Давайте взглянем на него еще разок? – зловеще протягивает Роберт. Он придвигает к себе офисный стул, садится, достает из своего дипломата ноутбук и вводит адрес нашего веб-сайта – через несколько секунд появляется наша домашняя страница. Красивая черно-белая гравюра, изображающая Уиллоуби-хаус, на входной двери небольшое объявление: *«Контакты: Пожалуйста, обратитесь в письменной форме по адресу: Уиллоуби-хаус, дом 1А по Уиллоуби-стрит, Лондон».*

– Знаете ли, я тут задаюсь вопросом, – говорит он все тем же нарочито спокойным тоном, – где информация о выставках, где фотогалерея, где часто задаваемые вопросы, где форма подписки... Где, черт возьми, сам веб-сайт?!

И тут его прорывает:

– Где чертов веб-сайт? Это... – тычет пальцем в ноутбук, – это выглядит как объявление из «Таймс» времен 1923-го! Что еще за «пожалуйста, обратитесь в письменной форме»?!

Я содрогаюсь, потому что понимаю – он прав. Сайт по меньшей мере нелепый. Если это вообще можно назвать сайтом.

– Миссис Кендрик удобно, когда все запросы приходят в письменном виде по обычной почте или по факсу, – вставляет Кларисса, которая ютится в углу компьютерного стола. – Сильви и я пытались научить ее пользоваться электронной, но...

Смотрит на меня, ища поддержки.

– Мы пытались, – подтверждаю я.

– Значит, недостаточно, – безжалостно отрезает Роберт. – А что у нас с Твиттером? Аккаунт у вас есть, но где твиты? Где подписчики?

– Я отвечаю за Твиттер, – тихо, почти шепотом отвечает Кларисса. – Я как-то писала там. Я не знала, что написать. Просто запостила «Привет!».

Роберт застыл, видимо, даже не знает, что ответить на такое.

– Не думаю, что наши постоянные посетители пользуются Твиттером, – говорю я, придя на помощь Клариссе. – Они предпочитают бумажные письма.

– Ваши постоянные посетители вымирают, – не унимается Роберт. – Уиллоуби-хаус вымирает. Весь интерес к подобному музею вымирает, но вы как будто этого не замечаете. Живете в своем мыльном пузыре, как и моя тетя.

– Все не так! – горячо возражаю я. – Мы не живем в мыльном пузыре. Мы сотрудничаем с большим количеством внешних организаций, с благотворителями и меценатами. Мы не вымираем! Мы процветающий, яркий, захватывающий музей...

– Вы не процветающий музей! – вспыхивает Роберт. – Отнюдь не процветающий.

Его голос отдается эхом от низких балок потолка, и мы с Клариссой лишь можем глядеть на Роберта в немом изумлении. Он чешет затылок, хмурится, избегает смотреть кому-либо из нас в глаза.

– Моя тетя отчаянно пыталась скрыть от вас правду, – продолжает он более спокойным голосом, – но вам надо это знать. У этого места большие финансовые проблемы.

– Проблемы? – ахает Кларисса.

– Последние несколько лет моя тетушка содержит этот музей на свои собственные деньги. Так больше не может продолжаться. Поэтому я и вмешался.

Я так ошарашена, что не могу выдать ни звука. Будто я снова закинула в рот Тобины ириски «Прощай, челюсть!». Миссис Кендрик содержала это место *на собственные деньги*?

– Но мы ведь собирали средства! – Бедняжка Кларисса порозовела, ее голос сорвался на писк. – В этом году мы привлекли много новых покровителей.

– Именно, – наконец дар речи возвращается ко мне. – Нам удалось собрать много денег.

– Не так много, как вам кажется, – отрицает Роберт. – Чтобы содержать это место, нужно целое состояние. Отопление, освещение, страховка, печенье, зарплаты...

При слове «зарплаты» он пристально смотрит на меня.

– Но миссис Притчетт-Уильямс! – быстро нашлась Кларисса. – Она пожертвовала целый миллион!

– Именно, – поддакиваю я (увы, на большее я сейчас не способна).

– Уже давно потрачен, – сообщает Роберт, складывая руки на груди.

Давно потрачен? Я поражена до глубины души. Я об этом не знала. Даже не подозревала.

Полагаю, миссис Кендрик всегда была довольно скрытной в отношении финансового положения и благотворительных организаций. Ведь она скрывала от нас с Клариссой многое. (Например, она не давала нам адрес ни леди Чепмен, ни других покровительниц для базы данных. Говорила, леди Чепмен будет «недовольна». Каждый раз мы писали от руки письма для миссис Чепмен, если хотели сообщить ей что-нибудь, а миссис Кендрик доставляла их самостоятельно. Только сейчас я задумалась о том, а существовала ли леди Чепмен на самом деле?)

Смотрю на Роберта и понимаю, что никогда не сомневалась в финансовой состоятельности Уиллоуби-хаус. Миссис Кендрик всегда говорила нам, что дела идут хорошо. Мы видели лишь сводки за год, которые нам показывала сама миссис Кендрик, и выглядело все довольно неплохо. Я и подумать не могла, что миссис Кендрик вкладывает свои собственные деньги.

А теперь все внезапно кристально чисто. И причина хмурых взглядов Роберта. И встревоженная, почти оправдывающаяся перед племянником миссис Кендрик.

– То есть вы собираетесь нас закрыть и построить элитный многоквартирный дом в уютном особнячке? – выпаливаю я прежде, чем смогла себя остановить.

Роберт смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом:

– Вы бы этого ожидали? – наконец спрашивает он. (И снова на «вы».)

– А разве все не так? – не могу удержаться я.

Долгое молчание – мне ответ. Низ живота тяжелеет он нехорошего предчувствия. Его молчание страшнее любой угрозы. Даже не знаю, о чем беспокоиться первом: о миссис Кендрик или о коллекции произведений искусства, о добровольцах или о моей собственной работе. Каюсь, боюсь я все же за свою работу. Возможно, у меня не такой большой доход, как у Дэна, но и эти деньги нам нужны.

– Может быть, я и рассматривал это как вариант, – наконец говорит Роберт. – Но только как вариант. И отнюдь не единственный. Я бы хотел, чтобы это место процветало. Вся семья хотела бы, но...

Он обводит рукой наш офис, и я вдруг отчетливо вижу всю ситуацию с его точки зрения. Старомодный, своеобразный, уютный, маленький, но успешный благотворительный музей – это одно дело. Старомодная, своеобразная денежная яма – совсем другое.

– Мы спасем его, – говорю я, стараясь звучать твердо. – У музея есть потенциал. Мы можем все изменить.

– Это здоровое отношение к ситуации, – впервые в глазах Роберта я вижу что-то, похожее на уважение, – но этого недостаточно. Нам нужны практические, цельные идеи, чтобы запустить финансовый поток. И ваша эротическая выставка может стать хорошим началом, – добавляет он мне. – Это первая хорошая идея за все время, что я пробыл в этом месте.

– Эротическая выставка? – распахивает глаза Кларисса.

– Это была просто мысль, – пытаюсь хоть как-то оправдаться я.

– Я обнаружил, что Сильви тщательно изучала всевозможные эротические изображения, – говорит Роберт. Он звучит так невозмутимо и бесстрастно, что я тут же понимаю: он видел, как я просматривала будуарные фотографии, все тридцать.

Здорово, ничего не скажешь.

– Ну, – откашливаюсь я, – мне нравится досконально все изучать.

– Это видно, – поднимает брови он, а я поспешно отворачиваюсь. Нашариваю в кармане свою баночку с бальзамом для губ и притворяюсь, что полностью поглощена нанесением его на губы. Дэн подарил мне этот розовый бальзам, поэтому, не буду врать, я и вправду довольно зависима от этой ароматной косметической смеси. (Если Тоби прав и бальзамы для губ – абсолютное зло, разработанное крупными фармацевтическими компаниями (надо будет все же загуглить как-нибудь), то однажды я смогу подать иск и выиграть миллионы.)

– З. С.? – Роберт читает вслух гравированные символы на моей баночке с бальзамом. – Что такое З. С.?

– Означает «Златовласка Сильви», – с улыбкой объясняет Кларисса. – Это такое милое прозвище для Сильви.

Мгновенно смущаюсь. И почему Кларисса всегда выбалтывает каждую мелочь?

– Златовласка Сильви, значит? – с усмешкой в голосе протягивает Роберт, и это задевает меня за живое.

– Мой муж так меня называет, – поспешно добавляю я. – Больше никто. Знаю, оно глуповатое.

– Златовласка Сильви, – повторяет Роберт, будто не слышал моего ответа, и окидывает меня долгим, внимательным взглядом. Чувствую, как его глаза изучают мою шелковую блузку с цветочным узором, мое жемчужное колье, мои длинные, до пояса, локоны. Потом он кивает и произносит: — Угу.

Угу? Что значит это его «угу»? Да ладно, не желаю это знать. Или все же желаю?

Вместо этого спрашиваю:

– Как много у нас осталось времени? В смысле до того, как вы примете решение по Уилл-лоуби-хаус?

А пока говорю, в голове роятся тревожные мысли. Что я буду делать, если потеряю работу? Куда подавать резюме? Я даже не в курсе, какая сейчас есть работа. И я не хочу никуда уходить отсюда. Хочу остаться в этой райской безопасной гавани.

– Не знаю, – отвечает Роберт. – Давай посмотрим, выйдет ли что-нибудь из того, что ты придумала. Возможно, ты совершишь чудо.

Но звучит он неубедительно. Откуда я знаю, может, он уже мысленно выбирает кухонную мебель для своих новых роскошных квартир. Вижу, как он еще раз кидает безучастный взгляд на черно-белую страничку нашего веб-сайта, и вновь набираюсь злости.

– Знаете, мы пытались осовременить Уиллоуби-хаус, – вставляю я. – Но миссис Кендрик браковала все идеи.

– Боюсь, деловая жилка моей тетушки размером с чайную ложку, – откровенно сообщает Роберт. – Это не ваша и не моя вина, но делу это не поможет.

– А где миссис Кендрик? – робко спрашивает Кларисса, и лицо Роберта слегка разглаживается. Не могу сказать, удивлен ли он или возмущен таким вопросом.

– Я нанял для нее преподавателя с компьютерных курсов.

– Что? – восклицаю я, прежде чем опять успеваю подумать (краем глаза вижу, что Кларисса аж рот разинула от удивления). – Что именно она изучает? – добавляю я, и лицо Роберта становится все мягче. Он что, просто смеется над нами?

– Когда я только приехал сюда, она сказала мне: «Я хочу быть современной, юноша».

Чувствую себя одновременно удивленной и пристыженной. А миссис Кендрик оказалась более инициативной, чем кто-либо из нас. Если бы я знала, что дела были настолько плохи, я бы не брызгала слюной, защищая наш несуществующий веб-сайт и наши причудливые и откровенно отсталые способы офисной работы. Я бы сделала... А что именно я бы сделала?

Закусываю губу и пытаюсь подумать. Мне нужно побыстрее заняться этим. Должны же у меня быть хоть какие-то идеи. Если миссис Кендрик хочет осовременить Уиллоуби-хаус, мы все должны приложить к этому усилия.

«Тоби! – внезапно осеняет меня. – Спрошу Тоби, уж он точно будет знать, что делать».

– Что ж, вот вклад моей тети в разрешение проблемной ситуации. – Роберт смотрит на Клариссу, потом на меня. – Что предложите вы? Есть еще какие-нибудь идеи помимо эротики?

– Ну, с веб-сайтом нужно что-то делать, – лихорадочно пытаюсь придумать хоть что-то.

– И мы все это знаем, – тяжело выдыхает Роберт. – Что-нибудь еще?

– Нам нужна приличная вывеска снаружи, – достаю из закровов памяти свою старую, едва не покрывшуюся плесенью идею. – А то люди проходят мимо особняка и не совсем понимают, что здесь находится. Мы предлагали это миссис Кендрик, но она...

– Крайне не одобрила? – закатывает глаза Роберт.

– Может, стоит замутить что-то творческое? – Вот сейчас я больше похожа на саму себя. (Миссис Кендрик бы «крайне не одобрила» слово «замутить».) – Снять какой-нибудь видеоролик о Уиллоуби-хаус для веб-сайта? Историю с привидениями?

– Историю с привидениями? – насмешливо взирает на меня Роберт. – Сможешь написать что-нибудь, не растиражированное другими музеями?

– Я? Наверное, нет, – бормочу я. – Но можно же нанять кого-нибудь?

– Много ли денег принесет ролик? Сделает ли хорошую рекламу?

– Не знаю, – признаюсь я, теряя веру в свои идеи, даже когда говорю: – Это всего лишь первая из многих-многих идей. Многих-многих, – повторяю я, успокаивая в первую очередь саму себя.

– Хорошо, – сухо кивает Роберт. – С нетерпением жду ваших многих-многих идей.

– Отлично, – стараюсь говорить твердо. – Я вас еще... удивлю.

9

Прошло три дня, пасть бездны распахнулась мне навстречу. Честное слово, я скоро с ума сойду. Почему в жизни всегда так? Только ты успокаиваешься, начинаешь наслаждаться моментом, улыбаться, веселиться... как жизнь встревает подобно злой училке на школьном дворе и орет: «Перемена окончена!», и все уходят, чтобы снова погрузиться в скуку и отчаяние.

Дэн ходит все время напряженный, мне не говорит, почему. На днях вернулся домой за полночь, от него пахло виски. Он часто сидит на кухне и молча глазеет на террариум; с лица Дэна который день не сходит угрюмая маска.

Вчера утром я осмелилась пошутить: «Не бойся, осталось всего лишь шестьдесят семь лет и пять недель», а он лишь посмотрел на меня пустым, остекленевшим взглядом, будто и не слышал ничего. Когда я осторожно спросила: «Что случилось, Дэн? Пожалуйста, скажи мне», он вскочил с места как ужаленный и, выходя из комнаты, бросил через плечо: «Ничего».

Сколько разводов следует за этим коротким «ничего»? Думаю, если подсчитать, получится довольно интересная (и печальная) статистика. В то утро я вспомнила фразу, которую придумала, чтобы описать то переплетение боли и гнева, которое вызвали у меня эти слова Дэна. «Слепая гроза». Когда кажется, что все хорошо, и даже радуга во всей красе маячит на противоположной стороне неба, но внутри, в твоём сердце, дикая, бешеная круговерть ветра и воды, прошиваемая молниями. Немая ярость не просто готова выплеснуться через край; ты чувствуешь, что муж делает это специально, чтобы превратить твою жизнь в пытку.

Я даже как-то высказала все Дэну, когда была напряжена, обессилена, вся на нервах. Я просто заорала (в свою защиту скажу, что девочки в тот вечер еще не спали): «Ты нарочно выбираешь слова, которые меня бесят? Это твой план?!» Дэн лишь поднял глаза (в которых застыло затравленное выражение) и пробормотал что-то вроде: «Нет. Не знаю. Боюсь, я не все понял из твоих слов. Ты выглядишь просто замечательно в этом платье».

Пытался ли он меня задобрить? И вроде бы успокоилась и в то же время не успокоилась, все сразу. Я тогда слишком увлеклась, со мной такое бывает. Но неужели он не может понять, что и наши планы на каникулы, и недовольство новыми мусорными баками, и поиск подарка на юбилей его матери, все это одинаково важно для сохранения нашей любви, нашей семьи?

(И, кстати говоря, на мне было не платье, а невзрачная туника-балахон для кормящих грудью матерей, которую я надевала раз пятьдесят, а то и больше. Как ему только в голову взбрело сказать, что я смотрюсь в ней замечательно?)

Может, нам стоит составить расписание для ссор и споров? Например, устраивать выяснения отношений каждый четверг (не забыть купить закуски и пригласить специалиста по урегулированию споров и конфликтных ситуаций). Нести ответственность за свои крики и ругань. Но пока мы не решимся на это, Дэн продолжит мычать свое «ничего», а я продолжу шипеть на пожарище.

Надеюсь лишь, что моя эротическая фотосессия все изменит. Изменит хоть что-то.

В офисе между тем тоже разверзлись хляби небесные. Роберт теперь ошивается там каждый день, сует нос во все папки и документы, критикуя все, что мы когда-либо делали. Больше он меня не пугает, но его чрезмерная деловитость иногда обескураживает меня. Он задает короткие бесцеремонные вопросы, ожидает ясных, прямых ответов. Бедняжка Кларисса его побаивается, говорит все время шепотом. Я-то более устойчива к его резкостям, но неужели он не понимает, что не мы принимаем решения в Уиллоуби-хаус? Это была вовсе не наша идея, а идея миссис Кендрик, подарить каждому покровителю специальный рождественский пудинг от нашего музея (общий итог: триста семьдесят девять фунтов).

Все еще пристыженная позитивным и деятельным настроением миссис Кендрик, я провела немало времени на веб-сайтах различных музеев и интернет-магазинов в поисках идей по спа-

сению Уиллоуби-хаус. Каждое утро первым делом я пытаюсь поймать обрывки ушедших снов и придумать что-нибудь по-настоящему творческое, нереальное и приземленное одновременно, чтобы не носиться с одной идеей истории о привидениях. (И почему, как только тебе нужно выдать гениальную идею, они все разлетаются, как стайка перепуганных голубей?) Я заходила к Тильде, но Тоби не было дома, написала ему на электронную почту, но он мне так и не ответил.

А между тем мама целыми днями трезвонит мне по поводу церемонии открытия рентген-кабинета. Со своими бесконечными вопросами она не лучше Эми, честное слово. Сегодня мама хотела узнать, какого цвета ей надеть туфли и как же ей запомнить имена всех гостей (ответы: «Никто не будет смотреть на твои туфли» и «У каждого гостя будет именной бейдж»). Эми же спросила, нужен ли мне будет радиомикрофон для моей речи и какие закуски заказать для комнаты отдыха (ответы: «Нет, не нужен» и «Мисочку с разноцветными драже *M&M's*, но убрать все синие конфетки. Шутка»).

Вдобавок ко всей этой напряженной атмосфере Тильда и Тоби на днях ругались и кричали так, что в домах тряслись стены (если в комнате Тоби еще остались стены). Я решила, что будет бестактно в эту секунду забежать к Тильде и сказать: «Ой, Тоби, ты дома. Ты получил мое письмо?» Так что я пришла, когда страсти немного улеглись, но Тоби уже успел исчезнуть.

Я понимаю, что Тоби тяжело, что все его поколение воспринимает подобные вещи болезненно. Но я также знаю, что Тильда не отступит. Ему нужно найти работу. И постоянное жилье. Начать жить как все, наконец.

Честно говоря, я немного побаиваюсь, когда стучу в ее дверь в четверг вечером, на случай если я снова застану ее с Тоби в пылу ссоры. Но когда она открывает дверь, она выглядит довольно спокойной, откуда-то из глубины дома даже доносится музыка.

– Тоби нет дома, – коротко отвечает она на мой незаданный вопрос. – В гостях у друзей. Мы все уладили. Ну что, ты готова?

– Наверное, – выдаю короткий, нервный смешок и прибавляю: – В любом случае, я уже здесь.

– Дэн где? – Она выглядывает за забор, будто Дэн сейчас внезапно выскочит из ниоткуда.

– Он думает, я на собрании книжного клуба, – ухмыляюсь я. – Придется потом нести всякую чушь про жаркую дискуссию об образах женщин в творчестве Флобера.

– Флобер! – смеется она. – Тогда прошу вас в дом, госпожа Бовари.

Три последних дня я досконально изучала различные эротические фотографии; для сегодняшней сессии я заготовила все, что необходимо. Даже больше. Во-первых, я подготовила свое тело: маникюр, педикюр, прическа, накладные ресницы и немного спрея-автозагара. Во-вторых, прикупила несколько новых комплектов нижнего белья: один кружевной, один довольно пикантный и один совсем уж нескромный (читай – сексапильный, фривольный, двусмысленный), плюс длинные бусы из фальшивого крупного жемчуга от *Topshop*. А еще я заказала несколько сексуальных аксессуаров, которые прибыли в обычной, хорошо запакованной коробке – Дэну я сказала, что это новые пуанты для девочек, – но сейчас я уже не уверена, стоит ли их использовать. (Думаю, винтажная меховая кроличья маска была ошибкой.)

Каждую минуту, которую я только могла улучшить, я позировала перед зеркалом, отрабатывая соблазнительные позы (все время косилась на свою пятую точку: не слишком ли она большая). Однако без бокала просекко для того, чтобы расслабиться, мне не обойтись. (Вино я тоже принесла.)

– Ну, что думаешь?

Тильда буквально впихивает меня в свою гостиную, и я невольно открываю рот от изумления: она передвинула половину мебели, комната теперь и вправду походит на студию фотографа. Огромные прожекторы на стойках, белая штукатурка, напоминающая зонт, бархатная кушетка посередине комнаты плюс складная ширма и зеркало в полный рост.

– Потрясающе!

– Да ну? – довольно улыбается Тильда. – Если с тобой все пройдет хорошо, превращу это в свой бизнес. Легкий заработок!

– А ты раньше работала с таким оборудованием? – любопытно я, осторожно касаясь похожей на зонт штуки.

– Нет, но здесь все проще простого, – беспечно взмахнула рукой Тильда. – Я погуглила. В комнате достаточно тепло для тебя?

– Духотища!

Я и не знала, что в доме Тильды так жарко. Обычно она придерживается фразы «отопление для слабаков».

– Я хотела, чтобы здесь было тепло и уютно, такая расслабленная атмосфера. Красивые ресницы, кстати, – восхищенно добавляет Тильда. – А что ты принесла? – Тильда тянется к одной из моих сумок и выуживает оттуда жемчужные бусы. – Какая красота. Классика. Сделаем «драпировочный снимок», как мы, фотографы, это называем.

Она говорит таким деловитым тоном, что я закусываю губу, чтобы не прыснуть со смеху. Но я также тронута, что она всерьез занялась моей фотосессией.

– Можешь переодеться за ширмой, – продолжает Тильда, открывая вино и разливая его по бокалам. – И начнем снимать первую позу. – Передает мне бокал, а сама пробегает по списку, озаглавленному емко и просто: «Сильви: позы». – Так, садись на кушетку, затем начинай потихонечку соскальзывать вниз. Голову вверх, правая нога согнута, левая расслаблена. Спину еще надо выгнуть. И пусть у тебя одна туфелька болтается на кончиках пальцев...

– А можешь мне показать? – неуверенно начинаю я.

– Показать? – испуганно переспрашивает Тильда. – Могу попробовать, но ты же знаешь, я не очень гибкая.

Тильда садится на кушетку и слегка соскальзывает вниз. На полпути она застывает – одной ногой уперлась в пол, вторая нога согнута под неестественным углом. Тильда выгибает спину и вскидывает голову; на лице ее смесь боли и ужаса. Честное слово, она выглядит так, будто сейчас родит. Нет, нет, нет, это не может быть правильным.

– Ой, – съезжает на пол. – Видела? – поглаживает ушибленную пятую точку.

– Вроде как, – отвечаю я после некоторой паузы.

– Все пройдет отлично! – заверяет меня она. – Я буду тебя направлять. Итак, что ты наденешь?

Выбор первого наряда (веселое и занимательное занятие) отнимает у нас полчаса. Честно говоря, я немного переборщила с покупками (слишком много отличных вариантов), но в итоге мы сошлись на белом кружевном комплекте с вышитыми чулками на подвязках-тесемочках. Когда я выхожу из-за ширмы, и вправду начинаю чувствовать себя сексуальной и привлекательной. Ох, Дэн не поверит своим глазам!

– Великолепно! – одобрительно кивает Тильда, все еще возясь с освещением. – Так, теперь садись...

Покорно сажусь, легонько соскальзываю с сиденья, и тут же мои бедра начинают болеть от напряжения. И почему я не попробовала потренироваться утром?

– У тебя там все готово? – спрашиваю я (прошло уже десять минут, я скоро не выдержу и шлепнусь на пол, как Тильда).

– Ой, прости, – говорит Тильда, выглядывая из-за камеры. – Вау, выглядишь потрясающе, просто божественно!

Делает пару снимков, поднимая глаза на меня между кадрами.

– Правда? Ты уверена... – Хочу спросить: «Ты уверена, что не выгляжу так, будто в данный момент рожая?», но вовремя одумываюсь. Прозвучит это странно.

– Попробуй положить руки за голову, будто откидываешь волосы назад, – предлагает Тильда. – Да! Вот так! Отлично! Еще раз!

Двадцать «волосооткидываний» спустя мои ноги не выдерживают, и я съезжаю на пол.

– Фантастика! – восклицает Тильда. – Хочешь посмотреть?

– Угу. – На четвереньках доползаю до камеры и только потом поднимаюсь на ноги.

Тильда листает кадры, и мы обе смотрим в молчании. Только в молчании и можно смотреть на такое. У меня нет слов, снимки получились совсем не такими, как я ожидала. Моего лица почти не видно. Акцента на сексуальном нижнем белье тоже нет. Все фото – сплошные ноги, освещенные так, словно я сижу в плотных ортопедических чулках. На половине фотографий мои волосы в беспорядке рассыпаны по лицу. Нет, не одна-две соблазнительные золотые прядки. Кажется, будто по комнате гуляет ураганный ветер. И да, я выгляжу так, будто рожаю.

– Мои ноги... – все, что удастся мне выдавить из себя. Не хочу говорить: «Мои ноги огромные, жирные и белые». Но это правда.

– Я не совсем правильно установила освещение, – говорит Тильда после еще одной долгой паузы. Весь энтузиазм ее куда-то исчез, а на лбу засели морщины. – Ладно, неважно. Давай перейдем ко второй позе.

Я надела второй наряд – красную кружевную сорочку – и, следуя указаниям Тильды, встала на четвереньки.

– Так, теперь наклонись вперед... Расставь колени пошире... еще шире...

– Шире не могу, я не чертова гимнастка, – вздыхаю я.

– А теперь подними подбородок, – продолжает Тильда, не обращая внимания на мои жалобы. – Если сможешь, обопрись на одну руку, а другой соблазнительно приподними грудь... Да, вот так! А теперь – чувственный взгляд!

У меня дрожат колени, у меня ноют руки, у меня жутко болит спина. Какой еще чувственный взгляд?! Только хлопаю ресницами, когда камера разражается рядом бесконечных вспышек.

– Хм, – недоверчиво щурится Тильда, разглядывая что-то у себя на экране. – А приподними-ка ты попу. Для лучшего угла.

Собрав все свои силы, сильнее выгибаю спину и приподнимаю пятую точку.

– Хм, – снова мычит Тильда. – Может, надо еще выше поднять голову. – Тильда в полнейшей растерянности смотрит на экран. – И попу, попу выше! Изогни ее!

Изогнуть попу? Как такое вообще возможно? О чем вообще думает Тильда? Чего она хочет добиться?

– Ну уж нет, – выдыхаю я, садясь на диван и растирая затекшие ноги. – Ау! Мне нужны наколенники. – Встаю на ноги и подхожу к камере: – Можно посмотреть?

– Нет. – Тильда поспешно закрывает экран рукой. – Лучше тебе не видеть последние снимки. Я имею в виду, они прекрасны, абсолютно великолепны, но... я их только что удалила. – Улыбается мне лучезарной улыбкой. – Честно говоря, эта поза не сработала. Но у меня есть другие идеи. Встань у дверного проема.

М-да. Кадры в дверном проеме – самые ужасные. В этот раз я настояла на том, чтобы взглянуть на снимки, и... я похожа на гориллу. На бледную голую гориллу в черном бюстгальтере и трусиках. В этот раз свет падает на мой живот: мое лицо затемнено, зато растяжки на животе можно видеть во всей красе. Если Дэн увидит эти фотографии, он никогда больше не захочет заняться со мной любовью.

– Я все это отретуширую в *Photoshop*. – Тильда прокручивает снимки, но в голосе ее больше нет былой уверенности. – Это намного сложнее, чем я думала, – наконец вздыхает она. – То, что щелкать фотоаппаратом легко, совсем не делает тебя хорошим фотографом.

Ее взгляд останавливается на одной из самых мерзких фотографий меня (честное слово, никогда бы не подумала, что я могу так выглядеть). Затем она подмигивает мне и вновь наполняет наши бокалы вином.

Я наслаждаюсь вином, а Тильда лениво вертит в руках мой черный атласный корсет: то прикладывает его к моей талии, то оборачивает вокруг своей.

– Думаю, нам следует снять что-нибудь попроще, – наконец говорит она. – Безаварийно-безотказная поза, вот что нам нужно!

– Что еще за безаварийно-безотказная поза?

– Подходит для любого веса и любой фигуры, – начинает объяснять она, голос теперь звучит более уверенно. – Я читала об этом на сайте. Ты просто лежишь на кушетке со скрещенными ногами и смотришь в камеру. У меня даже есть инструкция, как правильно установить свет.

Что ж, просто возлежать на кушетке – звучит куда лучше, чем стоять на четвереньках или свисать вверх ногами с кресла (ноги соблазнительно закинута на спинку), что она мне тоже предлагала.

– Хорошо, – киваю я. – Так что мне надеть?

Тильда все еще занята моим корсетом: – Не могу понять, как эту штуку надевать? Где верх? Где чашечки для груди?

– Здесь нет чашечек, это подгрудный корсет, – объясняю я. – Можно носить вместе с бюстгалтером, поверх блузки или майки. Или вообще без всего.

– Ох, так это просто идеально! – Кажется, она уже рисует себе в воображении картинку. – Наденешь этот корсет и трусики. Больше ничего. Разляжешься на кушетке и будешь кокетливо поигрывать своими жемчужными бусами. О, да Дэн просто в экстазе забьется, когда увидит!

– Ничего больше... Ты хочешь сделать снимок топлес? – немного смущенно спрашиваю я.

– Именно! Смотреться будет просто шикарно!

А вот я не совсем уверена. Позировать в нижнем белье – это одно. Но топлес? Перед Тильдой?

– Разве ты не будешь чувствовать себя неловко?

– Конечно, нет! – беспечно щебечет она. – Я же уже видела твою грудь.

– Видела?

– Ну да, – приподнимает она бровь. – Мельком в примерочных.

Я совершенно уверена, что Тильда не видела мою грудь в примерочных, несмотря на ее слова. И мне все еще не нравится идея такого снимка. Не подумайте, что я излишне щепетильна в таких вопросах. Просто...

– Тебе неудобно передо мной? – спрашивает Тильда с внезапным озарением на лице.

– Ну... – неуклюже пожимаю плечами.

– Хочешь, покажу тебе свою грудь? Будет честно.

В изумлении открываю рот, когда Тильда, не дождавшись моего ответа, одним молниеносным движением расстегивает свой бюстгалтер, обнажая тяжелые, с разбухшими венами груди.

– То еще зрелище, да? – бесстрастно добавляет она. – Я кормила Тоби грудью целых два года. Ну и идиоткой я была. Не удивительно, что он до сих пор живет здесь.

Не знаю даже, что и ответить. Или куда смотреть. Сказать, что «грудь красивая»? Что вообще в таких случаях говорят про грудь подруг? Правда в том, что грудь ее некрасива, по традиционным меркам, и в то же время ее грудь красива потому, что именно такой я и представляла себе грудь Тильды (если вообще когда-нибудь представляла). Мне кажется, Тильда была бы не Тильдой, будь у нее аккуратная маленькая грудь, как у моделей.

К счастью, Тильда и не ждет от меня ответа. Она застегивает свой бюстгальтер, опускает рубашку и с улыбкой молвит:

– Ну что, сексуальная крошка Сильви, теперь твоя очередь!

Внезапно понимаю, как глупо себя вела. Это же Тильда, ради всего святого. А грудь – просто грудь.

– Окей, – хватаю корсет. – Давай сделаем это.

– Пойду принесу еще специальных фильтров для фотоаппарата, – говорит Тильда. – Вернусь через минуту.

Быстро скидываю бюстгальтер и затягиваю на себе атласный корсет, да так плотно, что едва могу дышать. Надеваю самые высокие шпильки, какие у меня только есть, и оборачиваю шею нитью жемчужных бус. Смотрю на себя в зеркало: в таком корсете я и вправду выгляжу страстной, горячей штучкой. Что же до моей груди... ну, смотрится неплохо, если вспомнить, что у меня два ребенка. По крайней мере, грудь все еще стоит. Едва заслышав приближающиеся шаги, я дефилирую к двери, чтобы предстать перед Тильдой во всей красе.

– Ну, что ты думаешь об *этом*? – пафосно произношу я, распахивая дверь, и встаю в проходе, приняв позу обольстительницы и положив одну руку на бедро.

Передо мной стоит Тоби. За какие-то доли секунды, прежде чем я успеваю отреагировать, Тоби буквально впериается взглядом в мои соски: зрачки расширены, челюсть отвисла.

– Проклятье! – слова вырываются у меня сами. – Черт побери! Прости, пожалуйста, – прикрываю свою обнаженную грудь руками (что наверняка тоже выглядит, как самый настоящий будуарный снимок).

Тоби же выдает какой-то хриплый, глухой и неясный звук. Он закрывает глаза руками:

– Боже! – Он звучит еще более испуганным, чем я. – Сильви, прости меня. Вот блин! Мама...

– Тобиини! – прокатывается по прихожей звучный голос Тильды; она бросает мне через перила шаль, и я поспешно закутываюсь в нее. – Что ты здесь делаешь?! Я же сказала, что придет Сильви.

– Да я думал, вы просто винишко будете пить, как обычно, – оправдывается Тоби. – А не... – заглядывает в глубь комнаты, – вы что, *фотографируетесь*?

– Не говори Дэну! – выпаливаю я.

– Хорошо. – Его взгляд падает на мои высокие, как у стриптизерш, каблуки. – Как скажешь.

Это унижительно. Ощущаю себя отчаянной провинциальной женушкой, которая готова на все, чтобы вернуть себе внимание мужа, ибо в противном случае он будет трахать секретаршу, что он наверняка уже делает, и юная вертихвостка с натуральной грудью четвертого размера надевает в постель его боксерки. (Это был бесполезный поток мыслей, согласна.)

– В любом случае, мы уже почти закончили, не так ли, Тильда? – стараюсь говорить твердо, уверенно. – Рада была тебя повидать, Тоби.

– Я тоже, Сильви, – вежливо отвечает Тоби. – И да, я получил твое письмо о вашем сайте. Какую систему управления контентом ты хочешь?

– Систему управления чем? – тупо повторяю я.

– Контентом. Потому что вам нужно заранее подумать о масштабируемости, плагинах, электронной торговле... Ты уже знаешь, какие вам нужны будут функции?

– Слушай, может, нам стоит обсудить это в другой раз? – спрашиваю я почти срывающимся фальцетом (например, когда на мне будет что-нибудь, кроме полоски черного атласа.) – Было бы здорово услышать твои профессиональные советы.

– Да без вопросов, – беззаботно отвечает Тоби. – В любое время.

Он пулей убегает вверх по лестнице, а я поворачиваюсь к Тильде: та стоит, плотно сжав губы, и трясется от беззвучного смеха. Наконец она не выдерживает и начинает громко хохотать.

– Ты должна признать, – говорит она, придя в себя после минут пяти безудержного смеха, – что вышло довольно забавно.

– Забавно?! – с легким упреком повторяю я. – У меня душевная травма! У Тоби душевная травма! Нам обоим надо лечиться после этого.

– Ох, Сильви. – Тильда выдает последний смешок. – Какая еще душевная травма? А Тоби, между прочим, полезно было узнать, что старшее поколение еще может быть о-го-го. Пойдем, давай сфотографируем тебя в корсете. Ты выглядишь отлично, – добавляет она.

– Не хочу, – плотнее закутываюсь в шаль, мгновенно упав духом. – Я не в настроении. Я чувствую себя старой и глупой. Ну, знаешь... отчаянной провинциальной женушкой.

Мгновение Тильда изучает меня своими добрыми, мудрыми глазами.

– Иди домой, Сильви, – говорит она. – Тебе вовсе не нужен этот дурацкий альбом с эротическими фотографиями, чтобы тебя любили. Да и я тот еще горе-фотограф.

– Во все нет, – вежливо возражаю я, но Тильда лишь фыркает.

– Сколько бы я ни старалась, лучше от этого фотографии не станут. Да и зачем тебе вообще эти фото? Просто надевай это в постель, – она кивает на кипу моего дорогущего нижнего белья. – А лучше иди домой прямо так! – переводит взгляд на шаль, под которой скрыт подгрудный корсет. – Если уж Дэна и это не удивит, то это ему надо лечиться, а не тебе.

Смотрю на разделяющую наши дома стену и представляю себе Дэна, сидящего на кухне и жующего запеченного лосося за просмотром футбольного матча по телевизору, свято верующего в то, что мы с Тильдой обсуждаем Флобера.

– Ты права, – чувствую внезапный всплеск оптимизма и адреналина. – Ты права!

Все эти эротические фотографии сразу же кажутся фальшивыми, вымученными и ненужными.

– Оставь свои вещи здесь, – предлагает Тильда, – забереешь завтра. – Протягивает мне мою сумочку. – На твоём месте я бы отправилась домой прямо сейчас в этой шали, сорвала бы ее на глазах у Дэна и очаровала бы его. Сделаю телевизор погромче, – добавляет она с улыбкой. – Мы ничего не услышим.

Когда захожу в дом, застаю ту самую картину, которую ожидала увидеть: Дэн на кухне, ноги на стуле, на столе тарелка с рыбными косточками, пиво открыто, по телевизору футбол.

Был бы здесь Вермеер³², он мог бы сделать идеальный набросок: «Мужчина, чья жена вступила в книжный клуб».

– Привет, – здоровается Дэн с каким-то отсутствующим выражением лица. – Что-то ты рано.

– Мы свернули собрание, – улыбнулась я. – Как оказалось, не так уж и много можно сказать о Флобере.

– Угу, – мычит он, делая глоток пива; его взгляд полностью прикован к экрану. Неужели он даже не спросит: «Почему ты на шпильках и на тебе только шаль?» Не спросит. Видимо, он думает, что это такое платье.

– Дэн, – встаю на самое видное место (чтобы он уж наверняка не пялился в экран) и начинаю соблазнительно разворачивать шаль в стиле самой лучшей эротической фотосессии.

– Ну же...

³² Нидерландский художник-живописец, мастер бытовой живописи и жанрового портрета. Наряду с Рембрандтом и Франсом Халсом является одним из величайших живописцев золотого века голландского искусства.

Поверить не могу. Он на меня даже не смотрит, тупо пялится сквозь меня на двенадцать человечков, гоняющих по полу мяч, будто я какое-то препятствие, мешающее ему наслаждаться более интересным занятием.

– Ну же! – он сжимает кулак. – Да забивай уже!

– Дэн! – громко зову я и резко скидываю шаль с плеч. Окей, вот *теперь* он на меня смотрит. Смотрит молча; тишину кухни нарушает лишь рев футбольных фанатов по телевизору.

Дэн таращится на меня, не в силах выдавить ни звука. Он осторожно прикасается к одному из моих сосков, словно видит мою грудь впервые.

– Ну... – глухо выдыхает он. – Это интересно.

– Сюрприз, – беззаботно пожимаю плечами я.

– Это я вижу.

Он медленно наматывает на палец нитку жемчужных бус, затем отпускает, чтобы жемчуг плавно приземлился прямо в ложбинку меж моими грудями. Дэн ласкает мои груди, позволяет крупным жемчужинам пробегать по соскам и округлостям грудей, при этом смотрит мне прямо в глаза. Знаю я, что жемчужные бусы – это самое настоящее эротическое клише, но на деле они выглядят и вправду сексуально. Все очень сексуально. И высокие шпильки, и атласный корсет, и выражение лица Дэна в частности. Я уже давно не видела его таким: будто нечто ретивое и полное мощи рвется из его груди и он никак не может это остановить.

– Девочки спят, – шепло выдыхаю я, потянувшись за пультом и выключив наконец чертов телек. – Мы можем делать все, что угодно. Попробовать все, что угодно. Пойти куда захотим. Притвориться кем захотим.

Дэн уже игриво засматривается на высокий барный стул, он всегда любил заниматься любовью на таких стульях. А вот я не очень, ноги затекают так, что боюсь лишний раз пошевелиться.

– Может, попробуем что-то другое, – поспешно вставляю я. – Что мы еще никогда не делали. Что-нибудь смелое, рискованное. Удиви меня.

И снова тишина, нарушаемая лишь перещелком жемчужин в пальцах Дэна. Его взгляд устремлен в пустоту, Дэн полностью погрузился в размышления. Я и сама обдумываю различные лакомые возможности. Может, пришло наконец время для той шоколадной краски для тела, которую я купила на День святого Валентина? Вспомнить бы еще, куда я ее убрала. Вдруг глаза Дэна загораются внезапным огнем:

– Ты права, – говорит он. – Надень плащ. Я попрошу Тильду присмотреть за девочками.

– Куда мы пойдем?

– Скоро узнаешь, – подмигивает мне Дэн, и тело мое охватывает дрожь предвкушения.

– Мне нужно одеться?

– Нет, просто накинь плащ. – Его взгляд падает на мои черные кружевные трусики. – Они тебе не понадобятся.

Так, вот это уже точно круче какого-то там альбома с эротическими фотографиями. К тому времени, как я стянула трусики и выбрала свой самый сексуальный и самый плотный плащ (надеюсь, никто из прохожих не обладает рентгеновским зрением), Дэн возвращается вместе с Тильдой.

– Собираетесь на романтический ужин, да, Сильви? – как бы с невинным любопытством щебечет Тильда. – Или это больше похоже на десерт на открытом воздухе? – Тильда так комично окидывает взглядом мои высокие шпильки, что я закусываю губу.

– Командует парадом Дэн, – стараюсь говорить так же беспечно, как и она. – Так что, кто знает?

– Да он у тебя просто золотце! – она лукаво подмигивает мне. – Не торопитесь домой.

Дэн вызывает такси и говорит водителю адрес так тихо, что я ничего не слышу. Едем в полной тишине, лишь кровь стучит у меня в ушах. В полумраке машины Дэн лениво про-

скальзывает рукой под мой плащ, и я едва не падаю в обморок от захлестнувшей меня волны вожделения. Мы никогда не делали ничего подобного. Никогда не могли решиться. А я ведь даже не уверена, куда это «подобное» нас приведет.

После короткой поездки мы выходим на углу улицы в Воксхолле. Воксхолл? Серьезно? Даже представить не могу, чего мне следует ожидать.

– Что это за место? – озираюсь я по сторонам.

– Тсс, – шипит на меня Дэн. – Просто иди за мной.

Он бодро шагает по незнакомой мне дороге, будто ходил здесь миллион раз. Он ведет меня мимо церквушки на углу улицы, по утоптаным тропинкам через кладбище к старым деревянным воротам в кирпичной стене, на которой установлен кнопочный номеронабиратель.

– Вот мы и на месте, – говорит Дэн и добавляет вполголоса, словно самому себе: – Главное, чтобы они не изменили код.

Я слишком озадачена, чтобы хоть что-то на это ответить. Где мы, черт возьми?

Дэн набирает код, и я слышу, как скрипят ворота, когда они открываются, представляя моему взору... сад. Пустынный маленький садик. Непонимающе моргаю, Дэн же с довольным видом изучает мое лицо.

– Сюрприз! – объявляет он.

Следую за Дэном в это внезапно открывшееся передо мной чудо света. Что это за волшебное место? Миниатюрные клумбочки на возвышении. Кованые решетки с растительными узорами. Изящные яблони. Пышные, крупные розовые бутоны. Маленький рай в самом сердце Лондона. И в центре всего этого – пять абстрактных арбоскульптур³³ из живых деревьев, напоминающие извилистые щупальца гигантского осьминога; пугающие, притягательные и манящие одновременно.

Дэн ведет меня в глубь сада – уверенно и властно, словно он владеет этим местом, – и толкает в когтистые объятия деревьев-скульптур. Не сказав ни слова. Срывает с меня плащ, покрывает горячими поцелуями шею, ласкает обнаженную грудь. Прижимаюсь спиной к гладким ветвям, прохладный ветер приятно щекочет мою кожу. Чувствую сильный аромат роз, слышу смех прохожих на улице. О, они и понятия не имеют, что происходит здесь, на этом маленьком зеленом островке страсти. Все кажется таким нереальным, будто мы в каком-то фантазийном лесу, как во «Властелине колец» или «Аватаре».

Так и подмывает спросить: «Где мы?», «Как ты узнал об этом месте?» и «Почему мы не бывали здесь раньше?», но Дэн уже тянет меня к другой скульптуре. Изгибы деревьев идеально повторяют мои формы, будто скульптуры специально созданы для того, чтобы прижиматься к ним во время любовных утех. В течение нескольких секунд Дэн просто смотрит, как я практически слилась воедино с этими извилистыми ветвями подобно Еве у дерева познания. Его собственное, «живое» эротическое фото. Только для него. Без белых подтяжек и стремительно пустеющей бутылки просекко.

Дэн срывает с себя одежду, не колеблясь ни секунды, преисполненный уверенности и силы. Лицо серьезное, почти деловое. Были ли эти *скульптуры* специально созданы для секса? И откуда Дэн о них знает? И почему...

Не успеваю даже задуматься над этим, как Дэн берет меня на руки и усаживает на третью, еще более странную скульптуру, похожую на лапу какого-то хищного животного. Все еще безмолвный, с теплыми ладонями, он увлекает меня туда, куда я не мыслила попасть... Как он хочет, чтобы я села? Голова кружится, по телу разливается сладостная истома, конечности слегка затекают в непривычной позе. Не знала, что Дэн может так... Как он вообще додумался

³³ Арбоскульптура – искусство создания скульптур, построек, декоративных и архитектурных форм из живых деревьев; целью является придание дереву задуманной садовником формы.

до такого? Теперь мои эротические фотографии кажутся детской забавой, максимум восемнадцать плюс. Я понятия не имела...

О боже. Мысли растворяются в тумане. Дыхание вырывается из глотки порывистыми, хриплыми вздохами. Цепко хватаюсь руками за деревья. Мне кажется, я сейчас взорвусь. Космический сюрприз. Сейсмоопасный сюрприз.

Я дрожу. Мне кажется, будто все мое тело наполнено драгоценной влагой – ох, лишь бы не расплескаться. Никогда в жизни не чувствовала ничего подобного.

Когда мы закончили, то оба в изнеможении прислонились к извилистым скульптурам-деревьям (вот сто процентов они созданы для секса) и устремили взор в небеса. Звезд нет, слишком облачно, но сад окутывает цветочный землистый аромат, где-то вдалеке журчит ручеек, которого я раньше не уловила.

– Вау, – наконец выдыхаю я. – Лучший сюрприз на свете. Ты победил.

– А ты нарядилась, как настоящая соблазнительница, так что мы на равных, – ухмыляется Дэн в темноту.

– Что же это все-таки за место? – неопределенно машу голой рукой. – Как ты о нем узнал?

– Просто знал. Здесь здорово, правда?

Я киваю, бешеная пляска сердца постепенно унимается.

– Удивительно, – шепчу я, все мое тело преисполнено сладостной неги, во мне пульсируют эндорфины. (Или это называется феромоны? Неважно. Сексуальные любовные гормоны.)

На самом деле я пребываю в таком блаженстве. Наконец-то все получилось! Игра «Удиви меня» подарила мне этот умопомрачительный, запредельный, безупречный вечер любви, который мы с Дэном запоем навсегда. Несмотря на нашу незримую связь с Дэном и предугадывание мыслей друг друга, я еще никогда не чувствовала себя настолько на одной волне с ним. Когда мы в последний раз лежали обнаженные, окутанные свежим ночным воздухом? Нам нужно почаще сюда выбираться. Все время.

И все же я не перестаю размышлять, как Дэн узнал об этом месте? Ведь он так и не ответил на мой вопрос.

– Но откуда ты все-таки знаешь об этом саде? – пристаю я к Дэну с расспросами.

– О, если честно, – Дэн подавляет зевок, – я помогал его создавать.

– Что?! – приподнимаюсь на локте и смотрю на Дэна в упор.

– Когда я еще учился в университете, летом первого курса. Я вызвался добровольцем на некоторое время, – он пожимает плечами. – Это общинный сад. Они впускают сюда группы для изучения садоводства, ландшафтного дизайна, гербологии, всякого такого.

– Но... почему? Почему сад?

– Ну, ты же знаешь, что я садовод, – говорит Дэн так, будто это совершенно очевидно.

Я знаю, что?!

– Нет, я не знаю, – удивленно распахиваю глаза. – Что ты имеешь в виду под этим «я садовод»? Ты никогда не занимался садоводством. У нас дома даже нормального сада нет.

– Что правда, то правда, – печально качает головой Дэн. – Боюсь, я слишком занят на работе. А дома все время отнимают наши малышки. Да и сад наш теперь вовсе не сад, а детская игровая площадка с теми огромными пряничными домиками.

– Понятно, – накидываю на плечи плащ, все еще пытаюсь осознать услышанное. – Мой муж, и внезапно садовод. Никогда бы не подумала.

– Да это ничего особенного, – пожимает плечами Дэн, – хотя я был бы рад заняться этим, когда выйду на пенсию.

– Подожди-ка, – внезапно всплывает в моем мозгу, – а откуда ты узнал, что арбоскульптуры такие... что они подходят специально для...

– Я и не знал, – отвечает он, лукаво подмигивая мне. – Просто часто смотрел на них и размышлял. Смотрел и представлял...

– Ха! – расслабленно откидываюсь на деревянную скульптуру. – Жаль, что тогда я не была твоей девушкой, – шаловливо пробегаю пальчиками по плечу Дэна. – Но в том году... – морщу лоб, пытаюсь вспомнить. – Да, я тогда была несвободна.

– Ну, как и я, – говорит Дэн. – Но я не жалею, что мы тогда друг друга не знали. Думаю, мы нашли друг друга в правильное время.

Он нежно целует меня, и я рассеянно улыбаюсь. Но мой мозг уже зацепился за его слова. У него кто-то был?

– А с кем ты тогда встречался? – растерянно спрашиваю я, перебирая в уме мысленный список бывших подружек Дэна. (Я в свое время довольно подробно выпытала у него информацию обо всех.) – С Шарлоттой? Амандой?

Хотя, судя по времени, ни одна из них не подходит.

– Вообще-то нет, – зевает он и прижимает меня к себе покрепче. – Но разве важно, кто это был?

Мое сознание мечется меж двумя огнями-ответами. «Нет», если я не хочу разрушить это волшебное мгновение, и «да», я, черт возьми, должна знать, кто это был.

– Нет, не важно, – отвечаю я мягким беззаботным голосом. – Совсем не важно. Я просто поинтересовалась, вот и все.

– Мэри, – внезапно говорит он.

Дэн улыбается мне и целует меня в лоб, но я не отвечаю на его улыбку. Мой внутренний радар тут же ловит непонятные сигналы. Мэри? Что еще за Мэри?

– Мэри? – пытаюсь заставить себя улыбнуться. – Ты никогда не рассказывал мне ни про какую Мэри.

– Брось, конечно, я рассказывал, – беспечно говорит он.

– Не рассказывал.

– Рассказывал.

– Не рассказывал, – говорю я стальным тоном. Как я уже говорила, в моем мозгу хранится целый список бывших подружек Дэна, по деталям и подробностям не уступающий криминальным сводкам из Скотленд-Ярда. И никакой Мэри там никогда не было. До сих пор.

– Может, я совсем позабыл о ней. Как и забыл об этом месте. Я забыл об этой части своей жизни. Лишь когда ты намекнула на что-то рискованное, смелое... – он наклоняется ко мне, в глазах его сверкают озорные искорки, – что-то во мне пробудилось. Меня вдруг осенило.

– Ясно, – бормочу я, стараясь хоть как-то соответствовать его беспечному тону. – Что ж, тогда я требую экскурсию по этому саду.

Я решила закрыть тему Мэри. Пока.

И вот он уже ведет меня по извилистым тропинкам, показывая различные деревья и кустарники и увлеченно рассказывая про них. Я думала, что знаю Дэна вдоль и поперек. И все же в его жизни было это хобби, которым он никогда не делился со мной.

Нет, это, конечно, здорово, ведь теперь я смогу его как-нибудь уговорить заняться нашим собственным садом. Мы можем превратить это в семейное хобби. Он научит девочек пропалывать грядки, разрыхлять землю... И подарки! Сопровождаю внезапному порыву захлопать в ладоши. Теперь я знаю, что ему дарить на праздники ближайшие лет двадцать! Я могу купить ему садовые инструменты, горшочки, растения и симпатичные фартуки и перчатки с надписью «Главный садовник».

Но мне и самой придется вплотную заняться садоводством. Просто чтобы понять, насколько я далека от всего этого. Ибо сейчас, во время нашей импровизированной экскурсии, я иногда думаю, что он все еще рассказывает о каком-то кусте, в то время как он начал рассказ про известного альпиниста, и наоборот. (Латинские названия ни капельки не помогают.)

– Какое чудесное дерево, – по мере сил вставляю я. (Надеюсь, это все-таки дерево?)

– Это была идея Мэри. – Глаза Дэна светятся какой-то странной нежностью. – Она неравнодушна к боярышнику.

– Угу, – мычу я, пытаюсь выдавить вежливую улыбку. Он уже в третий раз за вечер упомянул Мэри.

– Чудесно. Ой, какая беседка! Я даже не заметила, что она спрятана там, в тени деревьев.

– Мэри и я ее воздвигли, – говорит Дэн, погружившись в воспоминания и любовно поглаживая деревянную конструкцию. – Мы использовали переработанную древесину. Заняло у нас целые выходные.

– Молодец, Мэри, – язвительно шепчу я, прежде чем успеваю опомниться.

Дэн удивленно поворачивается ко мне.

– Я имела в виду... Чудесная, чудесная беседка!

Я поспешно беру Дэна под руку и лучезарно улыбаюсь ему, стараясь скрыть от него, что любое упоминание Мэри вызывает у меня неконтролируемый гнев. Для женщины, о которой я даже не знала пять минут назад, она слишком часто всплывает в нашей беседе.

– У вас все было серьезно? Между тобой и Мэри? – не могу удержаться я.

– Какое-то время да, – кивает Дэн. – Но она уехала учиться в Манчестер, и мы расстались, – пожимает плечами он. – Слишком долго было добираться из Эксетера.

Значит, они расстались вовсе не из-за ссор или несовпадения интересов. Не из-за того, что спали с другими людьми, молча отмечаю я. А всего лишь из-за расстояния.

– У нас были всевозможные планы и мечты, – продолжает Дэн. – Собирались вместе создать небольшой приусадебный участок. Выращивать экологически чистые овощи, всякое такое. Изменить мир. Но, как я уже говорил, это был другой я. – Дэн смотрит по сторонам и качает головой. – Странно было вернуться сюда. Вернуться к деяниям человека, каким я был когда-то.

– Ты был совсем другим человеком? – спрашиваю я, снова смутившись. В его глазах теплится какой-то далекий и печальный свет, которого я раньше не замечала. Тоска? Но тоска по чему? Это должен был быть умопомрачительный, запредельный, безупречный вечер любви *только для нас* с Дэном. Старым, давно прошедшим чувствам здесь не место. Прошедшим ли?

– О да, совсем другим, – смеется он. – Подожди, где-то должна была остаться фотография...

Он достает свой смартфон, долго что-то листает и наконец показывает мне главную страницу веб-сайта, озаглавленного «Сады апостола Филиппа. Как все начиналось».

– Видишь? – Дэн указывает на старую фотографию внизу страницы: молодые люди в запачканных джинсах и рубашках сжимают лопаты и вилы. – Это Мэри... а это я.

Я уже видела фотографии Дэна в молодости, но никогда из этого периода его жизни. Боже мой, какой он тощий. На нем клетчатая рубашка, какая-то странная бандана на голове; он улыбается и крепко держит за руку Мэри. Увеличиваю фото и внимательно изучаю Мэри. Если не брать в расчет торчащие во все стороны кудрявые космы, она довольно симпатичная. Даже слишком симпатичная. Смазливое личико с ямочками. Очень длинные худые ноги в запачканных землей джинсах. Сияющая улыбка и румяные щеки, отмечаю я. Честно, не могу себе представить ее в кружевных трусиках и подгрудном корсете, снимающуюся для эротического фотоальбома. Но я и не могла себе представить Дэна садовником.

– Интересно, чем она сейчас занимается? – размышляет вслух Дэн. – Просто безумие какое-то, что я так просто взял и забыл ее. Ведь какое-то время мы были... – Он тут же умолкает. – Неважно.

– Безумие, – повторяю я и выдаю резкий, визгливый смешок. – Но сейчас-то ты здесь. Тебе не холодно?

Передаю ему телефон, но он не берет его. Остекленевшим взглядом он все смотрит на беседку. Как будто он затерялся... в мыслях? В воспоминаниях? О том, каким он был в девятнадцать лет? О том, как они с Мэри, стройные и полные идеалистических планов, строили свою драгоценную беседку из переработанной древесины?

Занимались ли они сексом в беседке, когда все остальные уходили домой? Нет, даже не думай об этом. Не думай!

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я Дэна, стараясь звучать весело и беззаботно. Если он скажет «Мэри», я...

– Ох. – Дэн приходит в себя и бросает на меня уклончивый взгляд. – Да так, ни о чем. Неважно.

10

Слова Дэна что-то всколыхнули во мне. Каждый раз, вспоминая их, не могу отделаться от скверного предчувствия. Так и вижу перед собой его мечтательный, полный воспоминаний взгляд. Взгляд, устремленный отнюдь не на меня, но в золотые, безмятежные деньки, пропитанные ароматом роз и мягкой земли, к девятнадцатилетней девушке с сияющими глазами и ямочками на щеках.

Не знаю, что там пробудил в Дэне этот «таинственный сад», но сейчас я желаю, чтобы мой супруг опять заснул, спасибо огромное. Я была бы очень рада, забудь он о саде, Мэри и о «другом человеке, каким он когда-то был». Потому что, сюрприз-сюрприз, то время ушло, ему больше не девятнадцать. Он женат, и у него двое детей. Неужели он позабыл об этом?

Я знаю, что не должна делать подобные выводы без доказательств. Но, черт возьми, у меня есть доказательства. Я точно знаю, что все те пять дней, как мы вернулись из сада, Дэн полностью озабочен Мэри. Втайне озабочен, я должна прояснить. Втайне от меня.

Я вовсе не одна из тех недоверчивых женушек, не подумайте. Это совершенно нормально – просматривать историю посещений мужа в браузере. Это часть супружеской жизни и интимной привязанности. Он же видит мои использованные прокладки в мусорном ведре, а я вижу ход его мыслей в знаках и символах на ноутбуке, который он даже не пытался скрыть.

Честное слово, он мог бы быть и более осмотрительным. Я даже не знаю, довольна ли я оттого, что он не почистил свою историю посещений. С одной стороны, это может означать, что ему нечего скрывать от меня. С другой же стороны, это может означать, что у него нет никакого чувства присутствия женщины рядом, чутья, интуиции, или даже мозга, возможно. О чем он думал? Что я не собираюсь мониторить его ноутбук после того, как он рассказал мне о бывшей девушке-садоводке с ямочками на щеках, о которой я раньше и не слышала? Серьезно?

Он вбивал ее в строку поиска по-разному: «*Мэри Холланд*», «*Мэри Холланд работа*», «*Мэри Холланд муж*». Зачем ему знать о муже Мэри Холланд (которого может и не быть)? Не собираюсь унижаться и поднимать эту тему. Я не настолько озабоченная. Я доверяю Дэну.

Вместо этого я намеренно вбиваю в Гугл запросы о моих бывших: «*Мэтт Куинтон престижная работа*», «*Мэтт Куинтон крутая тачка*», «*Мэтт Куинтон просто секси*», и оставляю свой ноутбук на кухонном столе. Но, насколько я могу судить, Дэн этого даже не заметил. Как же меня это бесит.

Посему я решила сменить тактику. Накупила всяких журналов по садоводству и подняла за одним из разговоров тему сада, спросила, стоит ли нам уже сейчас посадить какие-нибудь морозостойкие однолетние растения. Я выдержала целых десять минут и даже выдала пару латинских названий, но Дэн с отсутствующим видом промычал лишь: «Может быть».

Может быть?!

Я думала, ему нравится заниматься садом. Думала, это его скрытая страсть. Да он должен был плясать от счастья, когда я заговорила о морозостойких однолетних растениях. Большой вопрос оставил шрам вспаханной борозды в моем мозгу. Что, если не по копанию в земле он так тосковал той ночью? Я не спрашивала его об этом. Не напрямую. Просто вскользь поинтересовалась:

– Разве ты не говорил, что хотел бы больше заниматься садом?

– Да, да, я помню. Нам нужно составить план, – промычал он в ответ и ушел под предлогом, что ему нужно отправить несколько электронных писем.

А сейчас лучше его лишний раз не доставать; сегодня у него отвратительное настроение, и понятно почему. День церемонии открытия рентген-кабинета: он должен сорваться с работы, надеть суперэлегантный (читай – неудобный) костюм, быть милым с моей мамой и выслушивать хвалебные оды моему отцу. Короче, заниматься тем, что он терпеть не может.

Девочки сегодня проснулись раньше обычного и попросились перед школой поиграть в саду, так что мы с Дэном завтракаем вдвоем, в непривычном молчании. Я редактирую свою торжественную речь: она мне кажется то чересчур сентиментальной, то лишенной моих настоящих эмоций. Каждый раз, когда я ее читаю, к глазам подступают слезы. Но я не буду плакать при всех. Ни за что не расплачусь. Я должна быть достойной представительницей семьи. И не позориться.

И я снова погружаюсь в воспоминания. Жизнь с папой – золотые деньки. Или все же позолоченные? Помню летние каникулы, которые казались мне бесконечными, пропитанные солнцем террасы, лодочные прогулки, угловые столики в ресторанах и трехслойное мороженое специально для «мисс Сильви». Папа подмигивает мне. Папа крепко держит меня за руку. Папа превращает хаос в космос.

Ну, конечно, были у него прямолинейные политические (и не только) взгляды, с которыми я не была полностью согласна. И не сказать, чтобы он неистово отстаивал их, в безумии брызжа слюной, хотя... Помню, как однажды мы с мамой пришли к нему в офис, а он там отчитывал какого-то несчастного сотрудника. Никогда не слышала, чтобы папа так орал на кого-то; я испугалась и заплакала.

Мама поспешила меня увести и объяснила, что всем начальникам иногда приходится кричать на сотрудников. А потом папа вышел из офиса, такой же веселый и добродушный, как и всегда; поцеловал и обнял меня и даже разрешил мне купить два шоколадных батончика из торгового автомата. Затем он отвел меня в конференц-зал, где показал всем его собравшимся сотрудникам, сказал им, что однажды я буду править миром, они все аплодировали, а папа поднял мою руку вверх, как будто я только что получила чемпионский пояс. Одно из лучших воспоминаний моего детства.

А что касается криков... Ну, все время от времени теряют самообладание. Обычный человеческий недостаток. Во все остальное время папа был подобно солнцу, что согревает каждого своими лучами, кто бы он ни был. Добрейший человек.

– Дэн, – вдруг нарушаю тишину я, в который раз перечитав свой анекдот про папу и гольф-корт, – давай в следующем году отправимся в отпуск в Испанию.

– В Испанию? – вздрагивает Дэн. – Почему именно туда?

– Хочу еще раз побывать в Лос-Боскес-Антигуос, – объясняю я. – Если туда не получится, то просто куда-нибудь поблизости.

Ибо я прекрасно понимаю, что мы не можем позволить себе остановиться в Лос-Боскес-Антигуос. Я погулила – отдых там не совсем нам по карману. Но мы могли бы найти небольшой отельчик поблизости и отправиться в Лос-Боскес-Антигуос хотя бы на один день. Прогуляться в тени великолепных белоснежных вилл. Искупаться в общинном озере. Почувствовать упругий ковер из сосновых иголок под ногами. Вернуться в мое прошлое.

– Но почему именно туда? – вновь переспрашивает Дэн.

– Много людей отправляются туда на каникулы с детьми, – твержу я.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Взгляд Дэна непроницаем, но я-то чувствую, что он начинает «пружиниться». – Слишком жарко. И слишком дорого.

Что за чушь он городит. Поездка выйдет дорогой, если мы только остановимся в каком-нибудь фешенебельном месте, а у меня совсем другой план.

– Авиабилеты в Испанию дешевые, – возражаю я. – Мы могли бы остановиться в дешевом отельчике. Или в палаточном лагере. И просто на один день съездили бы в Лос-Боскес-Антигуос. Посмотреть, как там сейчас.

– Мне просто не особо туда хочется, – говорит Дэн, и я чувствую порыв нестерпимой злости.

– Да что с тобой не так?! – ору я, как вдруг в кухню вбегает Анна.

– Мамочка, не кричи, пожалуйста! – Она смотрит на меня широко распахнутыми глазенками. – Ты пугаешь Дору!

Непонимающе моргаю. Дору? Ах да, чертова змеюка. Что ж, надеюсь, я ее испугаю. Надеюсь, у нее случится сердечный приступ.

– Не волнуйся, лапушка, – говорю я самым спокойным голосом, на который только способна сейчас. – Я просто хотела, чтобы папочка кое-что понял. И немного повысила голос. Иди в сад и помоги Тессе запустить ракету.

Когда Анна выбегает на улицу, я подливаю себе чаю. Но мои слова все еще висят в воздухе без ответа. Что с тобой не так?!

Но в глубине души я знаю, что не так. Мы будем гулять среди белоснежных вилл, и Дэн увидит все, чем я была окружена в детстве. Богатая и беззаботная жизнь. И это окружение только все испортит. Не для меня, для него.

– Я просто хотела отправиться в место, где была очень счастлива в детстве. Увидеть, каким оно стало, – говорю я, ковыряя пальцем дырку в новой скатерти. – Больше ничего. Не хочу тратить космическую сумму денег, не хочу ездить туда каждый год. Просто хочу увидеть это место. Один раз.

Краем глаза вижу, как Дэн собирается с силами.

– Сильви, – выдавливая Дэн с выражением лица под названием «А я всего лишь пытаюсь быть разумным». – Ты не можешь хорошо помнить Лос-Боскес-Антигуос. Тебе стукнуло пять, когда ты с родителями перестала туда ездить.

– Что за ерунда? Конечно, я помню Лос-Боскес-Антигуос! – запальчиво возражаю я. – Это было самое сказочное место на свете. Я помню наш дом у озера, помню веранду, поросшую испанским мхом, помню, как сидела на причале и ветер трепал мои волосы, помню запах леса и волны, искрящиеся в свете солнца...

Хочу добавить: «Вот бы папа никогда не продавал этот дом», но что-то меня останавливает. Признаю, что мои воспоминания об этом испанском рае немного туманны. Я даже не помню, почему папа продал тот дом. Но что плохого в том, что я хочу туда вернуться?

Дэн молчит, его лицо неподвижно. Будто он вовсе и не слышит меня. А может, и слышит, но что-то в его голове кричит куда громче и настойчивее.

Вот и мои энергия и настойчивость покидают меня. Всему есть предел. Иногда мне кажется, что комок проблем и комплексов Дэна, связанных с моим отцом, похож на огромный комок навоза, который мне, подобно скарабею, приходится тащить в гору нашего брака задом наперед.

– Окей, – наконец выдавливаю из себя я. – И куда мы поедем в следующем году?

– Не знаю, – как-то по-детски, обиженно бормочет Дэн. – Найдем интересное местечко где-нибудь в Британии.

– Интересное местечко? Типа экологического садика? – многозначительно протягиваю я, не до конца уверенная, что Дэн приметит мою подковырку. Хочу добавить: «Наверняка желающие понынчиться с твоей змеюкой на время каникул уже стоят в очереди», но Тесса вбегает на кухню, глаза вытаращены, как две маленькие луны.

– Маамааа! – воет она. – Маамааа! Мы потеряли нашу раке-е-е-ту!

В глазах профессора Рассела можно было заметить едва блеснувшие искорки смеха, когда я появилась на его пороге вместе с Тессой, вся раскрасневшаяся от стыда. Интересно, слышал ли он, как я только что орала на Дэна? Господи, наверняка слышал. Он же не глухой. Вероятно, они сидели с Оуэном и слушали наши разборки, будто это очередной эфир «Арчеров»³⁴.

³⁴ Самая продолжительная в мире многосерийная радиопостановка, выпускающаяся на канале Би-би-си «Радио 4». Изда-

– Здравствуйте, – вежливо улыбаюсь я. – Прошу прощения за беспокойство, но, я думаю, ракета моей дочери приземлилась на вашу оранжерею. Примите мои искренние извинения.

– Моя игрушечная ракета, – уточняет Тесса, крепко сжимая мою руку (Тесса была полна решимости отправиться со мной в эти папоротниковые джунгли, чтобы забрать несчастную ракету из логова «львов»).

– Ой-ей, – вздыхает профессор, и глаза его застилает мутная пелена. Держу пари, он сейчас вспоминает Дэна, разбившего стекло оранжереи в попытке достать футбольный мяч.

– Я принесла вот это, – поспешно добавляю я, махая перед ним нашей метлой с раздвижной ручкой. – Попробую подцепить ракету этой штукой. Обещаю, я буду очень аккуратна. Если у меня не получится, вызову мойщика окон.

– Хорошо-хорошо. – Губы профессора Рассела трогает тихая улыбка. – Давайте попытаем счастья, как говорят.

Профессор Рассел приглашает нас с Тессой зайти в дом, и, каюсь, я все время в любопытстве глазею по сторонам. Поразительно. Как много у него книг! Сотни. Тысячи. Мы проходим через небольшую кухню и крошечный зимний сад (так и хочется развалиться на уютных мягких креслах от *Ercol* и послушать старое радио). Затем ведет нас в обычный сад, где в центре, словно стеклянная башня из какого-то фэнтези-фильма, возвышается оранжерея. Это модернистская структура из металла и стекла; будь там внутри камин с трубой или кухонная печь, можно было бы запросто фотографировать это место для журнала современных интерьеров.

Я уже вижу нашу ракету, совершенно неуместную здесь, нелепо свисающую со стеклянной крыши, но взгляд мой прикован к тому, что находится внутри стеклянной башни. Это место совсем не похоже на обычную, заурядную оранжерею с рассадой помидорчиков, цветочными клумбами и коваными железными скамьями. Все это напоминает лабораторию, таинственное обиталище безумного (или нет) ученого, алхимика. Современного алхимика. Строгие ряды подписанных горшочков, в которых, как мне кажется, один и тот же папоротник на разных стадиях роста. И компьютер. Нет, два компьютера.

– Удивительно, – выдыхаю я, когда мы приближаемся. – Это все одно и то же растение?

– Они все разновидности папоротника, – объясняет профессор Рассел, едва заметно улыбнувшись, будто только что выдал шутку, понятную лишь ему самому (и возможно, его растениям). – Папоротники – мой научный интерес.

– Смотри, Тесса, – указываю на зеленые лапы папоротников, отбрасывающие тени на стекла. – Профессор Рассел написал книги об этих папоротниках. Он знает о них все.

– Знаю все? – повторяет профессор Рассел. – Что вы, что вы! Я только начинаю постигать тайны, которые они скрывают.

– Ты ведь изучала природоведение в школе, да, милая? – обращаюсь я к Тессе. – И даже сама вырастила кресс-салат. – Мне вдруг стало интересно, сможем ли мы заставить профессора Рассела прийти в школу девочек на «День интересных людей». Мне бы не помешало подзаработать плюшиков в родительскую карму.

– Растениям нужна вода, – как по сигналу начинает излагать Тесса. – Растения тянутся к свету, чтобы расти.

– Совершенно верно. – Отецская улыбка заиграла на губах профессора Рассела, а я сама чуть ли не раздуваюсь от гордости. Моя пятилетняя малышка обсуждает ботанику с оксфордским профессором!

– Люди тоже тянутся к солнышку, чтобы расти? – в своей смешливой манере вопрошает Тесса.

Я уже собираюсь сказать: «Конечно, нет, милая!», и обменяться с профессором Расселом понимающим взглядом, но тот внезапно мягко произносит: «Да, моя дорогая. Думаю, так и есть».

Окей, это многое говорит о нем.

– Правда, каждый из нас может тянуться к разному свету, не всегда солнечному, – продолжает он, мечтательно отведя глаза в сторону. – Иногда нашим светом может быть вера, или идеология, или даже другой человек. В конце концов, все мы стремимся вырасти в Человека.

– Мы вырастаем *в человека*? – Тесса думает, что забавный старичок шутит.

– Да, в Человека с большой буквы. – Взгляд профессора устремлен на что-то за моим плечом, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как к нам по тропинке приближается Оуэн.

Я еще никогда не видела Оуэна так близко, и от чего-то в его внешности у меня перехватывает дыхание. Он кажется таким прозрачным, призрачным. Тщедушнее и болезненнее, чем я его помню. На голове его почти не осталось волос, а руки кажутся не толще ручки метлы в моих руках.

– Доброе утро, – здоровается он очаровательным хриплым баритоном. – Я лишь хотел узнать, не хотят ли наши гости кофе.

– Спасибо большое, но нет, – вежливо отказываюсь я. – Мы здесь просто, чтобы забрать игрушку. Простите за весь этот шум, – осторожно добавляю я. – Боюсь, этим утром мы *немного* увлеклись.

Оуэн и профессор Рассел обмениваются многозначительными взглядами; теперь у меня нет сомнений, что они слышали нашу с Дэном перепалку. Ну здорово. Но Оуэн тут же одаривает меня теплой улыбкой:

– Ничего страшного. Вам не за что извиняться. Нам нравится слушать, как играют дети. – Он смотрит на метлу в моей руке: – Ах, это просто гениально.

– Пока неизвестно, поможет или нет, – с сомнением молвлю я.

– Не стой здесь, тут прохладно. – Профессор Рассел ласково треплет Оуэна по руке. – Можешь понаблюдать за нашими усилиями из зимнего сада.

Когда Оуэн уходит в дом, я раздвигаю ручку метлы до максимальной длины и пытаюсь зацепить ракету. Пара толчков и прыжков – и игрушка падает в мои руки.

– Отлично! – хлопает в ладоши профессор Рассел, затем обращается к Тессе: – А тебе, моя дорогая, я хочу сделать небольшой подарок в память о сегодняшнем дне. Я подарю тебе растение. Но запомни, что тебе придется ухаживать за ним, как за живым существом.

– Ох, это был бы чудесный подарок! – восклицаю я. – Спасибо вам огромное.

А сама думаю: пускай Дэн и ухаживает за этим растением. Если он так любит садоводство, пускай и занимается этим, а не грезит о бывшей девушке с ямочками на щеках.

Профессор Рассел исчезает в оранжерее и вскоре возвращается с крошечным папоротником в горшочке.

– Поливай его время от времени. Держи поближе к свету, но не все время, – объясняет он, протягивая горшочек Тессе. – И смотри, как он растет.

Тесса берет горшок и выжидательно смотрит на него:

– Нам нужен еще один, для Анны, – говорит она.

– Тесса! – в потрясении смотрю на свою дочурку. – Нельзя так говорить! Нужно сказать: «Спасибо большое за подарок!» Анна – ее близнец, – извиняюсь я перед профессором Расселом. – Они привыкли, что у них всегда все одинаковое. – Поворачиваюсь к Тессе: – Будете вместе с Анной ухаживать за одним растением.

– Зачем же? – удивленно восклицает профессор Рассел. – Тесса совершенно права. Как же мы можем забыть про Анну?

Он возвращается в теплицу и вскоре выходит оттуда с еще одним горшочком.

– Тесса, ты не должна выпрашивать у взрослых подарки, – говорю я с хмурым видом.

– Вздор! – профессор Рассел весело подмигивает Тессе. – Если мы не вступаемся за тех, кого любим, зачем мы тогда живем на свете?

Тесса опускается на корточки и принимается внимательно изучать подарки, в тот время как профессор вновь смотрит куда-то сквозь меня. Поворачиваюсь и вижу, что он наблюдает, как Оуэн плотно закутывается в плед и разваливается в мягком кресле в оранжевое. Вижу, как профессор одними губами шепчет Оуэну: «Все хорошо? Ничего не болит?», и тот с улыбкой кивает ему.

– А сколько лет вы уже вмес... – начинаю было я, но тут смешиваюсь и умолкаю. Все выглядит так, будто они не просто друзья, но в таком нельзя быть уверенной на сто процентов.

– Мы знаем друг друга еще со школьной скамьи, – спокойно отвечает профессор Рассел.

– Вау. Это очень долго, – ошарашенно выдыхаю я. – Так...

– В то время Оуэн еще не понимал своей... истинной природы, скажем так. – Профессор Рассел бросает на меня многозначительный взгляд. – Он женился. Я посвятил свою жизнь науке. Мы снова нашли друг друга восемь лет назад. Если я правильно понял ваш вопрос, – он подмигивает мне, – то я любил его пятьдесят девять лет. Издалека, конечно. Иногда думал, что безответно.

Губы его вновь расплываются в мягкой, полной нежности улыбке.

У меня нет слов. Пятьдесят девять лет? Смотрю прямо в глубину его глаз, умудренных опытом, окруженных бесчисленными лучиками морщин, и понимаю, насколько этот человек превосходит меня. Дело не только в его выдающемся уме, но в его силе, терпении, ожидании. Он ждал, любил по-настоящему, а не жаждал обладать. Мне так хочется остаться с ним здесь и задать ему кучу вопросов, впитать в себя его мудрость.

Но тут краем глаза улавливаю, что Тесса начала выковыривать папоротник из одного из горшочков. М-да, чрезмерная любознательность для пятилетней девчушки не всегда хорошее качество.

– Эм... В любом случае, нам с Тессой уже пора, – поспешно говорю я. – Мы и так отняли у вас слишком много времени. Большое спасибо, профессор Рассел.

– Пожалуйста, зовите меня Джон, – улыбается мне профессор.

– Хорошо, Джон.

Джон провожает нас до порога, мы тепложимаем друг другу руки, профессор берет с меня обещание заглянуть как-нибудь к ним с Оуэном на чай. Когда я открываю нашу собственную входную дверь, невольно представляю Джона и Оуэна долговязыми, неуклюжими подростками. Я так погрузилась в свои мысли, что внезапно раздавшийся голос Тильды едва не заставил меня подпрыгнуть.

– Сильви! – Она идет по тротуару и энергично машет мне рукой; на ней сегодня темно-бордовый деловой костюм довольно старомодного фасона. – Как дела?

– О, привет! – здороваюсь я. – Только что была в саду профессора Рассела. Он оказался довольно приятным собеседником. Надо будет как-нибудь пригласить его на чай. – Я отпускаю руку Тессы. – Иди, покажи Анне ее папоротник. И соберите свои школьные рюкзаки. Я приду через минуту.

– Ну? – сверкает глазами Тильда, когда Тесса радостно пошлепала в дом. – И как тебе «десерт на свежем воздухе»? Жду подробнейшего отчета! Ты ведь так ничего мне и не рассказала.

Что правда, то правда. Кроме тридцатисекундного монолога «Привет. Спасибо, что посидела с девочками! Пока», мы с Тильдой не обменялись ни словом с тех пор, как я и Дэн вернулись из «сада эротических арбоскульптур». Последнее время она работала в офисе своего клиента в Андовере, так что мы пропустили несколько наших утренних прогулок. Тильда еще не знает о том, что произошло в тот вечер. Беспokoйно вглядываюсь в прихожую – Дэна вроде не видно, – но на всякий случай прикрываю входную дверь.

– Разве тебе не нужно ехать в Андовер? – спрашиваю я, изучая ее костюм.

– Через пять минут пойду на станцию, – беспечно машет рукой Тильда. – Валяй, выкладывай.

– Ну... – облокачиваюсь на стену ее сада и складываю руки на груди. – Если хочешь знать, сюрприз привел к обратным результатам.

– Правда? – удивленно распахивает глаза Тильда. – А мне показалось, Дэн завелся. Ему что, не понравился корсет?

– Дело не в этом, – качаю головой я. – Секс был умопомрачительным. Он отвел меня в «таинственный сад» с когтистыми арбоскульптурами. На самом деле у меня чуть крышу не снесло, настолько все было шикарно.

– Тогда в чем проблема?

Молчу. Правду в том, что хоть я и стараюсь не принимать все близко к сердцу и не создавать проблем на пустом месте, предчувствие чего-то страшного, неминуемого не покидает меня. Говорят, мысли материальны. А если я их озвучу, все станет в двадцать раз хуже.

– В нем «что-то пробудилось», – выдавливаю я наконец. – В Дэне. Он сам так сказал.

– Пробудилось?

– Пробудились воспоминания о бывшей девушке. О которой он мне никогда не рассказывал. Он гуглил ее. Много раз. Втайне от меня.

Стараюсь говорить спокойно, но голос предательски дрожит, будто все страхи и тревоги так и хотят вырваться наружу, в безмятежный утренний воздух.

– Ох. – С минуту Тильда выглядит обескураженной, но затем губы ее расплываются в привычной воодушевляющей улыбке: – Ох, Сильви, это еще ничего не значит. Все гуглят своих бывших время от времени. Я гуглю Адама по три раза в неделю, мне нравится издеваться над собой, – добавляет она, пожимая плечами.

– Но раньше он ее не гуглил! Он вообще о ней не вспоминал! А все из-за меня. Я сама виновата, – сокрушаюсь я, – сама во всем виновата...

– В чем виновата? В том, что облачилась в сексуальнейший корсет? – фырчит Тильда.

– В том, что начала тыкать палкой наш семейный улей! Подначивала его сделать что-нибудь смелое, рискованное. Хотела, чтобы он думал, ломал голову над тем, как меня удивить. А в итоге он вспомнил о своей бывшей!

– Тьфу! – Тильда кривит губы. – Может, это была не такая уж и хорошая идея. Нет ничего хорошего в том, чтобы заставлять мужей *думать*.

– А ты ведь предупреждала меня, – уныло соглашаюсь я, – и была права. Сюрпризы иногда плохо кончаются.

– Сильви, я вовсе не это имела в виду! – почти в ужасе воскликнула Тильда. – Хватит волноваться по пустякам. Взгляни на свою жизнь. Дэн обожает тебя. Ты сама призналась, что секс был умопомрачительным. Знаешь, многие пары умереть готовы хоть за одну такую ночь, – многозначительно добавляет она.

– Но даже секс... – закусываю губу и с тревогой оборачиваюсь к входной двери.

– Что? – Тильда в любопытстве подается вперед, я же медлю с ответом. Я не из тех, кто готов выплескивать интимные подробности, даже в разговоре с подругой. Хотя после той злополучной эротической фотосессии скрытничать с Тильдой смысла нет.

– Понимаешь... – начинаю я почти шепотом. – Даже в пылу страсти Дэн казался мне другим. Он *был* другим. В то время я думала: здорово, я разожгла в нем пламя. Но что, если все это было не для меня? – содрогаюсь я. – Что, если он думал о *ней*? А я была лишь тенью, не ярче его воспоминаний...

– Уверена, он хотел только тебя...

– Я умоляла его удивить меня, – беспокойно перебиваю я Тильду. – Еще бы не удивиться, когда узнаешь, что твой муж может гулять на стороне...

– Хватит! – отрезает Тильда и берет меня за руку. – Сильви, ты принимаешь все близко к сердцу, это раз. Два, ты не знаешь всей правды. Дэн всего лишь пару раз гуглил свою бывшую. Если хочешь знать мое мнение, через месяц он ее забудет. И больше никогда не упомянет.

– Ты и вправду так думаешь?

– Более чем уверена. Как ее зовут? – будто бы небрежно спросила Тильда.

– Мэри.

– Ну вот и все, – демонстративно закатывает глаза Тильда. – Дэн никогда не именит тебе с особой по имени Мэри.

Мои губы сами расплываются в улыбке. Хорошо иметь такую подругу, как Тильда. Она всегда может развеселить меня, что бы ни случилось.

– А в остальном как у вас? – спрашивает она.

– Ну, знаешь, так и сяк, – пожимаю плечами я. Что-то в выражении ее лица само, словно клещами, вытаскивает из меня: – Ты слышала, как я кричала на него сегодня утром?

– И глухой бы услышал, – быстро бросает Тильда и плотно сжимает губы, видимо, чтобы не улыбнуться или не засмеяться.

Ну здорово. Теперь мы с Дэном персонажи нашей собственной уличной мыльной оперы. Смотрите, слушайте и наслаждайтесь, соседushки.

– Все будет хорошо. – Тильда мягко треплет меня по руке. Пообещай мне только одно: больше никакой игры «Удиви меня». Больше никаких сюрпризов.

Она не добавляет «я же тебе говорила», но невысказанная фраза висит над нами в воздухе. Впрочем, Тильда меня и так убедила.

– Не волнуйся, – искренне отвечаю я, – я покончила с сюрпризами. На веки вечные.

Я еще никогда не встречала Эсми лично, но почему-то ожидала увидеть низенькую тощую девушку в элегантном пиджаке и на каблуках. Но она оказалась совсем не такой; в вестибюле Нью-Лондон-Хоспитал меня ждала полная светловолосая девушка в довольно нелепом наряде: детской юбочке с милым принтом из овечек и в шлепанцах на резиновой подошве. У нее круглое личико, обладатели коих всегда кажутся веселыми и беззаботными, и только глубокие морщины на лбу выдают их заботы и тревожения.

– Я *думаю*, что у меня все готово, – уже в пятый раз она отчитывается передо мной (а мы еще даже не успели пройти через вестибюль). – В комнате отдыха есть чай, вода, закуски... – Она загибает пальцы. – Печенье, круассаны... Да, и газировка, конечно.

Закусываю губу, чтобы не рассмеяться. У нас всего-то небольшое мероприятие на час-полтора, а не экспедиция на Северный полюс.

– Это так предусмотрительно с твоей стороны, – вежливо откликаюсь я.

– Ваш муж уже едет? – взволнованно таращит на меня глаза. – У нас для него зарезервировано парковочное место.

– Спасибо. Да, он уже в пути. Привезет наших девочек и своих родителей.

Родители Дэна вдруг решили, что тоже хотят приехать на это мероприятие, три дня назад. Дэн как-то вскользь упомянул о церемонии открытия своей матери по телефону, она же обиделась и спросила, почему их с Невиллом даже не пригласили? Они что, не часть семьи? Дэну что, даже в голову не пришло, что они тоже бы хотели отдать дань памяти и уважения моему отцу? (Что странно, ибо не помню, чтобы они оба ладили с папой, когда он был жив.) Дэн аж опешил, я слышала, как он бормотал в трубку: «Все не так, мам... Это не вечеринка... Я просто не подумал, что вы захотите приехать сюда из Лестера... Конечно, вы можете приехать. Мы с Сильви будем только рады!»

Родители Дэна люди... как бы это сказать, сложные. Непредсказуемые. Хотя, как оказалось, моя мать тоже может быть непредсказуемой. Полагаю, наши девочки так же воспринимают нас с Дэном. Во всех родителях есть что-то необъяснимое, загадочное, недоступное

взору ребенка. Все люди загадочны и непредсказуемы. Иногда я удивляюсь, как человечеству удалось столького достичь, сделать вместе, когда все мы готовы растерзать друг друга из-за маленьких обид и недоразумений.

Я так занята своими мыслями, что не слышу, как Эсми что-то обеспокоенно кудаччет:

– Я провожу вас в комнату отдыха, там вы сможете отрепетировать речь и проверить звук, – на ходу говорит она. – Там есть зеркало, если захотите нанести макияж или причесаться... не то, чтобы вам было это нужно, – добавляет она, разглядывая мою прическу. – У вас потрясающие волосы!

Должна признать, прическа и вправду выглядит потрясающе. Я ушла с работы пораньше, чтобы уложить их крупными золотыми локонами, как любил папа.

– Спасибо, – улыбаюсь я в ответ.

– Должно быть, нужны часы и часы, чтобы вымыть и расчесать их, – говорит она (я так и знала, что при этом она сочувствующе вздохнет).

– Ох, все не так страшно, – отвечаю я, мысленно предсказывая ее следующий вопрос: «Сколько лет вы растили такую красоту?»

– Сколько лет вы растили такую красоту? – выдает она, когда мы заворачиваем за угол. (Бинго!)

– У меня всегда были длинные волосы. Как у Рапунцель! – быстро прибавляю я, предвосхищая замечания о Рапунцель и Златовласке (всегда одно из двух). – Шинейд Брук уже приехала?

– Еще нет, но у нее довольно плотное расписание. Она милая, – добавляет Эсми. – Очень милая. Так много делает для нашей больницы. Вы знаете, у нас ведь лечились трое ее детей. Она для всех здесь как своя.

– Она чудесно выглядит на экране, – вежливо поддерживаю беседу я.

– Ох, в жизни она еще красивее, – поспешно, даже слишком поспешно и с широчайшей улыбкой на лице добавляет Эсми, так что я задаюсь вопросом: действительно ли Шинейд Брук та еще сучка в реальной жизни. – Так, кажется, я все тщательно спланировала... – Эсми ведет меня по длинному больничному коридору. На стенах висят яркие рисунки детей, пахнет антисептиком, но даже это не может скрыть тошнотворного больничного запаха. – Итак, вот и комната отдыха... – Эсми хмурится и открывает передо мной дверь с табличкой «Посетители». – Можете оставить свои вещи здесь.

На самом деле у меня и вещей-то никаких нет. Но чтобы Эсми почувствовала, что все идет по ее плану, я снимаю пиджак и вешаю его на спинку стула. Так и вижу по ее лицу, что она мысленно ставит галочку в воображаемом списке напротив графы «оставить вещи в комнате отдыха», и лицо ее разглаживается. Бедняжка Эсми. Я сама занималась организацией мероприятий. Я знаю, что это такое.

– Отлично! – кивает она и вновь тащит меня куда-то по коридору. – Сюда, пожалуйста... вот мы и на месте! – Мы останавливаемся в круговом коридорчике с видом на новые двойные двери. Рядом стоит небольшая кафедра с микрофоном, а над дверьми растянулся огромный баннер «Кабинет имени Маркуса Лоу» (шрифт *Helvetica*, синие буквы, как и во всех больницах). Смотрю на это, и к горлу подступает ком.

Я думала, что полностью готова к сегодняшнему дню. Думала, что надела мысленные доспехи самообладания. Но, боже мой, я была не готова даже к тому, что увижу имя моего отца, сияющее ярко-синим на больничном плакате.

– Ваш отец заслужил это, – вежливо замечает Эсми, я же просто киваю. Не могу говорить.

Я обещала себе, что не заплачу, ни за что не заплачу. Но как можно не плакать, когда твой отец собирал огромные суммы, чтобы спасти чьи-то жизни, но погиб сам? Резкий антисептический больничный запах повсюду напоминает мне о той последней, страшной ночи, через три

дня после аварии, когда я поняла, что слово «необратимо» и вправду означает нечто необратимое.

Нет. Я не могу думать об этом. Не сейчас.

– Милая, ты ведь не собираешься произносить речь в кофте без рукавов? – слышу я мамин голос, и комок в горле постепенно рассасывается. Мама, как всегда, оказывается в нужном месте в нужное время.

Она шагает по коридору к нам в компании мужчины в костюме и с прилизанными волосами. Я его знаю, это Седрик, и он отвечает за сбор средств для Нью-Лондон-Хоспитал. Он, по-видимому, начальник Эсми. И он же, по-видимому, несколько раз пытался пригласить мою маму выпить с ним кофе.

– Нет, нет, – немного обиженно отрываюсь я. – Я просто сняла пиджак на пару минут.

А если бы и пошла произносить речь в кофте без рукавов, что с того? Так и подмывает добавить: «Ты так и будешь попрекать меня моей фигурой? Хочешь, чтобы девочки услышали тебя и приобрели кучу комплексов?» (Время и место, ага.)

– Твои волосы хорошо выглядят, – одобрительно кивает мама, и я невольно накручиваю на палец одну прядку.

– Спасибо. Ты тоже прекрасно выглядишь, – говорю я в ответ и не вру. Мама сегодня в лиловых туфлях, которые так нравились папе. Сама я в бледно-голубом костюме (папин любимый цвет!). – У тебя все хорошо? – вполголоса добавляю я, наклонившись к ней. Сегодня такой важный день, а я чувствую, будто готова развалиться по кусочкам, не соберешь. Как мама справляется с этим?

Она кивает и лучезарно улыбается:

– Все отлично, милая. Я в порядке. В абсолютном порядке. Хотя с нетерпением жду, когда подадут шампанское.

– Кафедра подходит? – Эсми бросает на меня обеспокоенный взгляд.

– Идеальная кафедра, – широко улыбаюсь я, чтобы хоть как-то подбодрить ее. – Все просто чудесно.

Поднимаюсь на кафедру, включаю микрофон и произношу: «Раз. Раз-два. Проверка»; мой голос отдается в колонках.

– Прекрасно. – Эсми сверяется со списком в руках. – Вы произнесете свою речь, затем Шинейд выйдет вперед и откроет мемориальную доску. – Она указывает на пару маленьких красных бархатных штор, расположенных на стене сбоку от двойных дверей. Вниз свисают две тяжелые кисти на витых шнурах, к одной из них привязана еле заметная розовая ленточка.

– А для чего ленточка? – в порыве любопытства (или это все от волнения?) спрашиваю я.

– Чтобы Шинейд знала, за какую кисточку тянуть, – объясняет Эсми. – Здесь довольно запутанная система. Раз Шинейд еще не приехала, почему бы вам не потянуть и не проверить, что все работает так, как нужно? На всякий случай.

– Конечно, – приближаюсь к шторам и оглядываюсь на Седрика, чтобы убедиться, что он слушает, и слушает внимательно. – Но сначала я хочу поблагодарить тебя, Эсми. За то, что организовала это мероприятие. За то, что обращала внимание на каждую мелочь. Я понимаю, как это порой бывает сложно.

– Что вы, – залилась краской Эсми. – Мне кажется, что я все тщательно спланировала. Может, еще раз пробежимся по списку и...

– Не волнуйся. У тебя все готово. Так, ладно, притворимся, что я Шинейд. – Тяну за кисточку. – На этом объявляю рентген-кабинет имени Маркуса Лоу в Нью-Лондон-Хоспитал официально открытым!

Тяну за кисточку с ленточкой, бархатные шторы плавно расступаются, открывая нашим взорам... *ничего*. Голую стену. Что?! Как такое может быть?!

Смотрю на Эми, та словно примерзла к месту, ее вытаращенные глаза размером с мячики для пинг-понга. Двигаю шторы в сторону, на случай если мемориальная табличка где-то скрывается. Но там ничего.

– Милая, знаешь ли, Шинейд Брук будет весьма непросто «сорвать ткань» с несуществующей мемориальной доски, – пропевает мама тонюсеньким слащавым голосом, не лишенным язвительности. (Не дай вам бог когда-нибудь его услышать!)

– Эми! – взрывается Седрик. – Где мемориальная доска?

– Я не знаю, – испуганно шепчет Эми, все еще глаза на голую стену, будто это мираж. – Она должна была быть там... Команда рабочих должна была установить ее. – Лихорадочно принимается тыкать пальцем в экран телефона: – Трев? Это Эми. Алло? Ты меня слышишь? Трев, где мемориальная доска? Ну, табличка! Для нового рентген-кабинета. Она должна была быть здесь еще с утра. Сегодня же церемония открытия. – Ее голос сорвался до визга. – Да! Да, конечно, ты об этом знал! – Она слушает чье-то бормотание в трубке и постепенно успокаивается, затем выключает телефон и поворачивается к нам. – Они ищут доску.

– *Что значит «ищут доску»?!* – кричит, нет, почти лает Седрик. – Во сколько начинается церемония?

– Через двадцать минут, – слатывает Эми. – Ее лицо аж позеленело, а на лбу выступили бисеринки холодного пота. Мне ее даже немного жаль. Но с другой стороны, алло? Неужели никто не удосужился проверить, на месте ли табличка?

– А что, если они ее не найдут? – орет Седрик. – Эми, – дергает за кисточку, – она – не девочка из подворотни, а Шинейд Брук. Шинейд Брук! Ты понимаешь это или нет?!

– Эм... да... но мы могли бы... – Эми от страха начала заикаться. – Может, мы можем чем-нибудь ее заменить? Временно.

– Временно? – Седрик нависает над Эми подобно огромной пасти бульдозера. – Чем, интересно? Маркером на картонке написать?!

– Сильви! – слышу я голос Дэна. Оборачиваюсь, он шагает к нам, с ним рядом Тесса, Анна и его родители. Я обнимаю его маму с папой, клую их в морщинистые щеки, обмениваясь восторженно-дежурными фразами вроде: «Как же мы долго не виделись! Прекрасно выглядите!» Мать Дэна, судя по всему, специально для этого случая сходила в парикмахерскую – ее каштановые волосы заботливо уложены, блестят здоровьем и красотой. Между тем отец Дэна окидывает помещение тем оценивающим взглядом, который только может быть у бухгалтера на пенсии. Внимательно осматривает баннер с папиным именем, кафедру, бархатные шторы, а затем переводит взгляд на рассерженного Седрика и съезжившуюся Эми.

– Что-то случилось? – кряхтит он наконец.

– Ничего страшного, небольшие задержки, – говорю я. – Давайте не будем им мешать. – Пока провожаю всех в комнату отдыха, вспоминаю, что Невилл и Сью женаты тридцать восемь лет. Хотя Дэн и говорил, что «его родители – не слишком удачный пример», они все равно прошли через опасный перевал, перепутье, когда весь брак мог провалиться в тартарары. Они выдержали. Они вместе. Должно быть, они делают что-то правильно. И мы с Дэном можем научиться у них.

Черта с два. Я забыла. Я всегда забываю. Родители Дэна. Напряжение между ними. Кажется, будто над ними невидимым грузом висит огромная наковальня на тоненькой веревочке. И если кто-то из них скажет или сделает что-то не так, эта ниточка оборвется и наковальня рухнет вниз, проломив и без того гнилые доски их брака. Нет, конечно, они улыбаются друг другу, шутят и смеются. Но все так натянуто, неестественно. Скалят зубы всем, а сами бросают друг на друга злобные, колющие взгляды. Кошмар, невозможно находиться рядом с ними. Они рассказывают о своей недавней поездке в Швейцарию. Вроде бы безобидная, безопасная тема, но не тут-то было.

– Мы уже добрались до Лозанны, – сообщает Невилл Тессе таким тоном, будто она первая заговорила про Лозанну (не уверена, что она в курсе, где это и что это), – и начали подниматься в гору. Но тут бабушка Сью внезапно передумала. Досадно, не правда ли? Дедуле пришлось взбираться на гору одному.

– Бабушка Сью вовсе не «внезапно передумала», – отрезает Сью. – Дедушка, как всегда, все плохо помнит. Бабушка Сью вообще не должна была подниматься в гору. У бабушки Сью больная нога, о которой дедушка Невилл как будто забыл, – объясняет она Анне и выдавливает вымученную улыбку. – Бедная бабуля!

Девочки молчат, явно обескураженные «двойной игрой» бабули и дедули. Наши девочки прекрасно различают враждебные нотки в голосе, даже если и не знают, что такое Лозанна. Да и Дэн уже выглядит подавленным, хотя можно подумать, что он должен был привыкнуть к такому. Но он весь сгорбился и смотрит на меня с затравленным выражением лица, будто я могу его спасти.

И я спасу.

– Что ж, – громко вставляю я. – Думаю, нам уже пора вернуться к остальным. Церемония вот-вот должна начаться. Девочки, доедайте свои печенья.

Мама уже покинула нас: съела пару виноградинок и сказала, что ей нужно в дамскую комнату. А правда в том, что она не хочет общаться с Невиллом и Сью. Она не понимает их проблем, они не понимают ее. Один раз, когда Сью приехала из самого Лестера на одну из маминих ювелирных вечеринок, они едва не разругались из-за цен на колье.

К сожалению, это была та самая вечеринка, на которую я не смогла приехать. Меня не было там, чтобы все уладить. Но уверена, что во всем виновата мама. Сью замужем за бухгалтером, ее не проведешь в том, что касается цен. А мама просто подумала: «Двадцать фунтов за штуку, ну и что?» Или вообще не смотрела на цены. Она была не в том состоянии: сколько бы она себе ни врал, тогда она еще была поглощена скорбью.

– Чудесный наряд, Сильви, – говорит Сью, когда я надеваю свой бледно-голубой пиджак. И твои волосы... – Она восхищенно качает головой. – Твой отец бы тобой гордился. Я знаю, как ему нравились твои волосы. «Твоя красота», повторял он.

Дело в том, что Сью довольно приятная и милая собеседница, когда не разговаривает со своим супругом. Невилл тоже отдельно от нее очень мил.

– Спасибо, Сью, – благодарно отвечаю я. – Ты тоже выглядишь великолепно, – поглаживаю ее кремовую шелковую рубашку. – Очень красивая рубашка.

– Ты хорошо выглядишь, мам, – присоединяется Дэн, и лицо Сью розовеет от удовольствия.

– Да, хорошо выглядишь, – эхом вторит Невилл, даже не глядя на Сью. – Ну что, пора в бой. – Он встает со своего стула.

Он никогда не смотрит на нее, вдруг понимаю я. Невилл никогда не смотрит Сью в глаза, всегда сквозь нее, будто ее и вовсе нет. Эта мысль или теория, может, гипотеза ударяет как обухом по голове. Я никогда не видела, чтобы они смотрели друг на друга глаза в глаза. Не думаю, что когда-нибудь увижу. Разве не странно, что Невилл, человек, который привык пристально все изучать, который может даже на солнце пятна заметить, избегает смотреть на собственную жену. Странно? Или печально?

И тут меня поражает иная мысль: что, если однажды мы с Дэном станем такими? Будем молча полыхать гневом, когда вдруг потащимся в горную Швейцарию?

Нет. Ни за что. Я не позволю этому случиться.

Но разве не так думает каждая молодая пара? А потом – бабах! – они старые, сморщенные, озлобленные и не смотрят друг на друга! По словам Дэна, у Невилла и Сью были прекрасные отношения. Они шутили, вместе занимались бальными танцами и все такое.

Боже, как же нам предотвратить это? Что нам делать? Очевидно, «удивлять друг друга» – самое глупое, что я могла придумать. Это не ответ. Но в чем же тогда ответ?

Когда все спускаемся вниз к регистратуре, почти весь персонал больницы уже собрался, официанты раздают напитки. Мама разговаривает с дамой в темно-фиолетовом пиджаке и с тяжелой золотой цепью с гербом, что покоится на плечах. Должно быть, это супруга лорд-мэра. Над головами гостей раздается отвратительный звук, ибо парень в рабочем комбинезоне на стремянке беззастенчиво сверлит стену. Мемориальная доска прислонена к стене у его ног, но все вежливо игнорируют это и пытаются разговаривать сквозь шум. Эсми стоит у подножия лестницы и шипит (наверняка она громко кричит, но из-за шума кажется, что она едва говорит):

– Быстрее! Быстрее!

Я одариваю ее сочувствующей улыбкой. Беру со столика стакан воды, делаю глоток и разворачиваю речь. Я должна сосредоточиться. Сегодня день, когда я должна отдать дань памяти моему замечательному папочке, а не трястись как наседка над своим браком. Парень наконец кончил прикручивать табличку к стене, и, судя по возбужденным голосам в коридоре, прибыла Шинейд Брук. А значит, скоро мой выход.

Еще раз проглядываю свои слова, чтобы убедиться, что все хорошо (хотя понимаю, что речь не очень). В любом случае я бы никогда не смогла рассказать о том, каким был папочка, в шестиминутной речи. Так что там все довольно условно, полтора альбомных разворота. Лишь крошечная щелочка в двери, что открывает вам путь в жизнь выдающегося человека.

Должна ли я рассказать про его детство? Или упомянуть ту историю с лошадьми?

Слишком поздно. Передо мной вырастает женщина в ярко-красном платье, прежде знакомая мне только по телевизору, и протягивает мне руку.

– Сильви, позвольте представить вам Шинейд Брук, – равнодушным, безэмоциональным голосом протягивает Эсми.

Мы едва успеваем обменяться парой слов с Шинейд, как Седрик поднимается на кафедру и постукивает по микрофону ногтем.

– Дамы и господа, уважаемая супруга лорд-мэра, – начинает он, – добро пожаловать на это особое событие.

Вот черт, он стырил у меня вступление (единственную часть, в которой я была уверена).

– Многие из вас, что собрались здесь, знали Маркуса Лоу, – продолжает он более печальным тоном. – Некоторым, к огромному прискорбию, так и не удалось познакомиться с ним. Но все мы в Нью-Лондон-Хоспитал знали Маркуса как человека ответственного и обязательного, мудрого и целеустремленного, для которого не существовало слова «нет». – В его глазах блестят веселые искорки, а некоторые гости смеются, будто припоминают что-то, связанное с моим отцом. – Он не переставал вдохновлять людей, своей верой и упорством привлекал к себе людей, а к нашей больнице – спонсоров и покровителей. Этому современному рентген-кабинету не быть в нашей больнице, если бы не Маркус. А сейчас я попрошу выйти сюда его дочь, Сильви Уинтер, которая скажет несколько слов.

Поднимаюсь на кафедру, смотрю на лица собравшихся – кого-то я знаю, но большинство мне незнакомо – и делаю глубокий вдох.

– Всем здравствуйте, – безыскусно начинаю я. – Спасибо, что пришли сегодня отпраздновать открытие замечательного рентген-кабинета и вспомнить моего отца, который не просто мечтал об этом, но сделал для этой мечты все, что смог. Те из вас, кто знал моего отца, согласятся, что он был выдающимся человеком. У него была харизма Роберта Редфорта... энергия Эррола Флинна³⁵... упорство Колумба... или я имела в виду Коломбо³⁶... Обоих.

³⁵ Голливудский актер австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов. Прославился в амплу отважных героев и благородных разбойников.

Даже еще не закончив, я понимаю, что речь моя – полная лажа.

Нет, я слишком строга к себе. Лажа не полная, но и не то, чего я ожидала. Люди кивали, улыбались, некоторые даже рассмеялись, но я не сумела зажечь их сердца. Папа бы смог. Не думаю, что из моей речи они поняли, каким на самом деле был папа. Ох, внезапно мечтаю о том, чтобы вернуться на неделю назад, переписать свои слова. Думать, вспоминать, пока не доберусь до реальной сути. Пока не смогу выразить в словах всю силу, свет, мир и любовь... Все, чем был мой отец. А потом я бы пригласила их всех и поведала бы им об этом.

Но все аплодируют и одобрительно кивают, мама смотрит в сторону и моргает часто-часто. Никому ведь здесь нет дела до того, каким был мой отец... Они просто хотят выпить шампанского и начать поскорее использовать рентген-кабинет, чтобы спасти жизни. Время идет своим ходом. Планета продолжает кружиться. Как будто мне не говорили об этом пятьдесят шесть тысяч раз.

Так, мне срочно нужно выпить. Как только Шинейд явит всем табличку во всей красе, я начну охоту на шампанское.

Мое место за кафедрой занимает уважаемая супруга лорда-мэра и объявляет Шинейд Брук, два раза неправильно произнеся ее имя. (Очевидно, она даже не представляет, кто такая Шинейд.) Шинейд своим голосом ведущей новостей произносит какую-то стандартную благодарственную речь моей семье от лица больницы и тянет за кисточку. Мемориальная доска теперь на месте, ура-ура! Снова аплодисменты, вспышки фотокамер. Появляются официанты с шампанским, и все гости расходятся по небольшим группкам.

Детей развлекают медсестры и медбратья, надувая одноразовые резиновые перчатки словно воздушные шарики. Седрик рассказывает мне о новой кампании по возведению детского крыла в больнице. Звучит и вправду интересно, не только потому, что я уже прикончила три бокала шампанского. Все равно Дэн за рулем. Он обещал.

И кстати, где сам Дэн?

Оглядываюсь по сторонам и замечаю его с моей мамой в дальнем конце коридора. Тут же напрягаюсь. Почему они одни, так далеко от всех? О чем они разговаривают?

Будет невежливо покинуть Седрика, тем более что мне и вправду интересно то, что он рассказывает о новых моделях детских больничных кроваток. Когда мы приближаемся к столу с закусками, Седрик внезапно останавливает свой поток статистики, все его внимание теперь занимают канапе. Я медленно двигаюсь в сторону Дэна и мамы, в надежде услышать, о чем они шепчутся.

– ...ты уверен, что мы правильно поступаем? – Ее голос хоть и звучит резко, но тревожно.

– ...такова жизнь... – К сожалению, не могу разобрать конец фразы Дэна, но звучит он тоже напряженно, обеспокоенно.

«Действительно не понимаю, почему...», «...нужно обсудить это...», «...так, что именно...» – вот и все, что я смогла разобрать.

Их разговор, кажется, сходит на нет, но я вовремя поворачиваюсь, чтобы увидеть, как Дэн одними губами шепчет: «Миллион фунтов, может, два...»

В горле встает ком, я давлюсь шампанским. «Миллион фунтов, может, два...» Что все это значит?

– Сильви, у тебя все хорошо? – приближается ко мне Седрик.

– Отлично, – поворачиваюсь я к нему. – Просто шампанское попало не в то горло. Пожалуйста, продолжайте. Что там с теми детскими кроватками?

Я улыбаюсь Седрику, но у меня кружится голова, все плывет перед глазами.

³⁶ Лейтенант Коломбо – детектив лос-анджелесской полиции по делам убийств из американского детективного сериала 1971–1978 годов «Меня зовут Коломбо» (в роли Коломбо Питер Фальк).

Дэн одалживает деньги? Дэн берет деньги у моей матери, не сказав мне ни слова? Миллион фунтов, может, два?

Я вовсе не подозрительная жена. Совсем не подозрительная. И вообще, всему есть объяснение. Может, Дэн просто выиграл в лотерею. Но нет. Мама с Дэном выглядят совсем не так, как люди, на которых свалилось внезапное денежное счастье. Даже совсем наоборот.

Наконец Седрик заканчивает свою речь, протягивает мне свою визитку и исчезает. Проверяю, где девочки (беззаботно играют с Эсми), и направляюсь к Дэну. Сейчас он стоит один, весь сгорбленный и несчастный, и угрюмо пялится в свой телефон.

– Привет, – здороваюсь я, стараясь говорить беспечным тоном, – я заметила, ты разговаривал с моей мамой.

Дэн поднимает на меня глаза, и на мгновение, всего на мгновение, в них мелькает неподдельный ужас. Но вот он моргает, и все снова в порядке. Может, мне показалось?

– Да, разговаривал, – все с тем же хмурым видом отвечает он.

Что ж, попробую еще раз.

– Приятно видеть, что вы ладите.

– Да, правда. Слушай, Сильви, мне нужно сделать пару звонков по работе. Отличная речь, кстати, – бросает он мне через плечо, когда уже успел отойти на достаточное расстояние.

Какое-то время я просто смотрю, как он удаляется вниз по коридору, стараясь дышать ровно, в то время как голос в моей голове раздражается гневной тирадой в стиле рыбацкой жинки, как в старой шотландской сказке. Он не смотрел мне в глаза. Он свалил, едва я начала разговор. Он почти ничего и не сказал о моей речи, которая была для меня так важна. Он все время «волновал лоб» и «пружинился», когда я выступала. (Я видела.) И хлопал не очень охотно, когда я закончила. (Это я тоже видела.)

Наконец я заставляю себя повернуться и возвращаюсь к столику с закусками, где уже пошли в оборот запасные бутылки шампанского. Наливаю себе и направляюсь туда, где три аляповато-бордовых поролоновых кресла сдвинули во что-то наподобие дивана. Там уже сидит раскрасневшаяся Сью (на ногах у нее лодочки на каблуках, наверняка довольно неудобные). Думаю, она не прочь выпить еще бокальчик.

– Привет, – плюхаюсь я на кресло рядом с ней. – Как дела, Сью?

– Ох, Сильви, – поднимает она на меня свои слегка покрасневшие глаза. – Какая чудесная речь. Я едва не разревелась.

– Спасибо, – выдыхаю я, весьма тронутая.

– Должно быть, это очень тяжело для тебя, – ласково треплет меня по колену. – Но Дэн говорит, что ты прекрасно со всем справляешься.

Дэн так сказал? Часто моргаю, чтобы ни в коем случае не выдать моего удивления. Моя злость на него постепенно уходит. А я-то думала, что Дэн считает меня полуразвалившейся под грузом скорби соломенной крышей. Так, вот теперь я хочу знать больше. Так и подмывает спросить Сью: «А что еще Дэн обо мне говорил?» Или: «А ты знаешь что-нибудь про миллион фунтов?» Но это может привести к не совсем хорошим последствиям. Вместо этого я наполняю ее бокал шампанским, откидываюсь на спинку кресла и выдыхаю:

– Да, это тяжело. Очень тяжело.

Делаю еще глоток шампанского и чувствую, что голоса в моей голове – от вкрадчивого шепота до разъяренного крика рыбацкой жинки – постепенно умолкают. Или я просто начинаю пьянеть. Поглядываю на Сью, она с довольной улыбкой потягивает свое шампанское. Интересно, подходящий ли сейчас момент для разговора по душам?

– Дело в том, что... – медленно начинаю я, но затем умолкаю. Так много вопросов роится у меня в голове, так много хочется спросить у Сью. Ок, придется выбрать что-то одно. – Сью, как сохранять семейный союз на целую вечность? – произношу я более жалобно, чем хотела.

– Вечность? – смеется Сью.

– Ну, на долгое время. На шестьдесят восемь лет, – уточняю я. Сью в недоумении смотрит на меня, но я продолжаю: – Мы с Дэном смотрим в будущее, и мы думаем... мы волнуемся, понимаешь? – Неопределенно взмахиваю рукой с бокалом и проливаю на пол немного шампанского. – Как нам продержаться? Как не сорваться? И мы смотрим на вас, живущих в браке столько лет, и мы думаем... – Неловко замолкаю. (Очевидно, я не могу сказать, что мы на самом деле думаем, а именно: о боже, как вы только выносите друг друга?)

Но больше не нужно ничего говорить. Сью внезапно выпрямилась, лицо ее внимательное, настороженное. Наконец, спустя столько лет, мне так нужен ее опыт, то тайное знание, которым она владеет.

– Это все из-за выхода на пенсию, – говорит она и залпом допивает свое шампанское. – Все из-за выхода на пенсию.

– Угу, – неуверенно протягиваю я. Чего угодно ожидала, но только не этого. – Но что именно ты делаешь...

– Когда Дэн выйдет на пенсию, – она пристально смотрит на меня, – не позволяй ему надолго оставаться дома. Не впускай его.

– Что? – боюсь, я разинула рот от удивления.

– Хобби. Интересы. Мужчинам нужны интересы. Пускай путешествует. Браком можно управлять, пока он уезжает куда-то. Путешествуйте отдельно! – строго добавляет она. – Езжай в отпуск с подружками, с кем угодно, только не с ним. У него выходные в Дублине, у тебя неделя в Шотландии.

– Но...

– Гольф! – отрезает она. – Невилл никогда бы не занялся гольфом. Почему нет? Вот что я хочу знать. Что не так с гольфом?

Кажется, будто она уже не со мной. Ее глаза блуждают по стенам, она шевелит губами, будто мысленно спорит с кем-то по поводу гольфа. Затем она вновь пристально смотрит на меня:

– Главное, не позволяй ему оставаться дома и спрашивать тебя каждые полчаса, что будет на обед. Вот с этого и начинаются проблемы. Все мои подруги согласны. Это губит брак! Губит брак!

Я совершенно ошарашена. Я даже и не думала о том, что будет, когда мы выйдем на пенсию. Но почему я не должна держать Дэна дома? Наоборот, я хочу, чтобы он был рядом.

– Но я хочу, чтобы Дэн больше времени проводил со мной, дома, когда он выйдет на пенсию, – решаюсь высказать то, что думаю. – Конечно, до этого еще далеко...

Сью с минуту изучает меня неподвижным взглядом, а затем разражается смехом (пьяным или нет?):

– Сильви, я все время забываю, как ты еще молода. – Она вновь треплет меня по колену. – Но когда придет время, мой совет тебе еще пригодится. Это единственный способ все сохранить.

Она расслабляется и подливает себе еще из бутылки, которую я принесла. Я наблюдаю, как она с явным удовольствием пьет большими глотками. Это моя свекровь. От меня просто требуется кивнуть, просто сказать: «Ты права, Сью», или сменить тему на более нейтральную. Это было бы вежливо. Это было бы легко.

Но я не могу. Я просто не могу поверить, что для долгого брака нужно именно это (ну или для длинной-преддлинной пенсии, о чем бы Сью ни говорила). Не поймите меня превратно: я вовсе не против выбирать время от времени в Дублин с Тильдой и другими своими подружками (отличная идея!). Но не пускать Дэна в дом или бросать на него косые взгляды, если он спросит, что на обед? Серьезно? Во-первых, я сама с большей вероятностью спрошу у него, что на обед. Дэн превосходный кулинар. Во-вторых, мы, вероятно, сами сделаем себе по сэнд-

вичу, кто какой захочет. И в-третьих, зачем мне желать, чтобы мой супруг занялся гольфом или каким-нибудь другим спортом, который ему не нравится?

– Но разве при этом не потеряется близость, если выстраивать такие стены? – размышляю я вслух. – Разве такое отношение не вбивает клинья между вами?

– Клинья? Что еще за клинья? – подозрительно переспрашивает Сью, хлопая глазами, как будто она проспала часть беседы и не заметила, что я начала обсуждать строительство домов.

– Ну, знаешь, это все равно что палки в колесах брака, – пытаюсь объяснить я свою метафору. – То, что останавливает вас. Мешает вам быть равными партнерами. Мешает отношениям.

– А что такое партнерство? Что такое отношения? Что такое брак? – Голос Сью внезапно звучит резко, почти враждебно. – Кого ни спрашивай, все дадут тебе сотню разных ответов.

Она делает еще глоток шампанского; какое-то время мы молчим. Пытаюсь как-то переварить то, что она мне только что сказала. Закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла, отпуская свое сознание в полет. Только так, без тревожных и болезненных мозговых штурмов, я смогу понять, что я на самом деле об этом думаю.

Я могу сказать, что я думаю о семейке Кардашьян в мгновение ока. Но ответить на вопрос, что такое отношения, что такое брак? Боюсь, я никогда по-настоящему не задумывалась об этом. Или, может быть, не понимала, что об этом нужно задуматься, и задуматься серьезно.

– Я думаю, отношения подобны двум историям, – наконец говорю я, с трудом нащупывая верный путь сквозь колючий терновник в лабиринте моих мыслей. – Как... две открытые книги, две повести, слившиеся в одну, чтобы составить единое эпическое повествование. Но если истории перестают соприкасаться... – я поднимаю вверх бокал для пущей убедительности, – тогда они вновь распадаются на две повести. – Хлопаю в ладоши, разливая шампанское. – Конец. Книги захлопнуты.

Воцаряется тишина, долгая, гнетущая. И мне интересно, я что, настолько пьяна, что начала нести сущую околесицу? Но когда я поворачиваюсь к Сью, то в ужасе вижу, что по лицу ее ручьем текут слезы. Вот черт! Только что же все было нормально. Что я такого лягнула?!

– Боже мой! – восклицаю я. – Сью, прости меня, пожалуйста. Я совсем не думала о том, что говорю. Это все шампанское.

Но Сью просто качает головой. Она молниеносно вытаскивает носовой платок из своей кожаной сумочки (будто уже давно наловчилась это делать) и промокает слезы.

Какое-то время мы сидим молча, затем, повинуясь внезапному порыву, я приобнимаю Сью за плечи и прижимаю к себе.

– Давай как-нибудь пообедаем вместе, – говорю я. – На этой неделе.

– Давай, – хрипло отвечает Сью.

А церемония открытия, плавно перетекшая в пьяненький фуршет, и не думает кончаться. Больничный персонал продолжает высказывать из разных отделений, просто чтобы поздороваться со мной и мамой или рассказать о том, как они встретились с папой на каком-то мероприятии по сбору средств или еще где-то и каким он был очаровательным/приятным собеседником/, потрясающе играл в дартс. (Дартс? Я даже не знала, что он играл в дартс.)

Во время затишья я оказываюсь наедине с мамой. Лицо у мамы тоже порозовело, но виной тому шампанское или эмоции, я не могу сказать.

– Ты произнесла прекрасную речь, Сильви, – говорит она. – По-настоящему сильную.

– Спасибо, – закусываю губу. – Я бы хотела, чтобы папочка гордился мной.

– Ох, родная, он сейчас смотрит на тебя с небес. – Мама решительно кивает, будто хочет убедить в этом саму себя. – Это правда. Он смотрит с небес на свою красавицу дочь, он так ею гордится... – Она протягивает руку и гладит один из моих золотистых локонов, которые

уже порядком растрепались. – Он так любил твои волосы, – протягивает она, но взгляд ее уже блуждает по сторонам.

– Я знаю, – киваю я. – Знаю.

Какое-то время мы молчим, и голос в моей голове просит, умоляет меня оставить все как есть. Подарить нам с мамой это прекрасное мгновение единения и светлой грусти. Но тут же другой голос, вкрадчивый шепоток точит меня, призывает узнать больше. «Это твой шанс, – шепчет он, – единственный. Другого может не быть!»

– Ну... Я видела, как ты разговаривала с Дэном, – пытаюсь звучать непринужденно, как будто просто болтаю.

– О да, – она отводит от меня взгляд. – Бедняга Дэн. Он самый настоящий кремень. Пример для нас всех.

– А о чем вы разговаривали?

– О чем разговаривали? – мама начинает яростно моргать. – Я уже не помню, родная. О том о сем.

Глубокое разочарование пронизывает меня своими колючками. О том о сем? Серьезно? Что это вообще значит? Почему она не может поделиться со мной? Я же своими глазами видела, как Дэн сказал «миллион фунтов, может два», практически по его губам читала. В какой такой вселенной «миллион фунтов» равносителен «о том о сем»?

– Ничего важного, значит? – напрямую спрашиваю я. – Ничего, о чем мне следует знать?

Мама награждает меня одним из самых своих пронзительно-раздражающих взглядов. Я знаю, она что-то от меня скрывает. Нутром чую. Вот только что? О боже, неужели она погрязла в долгах? Простота этой идеи ударила в меня молнией. Она накупила столько всякой дребедени для кухни, которую никто не покупал, так что наверняка должна QVC³⁷ кучу денег.

Так, Сильви, остановись. Не сходи с ума. Но что же еще это может быть?

Азартные игры? И тут ко мне снисходит озарение. Ну конечно! Я помню, как мама яростно заморгала на кухне, когда я упомянула пьесу «Выбор дилера». Господи боже, не говори мне, что азартные игры стали для нее способом справиться со скорбью.

Нет-нет, как я могла о таком подумать? Азартные игры и мама – вещи абсолютно несовместимые. Даже в тот раз, когда мы ездили в Монте-Карло, казино маму совсем не интересовали. Она предпочитала потягивать коктейли и с любопытством рассматривать людей и их лодки.

Делаю глоток шампанского, пытаюсь собраться с мыслями. Не собираюсь же я давить на нее на приеме в честь ее погибшего мужа. Да и хватит мне мужества, чтобы наконец прямо спросить ее обо всем, расставить все точки над *i*?

Нет. Очевидно, не смогу.

– Это была прекрасная церемония, – говорю я, уходя в банальность. – Просто чудесная. Мама кивает.

– А в жизни Шинейд Брук выглядит гораздо старше, чем на экране, не находишь? Наверное, это все из-за специального грима.

И вот мы уже со вкусом сплетничаем о Шинейд Брук, как будто предыдущего разговора и не было вовсе. Вскоре за мамой приезжает такси, и она отбывает домой. Я ищу свою семью и застаю их всех, включая Дэна, за поглощением (по-другому это не назовешь) мини-эклеров. Оттаскиваю их от стола и узнаю, что у девочек появились новые драгоценные, заветные, закадычные друзья. Нет, вовсе не Эми, медсестры и медбратья, как вы могли подумать, а пара надувных одноразовых перчаток; они назвали их Перчик и Перчита. (Бог знает, что произойдет, когда перчатки лопнут в лучшем случае к вечеру. Ладно, будем решать проблемы по мере

³⁷ Находящаяся в собственности «Liberty Interactive» американская кабельная, спутниковая и телевизионная сеть вещания, а также транснациональная корпорация, являющаяся крупнейшим оператором телемагазина.

их появления.) Когда пришло время для прощаний и благодарностей, я поняла, насколько же меня тошнит от сегодняшнего события.

Наконец-то мы выбираемся на свежий воздух, подальше от нежилого, тяжелого больничного запаха. У меня голова идет кругом, в ушах стучит кровь, в думах – сумятица. Слишком много ярких огней и голосов для одного дня, слишком много лиц и воспоминаний, неоконченных разговоров по душам, тайн и секретов. Не говоря уже о миллионе фунтов, может, двух.

Долго стоим на пороге больницы, решаем, стоит ли заехать куда-нибудь еще на чашечку кофе, гуглим ближайшие кафешки в телефонах, пока Сью и Невилл внезапно не вспоминают, что хотели отправиться обратно в Лестер ранним поездом. Объятия, поцелуи, традиционные обещания скоро встретиться снова отнимают целую вечность.

Когда мы наконец погружаемся в машину, я чувствую себя совершенно опустошенной, как будто из меня выкачали все, что только можно было выкачать. Но одна только мысль о разговоре Дэна с мамой бьет меня, словно током. Я хотела остаться с Дэном наедине. Мне нужно докопаться до дна этой истории. Мне нужно во всем разобраться.

– А ты довольно долго сегодня разговаривал с моей мамой, – осторожно начинаю я, когда мы останавливаемся на красный свет. – И мне показалось, что я слышала, как ты сказал... «деньги»?

– Деньги? – Дэн бросает на меня молниеносный, но непроницаемый взгляд. – Ты, наверное, ослышалась. Я такого не говорил.

– То есть вы вообще не говорили о деньгах?

– Вообще не говорили.

– Понятно, – после долгой паузы отзывается я. – Должно быть, я и вправду ошиблась.

Смотрю на ветровое стекло, а в животе теснятся огромные махаоны со стальными крыльями. Он лжет мне. Я чувствую, что Дэн врет мне, и врет намеренно. Что же мне делать? Уличить его? Сказать, что я слышала о «миллионе фунтов, может, двух», и посмотреть, что он ответит?

Нет. Просто... нет.

Если уж он начал лгать, он солжет и о миллионе фунтов. Скажет, я неправильно прочла по его губам. Или промочит что-то типа: «А-а, так мы говорили о местном совете». Отыщет какое-нибудь объяснение. И будет осторожничать каждый раз в разговоре со мной, боясь что-то выдать. Я же отчаюсь еще сильнее, чем раньше. Всеми силами подавляю в себе желание зарыдать: «Дэн, умоляю, скажи мне правду. Скажи, что происходит!» Но тут Дэн ерзает на своем кресле, откашливается и начинает сам:

– Кстати, некоторые мои старые друзья захотели встретиться со мной и немного покутить, вспомнить старые деньки. Я записал тебя на пилатес, чтобы тебе не было с нами скучно.

Он выдает короткий нервный смешок, как будто он сказал мне не всю правду, и я смотрю на него с еще большим беспокойством. Миллион фунтов (может два) быстро отходит на второй план. Теперь меня больше беспокоят эти старые друзья. Что еще за старые друзья?

– Не волнуйся! – пытаюсь говорить непринужденно. – Я отменю пилатес. Я бы с удовольствием познакомилась с твоими старыми друзьями! Что это за друзья?

– О, просто... друзья, – неопределенно отвечает Дэн. – Из прошлого. Ты их не знаешь.

– Кого-нибудь из них я знаю?

– Думаю, нет.

– Как их зовут?

– Как я и сказал, ты их не знаешь. – Дэн хмурится в зеркало заднего вида, когда перестраивается на другую полосу. – Адриан, Джереми... Целая компания. Добровольцы из садов апостола Филиппа.

– Ну, понятно! – скалю зубы. – Сады апостола Филиппа! Просто блестящая идея собраться вместе столько времени спустя! – Жду пять минут, прежде чем пропеть моим самым слащавым голосом: – А как же Мэри? Ее ты тоже пригласил?

– Да, конечно, – выдыхает Дэн, внимание его полностью поглощено дорогой.

– Ну конечно! – Мой голос становится липче и слаще меда. – Конечно, ты пригласил Мэри. Как же можно было про нее забыть?

Адские котлы! Он пригласил *ее*.

11

Вот что такое *настоящая* семейная проблема. Я официально заявляю – у нас проблемы! А на самом деле я напугана до чертиков, совершенно не представляю, что мне делать. Такого я не ожидала.

Кажется, будто за все время нашего брака все беспокойства и тревоги были лишь игральными кубиками, которые мы случайно подбрасывали в воздух и смотрели, что выпадет. Детские игрушки. Мини-тревоги, мини-волнения. Я вздыхала, закатывала глаза и восклицала: «Я так напряжена!», хотя даже не представляла, что такое настоящий стресс.

Но теперь надо мной нависла настоящая, пугающая, неподдельная тревога, огромная, как тень горы Эверест. Прошло десять дней с разговора в машине после церемонии в Нью-Лондон-Хоспитал. Легче не стало. И я не могу вздохнуть, закатить глаза и воскликнуть: «Я так напряжена!», потому что это все показное. Когда тебя находит настоящая беда, ты все время молчишь и грызешь ногти, забываешь причесаться и накраситься на работу. Ты часами смотришь на своего мужа, пытаешься угадать его мысли (только сейчас я поняла, что наша с Дэном «телепатия» была сплошной блажью). Ты гуглишь «*Мэри Холланд*» по сто раз в день. Затем ты гуглишь: «*Мой муж меня обманывает. Что это значит?*», потом «*Как часто мужья изменяют?*» и вздрагиваешь от каждого ответа, который находишь.

Господи, как я ненавижу интернет.

А особенно дурацкие фотки Мэри Холланд, которые всплывают каждый раз, когда я набираю ее имя в Гугле. У нее ангельские черты. Она красива, успешна, да вообще идеальна. Она управляет экологическим консультативным центром и даже записала для TED лекцию о выбросах. Она состоит в каком-то комитете палаты общин и трижды пробежала Лондонский марафон³⁸. На всех фотографиях, которые я смогла найти, она все время в чем-то, напоминающем экоодежду – натуральные ткани и этнические хлопчатобумажные рубахи. У нее бледная кожа и немного резкие, но эффектные черты лица, волнистые темные волосы (смотрю, она избавилась от кудряшек), которые нежно обрамляют ее лицо, как у дев на полотнах прерафаэлитов. Ну и пресловутые ямочки на щеках, когда она улыбается. Это, очевидно, ее отличительная черта. Как очевидно и то, что на ее левой руке нет обручального кольца.

Сначала я думала: нет, она совсем не в его вкусе. Ведь все остальные бывшие Дэна были похожи на меня: пухлолицые, с довольно незаурядной внешностью и, что характерно, блондинки. Но очевидно, она ему очень нравилась (или нравится до сих пор?). Я знала своего мужа гораздо хуже, чем предполагала. Он занимается садоводством. У него куча старых друзей, о которых я никогда не слышала. Ему нравятся темноволосые девушки в экоодежде. О чем я еще не знаю?

Дэн тем временем и не представляет, через что я прохожу. Он кажется запертым в своем маленьком пузыре, все время занятой, а иногда и раздражительный. Вчера вечером я решила, что должна хоть что-то сделать. За ужином я разложила на столе блокноты и ручки и с напускной веселостью предложила:

– Давай каждый выберет себе новое хобби на следующий год. А потом мы сравним и сопоставим!

Я думала, это будет забавно. Я подумала, что это вызовет беззаботные дискуссии или шуточные споры, или, по крайней мере, разрядит гнетущую атмосферу.

Но не сработало. Дэн только нахмурился и промычал:

– Боже, Сильви, ты это серьезно? Давай отложим на потом, я совершенно измотан.

³⁸ Марафон, проводящийся в Лондоне каждую весну с 1981 года. Соревнование является одним из престижнейших и самых массовых забегов в мире.

Затем он взял свою тарелку и ушел есть за компьютер, чего мы практически никогда не делаем, потому что всегда говорили, что пары, которые не едят вместе...

Уже неважно.

Я не так часто плачу. Во всяком случае, не из-за Дэна. Но пара слезинок все же скатилась по моему лицу, потому что прежде Дэн никогда не разговаривал со мной так резко, так нетерпеливо, так враждебно. А это совсем не похоже на моего мужа.

Сегодня пятница, мы завтракаем, и Дэн сообщает мне, что будет работать все выходные.

– Все выходные? – ошарашенно повторяю я, хотя и понимаю, что выгляжу как жалкая, капризная жена из мыльной оперы. А я клялась, что никогда не буду себя так вести.

– Большой проект, – отвечает он, одним глотком допивая свой кофе. – Мне нужно полностью сосредоточиться на нем.

– Это на станции Лаймхаус? – стараюсь звучать заинтересованно. – Я бы с удовольствием взглянула на чертежи.

– Нет, – сухо отвечает Дэн и надевает пиджак.

Нет?! Просто «нет»?! Даже не «прости, любимая, но я не могу тебе их показать»?

– И да, я сделал дополнительный заказ в супермаркете, – добавляет он. – Для моих вторичных посиделок с друзьями.

– Правда? – Честно говоря, он застал меня врасплох. – Что ж, очень предусмотрительно с твоей стороны.

– Заказ доставят в понедельник, – продолжает он, будто я ничего не сказала. – Я сделаю баранину по рецепту Йотама Оттоленги, ну знаешь, медленное жаркое со всякими специями.

Баранина по рецепту Йотама Оттоленги. Рецепт, который Дэн бережет для особых случаев, чтобы произвести впечатление. Я знаю, что Тильда бы сказала, что я «все близко принимаю к сердцу», но как тут не принимать. У него нет времени на то, чтобы провести время с семьей, но есть время, чтобы сделать заказ в *Ocado*³⁹, составить план «дружеских посиделок» и приготовить особое жаркое?

– Это будет здорово, – натягиваю на лицо милую улыбку. – Хотя, не слишком ли много усилий для друзей, которых ты не видел лет сто?

– Для меня это ничего не стоит. – Его глаза по-прежнему непроницаемы. – Увидимся.

Он целует меня в щеку и направляется к двери, как вдруг в прихожую вбегает Тесса.

– Папа, папочка! О чем ты мечтаешь? – верещит она, протягивая ему уже порядком измятый клочок бумаги. – Твои желания, папочка! Желания-желания-желания!

Боже, я совсем забыла. Девочкам в школе задали узнать у родных их мечты и желания. Анна вывела аккуратными печатными буквами: «Мая мама *мечтает* о...» Я помогла ей исправить ошибки и написать «о мире во всем мире», а вовсе не о том, чтобы «знать, что, черт возьми, происходит с моим мужем».

– О чем ты мечтаешь, Дэн? – эхом вторю я. – Мы все ждем, затаив дыхание.

И если он уловит в моем голосе вызов, да будет так. И примет это на свой счет. (Но давайте будем честны, ибо он не примет это на свой счет. Он никогда не улавливает вызов в голосе, редко понимает сарказм, косые взгляды или долгие паузы. Это все лишь для моей собственной выгоды.)

Он берет листок из рук Тессы и недоверчиво его изучает.

– Понятно. Я мечтаю о... – но тут его телефон начинает вибрировать в кармане, Дэн достает его, косится на экран, тут же выключает и убирает в карман. Обычно я бы спросила: «Что случилось?», но сегодня нет никакого смысла спрашивать. Тем более что он наверняка ответит: «Ничего».

³⁹ Крупнейший в мире продовольственный онлайн-супермаркет, доставляющий продукты более чем 600 тысячам покупателей в Великобритании.

– О чем ты мечтаешь, папочка? – не унимается Тесса, уже с карандашом наготове. – Мечтаешь-мечтаешь-мечтаешь!

– Я мечтаю... чтобы я мог... – Дэн говорит медленно, отстраненно, будто сейчас его разум сражается совсем с другим драконом.

– Как пишется «мог»? – спрашивает Тесса, и я объясняю, потому что Дэну, очевидно, не до этого. Яркий солнечный свет, пробивающийся через жалюзи, обнажает морщины в уголках глаз Дэна. Солнце уходит, и лицо Дэна омрачает внезапная тень.

– Мог что? Мог что? – вопрошает Тесса. Дэну бы лучше поскорее ответить, пока она не начала дырявить карандашом листок с домашним заданием.

– Сбежать, – произносит Дэн, да с таким рассеянным видом, будто не уверен, что произнес это вслух. Острые когти страха вонзаются в мой желудок. Сбежать?

– Сбежать? – хлопает глазками Тесса и улыбается, как будто папа пошутил. – Но, папочка, люди, которые хотят сбежать, сидят в тюрьме!

– Сбежать! – Дэн приходит в себя и видит, что я в ужасе уставилась на него. – Сбежать! – повторяет он более веселым тоном. – Сбежать в джунгли и увидеть львов! Все, а теперь мне и вправду пора бежать.

– Дурацкое желание! – жалуется Тесса, но Дэн уже захлопнул парадную дверь.

– Просто напиши «увидеть львов», – говорю я Тессе, стараясь сохранять спокойствие. Но мой голос дрожит. Все внутри меня дрожит. Он хочет сбежать? Спасибо, что хоть предупредил.

Сегодня моя очередь отвозить девочек в школу, но я так рассеянна, что мы дважды сворачиваем не туда.

– Мапочка, а мы разве туда едем? – спрашивает с заднего сиденья зоркая Тесса.

– В жизни надо пробовать разные другие вещи, – словно оправдываясь, отвечаю я. – Иначе жизнь становится скучной.

В ту же секунду, как слова слетают с моих губ, я осознаю их страшное значение. Может быть, Дэн тоже пробует «другие вещи»? Может, Мэри и есть «другая вещь»?

Я не знаю, что со мной случилось. Чувствую себя автоматом для игры в пинбол. Подозрения, опасения, тревоги и различные теории скачут внутри моего мозга подобно металлическим шарикам. Я доверяла Дэну. Я знала Дэна. Я могла сказать «мы» и не ошиблась бы. Мы и вправду были единым целым. Что случилось? Что изменилось?

Или я опять накручиваю себя? Изобретаю несуществующие проблемы? Идея настолько поражает меня, что я чувствую в себе силы, чтобы поднажать на педаль газа (мы наконец едем туда, куда нужно). Может быть, я, как Отелло, одержима платком. Дэн ни в чем не виноват, но моя иррациональная ревность станет неукротимой яростью и гневом, который я осознаю лишь тогда, когда убью Дэна. (Ну, или разведусь и заберу детей и дом, как вариант. В Уондсворте, где почти все знают друг друга в лицо, это равносильно убийству.)

В думах моих еще большая сумятица, чем когда-либо. Что бы посоветовала Тильда? Она сказала бы: «Сосредоточься на том, что тебе *точно* известно». Так, совет-то хороший. Начнем. Я знаю, что это я поощряла Дэна сделать что-нибудь смелое, рискованное. (И это было большой ошибкой. О чем я только думала?) Я знаю, что, по его словам, в нем «что-то пробудилось». Знаю, что он готовит для Мэри свою баранину для особых случаев. И что он очень даже определенно попросил меня не соваться домой в этот вечер. Я знаю, что он гуглил «мужа Мэри Холланд». Я сегодня я еще узнала, что он хочет сбежать.

Тянет на больше, чем «платок, расшитый алой земляникой»? Или нет? Или все-таки да?

Торможу на красный свет, кровь стучит в ушах, а в животе все скручивается узлом. Сжимаю руль так сильно, что костяшки пальцев белеют. Все мое тело подчинено моим мыслям, вот теперь я точно знаю, что такое «пружиниться».

Так, успокойся. Он не изменяет тебе. Пока. Он просто запутался. Он уязвим. Он чувствует, что его замуровали в доме. Возможно, он даже не осознает этого сам, но это так.

– Мама-а-а! Мамочка! Машины гудят!

Вот дерьмо. А ведь мне и вправду сигналият все, кому не лень. (И самое отвратительное, что заметила это Тесса, а не я.)

Торопливо двигаюсь дальше, потом начинаю искать парковочное место, все мысли о браке временно отступают на второй план. Чертов Лондон! Даже припарковаться невозможно. Невозможно вообще ничего сделать. Почему так много людей на дорогах? Что им всем здесь надо?

Наконец я нахожу свободное место (всего-то в трех кварталах от школы) и подгоняю девочек вперед, умудряясь при этом тащить их школьные рюкзаки, форму для физкультуры и магнитофон. Когда прохожу мимо игровой площадки, улыбаюсь и киваю другим мамашам, которых я знаю (как всегда, они собираются в группки по две-три, чтобы посплетничать). Мамы школьников обычно делятся на три основные группы. Мамы на работе, мамы-домоседки и мамы-фитоняшки, которые не носят ничего, кроме легинсов и кроссовок, а также таскают с собой детей на пилатес и в тренажерку.

«Как складываются их семейные жизни?» – думаю я, когда смотрю на их веселые, увлеченные беседой лица. Сколько из них скрывают тревоги и страхи под улыбками?

– О, Сильви! – окликает меня Дженни Моффат, глава родительского комитета, когда я прохожу мимо. – Ты не смогла бы приготовить киш⁴⁰ для пикника первоклашек?

– Конечно, – рассеянно отвечаю я, прежде чем понимаю, во что ввязалась. Ненавижу киш, редкая гадость. Дети-первоклашки все равно не будут его есть. Позже напишу ей на электронку и предложу суши. Я от этого только выиграю, никто не ожидает суши на детском пикнике.

Тесса и Анна уже добежали до дверей своего класса, который находится на первом этаже и выходит на игровую площадку. Иду к ним, вешаю их спортивную сумку на специальные крючки, помогаю им сложить книги и рюкзаки в персональные шкафчики, водружаю магнитофон на специально отведенное для него место.

– Ох, миссис Уинтер! – Из ниоткуда появляется миссис Пикфорд, классная девочек. Довольно приятная, добрая женщина, с седыми волосами, ниспадающими каскадом на слегка сутулые плечи, весь гардероб который состоит в основном из разноцветных кардиганов без застежек, поясов и пуговиц (она такие любит). – Девочки рассказали мне, что у них появилась новая подружка-змея! Это так интересно!

Ну почему пятилетние дети всегда рассказывают своим учительницам *все*?!

– Это правда, – натягиваю самую радостную улыбку. – Мы завели домашнюю змею.

– Может, они могли бы принести необычного питомца в школу, на мероприятие «Покажи и расскажи»? Уверена, многие дети захотели бы посмотреть на... нее, я правильно понимаю?

– Да, – отвечаю я после долгой паузы. – Вообще-то за ней больше ухаживает мой муж, чем девочки. Кормит ее и все такое.

– Ясно, – кивает миссис Пикфорд. – Ну, возможно, вы могли бы попросить его? – Она призадумалась. – Я имею в виду, так было бы безопаснее. Это ведь *не опасная* змея?

Так и подмывает ответить: «Нет, это десятифутовый боа конструктор, поэтому мы и держим его в доме».

– Конечно, она не опасная, – уверяю я.

– Видимо, для вас это был потрясающий сюрприз? – оживленно добавляет она. – Тесса сказала, что вы были в шоке! Не знаю, как бы отреагировала сама, если бы мой муж ни с того ни с сего притащил в дом змею, – и тихо смеется.

⁴⁰ Традиционный французский открытый пирог, так же известный как лотарингский пирог.

Обычно я не из тех, кто заводится на пустом месте. В глубине души я понимаю, что учительница просто пытается поддержать разговор, но столько всего изменилось за последние дни, я мгновенно вспыхиваю:

– У нас очень крепкий брак. Очень крепкий и очень счастливый. У нас прекрасные отношения, мы любим друг друга. И нас не заводят вещи вроде змей или...

Умолкаю, когда натыкаюсь на недоумевающий взгляд миссис Пикфорд. Боже, лучше бы я молчала.

– Понятно, – отвечает она нарочито веселым голосом. – Ну, дайте мне знать, если поделитесь с «Покажи и расскажи». Девочки, попрощайтесь с мамой.

Обнимаю девочек на прощание и выхожу из здания, меня переполняют горечь и обида, за что, я и сама до конца не понимаю. С улыбкой на лице прощаюсь с другими мамами и наверняка выгляжу такой же веселой и беззаботной, как они. А сама готова просто рассыпаться в прах. Мне нужно отвлечься. Мне просто нужно отвлечься.

Окей, Тоби умеет отвлечь, будь здоров. Когда я приезжаю на работу, он уже на месте, бродит по коридору, считает ступеньки на парадной лестнице, выглядит как слон в посудной лавке в своей мятой черной футболке среди живописных полотен и шелковых вееров, развешанных по стенам.

И все же спасибо, господи, что он здесь. Наша встреча в Уиллоуби-хаус уже два раза срывалась, пусть и по уважительным причинам.

– Привет, Тоби! – Пожимаю ему руку, и на мгновение, только на мгновение, нас обоих охватывает странная дрожь. Неудивительно, ведь последний раз, когда мы с ним виделись, я была обнажена до пояса. Судя по тому, как он нервно бегаем глазами по сторонам, Тоби об этом тоже вспомнил. Но не могу не отметить его мужество, когда в следующую секунду он собирается с силами, смотрит мне прямо в глаза и с улыбкой произносит:

– Привет, Сильви.

– Спасибо огромное, что пришел. Обычно я не пользуюсь лифтом, а поднимаюсь по лестнице, ты не против?

– Нет-нет, что ты. – Он следует за мной, перескакивая через две ступеньки зараз. – Это место... это место просто улет! А вон те блестящие доспехи вообще чума!

– Да, они великолепны, – киваю я. – Подожди, ты еще подвал не видел!

– Знаешь, я ведь не знал об этом месте, – жизнерадостно продолжает он. – Никогда о нем не слышал. Вероятно, проходил мимо миллион раз, но никогда не замечал. Мои друзья никогда не замечали. Я даже не знал, что оно существует. Когда ты написала: «Уиллоуби-хаус», я был типа такой: «А че это?»

Он специально говорит так громко? Слава богу, что этого не слышали ни миссис Кендрик, ни Роберт. А также слава богу, что мы уже заказали огромную вывеску с надписью «Музей Уиллоуби-хаус» для фасада. Это будет большая, сделанная со вкусом деревянная табличка, выкрашенная в серый цвет. Правда, ее заказу предшествовала целая неделя горячих споров с миссис Кендрик по поводу шрифта и стиля. Не представляю, как мы сможем прийти к согласию на предмет редизайна веб-сайта?

Так, не думай об этом. Все равно Тоби уже здесь, отступать поздно.

– Я уверена, мама должна была упоминать при тебе Уиллоуби-хаус, – вставляю я. Тильда посещала многие наши мероприятия, она верная подруга.

– Может, и упоминала, – соглашается он. – Но у меня почему-то вылетело из головы. Это место не очень знаменито, правда? Совсем не похоже на Музей Виктории и Альберта.

– Ты прав, – пытаюсь улыбнуться я. – В этом-то и заключается наша проблема. Проблема, которую, я надеюсь, ты сможешь нам разрешить.

Клариссы в офисе не предвидится до обеда, Роберт пока тоже не объявлялся, а значит, офис в нашем полном с Тоби распоряжении. Наше «обратитесь в письменной форме» на главной странице сайта приводит его в совершеннейший восторг.

– Прикольно. Мне нравится. Очень круто, – повторил он, наверное, раз пятьдесят, пока фоткал на телефон нашу домашнюю страницу, рассылал своим техnodружкам и зачитывал мне их мгновенно посыпавшиеся комментарии. Я разрывалась между чувством гордости, что у нас есть что-то уникальное, и стыдом за то, что группка ботанов смеется над нами.

– Что ж, как видишь, мы немного... старомодны, – пытаюсь я призвать Тоби к делу. – Так больше не может продолжаться. Что можешь посоветовать? С чего начать?

– Много чего можно сделать, – отвечает Тоби. Все еще посмеиваясь над каким-то комментарием у себя на телефоне. – Все зависит от того, что вы надеетесь получить в итоге. Базу данных, интернет-магазин, интерактивную онлайн-экскурсию?

– Я не знаю. Покажи мне! – прошу я с разгоревшимся любопытством.

– Я просмотрел несколько веб-сайтов других музеев, – говорит он, копаясь в своем ноутбуке. – Мирового масштаба. Есть довольно любопытные.

И он показывает мне веб-сайты, один за другим. Думала, это я хорошо подготовилась, даже не представляла, что пропустила столько интереснейших сайтов. Совершенно потрясающих. С движущимися 3D-моделями экспонатов, с картинками, которые оживают, стоит на них кликнуть, с интерактивными приложениями и видео на 360 градусов, даже есть аудиоэкскурсии, которые зачитывают различные знаменитости...

– Как я уже говорил, возможности практически безграничны, – заключает Тоби. – Зависит лишь от ваших предпочтений и приоритетов. Ну, и от бюджета, конечно, – добавляет он, как будто это что-то совершенно незначительное.

От бюджета?! С этого и следовало начинать.

– Ну-у... – пытаюсь оторвать взгляд от сайта одного американского музея с вращающимися 3D-моделями каждого экспоната. Все настолько реалистично, что тебе кажется, будто ты стоишь в самом музее. Только руку протяни («Экспонаты руками не трогать!»), и ухватишься за бесценный слепок навсегда ушедшего времени. Вот бы и у нас было так! – Что-то вроде этого... Сколько будет стоить?

– Я читал о такой технологии в одном журнале, – признался Тоби. – Стоит где-то полмиллиона. Не волнуйся, не фунтов, долларов, – поспешно добавляет он, завидев, как изменилось выражение моего лица.

Полмиллиона? Он это серьезно? Чувствую, что пол подо мной вот-вот обрушится. Уж не по-над обрывом ли я?

– Но это вот прям полный комплект. Ребрендинг и все такое, – объясняет он. – Я уже говорил, все зависит от того, чего вы сами хотите.

Я чувствую, будто меня предали. Я видела в интернете рекламные объявления о том, как легко и просто (и дешево!) создать собственный сайт.

– Я думала, в наши дни можно создать веб-сайт из ничего, просто поковырявшись полчаса в компьютере, даже не выходя из спальни, – говорю я почти обвиняющим тоном. – Думала, в этом весь смысл. Легко и просто. Может сделать любой.

– Ну, сайты-то создать можно, – серьезно кивает Тоби, – но они не будут функционировать так, как эти. Зато не надо тратить полмиллиона. – Он явно пытается меня подбодрить. – Вы могли бы потратить сто тысяч, пятьдесят тысяч, десять тысяч, одну тысячу... – Его взгляд снова возвращается на нашу домашнюю страницу. – Я имею в виду, это круто, очень круто. Гравюра – это так... провокационно.

Миссис Кендрик и провокации? Я бы посмеялась, если бы мои мысли не были заняты тем, где достать полмиллиона.

– Может, это и провокационно, – вздыхаю я, – но посетителей это к нам не приводит. И не приносит никаких денег.

– Тогда как же вы приглашаете к себе посетителей?

– По-разному. Небольшие объявления тут и там. Из уст в уста.

– Из уст в уста? – воодушевляется Тоби. – Трудоемкий процесс, да? Да вы, друзья мои, ищите священный Грааль.

– Но ведь это не священный Грааль? Это вполне реально? – киваю на американский веб-сайт. – Нам всего лишь нужно найти деньги на веб-сайт, который нам необходим для того, чтобы зарабатывать деньги.

– Вам нужна курица, несущая золотые яйца, – понимающе кивает Тоби. – Но тут перед вами встает дилемма: что же идет первым: курица или яйцо? Ты уже подумывала, на какой платформе хочешь все сделать?

В беспокойстве потираю глаза, чувствуя, что весь мой энтузиазм испаряется. Почему в жизни все намного сложнее, чем ты себе представляешь? Глазуровать торты, растить детей, сохранять браки, спасать музеи и создавать веб-сайты. Все так сложно. Единственное, что когда-либо оказалось проще, чем я ожидала, был экзамен по итальянскому языку в школе. (Ну еще и лазерная эпиляция ног. Сущий пустяк.)

– Думаю, сначала мне нужно обсудить с начальством бюджет, – отвечаю я наконец. – А потом мы уже сможем говорить о платформах и всем остальном.

Обсудить бюджет... Это такой эвфемизм. На самом деле нам придется скрести по сусекам, чтобы собрать хоть что-нибудь. Знать бы еще, по каким сусекам скрести.

Можно, конечно, попробовать продать некоторые экспонаты в другие музеи. Но согласится ли на это миссис Кендрик?

– Конечно, Сильви, как только будешь готова, – приятный голос Тоби обдает меня волной сочувствия. – У вас сейчас все непросто, не так ли? – добавляет он серьезно, будто знает, что такое находиться на грани.

Ну, конечно, он знает. Он ведь пытался запустить собственный технический проект. Он в курсе, сколько задержек, проблем и препятствий возникает на пути.

Улыбаюсь ему в ответ и захлопываю крышку его ноутбука:

– Да. Все непросто.

12

Все более чем непросто. И проще не становится.

На следующий вторник самым позитивным событием стала для меня пусть и не торжественная, но все же не лишенная помпы установка новой вывески на фасаде Уиллоуби-хаус. Она просто великолепна, гораздо лучше, чем мы ожидали. Добровольцы, да и мы с Клариссой, если честно, время от времени выбегали на улицу, чтобы на нее посмотреть; все еще не можем поверить, что она наша. Дамы-добровольцы уверены, что это первый шаг к привлечению новых посетителей. Даже Роберт остался под впечатлением.

Но стоит приехать домой, я обо всем забываю. Даже не знаю, кто из нас двоих сейчас больше напряжен: я или Дэн. Ходит везде взвинченный, раздражительный, «пружинится» по поводу и без повода. С ним стало просто невозможно жить. Каждый раз, когда у него звонит телефон, он так быстро хватается трубку и убегает, что я невольно вздрагиваю. Приходя домой, я дважды заставляла его в кухне за телефонными разговорами, которые он мгновенно прерывал, стоило мне оказаться в его поле зрения. А когда я спрашиваю: «Что такое?», он грубо выдает свое «ничего», как будто я влезаю в его личную жизнь. И приходит моя «слепая гроза», когда мне самой хочется стать молнией и конкретно шибануть Дэна.

Мне кажется, что я больше ничего не знаю. Я не знаю, о чем думает Дэн, я не знаю, чего он хочет, и я все еще не в курсе, что это за «миллион фунтов, может, два». Я совершенно не представляю, зачем ему и моей маме хранить что-то в тайне от меня. Если он собирался устроить сюрприз, то где же этот сюрприз?

Я думала, наш брак был подобен твердой горной породе. Единой, плотной, ну, может быть, с небольшой линией разлома. А что, если этих трещин и сколов было намного больше, а я этого просто не замечала? Далеко ли до того, как эти трещины образуют бездонную пропасть? Далеко ли до того, когда все близкие люди окажутся по-над обрывом?

Иногда бывает, я чувствую себя дальтоником. Как будто все вокруг видят что-то, недоступное моему глазу. Даже мама. Иногда она вроде готовится что-то сказать, но потом ее взгляд останавливается на мне, и она внезапно говорит: «Ой, кажется, я потеряла мысль». Почему? Почему?!

Или, с другой стороны, у меня могла начаться паранойя. Такое тоже возможно.

Мне не мешали бы советы доброго, понимающего друга, но единственная, кому я готова довериться, это Тильда, а она все еще мотается на работу в Андовер ни свет ни заря, а приезжает очень поздно. Вчера я дошла до того, что вбила в строчку поиска в интернете: «Как удержать мужа в семье», и ответ выскочил мгновенно: «Никак. Если он захочет уйти от тебя, он уйдет». (Как же я ненавижу интернет!)

Одиозные «посиделки с друзьями» сегодня. Дэн суетится над всем, буквально над всем, как курица-наседка: над едой, вином, даже над кофейными чашками. (С каких это пор его волнуют кофейные чашки? Ему всегда было на них плевать!)

Мы с Дэном как будто поменялись местами. Теперь я хожу везде взвинченная и раздражительная, жду не дождусь, когда все это закончится. Продолжаю убеждать себя: все не так уж плохо. А потом голос в моей голове вкрадчиво шепчет: «Все именно так плохо», а потом добавляет: «И может стать еще хуже». (Честно говоря, не представляю, что может сделать этот вечер еще кошмарнее, но и что может его спасти, не понимаю.)

А вот теперь и Дэн подхватил мое напряжение (еще бы он не подхватил!). При Дэне я все сваливаю на неприятности на работе (радует хотя бы то, что я могу так сделать). Несмотря на шикарнейшую вывеску, проблем на работе не стало меньше. Мой несуществующий бюджет все еще... не существует. Я обратилась ко всем нашим покровителям, меценатам и филантропам, о которых только смогла вспомнить. Но до сих пор мы не получили ничего, кроме ста

фунтов наличными в конверте, анонимно оставленном в нашем почтовом ящике (я подозреваю миссис Кендрик), и большую жестяную банку печенья от «Fortnum». Должно быть, кто-то из наших добровольцев использовал свои «тайные связи». (Лицо Роберта в то мгновение, когда он увидел печенье, было бесценным; не помню, когда я в последний раз так смеялась, учитывая довольно безрадостные события, происходящие в моей семье.)

Так что теперь я готова столкнуться лицом к лицу (ну, или над тарелкой ароматной баранины) со своей главной соперницей.

Так, стоп. Успокойся, Сильви. У тебя нет никаких доказательств. Помни об этом. Не слишком ли ты рано записала девушку в соперницы? Неважно.

Появляюсь на кухне в симпатичном повседневном наряде, при этом не лишенном элегантности – облегающие белые брюки, цветастый топ с небольшим вырезом плюс капля чудесного парфюма. Втайне надеюсь, что Дэн оторвется от готовки, когда увидит меня, его глаза загорятся огоньком страсти, и он заключит меня в свои объятия, да так крепко, что никакая Мэри не сумеет нас разъединить, даже если очень сильно захочет.

Но на кухне Дэна нет. В окно вижу, что он в саду рвет мяту с наших бедных потрепанных зарослей, пробивающихся прямо из одного из игровых домиков. (Я знаю, как выглядит мята. Мята и розмарин. Забудьте про другие травы: спасти меня сможет только ярлычок на пакетике приправ из супермаркета.)

Выхожу через черный ход, продираюсь через нашу высокую траву (о газоне тоже забудьте), лихорадочно придумываю, что бы такое сказать Дэну. Когда подхожу к нему, слова вылетают сами собой:

– Мята прекрасно подойдет, не правда ли?

Ну и банальщина. Тут же жалею, что вообще раскрыла рот. Но Дэн, похоже, даже это не услышал. Он с отсутствующим взглядом растирает в пальцах листочек мяты. С кем сейчас его мысли? С Мэри? Он вспоминает свои золотые деньки рядом с ней?

И опять же когти тревоги явно не хотят отпускать мое сердце. Доказательств у меня нет, но и черт с ними. Важно лишь то, что сейчас Дэн крайне уязвим. Что-то случилось в том чертовом саду. Разбредило его душу. А сейчас эта женщина собирается приехать (если она и вполтину выглядит так же хорошо, как на фото, то у меня есть причины для волнения) и напомнить ему, какой была жизнь до брака, детей и растяжек на теле его жены. (Нет, у Мэри тоже могут быть растяжки, но что-то я в этом сомневаюсь.)

Помогаю Дэну нарвать еще немного мяты, и мы возвращаемся внутрь – не знаю, каким образом мне удастся вести безопасную беседу, в голове моей полнейший разброд.

– Расскажи мне о своих друзьях, – прошу я, когда он промывает мяту; мне стоит огромных усилий говорить беспечным тоном: – Расскажи мне о... Мэри.

– Ну, я не видел Джереми и Адриана много лет, – отвечает он, и я готова взвыть от разочарования. Да пошли эти Джереми с Адрианом! Разве ты не слышал, что я сказала «Мэри». Мэри!

– Джереми, насколько я знаю, работает в налоговой службе, – продолжает Дэн, – а Адриан, я думаю, преподает. Я не совсем понял, чем он занимается, с его странички в интернете.

Мой мозг совершенно отключается, когда Дэн вещает мне про Джереми и Адриана, какими хорошими друзьями они были, как ездили в Брекон-Биконс⁴¹.

– А Мэри? – вставляю я, как только у меня появляется возможность. – Какая она? Мне уже пора волноваться? Все-таки бывшая девушка... Ха-ха! – безуспешно пытаюсь выдать легкий, бездушный смешок, на деле выходит нервный, режущий слух хрип.

⁴¹ Национальный парк, находится на территории четырех горных хребтов и располагается в южной части Уэльса.

– Не говори глупостей, – отрезает Дэн; мне показалось или в его голосе прозвучали гневные нотки? Я в ужасе смотрю на него; должно быть, по моему лицу он понял, что был слишком резок, потому что в следующую секунду он улыбается и мягко произносит (как и любой любящий муж): – Я ведь не волнуюсь из-за того, что ты чуть ли не каждый день видишься с Ником Ризом?

На лице моем не дрогнул ни один мускул, хотя внутри меня все кипит. Ник Риз – совершенно другой случай. Да, он мой бывший парень, но я что, виновата, что его дочь в одном классе с нашими девочками? Ну столкнулась я с ним пару раз в школьном коридоре. Да, мы виделись на родительских собраниях и школьных мероприятиях, но – алло? – мы обязаны их посещать. Я не приглашала Ника на ужин, не готовила ему особое жаркое из баранины, не надевала для него специальный наряд. (Дэн сегодня в одной из своих самых лучших рубашек, я не могла этого не заметить.)

– Просто хотела узнать, какая она, – пожимаю плечами.

– Ох, ну... – Дэн на секунду умолкает, и глаза его вновь устремляются в какую-то запретную для меня даль. – Она... Она – носитель жизни. Мудрая. Спокойная. У некоторых людей просто нет таких качеств, ты же знаешь. У многих просто отсутствует желание дарить добро другим людям. А Мэри... Она очень мирская, успокаивающая... Похожа на тихую заводь.

Распахиваю глаза. Мэри у нас тихая заводь, значит. А я что? Неистовая горная река, бурлящая белоснежной пеной?

Неужели он устал от меня? Он хочет озеро спокойствия, а не горную реку? Неужели между нами распахнулась пасть бездны, а я была настолько слепа, что заметила это только сейчас? К глазам подступают слезы, и я отворачиваюсь. Так, нужно взять себя в руки. Что бы сказала Тильда? «Хватит себя накручивать, глупышка, просто выпей бокал вина!»

– Хочу вина, – говорю я, открывая холодильник. – Тебе налить бокальчик?

– Угу, только закончу сейчас с мятой, – отвечает Дэн, поглядывая на часы. – Они должны быть с минуты на минуту.

Наливаю себе бокал «Совиньон блан» и проверяю сервировку стола, пытаюсь успокоиться. Обхожу стол кругом, выпрямляю салфетки, и новая мысль озаряет меня. Почему я так сосредоточилась на Дэне? А как же Мэри? Судя по тому, как она выглядит на фото, по ее добродушной улыбке, она кажется хорошим человеком. Она не похожа на особу, которая может увести мужа у подруги. Может, мне и вправду стоит подружиться с ней, стать ее лучшей подругой. Привязать ее к себе крепкими узами дружбы. Показать ей, что, даже если Дэн говорит: «Моя жена меня не понимает» – а, признаюсь, и вправду его иногда не понимаю, особенно теперь, – я все равно стараюсь изо всех сил. (И уж если говорить по-честному, его бывает очень трудно понять. Вот как принять его манию все время выключать батареи?)

Я убеждаю себя в том, что это хорошая стратегия, что мне не нужно ни о чем волноваться, но внезапно раздавшийся звонок в дверь пугает меня до чертиков, я, вздрогнув, едва не опрокидываю на себя бокал с вином.

– Она здесь! – невольно взвизгиваю я. – Я имела в виду они здесь. Кто-то приехал. Дэн идет открывать, и вскоре я слышу доносящиеся из прихожей бодрые, веселые голоса. Мужские.

– Адриан! Джереми! Это ж сколько мы не виделись! Заходите-заходите! – радостно приветствует их Дэн, а ледяная хватка страха на секунду отпускает мое сердце. Это не она. Она пока не приехала. Пока.

Надеваю на лицо самую доброжелательную улыбку, когда Джереми и Адриан заходят на кухню. Оба вполне себе обычные, с заурядной внешностью мужчины, в похожих костюмах, небритые. Адриан носит очки, Джереми – красные замшевые туфли, и больше я не вижу между ними никакой разницы. Дэн разливает напитки и подает закуски, я же вполуха прислушиваюсь к их беседе и воспоминаниям о людях, о которых я никогда не слышала... а потом они заговаривают о Мэри.

– Она управляет экологическим консультативным центром? – спрашивает Джереми. – Что ж, это так на нее похоже.

– Не могу поверить, что мы перестали общаться, потеряли связь, – качает головой Дэн. – Вы, парни, возвращались в сад?

– Пару раз, – кивает Джереми. – Ты знаешь... – он умолкает, когда раздается звонок в дверь. Могу поклясться, что в эту секунду нас всех пробивает дрожь. Это она. Это Мэри.

– Иду! – По одному этому слову Дэна я могу понять – он ужасно нервничает. – Ну, это, должно быть, она. Я пойду открою.

Он намеренно избегает моего взгляда, когда направляется в прихожую? Я не уверена. Разливаю всем вино и не скуплюсь на свой бокал. Боже, без вина мне сегодня не выжить.

И вот она здесь. Когда она заходит вслед за Дэном на кухню, у меня сжимается сердце. Она – видение, она – мираж, и все же она здесь, передо мной. Выше, чем я предполагала, с теми же волнистыми темными волосами, как на фото, добрыми глазами и ямочками на щеках.

– Привет, – лучезарно улыбается она и протягивает мне руку. – Ты Сильви? Я Мэри.

Я могу лишь яростно моргать, чувствуя, как на плечи словно опускается тяжелый груз. Она выглядит потрясающе. И вправду похожа на ангела. Ангел в белой рубашке с объемным воротником и в мягких льняных брюках.

– Привет, – хватаю ее руку (боюсь, слишком крепко) и трясую ее (боюсь, слишком сильно). – Да, я Сильви. Жена Дэна.

– Замечательно, что мы сегодня собрались здесь все вместе, – улыбается она и кивает Дэну: – О, белое вино, пожалуйста. Спасибо. Джереми, Адриан, вы оба чудесно выглядите. Какое же удовольствие вновь встретиться с вами.

У нее дар располагать людей к себе, я понимаю это, не проведя и двух минут в ее компании. Ловлю себя на том, что как идиотка рассматриваю ее, стараясь запечатлеть в своем сознании каждую ее клеточку. У нее на ногах кожаные лодочки серого цвета, которые кажутся модными и дорогими, но при этом выглядят вполне этнически и не вызываяще.

Сама я в туфельках без задника с ремешком сзади на невысоких каблуках; я всегда надеваю их на коктейльные вечеринки. Десять минут назад они были одной из моих любимых пар, а сейчас кажутся дешевыми и скучными.

– Мне так нравится ваша кухня, – спокойно заметила Мэри. – Здесь царит уютная семейная атмосфера. И мне нравится этот синий цвет, такой глубокий. Это ты выбрала? – обращается она ко мне.

У нее самый успокаивающий голос на свете, просто созданный для колыбельных. Дэн был прав, она и вправду подобна тихой заводи, в которой отражаются бесчисленные звезды. Забудьте про Дэна, мне кажется, я уже влюбилась в эту Мэри.

– Мы пробовали много разных синих оттенков, пока не нашли тот самый, – отвечаю я, и Мэри снова улыбается мне.

– Могу себе представить. И какой у вас замечательный сад! Игровые пряничные домики совершенно чудесные! – Когда Мэри улыбается, от нее исходит какое-то сияние, сияют даже ямочки на ее щеках.

Она направляется к черному ходу, чтобы выглянуть в сад, и я поражаюсь легкости ее походки. Сейчас она не такая худощавая, как на старой фотографии (и даже совсем не худая, я бы сказала), но она прекрасно владеет своим телом. Теперь я без труда могу представить, какой она была в девятнадцать лет: бледная кожа, русалочьи локоны ниспадают на плечи, как на полотнах прерафаэлитов, идеальная...

Так, стоп! Помни, Сильви, ты должна с ней подружиться. И если она хочет говорить о саде, ты пойдешь и будешь с ней беседовать о саде.

– Ты можешь выйти и посмотреть, – предлагаю я, открывая дверь в наш маленький кухонный дворик. – Не то чтобы мы им занимались... У тебя есть парень? – внезапно выпаливаю я.

Боже мой, как же так получилось? Хоть бы это прозвучало естественно! Так, успокойся. Это нормальный вопрос. О чем еще спрашивать у новых знакомых, как не о личной жизни.

– Нет, – грустно вздыхает Мэри и направляется к единственному деревцу в нашем саду, повислой березе. – Сейчас я одна.

– А-а, – протягиваю я, пытаюсь звучать понимающе, как любимая сестра, а не как подозрительная жена, моментально отметившая про себя фразу «нет парня».

– Люди очень часто предают тебя, – продолжает она своим мелодичным голосом, – или только те, с которыми сталкивалась я. Оказалось, обман и предательство идут бонусом к отношениям. Какая прелестная береза, – говорит она, поглаживая ствол.

М-да, она выбрала *единственное* дерево в нашем саду и назвала его прелестным.

– И тысячелистник! – восклицает она, потянувшись к какому-то невзрачному растению с белыми цветочками, которое я даже не заметила. – Удивительная трава, целебная. Ты когда-нибудь использовала его в ванной?

– Эм... нет, – признаюсь я. Вот зачем мне тащить какую-то траву в ванную?

– Не верь тому, кто говорит тебе, что это просто сорняк, из его цветов можно сделать потрясающую настойку. Помогает от бессонницы, сбивает температуру и многое другое. – Она смотрит на меня сияющими глазами, и я, словно загипнотизированная, не могу оторвать от них взгляда. – Я интересуюсь природным исцелением, – продолжает Мэри, – а также энергетическим исцелением.

– Энергетическим исцелением?

– Использование собственной энергии нашего тела для восстановления баланса. – Губы ее расплываются в блаженной улыбке. – Я всего лишь новичок, но я страстно верю в связь между разумом и телом. В поток положительных энергий.

Мэри плавно опускает руки, словно хочет притянуть к себе эту позитивную энергию.

– Вот вы где! О чем шушукаетесь? – Мы поворачиваемся к черному ходу и видим Дэна в дверях. Его голос звучит как-то настороженно, неестественно. Слишком уж сердечно, замечаю я.

– Сильви расспрашивала меня о моей личной жизни, – вздыхает она так же грустно и удрученно, как отвечала мне. Дэн тут же переводит на меня довольно упрекающий взгляд.

Ну здорово. Теперь он думает, что я специально увела Мэри подальше от гостей, чтобы попытать, есть у нее кто или нет. А я этого не делала. Определенно не делала. И даже не хотела. Просто так получилось.

– Вовсе нет, – отвечаю я, может быть, немного резко. – И вообще... кого это волнует? – пытаюсь беспечно рассмеяться, но выдаю какой-то хриплый смешок. – В любом случае, Мэри, ты должна рассказать Дэну о природном исцелении. Это звучит очень интересно!

Соглашусь, на этот раз и вправду поступаю, как вероломная провинциальная женушка. Если бы меня попросили назвать человека, который не признает альтернативную медицину от слова «совсем», то я отдала бы Дэну тысячу голосов. Кратко о его взглядах на медицину: прими парацетамол, а к врачу иди, если уж все очень плохо. Он не пьет витамины, не медитирует и думает, что гомеопатия – это широкомасштабная афера.

Так что я втайне надеюсь, что, когда мы все усядемся за стол и Мэри поведет свои разговоры о «связи между разумом и телом» и об «очищении энергетических завалов старых эмоциональных переживаний», Дэн, как всегда, займет циничную позицию и все закончится их ссорой. Ну, или просто небольшим разладом между ними. (Сценарий мечты: Мэри вылетает из моего дома с криком: «Да как ты смеешь утверждать, что рэйки⁴² – это полная ересь!»)

⁴² Вид нетрадиционной медицины, в котором используется техника так называемого «исцеления путем прикасания ладонями».

Но моему сценарию не суждено сбыться. Пока Дэн раскладывает жаркое по тарелкам, Мэри рассказывает нам о методах нетрадиционной медицины, да так интересно, занятно и убедительно, что все мы слушаем ее, будто проповедника, знающего истину. Она словно актриса на сцене театра «Глобус», читающая монолог шекспировской героини. Она даже выглядит как актриса. А я начинаю думать, что в этом энергетическом исцелении что-то есть, потому что впервые за несколько дней Дэн кажется мне совершенно расслабленным и открытым. (Еще бы, он с таким рвением сейчас впитывает все идеи, которые до этого считал чепухой!) А потом она переходит к йоге и учит нас правильному положению плеч за столом. За этим следует забавная история о том, как однажды на курсе траволечения она сделала настойку из листьев бука, от которой все опьянели.

Нет, она не просто ангел, в ней есть что-то от дерзкого чертенка. Она излучает собой позитивную энергию. Все очарованы ею. *Я очарована ею. Я хочу*, чтобы она была моей подругой.

Время за столом летит незаметно, мы едим, болтаем и смеемся. Я чувствую, что все мои страхи отступили, осталась лишь уверенность, что у Мэри с Дэном нет романа. Между ними не чувствуется особая атмосфера, да Дэн сегодня больше болтает с Джереми и Адрианом, чем с Мэри. Когда мы переходим к десерту (шоколад от *Green & Black's*), я уже начинаю думать, когда мы все опять соберемся вместе (а также о том, что надо спросить у Мэри, где она купила свои чудесные серые лодочки).

Разливаю в чашки ароматный мятный чай, когда сверху доносится испуганный детский плач:

– Мама! Мамочка!

Извиняюсь и ухожу, чтобы застать Анну на парадной лестнице, всю в слезах, жадно сжимающую перила:

– Мамочка, он бежал за мной, он хотел меня схватить...

Бедняжка Анна. Ее всегда очень сложно успокоить после очередного кошмара, настолько живыми и ужасающими они бывают (я знаю, моя малышка мне рассказывала). Остаюсь с ней где-то минут двадцать, сидя рядом на кровати, поглаживая ее заплаканное личико и растрепанные золотые кудряшки, напевая ее любимые колыбельные. Только кажется, что она заснула, она тут же распахивает глаза и в панике начинает искать меня... затем снова засыпает... и через несколько минут кричит и плачет во сне, потом в страхе просыпается. Я просто сижу рядом с ней и терпеливо жду. Наконец она мирно засыпает, ее дыхание ровное, пальцы все еще сжимают край одеяла.

Когда целую свою малышку в вспотевший лобик, меня охватывает сильное желание прилечь рядом с ней, крепко обнять ее, подобно большой медведице, зорко следящей за сном своего драгоценного медвежонка. Но внизу сидят гости, да и десерт сам себя не подаст. Разрываюсь на части. Наконец поправляю одеяльце Анны, выхожу из ее комнаты и... встаю как истукан. С того места на лестничной площадке, где я нахожусь, мне отчетливо видно огромное зеркало в прихожей, в котором отражается гостиная. А в гостиной Дэн и Мэри. Одни. Разговаривают, тесно склонив головы друг к другу. И совершенно не ведают, что я могу их видеть.

Мэри слушает Дэна, слегка склонив голову набок, на лице сосредоточенное, обеспокоенное выражение. Дэн говорит так тихо, что я не могу разобрать слов. Но я могу уловить атмосферу между ними. Атмосферу близости, теплоты. Всего, чего я так боялась.

Не могу сдвинуться с места, голова горит огнем, рой тревожных мыслей не дает покоя. Стоит ли мне спуститься и бесцеремонно прервать их? Нет, я этого не сделаю. Что, если я ошибаюсь? Почему двум старым друзьям нельзя предаться воспоминаниям? Но зачем прятаться ото всех? Что происходит?

Взрыв мужского смеха на кухне автоматически подгоняет меня вперед. Я не могу стоять на лестнице до скончания веков. Но как только я начинаю спускаться, ступеньки предательски скрипят под ногами, и Дэн выходит из гостиной.

– Сильви! – слишком громко восклицает он. – Я просто показывал Мэри...

Он умолкает, видимо, не в силах за секунду придумать хоть сколько-нибудь убедительную историю. (Видела я, ничего ты ей не показывал!) Тем временем в дверном проеме появляется Мэри, и от ее взгляда у меня по спине пробегают мурашки. Такой взгляд ни с чем не спутаешь, это взгляд жалости.

На мгновение наши глаза встречаются, и я нервно сглатываю. Но ком в горле не уходит, я не могу вымолвить ни слова.

– Вообще-то, мне уже пора, – мягко произносит Мэри.

– Уже? – спрашивает Дэн, но особо расстроенным не выглядит. Возвращаемся на кухню, где Джереми и Адриан уже тоже встали из-за стола и под предлогом того, что они могут не успеть до закрытия переходов в метро, благодарят нас за чудесный вечер и вкусный ужин.

За этот вечер столько всего произошло. Мне нужно успокоиться, нажать кнопку «пауза», собраться с мыслями. Мэри избегает моего взгляда, когда мы обмениваемся поцелуями на прощание. Страстно желаю отвести ее в сторону и спросить: «О чем вы только что разговаривали с Дэном? И почему вы ушли с кухни?» Но не могу найти в себе силы заговорить. Я недостаточно храбрая.

– Мамочка! Я проснулась!

Внутри все обрывается, когда я слышу звонкий голос Тессы сверху.

– Тесса! И ты туда же!

Молниеносно поднимаюсь по лестнице, пока хитрюга Тесса не решит спуститься сама, чтобы «присоединиться к вечеринке». Если у вас есть пятилетние дети, то вы знаете правило пяти секунд: или оказываешься у детской кровати в мгновение ока, или пеняй на себя. Укладываю Тессу обратно в кровать и сижу с ней, пока она не заснет, прислушиваясь к шагам вниз, последним прощаниям и хлопанью двери. Когда Тесса начинает мирно посапывать, возвращаюсь на лестницу и готовлюсь уже спуститься, как вдруг меня охватывает подозрительное, щемящее чувство. Вместо того чтобы спуститься вниз, иду в ванную комнату на втором этаже, окна которой выходят на дорогу. Заглядываю в окно и вижу, что Дэн и Мэри стоят на тротуаре у дома, разговаривают. Одни.

Откуда я знала, что увижу их там? Просто знала.

Когти тревоги все сильнее впиваются в мое сердце, приближаюсь к окну и немного приоткрываю его. Мэри укуталась в теплую шаль; ее лицо, освещаемое уличным фонарем, выражает искреннее беспокойство. Облокачиваюсь на подоконник и прижимаюсь ухом к приоткрытой щели, в надежде услышать хоть обрывки разговора.

– Теперь ты понимаешь, – произносит Дэн низким голосом. – Я чувствую себя... прижатым к стенке.

В горле встает колючий ком. Вот как, значит? Прижатым к стенке?

– Я понимаю, – отвечает Мэри. – Просто...

Они понижают голоса, почти шепчутся, я могу лишь уловить бессвязные обрывки: «... поговорить с ней...», «А вдруг она сама узнает?», «Нет, она не станет это...», «Будь осторожен».

Мое сердце колотится о ребра, грозя выломать их, когда я в ужасе смотрю на то, как Дэн сжимает Мэри в объятиях. Крепких, долгих, эмоциональных.

Съезжаю вниз по стенке и сажусь на корточки, к горлу подступает тошнота, перед глазами все плывет. Тени тьмы прорастают в моем мозгу, угрожая утянуть в глубину сознания, где сейчас царят страх и отчаяние. Почему я такая доверчивая дуручка? Неужели Дэн и Мэри играли со мной весь вечер, издевались надо мной? Мягкий, успокаивающий голос Мэри, оча-

ровательная улыбка. Вспоминаю, с какой теплотой и дружелюбием она пожимала мою руку на прощание. В конце концов, я ведь и сама признала, что Мэри – хорошая актриса. Как я могла купиться на ее игру? «Люди очень часто предают тебя... обман и предательство идут бонусом к отношениям», – сказала она мне. И тот полный жалости взгляд. Что это было? Намек? Предупреждение?

Слышу, как захлопывается входная дверь, и спешно выбегаю из ванной, лишь для того, чтобы столкнуться с Дэном в коридоре. Лицо моего супруга омрачает тень, глаза его непроницаемы, но я и так знаю, что он думает: «Я чувствую себя... прижатым к стенке».

– Ложись спать, – говорит он, – я уберу со стола. Посуду помоем завтра.

В другой день я бы сказала: «Ну что ты как дурачок!», и мы спустились бы вместе на кухню, смеясь и весело болтая, начали бы убираться и мыть посуду, пока не устали бы и не захотели поскорее уснуть в объятиях друг друга.

Но не сегодня.

Хочу поскорее забраться в кровать и накрыться одеялом с головой. Я чувствую озноб во всем теле, а мои конечности будто онемели. Чувства все тоже притупились, остался лишь один-единственный вопрос: «Что же мне делать?»

Лежу в кровати совершенно одеревеневшая, когда Дэн наконец приходит в спальню и проскальзывает под одеяло.

– А все прошло неплохо, да? – спрашивает он.

– Угу, – умудряюсь промычать я в ответ. – Баранина была просто восхитительной.

– А ребята остались такими же весельчаками, как я их помнил.

– Угу, – снова мычу я.

Воцаряется долгая, странная тишина, а потом Дэн вдруг ни с того ни с сего говорит:

– Я тут вспомнил, что мне нужно отправить одно письмо. Извини.

Вылезает из кровати и шлепает по полу голыми ногами. Десять минут... десять страшных минут пытаюсь себя успокоить. Дэн всегда отправляет электронные письма, иногда даже очень поздно. Он всегда вылезает из кровати, если его посещает какая-нибудь внезапная ночная мысль. Он очень занятой человек. Это ничего не значит. Это ничего *еще* не значит...

Но ничего не могу с собой поделать. Подозрение подобно голоду, оно точит тебя изнутри. Бесшумно встаю и, едва волоча одеревеневшие ноги, медленнодвигаюсь к двери нашей спальни. В кабинете Дэна горит свет, дверь приоткрыта. Осторожно наклоняюсь вперед, заглядываю в щель и встаю как громом пораженная.

Он стоит посреди комнаты и лихорадочно тычет пальцем в экран телефона, который я никогда раньше не видела. «Самсунг»? Откуда у него этот телефон? Зачем ему два телефона? Закончив, Дэн бросает телефон в маленький ящичек на замке. Ключик от ящика висит на том же кольце, что и Дэновы ключи от дома. Я даже не знала, что у него есть этот маленький ключ. Я не знала, что он запирает ящик в столе. Зачем ему запирает ящик? Что он скрывает от меня? Что?

Пару минут мы оба стоим без движения: Дэн погружен в свои мысли, я же не могу оторвать от него взгляда. Вдруг он поворачивается, и я испуганно отпрыгиваю назад. Пулей возвращаюсь обратно в кровать и натягиваю одеяло до ушей, мое сердце бешено колотится.

– Все хорошо? – спрашиваю я, когда Дэн возвращается в спальню.

– Да, отлично, – отвечает он, забираясь в кровать.

Не знаю, то ли это мой отчаянный оптимизм, то ли слепая вера в Дэна, но я не смогу успокоиться, пока не пойму, что все и вправду «отлично» для нас обоих.

– Дэн, послушай, – терблю его за плечо, пока он не поворачивает ко мне свое усталое лицо. Дэн выглядит так, будто уже сейчас готов провалиться в глубокий сон, но я не отступлю. – Скажи мне правду. Ты выглядишь таким измученным. Если что-то не так, если тебя что-то

беспокоит... ты всегда можешь сказать мне, правда? Ты же не болен? – испуганно вздыхаю я. – Ведь если бы ты болел...

Черт, вот почему к глазам слезы подступают тогда, когда я хочу говорить спокойно, серьезно, убедительно. Почему я такая нервная истеричка?

– Нет, я не болен, – отвечает он. – Почему ты так подумала?

– Да потому что ты... – умолкаю, не закончив предложения.

Не могу же я сказать вслух: «Потому что ты обнимал Мэри. Потому что что-то скрываешь. Потому что ты чувствуешь себя прижатым к стенке. Потому что я не знаю, что мне думать».

Молча смотрю на него в надежде, что он прочтет эти слова по моим глазам. Боже, я хочу, чтобы он это увидел, почувствовал мою боль, рассказал мне всю правду. Я думала, мы понимаем друг друга с полуслова. Я думала, между нами есть эта псевдотелепатическая связь. Думала, он поймет все мои страхи и развеет их, как легкую дымку. Но его взгляд непроницаем.

– У меня все хорошо, – коротко отвечает он, – все отлично. Давай немного поспим.

Он отворачивается, и вскоре я слышу тяжелые вздохи человека, который якобы устал настолько, что не выдержит и секунды разговора.

Но я не могу уснуть. Смотрю в потолок, и с каждой секундой моя решимость усиливается. О, я знаю, что мне нужно делать. Я знаю, что собираюсь сделать. Завтра я украду его ключи.

13

Я в жизни ничего не крала. Чувствую себя такой виноватой, что места себе не нахожу. Я стащила ключи Дэна, пока он принимал душ, и спрятала их в свой ящик для белья. Теперь я суечусь на кухне, по пятому разу вытирая столовые приборы, которые в вытирании не нуждаются, и разговариваю с девочками неестественно высоким, нервным голосом, то и дело роняя вилки на пол.

– Где мои ключи? – Дэн появляется на кухне и хмурым взглядом обводит нас троих. – Тесса, Анна, это вы взяли папочкины ключи?

– Не говори ерунды! – запальчиво возражаю я. – Зачем им твои ключи? Должно быть, ты просто не туда их положил. Карманы пиджака проверил?

Поспешно отворачиваюсь, чтобы он не заметил, как вспыхнули мои щеки. М-да, в криминальных кругах я бы долго не продержалась.

– Они были у *меня*! – Дэн роется во фруктовой вазе, где мы обычно храним всякую мелочовку. – Были!

– Да, но вчера тебя могли отвлечь гости. Вспомни, какой суматошный был вечер, – беззастенчиво вру я в надежде, что придумала правдоподобную причину того, как он потерял ключи. – Возьми сегодня запасные. Я уверена, твои ключи лежат где-нибудь на самом видном месте и ты наткнешься на них совершенно неожиданно.

– Но я не пользуюсь запасными! – в ужасе восклицает Дэн. – Мне нужны *мои* ключи!

– Но это же только на время, – успокаивающе мурлычу я. – Вот твои запасные, в шкафчике.

Я дважды проверила, чтобы Дэновы *запасные* лежали на самом видном месте, перед тем как стащить у него набор с маленьким ключиком. Может, все же найдется для меня место в криминальных кругах?

Я вижу, что Дэн разрывается между двумя своими принципами: «если что-то потерял, ищи, пока не найдешь» и «если опаздываешь на работу, несись сломя голову». Наконец он с недовольным сопением хватается комплект запасных. Быстро помогаем девочкам надеть школьные свитера и собрать сумки, и вот я провожаю их троих. Когда Дэн уже захлопывает дверь машины, я машу ему рукой и кричу с порога:

– Не волнуйся, я поищу твои ключи перед уходом.

И это совершенно гениально, потому что: 1. Не вызовет подозрений, если Дэн внезапно вернется и застанет меня в своем кабинете («Я же просто ищу ключи, которые ты умудрился потерять!»); 2. Отведет подозрения от меня; 3. Объяснит появление ключей на кухонном столе («Эй, Дэн, я нашла твои ключи!»). Дело сделано. Давайте признаем, из меня вышла бы отличная воровка.

Стою на пороге и наблюдаю, как машина Дэна отъезжает. На всякий случай жду еще пять минут, уже после того, как она скрылась из виду. Затем словно во сне на цыпочках поднимаюсь по лестнице (даже не знаю, почему на цыпочках, ведь дома все равно никого нет). Мгновение медлю на лестничной площадке, стараясь оставаться спокойной, затем решаюсь и твердым шагом вхожу в кабинет Дэна.

Я точно знаю, куда мне нужно идти, но я притворяюсь, что просто оглядываюсь по сторонам, будто и вправду ищу ключи, хотя прекрасно знаю, где они. Пролистываю пару чертежей и документов, покоящихся на столе, изучаю брошюрку конкурирующей офисно-строительной компании. Нахожу старый дневник Анны в лотке для бумаг и читаю замечания учительницы по поводу Анниного почерка.

Когда пульс учащается, понимаю – пора. Дрожащими пальцами нащупываю маленький ключик на колечке. Смотрю на него и думаю, действительно ли я хочу этого? Что, если я найду...

Проблема в том, что я понятия не имею, что могу обнаружить внутри. Даже не представляю.

Но я уже здесь. Я все решила, и я доведу это дело до конца. Наконец склоняюсь над ящичком и пытаюсь его открыть. Мои руки дрожат так, что вставить ключик в скважину удастся лишь с третьего раза. Открываю ящик и смотрю, что там внутри.

Я не совсем была уверена, что найду там, но внутри покоится себе вчерашний телефон, тот самый «Самсунг». Только он, больше ничего. Осторожно достаю его, лихорадочно думая: «Стой, Сильви, а как же отпечатки пальцев?», и тут же ругаю себя: «Что за ерунда! Дэн не вызовет бригаду экспертов-криминалистов из-за этого!» Ввожу стандартный Дэнов пароль и, к моему удивлению, спокойно снимаю блокировку с экрана. Очевидно, он не ожидал, что я узнаю о телефоне. И это должно меня утешать. Но не утешает.

Это довольно новый телефон, всего двадцать четыре сообщения. Когда прокручиваю вниз, понимаю, что все они для одного и того же человека. Женщины. Мэри. И я просто смотрю, глаза отказываются верить в то, что видят. Это настоящий кошмар. Наихудший исход из возможных.

Руки дрожат, а в голове роятся тревожные мысли, одна мрачнее другой. Пожалуйста, нет! Это не может быть правдой. Просто не может... Тогда-то в голову и закрадывается самая страшная мысль: «Неужели Тильда с самого начала была права? И я сама во всем виновата?!»

К глазам подступают слезы, к горлу – комок сомнений; где-то внутри меня шевелится холодная скорлупка страха. Ком сомнений растет, превращается в неверие, смешанное с гневом. Мне хочется кричать: «Как же так, Дэн? Как же так?!»

Все остальное я могла бы понять. Настроение Дэна... атмосфера близости между ним и Мэри... даже объятия. Но не это! Но эти чертовы черно-белые эсэмэски.

Освобожусь через пять минут, сможем поговорить.

10 утра, «Старбакс»?

Все нормально, я отвлек С.

Сегодня все едва не открылось.

Дома, не могу говорить.

Помни о ЗС-факторе.

Схожу с ума, сегодня она сама не своя.

11:00, в «Villandry».

Извини, опаздываю.

Спасибо Господу, что ты у меня есть.

Прочитываю все двадцать четыре сообщения, дважды. На всякий случай фотографирую все сообщения на свой телефон, потому что... Я даже не знаю, почему. Могут пригодиться. Затем аккуратно, держа телефон одними кончиками пальцев, будто там внутри взрывное устройство, кладу «Самсунг» обратно в ящик, поворачиваю ключ, проверяю, надежно ли ящик заперт. Кабинет покидаю украдкой, словно место преступления.

На лестничной площадке оглядываюсь по сторонам в совершеннейшем ужасе, как будто попала не в свой дом. Наш дом. Наше маленькое уютное гнездышко, со свадебными подарками на полках, с репродукциями картин, которые мы привезли из отпусков, на стенах, с фотографиями девочек на всех мыслимых и немыслимых поверхностях. Все те годы, что я потратила, чтобы сделать его домом, в который всегда хочется вернуться, создать место только для нас, где мы сможем отдохнуть от мира. Теперь же новые подсвечники кажутся мне нелепыми,

фотографии со светящимися лицами фальшивыми. Пинаю мебель, швыряю до этого аккуратно сложенные подушки. Хочу разорвать их на части, хочу все здесь снести к чертям. Хочется вышвырнуть подсвечники и посуду из окна с криком: «Чтоб тебя, Дэн! Чтоб тебя! Да пошел ты!»

Дэн не хочет сбежать со мной. Дэн хочет сбежать от меня. Может быть, тот роковой вечер в таинственном саду пробудил в нем давно угасшую страсть к Мэри. А может быть, она теперь кажется ему новой, непредсказуемой, по сравнению со старой скучной Сильви. А может, она всего лишь его последнее увлечение, венчающее ряд многочисленных романов на стороне, о которых я даже не подозревала. Но... Еще шестьдесят восемь лет брака? Шестьдесят восемь лет вместе с Дэном? Это ужасная, злая шутка. Я не смеюсь. Я рыдаю.

Некоторое время стою неподвижно, наблюдая, как крохотные пылинки кружатся в луче света. Затем взгляд задерживается на настенных часах, и я понимаю, что, если сейчас же не выйду из дома, рискую опоздать на работу. Не то чтобы это был важнейший приоритет в моей жизни, но что мне еще остается.

Словно робот, складываю свои вещи в сумочку, проверяю, выключена ли газовая плита (пунктик!), и даже оставляю для Дэна ключи на кухонном столе (вместе с беспечной запиской: «Нашла!»). А что мне еще написать? «Нашла твои ключи, а заодно и твои эсэмэски к Мэри, ты полигамный козел?»

Когда закрываю входную дверь, замечаю Тоби, выходящего из дома Тильды в своих бесшумных черных джинсах и фетровой шляпе. В руках у него огромный, почти с него ростом, мешок для белья, заполненный так, что вот-вот лопнет; в зубах у Тоби журнал, как у верных собачек из телепрограмм.

– Тоби, тебе помочь? – окликаю его я.

Тоби бодро качает головой и идет по улице, совершенно не подозревая, что оставляет за собой шлейф из футболок, труселей и виниловых пластинок.

– Тоби! – несмотря на утренние события, я не могу не улыбнуться при виде всего этого. – Тоби! У тебя вещи падают!

Подбираю его вещи и следую за ним к огромному белому фургону. Тоби со вздохом облегчения бросает мешок в багажник, где я успеваю заметить еще пару таких мешков, а также стул, стол и компьютер.

– Вау, – удивляюсь я. – Что происходит, Тоби?

– Я переезжаю, – отвечает он, сверкая глазами. – Са-а-а-всем переезжаю! О да!

Непонимающе хлопаю глазами:

– Переезжаешь? Куда?

– Хакни. Моя новая работа в Шордиче, так что... это логично, правда?

– У тебя *работа*? – От удивления аж раскрываю рот.

– Работа, квартира, кот, – говорит он с довольным видом и уточняет: – Общий кот. Его зовут Пудинг. Он принадлежит Мичи.

– Мичи?

– Мичико. Моей девушке.

У Тоби есть девушка? С каких это пор?

– Что ж, поздравляю! – говорю я, запихивая его труселя в мешок для белья. – А как же твой проект?

– Проблема с этим проектом была в том, – признается Тоби, – что я им не занимался. От слова «совсем».

Когда мы возвращаемся к дому от фургона, в дверях появляется Тильда, и я машу ей рукой. Я вдруг вспомнила, что она написала мне вчера вечером, что вернулась из Андовера, но я ей так и не ответила. Когда приближаюсь к ней, вижу, что лицо у нее красное, а сама она

дрожит, будто не в силах унять бушующие в ней чувства. Наверняка она ликует. Наконец-то Тоби уезжает из дома! У него есть работа! И девушка! Больше никакой громкой музыки, никаких пустых коробок из-под пиццы, никаких ссор... Даже я испытываю облегчение, не говоря уже о Тильде.

– Отличные новости! – кричу я ей вместо приветствия. – В кои-то веки Тоби кажется по-настоящему собранным, полностью готовым к будущему.

– О, готовее некуда, – энергично кивает Тильда. – Два дня назад мне сообщил за ужином. Не подготовил меня, не предупредил. Просто бабах: «Мам, я переезжаю!»

– Я так рада за тебя! Ты так долго пыталась достучаться до него! – Наклоняюсь к ней, чтобы обнять, и замечаю... Нет, Тильда дрожит вовсе не от радостного предвкушения, а лицо у нее красное, потому что она... плакала. Боже мой.

– Тильда?

– Все хорошо. Отлично. Нормально, – отвечает она и отводит взгляд.

– Ох, Тильда. – Беспокойно вглядываюсь в ее доброе, заплаканное лицо и вижу ту Тильду, которую раньше не замечала за бойкостью, энергичностью и сварливостью своей подруги. Вижу любящую мать, которая боится отпускать своего сына.

– Он свалил мне эту новость, как кубики льда за шиворот, – говорит она тихим голосом. – До чего глупо! – облокачивается на калитку сада. – Я ведь сама убеждала его съехать...

– Он всегда будет твоим маленьким мальчиком, – понимающе отвечаю я, и мы обе смотрим, как Тоби тащит к фургону чайник, тостер и блендер-экстрактор; провода волочатся за ним, как ленты летучего змея.

– Это *мой* блендер, – как бы между прочим замечает Тильда, и я закусываю губу, чтобы не рассмеяться. – Я знаю, что ему пора переезжать, – добавляет она, не сводя глаз с Тоби. – Я знаю, что он должен повзрослеть. Знаю, что сама подбивала его на это, но... – Слезы застилают ее глаза, и она достает из кармана платок, уже достаточно помятый и влажный. – Вот я дура, – причитает она, покачивая головой. – Вот дура.

Наблюдаю, как Тоби чуть ли не вприпрыжку бежит туда-сюда в своих хипстерских кроссовках, таская вещи, совершенно не обращая внимания на горе матери. Он напевает себе под нос какую-то веселую мелодию, готовый начать новую, *настоящую* жизнь.

– Девочки когда-нибудь тоже уедут, – произношу я, пораженная тем, что, пожалуй, впервые в жизни задумалась об этом. – Когда-нибудь они уедут, не оглядываясь назад.

Внезапно представляю себе Анну и Тессу взрослыми двадцатилетними девушками. Красивые, длинноногие, с золотистыми кудрями (или короткими стрижками, мне почем знать?). Дерзкие, бойкие, постоянно что-то строчат и лайкают у себя на смартфонах. Пропускают мои слова мимо ушей, ведь я же мать, что я могу знать?

Втайне надеюсь, что Тильда скажет что-нибудь успокаивающее, вроде: «Не волнуйся, с твоими девочками все будет по-другому», но она качает головой:

– Все не так просто. Они будут испытывать твоё терпение. Кричать, что «ненавидят тебя», скандалить. Они будут нуждаться в тебе. Навсегда свяжут свои сердца с твоим. И только *потом* они уедут, не оглядываясь назад.

На какое-то время воцаряется тишина. Тильда права. И я не представляю, как избежать этого.

– Ну, у кого-то все получается легко и безболезненно, – тяжело выдыхаю я. Но Тильда лишь кривит губы:

– Расставания с любимыми никогда не бывают легкими и безболезненными, – говорит она. – Если все легко, с такой любовью явно что-то не так.

Мы обе наблюдаем, как Тоби пытается протиснуть огромный матрас на пружинах через дверной проем.

– Эй, Сильви, как там ваш сайт? – кричит он, когда ему наконец удастся вывалиться с матрасом на улицу (при этом он чуть не падает).

– Пока еще не готов, – качаю головой я, – но спасибо за помощь.

– Не за что! – кивает он, направляясь к фургону; уголки матраса чертят дорожки на пыльном тротуаре.

– Эй, подними матрас повыше! – кричит Тильда ему вслед и качает головой. – А, неважно, у него есть стиральная машинка. Плюс всегда можно купить новый чехол.

– Я думаю, у Дэна роман на стороне, – прямо выкладываю я, мой голос необычайно спокоен. – Новый телефон. Тайные эсэмэски. Запертый ящик. Все такое.

– Твою ж не скажу! – Тильда хватает меня за руку. – Черт, Сильви. Ты должна была мне сразу сказать.

– Нет, все нормально. Нормально. Я собираюсь... – И только сейчас я понимаю, что совершенно не представляю, что мне делать. – Все нормально, – повторяю я. – Нормально.

– Ох, милая. – Тильда приобнимает меня за плечи. – Вот же дерьмо. Вы двое выглядели такими... Как это сказать... Из всех пар вы казались...

– Я знаю, – выдаю нервный смешок. – Единым целым. Идеальной парой. А знаешь, что самое смешное? Я думала, что знаю его вдоль и поперек, – продолжаю безрадостно, почти пугающе для самой себя, смеяться. – Думала, что ничто в нем не сможет меня удивить. Умоляла его: «Сделай мне сюрприз! Удиви меня!» И он удивил. Еще как удивил.

– Послушай, – вздыхает Тильда. – Ты уверена, что все правильно поняла? Может, тут какая-то ошибка... Ты говорила об этом с Дэном?

– Нет. Еще нет. – От одной только мысли о разговоре с Дэном мой желудок сворачивается в трубочку. – Я думаю, мы просто не можем знать всей правды о людях.

– Но Дэн, – недоверчиво покачивает головой Тильда. – Самый любящий, самый заботливый мужчина, которого я знаю. Когда твой отец погиб, он так за тебя волновался. Заходил к нам, просил нас не шуметь, чтобы ты смогла спокойно выспаться. Попросил нас ходить по дому в носках, и мы, кстати, так и сделали. Мы с Тоби в то время даже почти не ругались, – добавляет она с усмешкой.

Я вздрагиваю, ведь я и помыслить о таком не могла.

– Прости меня за это. – Новая мысль приходит ко мне в голову, и я совсем падаю духом. – Может, я сама во всем виновата. Мой нервный срыв выбил его из колеи.

Долгая пауза. Тильда вскидывает брови:

– Твой нервный срыв?

– «Эпизод». Как это ни называй, смысл тот же.

– Я помню, как ты упоминала о своем «эпизоде», но разве это не был для тебя просто... способ справиться со скорбью?

– Ну да, – соглашаюсь я, не понимая, к чему клонит Тильда. – Я «не могла отойти».

– Это то, что ты всегда говорила. И я не хотела тебе противоречить, но... – Тильда поворачивается и смотрит мне прямо в глаза. – Сильви, я не знаю, поможет ли это тебе сейчас, но я все равно скажу. Я вовсе не считаю, что у тебя был нервный срыв. Я думаю, ты справлялась со скорбью, как любой другой нормальный человек.

В смущении смотрю на нее, даже не представляя, что сказать на такое.

– Но я написала письмо, – говорю я наконец, – и следила за домом Гэри Батлера.

– И что? Пара необдуманных поступков, не более.

– Но Дэн... моя мама... они оба говорили... И наняли врача...

– Знаешь, я бы не назвала Дэна или твою маму великими знатоками человеческих душ, – твердо говорит Тильда. – А Дэн... Дэн всегда чересчур опекал тебя. Но терял ли он сам когда-нибудь близкого человека? Знает ли он, что такое утрата?

– Ну, нет... – говорю я, размышляя вслух. – Все его близкие родственники еще живы.

– Так что он просто не понимал. Не был к этому готов. Но и не мог смотреть, как ты страдаешь. Сильви, скорбь – это не порок или грех... это не болезнь. Ты справляешься так, как справляешься. Тут невозможно быстро «отойти».

Она вкладывает мои ладони в свои, и мы сидим так некоторое время. Несмотря ни на что, ее слова действительно придали мне сил. В них есть истина.

– Не знаю, зачем я это сказала, – говорит она. – Вряд ли это может тебе помочь...

– Это помогает, – улыбаюсь ей я. – Ты всегда помогаешь, Тильда. – Я крепко сжимаю ее руку и, повинуясь невольному порыву, целую Тильду в щеку. – Но мне уже пора бежать на работу, – вскакиваю на ноги.

– Мне проводить тебя до станции? – предлагает она, и я готова расплакаться от благодарности к ней.

– Нет-нет, не стоит, – похлопываю ее по плечу. – Лучше попрощайся с Тоби как положено. Он придет, – обещаю я ей. – Вот увидишь, он скоро придет в гости. Нужно только немного терпения.

14

К тому времени, как я подхожу к Уиллоуби-хаус, водоворот тревожных мыслей в моей голове постепенно утихает, как будто воронка унесла в свои глубины все страхи и опасения. Прогулка по улицам Лондона помогла мне отбросить проблемы, будто с каждым шагом я откидываю их прочь своими каблучками, одну за другой. Цок – прочь, цок – прочь. Ведь нужно же мне как-то жить дальше? Не могу же я сидеть и реветь на работе.

Когда я переступаю порог Уиллоуби-хаус, то, к моему удивлению, застаю в холле миссис Кендрик, Роберта и незнакомого мне лысого мужчину в синем костюме. Присмотревшись к нему получше, сразу понимаю, что он занимается вопросами собственности (у меня глаз наметан).

– Здравствуйте, миссис Кендрик! Как приятно вас снова видеть здесь! Прошло довольно много времени.

– Прости, Сильви, – она ласково треплет меня по руке. – Знаю, что оставила вас здесь с Клариссой на произвол судьбы. Но я была очень занята.

– Роберт упомянул, что вы обучаетесь работе на компьютере?

– О да, у меня *макбук* от Apple. – Она так отчетливо произнесла «макбук», будто говорила на незнакомом ей языке.

– Чудесно! – восхищаюсь я.

– О, на нем можно делать столько поразительных вещей. И я купила эту рубашку онлайн, – она расправляет оборки красивой белой рубашки, которая на ней надета. – Они доставили ее ко мне домой прямо из магазина. Мне пришлось ввести номер своей кредитной карты на сайте интернет-магазина. Удобно, не правда ли? – кивает она, очень довольная собой. – Я даже оставила отзыв в графе «Что вы думаете об этом товаре?», поставила четыре звезды из пяти. Ткань хорошая, но пуговицы немного дешево выглядят. Ты можешь прочесть мой отзыв, если захочешь.

Честно говоря, у меня нет слов. Как миссис Кендрик прошла за такое короткое время путь от «ой, а куда пропали письма» до покупок в интернет-магазине?

– Хорошо, – киваю я наконец. – Правда, я не знаю, на каком сайте...

– О, ты просто обязана посетить этот сайт. – Глаза миссис Кендрик прямо-таки сияют. – Оставлять отзывы в интернете – такое интересное хобби. Можно написать все, что угодно. Вчера я выставила оценку полицейскому, который дежурит в нашем квартале.

Роберт поворачивается к тете и качает головой:

– Тетя Маргарет, вы не можете писать отзывы на полицейских.

– Что ты, дорогой, конечно, могу, – все так же улыбаясь, отвечает миссис Кендрик. – В разделе «Общее» можно написать отзыв на что угодно. На чайные пакетики... на даты праздников... на полицейских. Боюсь, я поставила ему только три звезды. У него был скучающий взгляд и неопрятная форма.

Но пока говорит, она не сводит изучающего взгляда с лысого мужчины. Так, миссис Кендрик вернулась, и она в прекрасном расположении духа, это хорошие новости. И я определенно собираюсь взглянуть на некоторые ее отзывы. Мне очень любопытно, что женщина с такими консервативными взглядами, как миссис Кендрик, могла понаписать в интернете.

Когда лысый мужчина отходит в другую часть холла, я осмеливаюсь спросить у миссис Кендрик:

– А кто это?

– Это гость Роберта. Полагаю, его зовут Майк.

В голосе ее сквозит едва заметное презрение, она практически выплевывает имя «Майк».

– Тетя, ты прекрасно знаешь, что его так и зовут, – спокойным голосом вставляет Роберт.

– Как бы его ни звали, ко мне это не имеет никакого отношения. Я уже сказала тебе, Роберт, что ты можешь делать все, что угодно, – с прохладцей говорит миссис Кендрик. – Когда я умру, это место достанется тебе.

– Вы что, продаете нас? – ошеломленно смотрю на Роберта. – Вы же сказали, что собираетесь дать музею шанс?

– Я всего лишь рассматриваю и другие возможности, – отвечает он слегка раздраженно. – Собираю информацию.

– Многие люди сдаются, – миссис Кендрик бросает на Роберта уничтожающий взгляд, – и лишь единицы преступают границы дозволенного!

– Границы дозволенного? – возражает Роберт, его голос звучит хрипло, надсадно, как будто они спорят с миссис Кендрик все утро напролет. – В нашем случае это даже не народная мудрость! Это похоронный марш! И вообще, я всего лишь попросил профессионала оценить...

– Я пыталась объяснить тебе, Роберт, что придумала гениальный план, – сухо произносит миссис Кендрик, – но ты в нем, похоже, совершенно не заинтересован. Может быть, для тебя я и старушка-динозавр, но даже я могу шагать в ногу со временем.

– Я заинтересован в вашем плане, – вздыхает Роберт, – но сейчас мне нужно разобраться с этим... – кивает на Майку.

– Это очень перспективная идея, – продолжает миссис Кендрик, как будто ничего не слышала. – Нам нужно лишь использовать *смартфоны*.

Закусываю губы, чтобы не рассмеяться. Миссис Кендрик так же четко выговаривает «смартфон», как до этого «макбук», причем выделяя голосом «смарт», а не «фон». *Смартфон*.

– Мэвис, где твой смартфон? – повышает голос миссис Кендрик. Нам нужен смартфон.

Мэвис – одна из наших самых стойких, преданных добровольцев; полная леди с короткими темными волосами, бесформенными платьями и довольно грубыми башмаками, которые она носит круглый год. Она подбегает и торжественно передает миссис Кендрик айфон: – Вот он, Маргарет. Ты готова?

– Не совсем. – Миссис Кендрик беспокойно оглядывается по сторонам, будто впервые видит натертые воском столы, фарфоровые вазы и полотна восемнадцатого века.

Что она собирается делать? Селфи? Хочет выложить фото Уиллоуби-хаус в инстаграме? Написать на музей отзыв?

– Так, где мне встать? – спрашивает Мэвис. – Думаю, просто отойти отсюда на пару шагов?

– Да, – кивает миссис Кендрик. – Идеально.

Заинтригованная, наблюдаю за тем, как она блуждают по холлу, Мэвис держит телефон так, будто собирается снимать миссис Кендрик. Интересно, что они задумали?

– Роберт, отодвинься немного влево, – внезапно говорит миссис Кендрик. – И ты тоже, Майк. – Даже сейчас, когда она обращалась к Майку, она все равно как будто выплевывала его имя. – Вы не могли бы встать на лестницу. А теперь, тихо всем. Мы собираемся снимать видео.

Прежде чем кто-либо успевает возразить, она делает глубокий вдох, лучезарно улыбается в камеру айфона и, медленно прохаживаясь по черно-белому кафельному полу, вещает ораторским голосом, как ведущая документального кино:

– Добро пожаловать в Уиллоуби-хаус, – говорит она громко, ясно и четко. – В скрытую жемчужину в привычной всем раковине Лондона. Сокровищницу искусства и старины. Живой снимок того, какой жизнь была... Ах!

– Вот черт!

– Боже мой!

Все в ужасе кричат, когда миссис Кендрик поскользывается на кафельном полу и, в отчаянной попытке ухватиться хоть за что-то, опрокидывает маленький круглый столик, вместе с которым на пол летит белая ваза с голубым орнаментом. Кажется, будто время остановилось,

и мы смотрим фильм в замедленной съемке: вот-вот драгоценная ваза ударится о пол и разлетится десятками блестящих черепков. Но тут Роберт отважно плюхается на пол, хватая вазу и, прижав ее к груди, откатывается с ней к лестнице. Глухой стук свидетельствует о том, что он ударился головой о ступеньку.

– Роберт! – кричит миссис Кендрик. – Ты только что спас двадцать тысяч фунтов!

– Чего? – непонимающе переспрашивает Роберт, поднимаясь на ноги. – Вот эта штука – двадцать тысяч? – Роберт смотрит на вазу с таким одуревшим выражением лица, что я собираю все свои силы, чтобы не рассмеяться. – Что происходит на этой чертовой планете? Кто заплатит за это двадцать тысяч?

– Ты в порядке, приятель? – Майк спускается по лестнице.

– Да, да. – Роберт вцепился в вазу, словно малое дитя в леденчик на палочке.

– Миссис Кендрик, вы не ушиблись? – подбегаю я к ней.

– У меня все хорошо, милая, все хорошо, – отвечает миссис Кендрик и нетерпеливо обращается с Мэвис: – Ну же, включи его. Я хочу посмотреть, что получилось.

Мы все склоняемся над плечом Мэвис и смотрим, как миссис Кендрик важно расхаживает и рассказывает об особняке, а потом ее ноги разъезжаются и... начинается полнейший хаос. Она плюхается на попу, опрокидывая стол. Вытаращенные от ужаса глаза следят за полетом бесценной вазы. Ну тут просто невозможно не рассмеяться! Падение в лучших традициях Чарли Чаплина!

– В следующий раз попробуй выставить вперед колено, – советует Роберт, когда видео заканчивается.

– Ну, по крайней мере, ваза не разбилась, – напоминаю я ему.

– Двадцать тысяч. – Роберт все еще недоверчиво смотрит на вазу. – За горшок? А на нее оформлена отдельная страховка? Почему она не стоит в стеклянной витрине?

Но миссис Кендрик никого не слушает. Она обращается к Мэвис:

– Так, а теперь загрузи это на Твиттер! И на *YouTube*! Загружается, отлично! – Она смотрит на меня и Роберта. – Как только загрузится, тут же начинайте твитить, – серьезно говорит она. – Ну, или делиться, репостить. Не знаю, как это у вас называется.

– Чего? – непонимающе хлопаю глазами я. (Прежняя миссис Кендрик никогда не одобрила бы подобное словечко в стенах Уиллоуби-хаус.)

– Твитить! Если мы хотим, чтобы ролик стал вирусным, все должны твитить. Итак, как мы его назовем?

Вирусным? В мой мозг закрадывается подозрение и, когда я смотрю на Роберта, то понимаю, что он думает о том же.

– Тетя Маргарет, – спокойным голосом вопрошает он, – это все было подстроено?

– Ну конечно, подстроено, – нетерпеливо цокает языком миссис Кендрик. – Можешь сколько угодно считать меня отсталой старушкой, дорогой племянник, но чем больше людей увидят этот ролик, тем больше будут знать о Уиллоуби-хаус.

– Только что перекинула ролик моему внуку, – вставляет Мэвис. – Он предлагает назвать «Тот неловкий момент, когда чуть не уколошила бесценную вазу»!

– Прекрасно! – кивает миссис Кендрик. – Вводи, дорогая, вводи.

– Но я же проехался по всему полу! И головой ударился! – Роберт звучит как обиженный ребенок.

Миссис Кендрик выдает холодную усмешку:

– Я боялась, что ты плохо сыграешь.

– А если бы ваза разбилась? – вопрошает он. – Ты была готова рискнуть двадцатью тысячами фунтов из-за какого-то вирусного ролика?

– Ох, Роберт, – миссис Кендрик награждает племянника полным жалости взглядом, – куда подевался твой здравый смысл, которым ты все время хвастался? Эта ваза не может стоить двадцать тысяч, я купила ее в сети «*John Lewis*».

Роберт выглядит так, будто его сейчас удар хватит, и непонятно отчего: то ли из-за розыгрыша тети, то ли из-за того, что у него до сих пор болит голова от удара о ступеньку, или оттого, что Майк не удержался и прыснул со смеху.

– Я, пожалуй, вас оставляю, – вежливо говорю я и поднимаюсь вверх, в офис. Вся эта заварушка внизу порядком взбодрила меня, я почти позабыла о Дэне.

Не прошло и часа, как ролик появился на *YouTube*. Каждый раз, когда я его проверяю, число просмотров увеличивается раз на пятьдесят. Это, конечно, не чихающая панда, но в целом идея отличная.

Но даже смешной ролик не может унять рой тревожных мыслей в моей голове. Целый день работаю на автопилоте, но к четырем часам таки попадаю в воздушную яму. Кларисса уехала на встречу с потенциальным покровителем, по стеклу барабанит не унимающийся дождь, я же сижу за компьютером, обхватив голову руками. И вдруг слышу с лестницы тяжелые шаги Роберта. Мгновенно выпрямляюсь и устремляю пристальный взгляд на письмо, которое я начала около трех часов назад.

– О, здравствуйте, – немного рассеянно приветствую я его, как будто он отвлек меня от очень важного дела. – Значит, Майк ушел? – Не могу удержаться и «выплываю» имя Майка так, как это делала миссис Кендрик.

– Да, Майк ушел. – Забавно, но Роберт тоже воспроизводит тон миссис Кендрик.

– Вы продали ему это место за двадцать миллионов? – спрашиваю я, не отрываясь от экрана своего компьютера.

– Ни пенни меньше.

– Хорошо. Я не хочу, чтобы вы умерли с голоду. – Бодро кликаю мышкой, отсылая письмо.

– Не волнуйтесь, не умру, – невозмутимо отвечает он. – Сироты, которых я, подобно мистеру Хайду, растопчу по дороге в банк, чтобы обналичить добытые нечестным путем деньги, принесут мне жареного поросенка на серебряном подносе и по моему приказу отправятся чистить дымоходы.

Мои губы сами расплываются в улыбке. А он куда веселее и душевнее, чем хочет показаться окружающим. Наконец поднимаю голову и слегка вздрагиваю при виде синяка у него над бровью.

– Вы ушиблись, – ахаю я.

– Да, спасибо. Именно это я и пытаюсь вам доказать, – отвечает он шутливо-обиженным тоном.

– Миссис Кендрик тоже ушла?

– Да, у нее встреча с Илоном Маском⁴³, – говорит он, и я едва не восклицаю: «Правда?», пока не понимаю, что он шутит.

– Ха-ха, – ровным голосом говорю я.

– Есть и приятные новости. Пока я показывал тут все Майку, обнаружил вот это. – В правой руке у него бутылка вина.

– Ну да, это рождественское вино, – отвечаю я без особого интереса. – Мы каждый год дарим добровольцам по бутылке.

– «Шато Лафит». – Он проговаривает каждый слог, чтобы я обратила на его слова особое внимание. – Вы каждый год дарите добровольцам «Шато, мать его, Лафит»?!

– Ну да, – пожимаю плечами я. – Вы же знаете, миссис Кендрик любит все самое лучшее.

⁴³ Канадско-американский инженер, предприниматель, изобретатель и инвестор; миллиардер.

Роберт смотрит на меня, потом на бутылку и в недоумении качает головой:

– Каждый раз, когда я думаю, что это место не может быть еще более сумасшедшим, в углу меня поджидают такие вот «бутылки». Что ж, давай проверим, вправду ли оно самое лучшее? Здесь есть бокалы?

Беру пару бокалов с нашего Столика (да, опять с большой буквы) на колесиках, где всегда стоит херес и мисочки с чипсами и орешками.

– Быстро вы, – удивляется Роберт, наблюдая за мной. – Только не говорите, что миссис Кендрик...

– Любит выпить хереса, если мы задерживаемся допоздна?

– Я должен был догадаться. – Роберт наполняет наши бокалы «Шато Лафит», и, хотя не винный эксперт, по одному только букету понимаю, что это нечто особенное.

– Ну, будем здоровы. – Роберт протягивает свой бокал, и я легонько касаюсь его своим. Услышав веселый звон, вдруг понимаю, как сильно мне хочется выпить. Зараз опустошаю половину бокала.

– Возьмите печенек, – говорю я, указывая на сырны крекеры в вазочке из граненого стекла. Роберт садится на второй офисный стул, и мы молча пьем вино и грызем крекеры. Через некоторое время я открываю еще одну пачку крекеров, а Роберт вновь наполняет наши бокалы.

И даже жуящий печенье, с бокалом вина в руке он все равно выбивается из этого места в своем деловом костюме и блестящих туфлях, со своим глубоким властным голосом и манерой отодвигать локтями чужие вещи, даже не заметив этого.

– Осторожнее, – предупреждаю я, когда он задевает локтем кипу переплетенных в кожу канцелярских книг на столе Клариссы. – Это Книги.

– Книги? – переспрашивает он. – Только не говори мне, что опять с заглавной буквы? – После пары бокалов вина он опять начал обращаться ко мне на «ты».

– Там записаны итоги всех наших встреч, – поясняю я. – Время, человек, по какому вопросу. На самом деле очень удобные и полезные документы, охватывают целые года.

Роберт берет одну книгу и со вздохом начинает листать, бегая глазами по аккуратным строчкам, выведенным Клариссой перьевой ручкой.

– Знаешь что, меня это все достало. Чаша, Лестница, Книги, Вино... Не музей, а кроличья нора из «Алисы в Стране чудес». – Удрученно оглядывает офис. – Не хочу являть это место реальному миру. Но мне придется. Вы не можете вечно скрываться от жизни.

– Я работаю над наполнением нашего веб-сайта, – поспешно вставляю я. – Еще я снова обратилась к некоторым покровителям. Или мы могли бы продать несколько наших экспонатов, собрать немного наличных... – Умолкаю, когда Роберт качает головой.

– Ну продержимся мы пару месяцев, а потом что? – спрашивает он. – Продавать картины каждые три месяца, пока у нас их совсем не останется? Этому месту нужен постоянный заработок.

– Все, что нам нужно, – это небольшая единовременная сумма, – возражаю я. – Поможет нам...

– Были уже денежные вливания, были! – разочарованно отрезает Роберт. – Год за годом! Всеу есть предел! Ты хоть представляешь, сколько моя тетя... – Он умолкает, а меня мучают угрызения совести. Я ведь и вправду понятия не имею, сколько миссис Кендрик потратила на Уиллоуби-хаус.

– То есть вы все-таки собираетесь нас продать? Разве вы не говорили, что дадите нам шанс? – не могу скрыть упрек в своем голосе.

– И этот шанс у вас есть. Пока я не могу сказать ничего определенного. Просто... – он вздыхает. – Все оказалось сложнее, чем я предполагал. Больше работы. Не просто поменять курс тонущего трансатлантического лайнера, но поменять курс тонущего трансатлантического

лайнера, спасая при этом еще один тонущий трансатлантический лайнер. Ролики на *YouTube* нас не спасут. Новый веб-сайт... может быть. А может, и нет.

Дождь непрестанно барабанит по стеклу, а я безучастно барабаню пальцами по своему бокалу, когда Роберт вновь наполняет его. Уныние нависает надо мной, как тяжелая грозовая туча. Грянет ли гром? Закончится ли эпоха? Неужели это конец всего для меня? Не только здесь, но и дома... По щекам текут слезы, которые я не в силах остановить. Я была так счастлива. У моей жизни был смысл. А теперь... Как мне прожить бесконечные шестьдесят восемь лет, если все, что я люблю, рушится у меня на глазах... Работа под вопросом, муж ускользает...

– О боже, Сильви, прости меня, пожалуйста... – взволнованно шепчет Роберт. – Я же говорил, что не все так однозначно... Если ничего не получится, я помогу вам с Клариссой найти новую хорошую работу...

– Дело не в работе, – достаю носовой платок и вытираю лицо. – Простите меня... это... это личное.

– Ах. – Роберт откидывается на спинку кресла. Чувствую, как в воздухе происходят изменения, напряжение исчезает. Как будто моя профессиональная жизнь была стаканом прозрачной воды, в который я только что накидала разноцветных кубиков льда, насыпала щепотку сахара или бросила лимончик.

Внимательно смотрю на Роберта, чтобы заверить саму себя, что ему нет никакого дела до перипетий моей личной жизни. Но нет, Роберт потягивается в кресле, поддается вперед и смотрит мне прямо в глаза. Ему есть дело. Еще какое.

Его волосы раза в два гуще, чем у Дэна, вдруг замечаю я. Роскошные, темные, блестящие. Чувствую запах его лосьона для бритья. Дорогого. Довольно приятного.

– Я не собираюсь вас расспрашивать, – произносит он после долгой паузы, хотя в глазах его светится любопытство.

– Все не так... – пожимаю плечами я. – Я просто... – Промокаю лицо платком, призываю все свои силы и... внезапно спрашиваю: – Вы женаты?

– Нет, – сухо отвечает он. – Был когда-то.

– Ясно.

– Но и тогда это было нелегко. Брак, семья... – пожимает плечами он.

– Угу.

– Но могу сказать лишь одно, – говорит он после глотка вина. – Возможно, мне не стоит, но я скажу. Если ваш муж... хотя бы на мгновение... если он не понимает, что... – Роберт смотрит на меня, но глаза его непроницаемы; я не могу понять, о чем он думает, – то он больной. Больной на всю голову.

Дрожу. Щеки предательски покалывает, как на морозе, а руки покрываются гусиной кожей. Я заморожена взглядом Роберта, загнипнотизирована. Он совсем не похож на Дэна. Его густые волосы. Его прямолинейность. Его решительность. Да, совсем не похож на моего Дэна. Два совершенно разных человека. Два разных вкуса.

Если жизнь и вправду похожа на коробку шоколадных конфет, то, выходя замуж, ты словно выбираешь одну начинку и захлопываешь коробку со словами: «О да, теперь это моя любимая начинка». И когда произносишь клятву верности, думаешь: «Мне нужна только эта начинка. Вкуснятина! Кому нужны орешки и пралине? Мне нужен только этот марципан. Неважно, что когда-нибудь он мне надоест и мне захочется чего-нибудь другого».

И ты не врешь. Ты любишь только этот марципан. Но почему со временем ты, облизывая губки, косишься на конфетку с начинкой из вафельной крошки?

– На всю голову больной, – повторяет Роберт, по-прежнему не отводя от меня взгляда. – Хотите чего-нибудь перекусить? – вдруг осторожно добавляет он, опять перейдя на «вы».

Где-то на краю своего сознания я уже вижу блестящую цепь событий, с новой силой двигающую шестеренки моей жизни. Ужин. Еще больше бутылок хорошего вина. Смех, звон в ушах, туман в голове, приятное волнение и вкрадчивый шепоток: «Вот тебе, Дэн! Теперь ты понял?!» Рука на моей талии, ласковое мурлыканье в ухо... танцы? Такси? Тускло освещенный коридор отеля... Полумрак номера... Незнакомые губы касаются моих... Сильные руки срывают с меня блузку... Тепло нового, неизведанного тела...

Так хорошо... Так ужасно!

Это испортит мне жизнь. Я не такая! Пусть я и не ведаю сейчас, кто я, но я не такая! Я этого не сделаю!

– Нет, спасибо. Я не голодна, – выдыхаю я, а сердце колотится о ребра. – Мне уже пора и... Но спасибо вам. Правда, спасибо.

Приезжаю домой чуть раньше Дэна, с веселой улыбкой на лице прощаюсь с Карен, укладываю малышей спать. А затем просто жду на кухне, чувствуя себя при этом злодеем из бондианы, который с нетерпением предвкушает, когда агент 007 попадет в ловушку.

«Я ждала вас, мистер Уинтер». Именно так я ему и скажу. Только это неправда. Я не ждала этого. До прошлой ночи я бы никогда не поверила, что такое может случиться с нами. Романы на стороне? Запертые ящички? Эсэмэски? Нет, такого просто не могло быть. Я листала фотографии сообщений Дэна на своем телефоне. Снова и снова. Целый день. И не могла поверить в то, что я вижу. Ведь они звучат так знакомо. Именно так, как Дэн постоянно пишет. Короткие, легкие строки, как и те, которые он присылает мне. Вот только эти не для меня.

Но что по-настоящему раздирает изнутри когтями тревоги, так это короткое «Помни о ЗС-факторе». Факторе «Златовласки Сильви». Я больше не его любимая жена, а какой-то фактор. Не говоря уже о том, что Златовласка Сильви – это очень личное прозвище. Ласковое, хоть и заставляет меня вздрагивать каждый раз. А сейчас меня и вовсе трясет, когда я понимаю, что он использует его с *ней* подобно команде «шухер!».

Я просто не могу этого понять. Дэн, которого я знаю, всегда заботлив и внимателен. Готов защищать все, что мы создали вместе: нашу семью, наш дом, наш уютный мирок. Как можно не знать того, с кем так близок? Или я просто была слепа все это время?

Что я скажу потом? Этого я не знаю. Разве могут быть слова? Знаю лишь, что не собираюсь размахивать доказательствами его неверности у него перед лицом. Что мне это даст? Пронзит мимолетной вспышкой мстительного ликования? (На самом деле я мечтаю об этой ослепительной вспышке, пронзающей каждый мой нерв, хоть на секунду отдаляющей от меня туманное, неясное будущее.)

Но что потом? Я поймаю его с поличным. Я выиграю. Вот только мне не нужна такая победа.

Вот если бы он признался сам, объяснил, что это было совершенно стихийное, мимолетное увлечение, просто потому что... А почему?! Какое тут может быть объяснение?! Я не знаю. *Не мне* отвечать за этот поступок.

А лучше бы вернуться назад во времени, когда ничего этого еще не произошло.

Звук поворачивающегося в замке ключа заставляет меня подпрыгнуть. Твою ж не скажу! Я еще не готова. Пospешно приглаживаю волосы и делаю пару глубоких вдохов. Сердце стучит так же громко, как барабаны из колонок Тоби; не удивлюсь, если Дэн слышит мое сердцебиение. Но он не слышит. Он ничего не замечает. Молча заходит в дом, бросает в прихожей свой дипломат и устало выдыхает. Даже с кухни я вижу, что выглядит Дэн ужасно – весь бледный, осунувшийся, а лицо такое напряженное, что заметно, как бьются жилки на виске. В другой вечер я бы ласково спросила: «Все хорошо?», или с молчаливой улыбкой подала бы ему чашку крепкого чая.

Но не сегодня. Если ему так хреново, тогда «незачем было обременять себя столькими договоренностями в личной жизни». Эта сухая, почти канцелярская фраза, которую я хотела произнести ровно и спокойно, звучит в моей голове резко, язвительно. Но что еще страшнее, каждое слово наполнено болью.

– Как день? – бросаю я ему в лицо.

– Бывало и лучше. – Дэн утирает пот со лба тыльной стороной ладони, а меня же захлестывает волна ярости, но я ее подавляю.

– Думаю, нам нужно поговорить, – спокойным голосом произношу я.

– Сильви... – вымученно выдыхает он, как будто звук моего голоса причиняет ему нестерпимую боль, – у меня голова раскалывается, на работе был самый настоящий ад, а мне еще нужно сделать несколько звонков...

– Ах, звонков, – ядовито протягиваю я.

– Да, звонков, – непонимающе хлопает глазами Дэн.

– Каких звонков?

– Обычных... по работе.

Делаю глубокий вдох. Мне нужно собраться. Сейчас или никогда.

– Я просто думаю... мы должны быть... честнее друг с другом, – начинаю с величайшей осторожностью подбираться к сути, – не таить друг от друга секретов. Давай назовем это... игра «С чистого листа». Попробуем признаваться друг другу во всем, в чем побоялись бы признаться до этого.

– Сильви, ради всего святого, – бормочет Дэн так, будто игра «С чистого листа» последнее, что ему нужно в жизни. – Мне нужно выпить.

– Нам нужно вновь нащупать те незримые нити, что нас всегда связывали, – не сдаюсь я, когда Дэн тянется к холодильнику за банкой пива. – А для этого нужно быть предельно откровенными друг с другом, открытыми. Не скрывать ничего. Как... – бегаю глазами по кухне в надежде, что уцеплюсь хоть за какой-то пример, – как... – натываюсь на блок записок с липким краем и кое-что вспоминаю, – как... твоя мама недавно звонила, но я совершенно забыла тебе об этом сказать. Прости меня, пожалуйста.

Тишина. Выжидающе смотрю на Дэна.

– Что? – все еще не понимает (или притворяется, что не понимает) Дэн.

– Твоя очередь! Ведь это так просто, начать все с чистого листа... Наверняка у тебя есть что-то, чем ты не хотел делиться со мной... что угодно...

Я умолкаю, стук сердца перебивает шепот тревожных мыслей в голове. Понимаю, что упустила возможность. Он не признается. Я призналась в том, что пропустила телефонный звонок, а он мне сразу выложит, что у него роман на стороне? Глупая была идея.

– Сильви, у меня *действительно* нет на это времени, – кратко отрезает он, и нотки пренебрежительности в его голосе действуют на меня, как красная тряпка на быка.

– У тебя нет времени на нашу семью? – взрываюсь я. – Нет времени поговорить о трещинах в нашем браке?

– Трещинах? – раздражается Дэн. – Какие еще трещины? Опять ты выдумываешь проблему на ровном месте...

«Выдумываю?! – хочется мне закричать. – Значит, сообщения твои я тоже выдумала?!»

И снова тишина, лишь часы неумолимо тикают на стене. Мы купили их вместе в *Ikea*, еще до того как поженились. Нам с Дэном даже не пришлось спорить по поводу покупки – мы оба почти синхронно положили глаз на эту модель с большим черным ободком и без цифр. И теперь этим часам суждено отмерять наши шестьдесят восемь лет. Или для нас все закончится гораздо раньше? Веселая шутка, не правда ли?

Дэн выдвигает кухонный стул и садится. Он выглядит точно так же, как мужчина, которого я знала и любила все эти годы, но он уже не тот. Он буквально напичкан тайнами и секретами.

Внутри у меня все кипит. Я не могу этого так оставить. Если не могу «бросить ему в лицо» эсэмэски для Мэри, то я должна пустить в ход что-то другое.

– Я знаю, у тебя на работе что-то... *происходит*, – наседаю я на него. – Я слышала ваш с мамой разговор в больнице. «Миллион фунтов, может, два». Знакомая фраза, да, Дэн? Ты что, берешь деньги взаймы? Не сказав мне? Это все для того копенгагенского расширения?

– Ради... всего... святого. – Дэн вытаращивает глаза так, что каждый становится размером с Круглую башню⁴⁴.

– Я тебя слышала! – Голос мой срывается на визг, но мне все равно. – Два миллиона, может, два... Господи, Дэн, это же наше будущее! А ты ставишь его на кон, рискуешь всем. И я *точно* знаю, почему ты все это...

– Неужели? – перебивает меня Дэн. – Давай, расскажи мне, *почему* я все это делаю. Почему? – зловеще сверкает глазами Дэн.

Серьезно? Он еще и просит *меня* об этом?!

– Из-за моего отца! – почти кричу я. – Какие еще могут быть причины? Все всегда сводится к моему отцу. Тебя раздражает, что папа был таким богатым и успешным, что все им восхищались. Думаешь, я не замечаю, какие мины ты строишь каждый раз, когда кто-то говорит о папе что-то хорошее.

– Все не так! – огрызается Дэн.

– Боже мой, Дэн, ты сам себя слышишь? – Я бы засмеялась, если бы не боялась расплакаться перед Дэном. Нет, он не увидит моих слез. – Ты себя слышишь?! – повторяю я. – Все же совершенно очевидно. И ты хочешь расширить свою компанию не потому, что это улучшит материальное положение нашей семьи, а лишь потому, что соревнуешься с моим отцом. Которого уже нет, если ты не помнишь. Нет! Ты такой мелочный, что меня уже тошнит от этого.

Умолкаю и тяжело дышу в ужасе от самой себя, слезы уже готовы вырваться наружу. Не могу поверить, что назвала Дэна мелочным. Но я назвала, я переступила черту.

На лбу Дэна бьется жилка, миллион мыслей проносится в его голубых глазах подобно скоростному поезду; я не могу разгадать, о чем он думает.

– Нет, я не могу! – резко вскакивает с места, едва не опрокинув стул.

– Не можешь что? – спрашиваю я, но Дэн, даже не взглянув на меня, уже несется вверх по лестнице. – Дэн! – бегу за ним. – Вернись! Мы еще не закончили!

– Господи, Сильви! – Дэн останавливается на полпути и поворачивается ко мне. – Ты и дальше собираешься наседать на меня? Нам не нужно говорить! Меня задолбали вечные разговоры о браке. Мне нужна... свобода. Глоток свободы. – Он обхватывает голову руками. – Чтобы подумать.

– Свобода, значит? – угрожающе надвигаюсь я, а у самой все внутри холодеет от страха.

Все вышло еще хуже, чем я себе представляла. Хочу вернуть все назад, хочу взглянуть ему прямо в глаза, прошептать: «Пожалуйста, Дэн. Скажи мне, что ты ее не любишь». Но я боюсь его ответа. Я думала, что знаю его лучше, чем себя. Человек, чьи слова и предложения я предугадывала, прежде чем он их произносил. Но я понятия не имею, что он ответит мне.

Только бы не упасть в обморок от страха в этой знакомой уютной прихожей, глядя на человека, который мне более незнаком. От его взгляда мне становится не по себе так, что волоски на моей шее встают дыбом. Это не один из наших ласковых, понимающих взглядов. Так он мог бы коситься на совершенную незнакомку.

⁴⁴ Башня в Копенгагене, была построена астрономом Тихо Браге, который устроил в ней обсерваторию.

– Да, я хотел тебе сказать, – говорит он так, будто и сам не верит в правдивость своих слов. – Я завтра уезжаю. Лечу в... Глазго. Я могу выехать вечером и переночевать в отеле у аэропорта.

– Глазго? Почему Глазго?

– Встреча с новым поставщиком, – отвечает он, невольно отводя глаза в сторону. У меня падает сердце. Он лжет. Он едет к ней.

– Ок, – односложно выдавливаю я, хотя легкие мои готовы разорваться.

– Скажи девочкам, что я скоро вернусь. Поцелуй их от меня.

– Ок.

Он отворачивается и поднимается в спальню, я же стою на месте, прокручиваю в голове на повторе наш разговор: «Что я сказала, что сделала не так?» Неужели каждое мое слово толкает нас все ближе к обрыву? Спустя пару минут он спускается с черной кожаной дорожной сумкой, которую я подарила ему на Рождество.

– Дэн, послушай, – начинаю я, сглатывая отчаяние вместе со слюной. – Тебе не обязательно уезжать сейчас. Останься дома. Ты же можешь поехать в аэропорт утром.

– У меня еще есть дела. – Выглядит он очень решительным. – Будет проще, если... Я напишу Карен. Думаю, она не будет против посидеть с девочками и помочь им подготовиться к спартакиаде.

Спартакиада? Он думает, меня волнует эта чертова спартакиада?

– Ок, – вновь односложно выдаю я, не в силах сказать еще что-то.

– Вернусь через день или два. Буду держать тебя в курсе.

Он целует меня в лоб, затем направляется к входной двери своим быстрым, решительным шагом. Я стою неподвижно, почти в беспамятстве от шока, даже тогда, когда дверь захлопывается за ним. Что только что произошло?

Внезапная мысль озаряет меня, и я поспешно поднимаюсь наверх, в кабинет Дэна. Открываю верхний ящик его стола и... Да! Его паспорт лежит внутри. Дэн не из тех, кто забывает документы. А значит, никуда он не летит.

Беру паспорт, открываю: Дэн с фотографии смотрит на меня так же равнодушно, как смотрел на меня сегодня настоящий Дэн. Мужчина, который, как я думала, не может хранить от меня никаких секретов, оказался тем еще лжецом.

И теперь унижение душит меня, словно мне на голову надели мешок. Отвратительно. И так предсказуемо. Муж ушел от меня к любовнице, оставив присматривать за детьми. Теперь это – моя реальность. Я думала, у нас все будет по-другому. По-особенному. Но теперь мы как все остальные: пресытившиеся друг другом супруги-лжецы из юго-западного Лондона. Рыдания накрывают меня, я хватаю свой телефон и, судорожно всхлипывая, дрожащими пальцами набираю: *«Ну так ваи и развлекайся. Хотел меня удивить? Ты не мужчина! Ты предсказуемое, скучное гребаное клише!»*

Отсылаю сообщение и оседаю на пол. Больше не могу плакать. Больше не могу думать.

Мы всегда были идеальной парой. Теперь мы и вправду *идеальнейшая* пара, живущая по «*идеальному*» сценарию мыльной оперы, где муж обязательно по законам жанра уходит к любовнице.

15

Я помню, каково было, когда я потеряла отца. Сначала ты впадаешь в оцепенение. Тебе кажется, будто ты не чувствуешь ничего. Потом начинаешь ходить на работу и думать. Даже улыбаешься и шутишь: «Вау, а я и вправду справляюсь, я сильнее, чем думала». А затем боль поглощает тебя целиком, оставляя покрываться плесенью в коконе собственных мыслей и сожалений.

Сейчас я еще на стадии оцепенения. Девочки готовы к школе. Я мило общаюсь с Карен (говорю ей, что Дэн сильно занят на работе), весело (надеюсь) машу профессору Расселу через окно. Я бы и сама отвезла девочек на спартакиаду, но Дэн еще вчера вечером написал Карен и сказал ей, что у нас чрезвычайное положение. Она прискакала в семь утра, полностью готовая к работе. И вот сейчас, когда она с девочками уехала, в доме воцарилась тишина, которая бывает всегда, когда дом покидают дети. Только я и змеюка. И ее, слава богу, не нужно кормить еще пять дней. Если Дэн не вернется к тому времени, я позвоню в Королевское общество защиты животных от жестокого обращения и сдам ее!

Накладываю больше макияжа, чем обычно, яростно растушевывая тени для век. Надеваю туфли на высоком каблуке, так хоть буду чувствовать себя увереннее. Уже готовлюсь выходить из дома, когда взгляд падает на стопку свежей почты у входной двери. Что мне делать, если придет почта для Дэна? Отослать ее ему? Но куда?

К счастью, в стопке только пара рекламных каталогов и рукописное письмо. В дорогом конверте из бумаги кремового цвета. Красивый почерк, изящный и наклонный. Смотрю на письмо с подозрением. Неужели от нее? Нет, она бы не стала.

Открываю, нет, практически, разрываю конверт. В сердце словно вонзается кинжал. Письмо от *нее*. Благодарственное, мать его, письмо! Пробегаю глазами стандартные «спасибо огромное за ужин», «была рада познакомиться с Сильви», но переварить не могу. Думаю: «Да как ты посмела? Как ты посмела?! Не боишься моей ненависти, от которой тебя не спасет даже твоё энергетическое исцеление? Вас обоих. Тебя. Его. С вашими эсэмэсочками и тайными обнимашками. Не позволю делать из меня дуру!»

Новые силы растекаются по моим венам. Боль и обида разгоняют кровь. Прошлым вечером я все сделала неправильно. Я была застигнута врасплох. Не сказала то, что должна была. Как бы хотелось все вернуть и прямо в лицо процитировать Дэну его сообщения для Мэри. С чего я решила, что он во всем признается мне? Он ведь даже не догадывается, что я знаю. Думал, он со своей садоводочкой обвел меня вокруг пальца.

Но сегодня это сделаю я. Если любовница моего мужа думает, что может безнаказанно писать мне двуличные письма, смеясь надо мной за моей спиной, то мне придется ее огорчить. Ничего у нее не получится.

Пишу Клариссе: *«Заскочу в Лондонскую библиотеку, появилась пара идей для музея, нужно проверить»*. Затем гуглю компанию Мэри – «Груша зеленая». Это в Блумсбери. Легкотня. Готовься, Мэри! Правда, когда я выхожу из метро на Гудж-стрит, руки сами собой сжимаются в кулаки. Мои ноги двигаются как ножницы, челюсть сжата, а тело словно защищено незримой броней. Я готова к любым ударам.

Дохожу до нужного здания и оказываюсь перед одной из тех огромных лондонских многоэтажек с офисами примерно десяти компаний на одном этаже, ужасно трясущимся лифтом и вахтером, который не понимает, что тебе вообще здесь нужно. Но наконец после бесконечно-мучительного разговора между вахтером и кем-то там на проводе («Да, в «Грушу зеленую». Нет, ей не назначено. Нет, предварительно она не звонила. Ее зовут Сильви Уинтер. Силь-ви. Она к Мэри. Мэ-ри. М-э-р-и»), я поднимаюсь по лестнице на четвертый этаж. Я совершенно собрана, только сердце стучит как сумасшедшее, а руки предательски покрыва-

ются гусиной кожей. Кажется, будто это все происходит не со мной. Но я получу все ответы. Или отомщу! Зависит от ситуации...

Поднимаюсь на четвертый этаж и толкаю тяжелую пожарную дверь. Мэри ждет меня на крошечной площадке, красивая, как никогда, в сером льняном платье, но потрясенная моим неожиданным визитом, замечаю я с удовлетворением. Что, дорогая, по тихой заводи пробежала рябь?

– Сильви! – ахает она. – Мне позвонили снизу и сказали, что кто-то по имени Сильви хочет меня видеть. Но я и подумать не могла...

– Брось! Ты не можешь не знать, почему я здесь! – с ходу язвлю я. – Тогда попроси свои целебные энергии помочь тебе!

Тишина. Лишь мысли проносятся в ее темно-карих глазах.

– Может, пройдем в кабинет? – произносит она наконец.

Она ведет меня в крошечный кабинетик и жестом указывает на кресло напротив ее стола. Кабинет, на мой взгляд, пустоват: лишь мебель из очень светлого дерева, информационные плакаты об экологических проблемах и пара картин абстракционистов, о которых в других обстоятельствах я бы у нее обязательно спросила.

Мэри садится, я остаюсь на месте. Мне нужно быть выше ее.

– Спасибо за письмо, – резко начинаю я и швыряю ее письмецо прямо ей на стол.

Она вздрагивает и непонимающе хлопает глазами. Осторожно берет в руки конверт и лепечет:

– Это... Ты это... Сильви?

– Да, я, – неумолимо отрезаю я. О нет, для тебя это не будет легко, дорогая!

– Что-то... случилось?

Что-то случилось? Что-то случилось?! Она издевается?

– Говорю же, брось! – рычу я. – Я все знаю. У вас тайный роман. Ну, не такой уж и тайный, раз он переехал к тебе. Можешь делать что хочешь, только больше не присылай мне писем с благодарностью за прекрасный обед.

Тяжело дышу, Мэри же смотрит на меня с отвисшей челюстью.

– Переехал ко мне? Ты это вообще о чем?

– Прекрати притворяться.

– Боже, Сильви. – Она хватается руками за голову. – Если ты ждешь объяснений... У меня нет романа с Дэном, и он ко мне не переезжал.

– Ну да, и тайных эсэмэсочек он тебе тоже не присылал, – сладеньким голосом протягиваю я. – И не говорил тебе, что чувствует себя прижатым к стенке. Я видела, как вы разговаривали. Я видела, как вы обнимались. Нет смысла больше ничего скрывать.

Тишина. У меня получилось! Я проколола ее сияющий радугой мыльный пузырь, сорвала с нее маску. Для ангела она выглядит слишком уж взволнованной.

– Мы разговаривали тем вечером, – наконец произносит она. – И обнимались. Но как старые друзья, не более. Дэн захотел открыться мне... и я его выслушала. – Она встает со стула и смотрит мне прямо в глаза. – У нас с Дэном нет романа. Пожалуйста, поверь мне.

– «Старые друзья, не более», – передразниваю ее я.

– Все именно так. – Ее щеки заливаются румянцем. – Я не стала бы встречаться с женатым мужчиной. Никогда в жизни.

– А сообщения? – не отстаю я.

– Я прислала ему пару сообщений. Мы просто болтали. Ничего больше. Я обещаю.

– Но вы встречались в «Старбаксе». И в «Villandry»!

– Нет, – качает головой она. – Мы обсуждали возможность встречи. Он просто хотел поговорить со мной. Разгрузиться. Вот и все.

– Разгрузиться? От чего? – Мой голос звенит, я не собираюсь смягчать тон. – От того, что я была «сама не своя»?

– Что?! – непонимающе хлопает она глазами. – Он никогда так не...

– Хватит все отрицать! Я видела сообщения! «Извини, опаздываю», «Все нормально, я отвлек С.», – цитируя я, тыча в нее пальцем. – «Помни о ЗС-факторе»! Я все прочла, нет смысла врать!

– Понятия не имею, о чем ты! – Она кажется сбитой с толку. – Что еще за ЗС-фактор? И он не мог «опоздать» на встречу, потому что мы не встречались.

Тяжело дышу. Нет, ну бывают же такие люди!

– Смотри! – сую ей под нос фотографии эсэмэсок, которые я сделала с тайного телефона Дэна. – И вспоминай!

Мэри смотрит на телефон и изящно морщит лоб:

– В жизни не видела этих сообщений!

– Что? – чуть ли не ору на нее я. – Они для «Мэри». Смотри, «Мэри»!

– Мне плевать, они не для меня!

Мгновение мы просто смотрим друг на друга. Я пытаюсь найти другое объяснение, отчаянно *хочу* найти это другое объяснение. Между тем Мэри хватается телефон и начинает лихорадочно листать фотографии, пока не доходит до сообщений *от* «Мэри».

– Это не мой номер, – спокойно говорит она. – Не мои сообщения. Я покажу тебе свой телефон, если хочешь. Покажу сообщения, которые Дэн присылал *мне*. Они совершенно невинные.

Она выдергивает из своего айфона провод для зарядки и показывает мне экран. Смотрю на сообщения Дэна, все начинающиеся с «Привет, Мэри» и заканчивающиеся «Замечательно, что ты смогла приехать к нам с Сильви на ужин». Мэри права. Они все невинные и даже довольно формальные. В них нет той виноватой спешки и небрежной легкости, которая отличает *те* сообщения.

– Я не знаю, кому он это писал, – Мэри стучит ноготком по экрану моего телефона, – но *точно не мне*.

– Но...

Опускаюсь в кресло, колени дрожат, я не могу дышать. Я по-над обрывом. Какая-то женщина держит меня за грудки на краю пропасти и угрожает сбросить. Но вот только я опять не знаю, кто она... Кто эта другая Мэри? Сколько же Мэри в жизни Дэна? Смотрю на Мэри Холланд и вижу в ее глазах отражение моих собственных вопросов. Она медленно листает фотографии на моем телефоне, и с каждым фото ее лицо становится мрачнее.

– Я понимаю, почему ты... встревожена, – наконец произносит она. – Что собираешься делать?

– Не знаю, – поднимаю руку и тут же безвольно опускаю ее. – Дэн уехал куда-то вчера вечером. Сказал, что в рабочую командировку, но я ему не верю. Он уехал к *ней*?

– Нет, – тут же отвечает Мэри. – Не могу в это поверить. Дэн не поступил бы так с тобой. Скорее всего, он... – Она внезапно умолкает, будто у нее в голове что-то щелкнуло.

Я беспокойно ерзаю на кресле:

– Что? Что он тебе сказал? – требую я. – Он тебе доверился?

– Не совсем. Он хотел... но потом передумал, – вздыхает Мэри. – Я очень волнуюсь за него, он весь на нервах...

– Я знаю, что он весь на нервах! – в отчаянии восклицаю я. – Но он не расскажет мне, почему. А я даже не знаю, как у него спросить об этом. Я знаю, что у него от меня тайны. Но как я могу ему помочь, если я ничего не знаю?

Мэри все еще смотрит в экран моего телефона, внимательно вчитываясь в каждое сообщение. Никогда не видела ее такой загруженной, с лица ее даже исчезли милые ямочки. Она выглядит так, словно борется с чем-то внутри себя.

– Господи, – ахаю я. – Значит, он тебе все-таки что-то рассказал. Что?! Скажи мне!

Мэри поднимает на меня глаза, и я понимаю, что попала в яблочко. Но она молчит. Очевидно же, что она все знает, но мне не скажет. Она защищает его, потому что она хороший человек, и думает, что поступает правильно. Но она поступает *неправильно*.

– Пожалуйста, Мэри, – умоляю я, поддавшись вперед. Неужели она не понимает, насколько это важно? – Я знаю, что ты его друг и хочешь оправдать его доверие. Но единственный способ помочь ему – это рассказать мне все. Я не скажу ему, что узнала все от тебя, – поспешно добавляю я. – И когда-нибудь я тоже тебе помогу, обещаю.

Не знаю, правда, чем смогу ей помочь. Но если подобный случай произойдет с Мэри, я все ей расскажу, стоит ей только попросить.

– Я не знаю всех подробностей, – неохотно начала Мэри. – Да я практически ничего не знаю. Но есть кое-что, что отравляет ему жизнь. Он называет это «непрекращающимся кошмаром».

– Непрекращающимся кошмаром? – эхом отзываюсь я.

Значит, что-то и вправду мучает Дэна так сильно, не покидает его мыслей двадцать четыре часа в сутки? Но что? И почему он не рассказал мне?

– Так он это назвал. Но я говорю, он не сообщал мне никаких подробностей. Если только... – Она закусывает губу и виновато смотрит на меня.

– Что? – нетерпеливо кричу я.

– Хорошо, – выдыхает она. – Что бы это ни было... это связано с твоей матерью.

– С моей матерью? – непонимающе повторяю я.

– Поговори с ней. Спроси у нее. У меня предчувствие... – Она умолкает. – Поговори с ней.

Не могу вернуться на работу, я там сойду с ума. Пишу Клариссе: «*Все еще в библиотеке, буду позже*», и еду напрямик домой. К тому времени, как я добираюсь до Уондсворта, успеваю оставить маме три голосовых сообщения и СМС: «Нам нужно срочно поговорить!!!» – но ответа так и не получаю. Ладно, приеду к ней сама, если потребуется. Мне нужно немного времени, чтобы переварить то, что я услышала. Непрекращающийся кошмар. Как долго Дэн мучается? И как это связано с моей мамой? Это все из-за миллиона фунтов? Боже, мне нужны ответы!

Но что, если Мэри ошибается? Что, если это я – непрекращающийся кошмар Дэна? Внутри меня все холодеет, как будто я сама брожу в непрекращающемся дурном сне. Я помню, как Дэн вскочил со стула и воскликнул: «Нет, я не могу!», будто он был на грани срыва. А я, брызжа слюной, назвала его предсказуемым, скучным гребаным клише. И ладно если бы у нас все было предсказуемо: в муже вспыхнула страсть к старой подруге, и он начал врать жене. Но у нас все по-другому. Здесь есть что-то еще. Достаяю телефон, чувствуя острое желание написать Дэну и на этот раз сделать все правильно. Но после «Дорогой мой Дэн» пальцы застывают над экраном. Что же мне ему сказать? Фразы крутятся у меня в голове, но я отбиваюсь от них, как от назойливых мух. «Скажи мне, кто другая Мари?», «Пожалуйста, не отталкивай меня», «Я знаю про «непрекращающийся кошмар». Скажи мне, что это?!»

Если бы он хотел сказать мне, он бы давно сказал. Что возвращает меня к вопросу: неужели я – его непрекращающийся кошмар? И что это за предчувствие было у Мэри Холланд?

Слезы катятся по моему лицу, когда я иду по тротуару к дому, но, заметив Тоби, тут же утираю слезы тыльной стороной ладони.

– Привет, Тоби, – киваю я ему (он сжимает пару роликовых коньков и шлем), – я знала, что ты вернешься!

– Ролики забирал, я их забыл. – Он кидает их в багажник незнакомой мне машины.

– Это твоя? – любопытничаю я.

– Мичи. Вообще-то, мне бы надо сказать ей, что я взял машину. – Он облакачивается на садовую калитку и строчит сообщение Мичи. На небе наконец появилось солнце, и Тоби запрокидывает вверх голову, наслаждаясь теплыми лучами, ласкающими его лицо, как будто совершенно никуда не торопится.

– Разве тебе не нужно на работу?

– А, позже поеду. Все нормально, – пожимает плечами он. – Обычно мы работаем с полудня до полуночи.

– Полуночи?

– Ага, – невозмутимо кивает Тоби.

Боже, я чувствую себя такой старой, практически древней.

– Ну ладно, не забывай заезжать к нам время от времени. Ты с мамой уже виделся?

– Она на кухне, готовит мне спагетти болоньезе, – отвечает Тоби. Лицо его при этом так светится, что я и сама невольно улыбаюсь. Должно быть, он приятно удивил Тильду, вернувшись домой так скоро. В противном случае они бы сейчас опять ссорились и кричали друг на друга.

– Не хочешь зайти к нам на обед? – вежливо предлагает он. – Мама будет только рада.

– Нет, спасибо. У меня кое-какие дела... Все немного... – устало прислоняюсь к калитке рядом с Тоби. – Тебе никогда не казалось, будто все сговорилось против тебя?

Я не ждала от него ответа, но он мрачно кивает:

– Теории заговора, Сильви. Я всех предупреждал, а мне никто не верил.

Солнце, честно говоря, начинает припекать. И как только Тоби не жарко со своей бородой? Снимаю свои солнцезащитные очки и тянусь за бальзамом для губ. Когда я откручиваю крышечку из розовой эмали, Тоби кивает на баночку с бальзамом с таким видом, будто знает ответы на все вопросы:

– Большие фармацевтические компании, Сильви. Все всегда работает против нас.

Я не отвечаю. Я гляжу на выгравированные на крышечке символы «З. С.». Не могу поверить, что Дэн использовал мое прозвище в сообщениях к другой женщине. Не могу поверить, что он обозвал меня каким-то фактором. ЗС-фактор. Фактор Златовласки Сильви. Я вся содрогаюсь при мысли о том, что *та Мэри* зовет меня так. Это хуже, чем предательство! Кто она? Кто она?!

– Что бы ты сделал, если бы обнаружил на телефоне кучу сообщений, но не знал, от кого они? – спрашиваю я, устремляя взор в небеса.

– Удалил бы номер из контактов, – равнодушно пожимает плечами Тоби.

– Ну а если все же хочется знать, от кого? – возражаю я.

– Загуглил бы. Посмотри, может, что-нибудь и всплывет в сети.

Загуглить? Я бы даже не подумала.

– Разве персональные номера мобильных можно проверить по интернету? – недоверчиво кошусь я на Тоби.

– Иногда можно. Стоит попытаться. А чей номер? – с внезапным любопытством спрашивает он.

– Да так, девчонки с работы, – смутившись, лепечу я. – Ее сестры. Двоюродной. Неважно, на самом деле.

Я могу загуглить номер. Махаоны со стальными крыльями в моем животе беспокойно мечутся. Мне нужно добраться до компьютера. Срочно!

– Ну, увидимся, Тобс, – говорю я и поворачиваюсь к своему дому. – Загляни как-нибудь к нам вместе с Мичи. Я очень хочу с ней познакомиться.

– Конечно. Пока, Сильви.

Поднимаюсь на крылечко, долго вожусь с ключами. Кажется, проходит целая вечность, прежде чем я оказываюсь перед своим ноутбуком. Нетерпеливо шепчу: «Скорее, скорее», когда он загружается.

Набираю номер телефона из сообщения и затаив дыхание жду результатов. Хотя я вела себя как совершеннейшая идиотка, ожидая мгновенных результатов. Через сколько сетевого мусора мне пришлось продраяться (записи о серийных номерах автомобилей, страницы телефонной книги без какой-либо фактической информации), прежде чем на пятой странице я обнаружила то, что заставило меня аж приподняться со стула.

Регби-клуб школы Спасителя. Представитель родительского совета: Мэри Смит-Салливан

Это она! Тот самый номер. То же имя. Боже мой, а я ведь до конца не верила в существование этой женщины. Смогу ли я узнать что-нибудь о ней? Скажем, где она работает?

С бешено стучащим сердцем забиваю «Мэри Смит-Салливан» в строку поиска на *LinkedIn*. И...

Вот она! Мэри Смит-Салливан, «Эйвори Милтон», партнер. Специализация: неприкосновенность частной жизни, распространение порочащих сведений и другие судебные процессы, связанные со средствами массовой информации.

Хм, выглядит она лет на пятьдесят, с короткой стрижкой, в твидовом футляровидном пиджаке, практически без макияжа. Она улыбается, но не тепло и приветливо, а скорее деловому, типа «я должна улыбаться на этой фотографии».

Это *ее* Дэн заваливал секретными сообщениями? У него не может быть романа с ней! В смысле... это было бы ненормально!

Все еще непонимающе смотрю на страницу, как будто от этого что-то изменится. Наконец беру телефон и дрожащими пальцами набираю номер конторы «Эйвори Милтон». «Здравствуйте, чем я могу вам помочь?» – приветствуют меня на том конце провода.

– Я бы хотела записаться на прием к миз⁴⁵ Смит-Салливан, – сразу же выпаливаю я. – На сегодня. Как можно раньше, пожалуйста.

«Эйвори Милтон» оказалась небольшой адвокатской конторой на Чансери-лейн (неудивительно, правда?⁴⁶) с офисом на четырнадцатом этаже многоэтажки. Оказавшись внутри, я едва не упала в обморок: офис освещен океаном света из огромного окна от пола до потолка, демонстрирующего впечатляющий вид на Лондон. Люди что, совсем с ума посходили, ставить такие страшные окна!

Но каким-то образом мне удастся доковылять до стойки регистрации, получить пропуск посетителя. Теперь сижу в комнате ожидания, стараясь ни в коем случае не смотреть в окно, иначе нервы сдадут раньше времени.

Притворяюсь, что читаю журнал, а сама внимательно осматриваюсь. Изучаю унылые диванчики для посетителей цвета серой глины, шагающих туда-сюда людей в таких же невзрачных серых костюмах, даже вода в кулере и то кажется какой-то сероватой... Смотрю на все это и не понимаю – какое отношение Дэн имеет к этому месту? Скоростью обслуживания клиентов в этой конторе я тоже не впечатлена – мне пришлось прождать по меньшей мере полчаса.

– Миссис Тильда?

⁴⁵ Современное обращение к женщине, продиктованное принципами политкорректности.

⁴⁶ Чансери-лейн (улица в центральной части Лондона) традиционно считается «улицей юристов», так как там расположено множество судебных учреждений и адвокатских контор.

Грудь мою сдавливает плохое предчувствие, когда ко мне приближается женщина. Это она! С той же короткой стрижкой, что и на фотографии в профессиональной соцсети. На ней сегодня темно-синий пиджак и рубашка в синюю полоску от *Zara*. Дорогие туфли. Обручальное кольцо.

– Я Мэри Смит-Салливан, – улыбается она равнодушно-профессиональной улыбкой и протягивает мне ухоженную руку. – Прошу прощения, что заставила вас так долго ждать. Как поживаете?

– О, здарсьте. – Слова застревают у меня в горле, так что я выдаю какой-то непонятный писк. – Да, это я. Хорошо, спасибо. А вы?

Миссис Тильда – это мой псевдоним. Не слишком надежный, знаю, но я так волновалась, записываясь на прием, что голова совершенно не работала. Когда у меня на другом конце провода попросили: «Будьте добры назвать ваше имя», я запаниковала и выпалила: «Тильда... Эм... Миссис Пенелопа Тильда».

Пенелопа Тильда? О чем я только думала? Ни одна мать в здравом уме не назовет свою дочь Пенелопой. А это я еще только висела на проводе, а не встречалась с Мэри Смит-Салливан лицом к лицу. Пока мы шагаем по нейтрально-белому, почти больничному, коридору, Мэри искоса окидывает меня оценивающим взглядом. Я не сказала по телефону, почему мне нужно встретиться именно с ней. Я просто продолжала повторять в трубку: «Это очень срочно! И строго конфиденциально!», пока оператор на другом конце провода не сдался и не сказал: «Конечно, миссис Тильда. Я запишу вас на два тридцать».

Мэри Смит-Салливан приглашает меня в довольно просторный офис (с маленьким окном, спасибо, господи), я усаживаюсь на стул, обитый голубой тканью. Миссис Смит-Салливан молча наливает нам по стакану воды. Невыносимая, угнетающая тишина.

– Итак, миссис Тильда? – Она усаживается за свой стол и смотрит мне в глаза, выдав одну из своих профессиональных улыбок. – Чем я могу вам помочь?

Все как по сценарию. И улыбка, и слова. Что ж, у меня тоже есть свои строки, как у героини мыльной оперы: «Я хочу знать, почему мой муж писал тебе, сучка!» (Не забыть при этом броситься на нее и вцепиться ей в волосы!) Но жизнь не сериал. А я сильная! Я смогу обойти без «сучки»!

– Миссис Тильда? – вежливо кивает мне.

– Я хочу знать... – умолкаю и сглатываю. Черт! Я обещала себе, что голос мой будет твердым, стальным. Вот только он уже предательски дрожит.

Так, Сильви. Не спеши. Хорошо все обдумай.

Вот только времени на раздумья нет. Консультация этой женщины наверняка стоит тысячу фунтов в час, и она выставит мне счет, даже если она любовница Дэна. *В особенности* потому, что она любовница Дэна. Даже не представляю, как смогу это себе позволить. И почему я заранее не узнала цены? Так, стоп! О чем только думаю? Любовнице моего мужа *еще и деньги платить?!*

Быстрее, Сильви, *говори!*

Делаю глубокий вдох, собираюсь с мыслями и невольно бросаю взгляд на окошко в двери ее кабинета... И едва не падаю в обморок!

С обратной стороны рельефного стекла вижу до боли знакомую тень. Там моя мама!

Приближается к кабинету в своем розовом костюме, что-то взволнованно рассказывая толстому парню в полосатой рубашке.

Какого черта моя мать здесь делает?

Ноги сами ведут меня к двери кабинета. Как сумасшедшая дергаю ручку двери, вылетаю из офиса и подбегаю к маме. При виде меня мама с толстяком будто приросли к месту.

Она в ужасе. Ошарашенно глядит на меня, затем выдавливает из себя:

– Так это *ты*.

– Это я? – перевожу взгляд с нее на толстяка в полосочку и обратно. – Что значит «так это ты»? Конечно, это я! Мама, что ты здесь делаешь?

– Это я позвонила вашей матери, Сильви, – слышу за своей спиной спокойный голос Мэри Смит-Салливан.

– Вы *знаете* меня? – удивленно поворачиваюсь к ней.

– Я поняла, что это вы, как только увидела вас в комнате ожидания. Я видела ваши фотографии, но ваши волосы – совершенно уникальны. Меня не обмануло даже фальшивое имя, – пожимает плечами она. – Я вас сразу узнала.

– Родная, но почему ты здесь? – Мама с укором смотрит на меня, повторяя мой собственный вопрос. – Что привело тебя сюда?

– Я хотела знать... – растерянно бормочу я, скользя взглядом по маминому лицу. Затем поворачиваюсь к Мэри и твердым голосом произношу: – Я хочу знать, зачем мой муж писал вам.

Наконец я произнесла свои слова, но они потеряли весь свой яд. Все утратило смысл. Как будто я играю в пьесе, не зная своей роли. Забавить, однако, я никого не хочу, и исправить это будет отнюдь не легко.

– Конечно, вы хотите это знать, – сочувствующе кивает Мэри. Тот же самый, полный жалости взгляд, каким смотрел на меня Дэн. Они что, сговорились? Что они все скрывают от меня? – Я с самого начала придерживалась позиции, что вы должны обо всем узнать...

– Миссис Уинтер, – обращается ко мне «полосатый» толстячок, – позвольте представиться. Меня зовут Родерик Райс, – его голос становится громче с каждым словом, – и я вместе с Мэри работаю над разрешением одной ситуации, связанной...

– Ситуации? Какой ситуации? – перебиваю его я. Как меня достал их сдержанный юридический тон! Мне хочется кричать. Или ударить кого-то. – Какой, к черту, ситуации? – не сдерживаюсь я, переводя взгляд с совершенно спокойных Родерика и Мэри на маму, которая спряталась за офисной дверью и старательно избегает моего взгляда. – Объясните мне наконец!

Вижу, как они переглядываются друг с другом, словно передают мысли на расстоянии.

– Кто-нибудь связывался с Дэном? – спрашивает Мэри у Родерика.

– Он уехал в Девон. Посмотреть, сможет ли он что-нибудь с этим сделать. Я пытался связаться с ним этим утром, но... – Родерик пожимает плечами. – Должно быть, нет сигнала.

Девон? Зачем Дэну понадобилось ехать в Девон? Но Мэри кивает так, будто все совершенно логично.

– Просто думаю о ЗС-факторе, – тихо молвит она.

ЗС-фактор! Опять. Нет, это невыносимо.

– Пожалуйста, не называйте меня так! – Мой голос нервно взмывает ввысь, словно игрушечная ракета Тессы. – Я не принцесса! Не Рапунцель, не Златовласка. Мне надоело это глупое прозвище! Хотела бы я, чтобы Дэн никогда не называл меня Златовлаской Сильви.

Оба адвоката взирают на меня с неподдельным удивлением на лицах.

– «ЗС» не означает «Златовласка Сильви», – говорит Мэри Смит-Салливан. – По крайней мере, не в этом офисе.

– Но... Но что же тогда? – недоумеваю я.

Тишина. И снова этот полный жалости взгляд, читающийся как: «Простите, что мне известно больше, чем вам».

– Защитить Сильви, – наконец отвечает Мэри. – «ЗС» – означает «защитить Сильви».

На мгновение я лишаюсь дара речи. Мои челюсти просто склеиваются, совсем как после ирисок Тоби. Защитить меня?

– От чего? – наконец выдавливаю я из себя, обращаясь прежде всего к маме, которая по-прежнему жмет у дверей. – Мам?

– Ох, дорогая, – мама начинает яростно моргать, – мы совершенно не представляли, что нам делать...

– Ваш муж вас очень любит, – обращается ко мне Мэри Смит-Салливан. – Он хотел, как лучше. Но... – Она внезапно умолкает, переводя взгляд то на мою маму, то на Родерика. – Все выходит из-под контроля. Сильви должна знать.

Сидим в небольшой комнате для отдыха, помощник Мэри принес всем горячего чаю. Я не пью, просто крепко сжимаю свою чашку в руках. Чашка приятно согревает ладони. Единственное средоточие тепла, что-то осязаемое, что-то настоящее. Когда все вокруг кажется фальшивым, бутафорским.

– Прежде всего я хотела бы указать на конкретные факты, – осторожно начинает Мэри, когда помощник уходит. – Согласно некоторым заявлениям, много лет назад у вашего отца был роман с шестнадцатилетней девушкой.

Молча поднимаю глаза на Мэри. Я ожидала чего угодно, но только не этого. Вру. Я вообще не знала, чего ожидать. Но... У папы был роман с шестнадцатилетней?

Поворачиваюсь к маме, которая по обыкновению отсутствующе смотрит в окно.

– Это... это правда? – выдавливаю из себя я.

– Ну, конечно, нет, – отрезает мама. – Все это ложь! Гнусная, подлая ложь! – Она снова начинает яростно моргать. – Когда я думаю о твоём отце...

– Девушка, о которой идет речь, сейчас уже взрослая женщина, – бесстрастно продолжает Мэри. – Она угрожала разоблачить вашего отца в своей книге. Нам удалось это... предотвратить.

– Что еще за книга? – переспрашиваю я, окончательно запутавшись. – О моем отце?

– Не совсем. Вы слышали что-нибудь о писательнице по имени Джосс Бертон?

– О той, что написала «Тенета лжи»? Я читала эту книгу. Путь Джосс к успеху был очень трудным. У нее была анорексия, ей пришлось бросить университет... – Я сглатываю, когда понимание страшным колючим комком приходит ко мне. – Неужели папа...

– Все это ложь! – визжит мама. Я вижу, она на грани слез. – Эта девчонка все выдумала. Она заиклилась на твоём отце, потому что он был таким красивым, умным...

– Ранняя рукопись содержала рассказ о ее предполагаемом романе с вашим отцом и о том, чем это обернулось для нее, – резюмирует Мэри. – Понятно, что тогда она еще была несовершеннолетней. Тем не менее чтение это... – медлит Мэри, – не из легких.

Чтение не из легких... Эта фраза заседает в моем мозгу, от нее не так-то просто избавиться. А разве мне было легко в последние дни?

– Ваш отец узнал о готовящейся публикации и обратился к нам. Мы ходатайствовали о судебном запрете на публикацию от его имени, хотя в результате событий убедили автора вырезать из текста соответствующие отрывки.

– Убедили?

– Дэн очень помог, – вставляет мама, утирая платком все же выступившие слезы.

– Дэн? – непонимающе перевожу взгляд с одного лица на другое.

– Ваш отец не желал, чтобы над этим делом работало много людей со стороны, поэтому он заручился помощью Дэна. – Что-то в тоне Мэри заставляет меня резко вскинуть голову. – Я бы сказала, что Дэн трудился дено и ночно, чтобы разрешить это дело. Ради вашего отца. Он стал нашим связным. Читал каждый документ, присутствовал на встрече с Джосс Бертоном и ее адвокатами и сумел повернуть... довольно сложные дискуссии... в более конструктивное русло. Как говорит ваша мать, именно его личное вмешательство в конце концов убедило Джосс Бертона убрать соответствующие отрывки.

– Дэн был рад помочь, – будто бы оправдывается мама. – Он очень хотел помочь.

В мыслях моих полнейшая сумятица. Папа. Дэн. Джосс Бертон. Эта книжонка, лежащая на кухне у мамочки. Вечная «пружинистость» Дэна. Все эти тайные разговоры, многозначительные взгляды, отрицания. Я же чувствовала, что они с мамой что-то от меня скрывают.

– Почему ты мне не сказала? Почему мне *никто* ничего не сказал? – взрываюсь я. – Почему я, его дочь, оказалась единственным человеком, который ничего не знает?

– Родная моя, папа был потрясен этой... этой злобной клеветой, – торопливо говорит мама. – Он не хотел, чтобы ты слышала непристойные, придуманные истории. Мы решили оставить все это в тайне.

– А после того, как все уже было улажено, ваш отец погиб, – мрачно добавляет Родерик. – И все снова изменилось.

– А ты всегда была такой ранимой, Сильви. – Мама протягивает руку и поглаживает меня по колену. – А после смерти папы была так опустошена. Никто из нас так и не решился тебе сказать. К тому же мы думали, что все закончилось. Но... – Мама отворачивается и вновь начинает яростно моргать.

– Но не закончилось? – спрашиваю я и тут же сама себе вслух отвечаю: – Конечно, не закончилось, иначе зачем вы все здесь? – В голове толпится столько вопросов, что я даже не знаю, какой выбрать. – Почему Дэн в Девоне? Что такое «миллион фунтов, может два»? – наседаю я на маму. – Деньги как-то связаны с этим делом? Что вообще происходит?

– Ох, милая. – Мамины глаза вновь застилает пелена, а ее голос дрожит. Она снова отворачивается. Я подавляю уже готовый сорваться с губ резкий ответ. Мама так подавлена.

– Джосс Бертон написала еще одни «мемуары», – сообщает Мэри. – Приквел к «Тенетам лжи», предысторию, рассказывающую о ее юности. Она угрожает, что на сей раз расскажет все о своей связи с вашим отцом. Говорит, это ключ к пониманию всей ее истории. Ее должны опубликовать в этом году, сразу после выхода экранизации «Тенет лжи».

– Экранизации, – с отвращением выплевывает мама. – Кто захочет смотреть фильм о жизни этой лгуны?

Готовлюсь было выпалить: «Кто захочет смотреть фильм об успешной женщине, которая победила своих демонов и стала автором бестселлеров?», но вовремя прикусываю язык. Вместо этого так же пренебрежительно бросаю:

– Никто не захочет.

– Поклонники очень ждут новую книгу. Думаю, издатель не поскупится на пресс-конференцию и анонс в национальной газете, – продолжает Мэри. – А значит, имя вашего отца будут полоскать в массмедиа все, кому не лень.

– Ее аванс от издательства – миллион, – вставляет Родерик. – Хотя она утверждает, что делает все это не ради денег, а лишь для того, чтобы открыть всем правду.

– Правду! – фыркает мама. – Если эту книгу опубликуют, все запомнят твоего отца как озабоченного. – Я вижу, как маме трудно произносить эти слова. – И это после всего, что он сделал! Он ведь всю жизнь помогал другим людям! – Ее голос становится все более резким. – Это подло! И вообще, что она может помнить о нем спустя столько лет?

– Но почему Дэн в Девоне? – вновь спрашиваю я, глядя маме прямо в глаза. – Я не понимаю...

– Он поехал к Джосс Бертон, чтобы снова попробовать договориться, – говорит мама, утирая нос маленьким кружевным платком. – Она живет в Девоне.

– Он отправился туда вчера ночным поездом, – вставляет Мэри и снова бросает на меня этот полный жалости взгляд. – Думаю, сложнее всего для Дэна было хранить все в тайне от вас, Сильви.

Ночной поезд. А я-то думала, он поехал развлекаться к любовнице. В то время как он... В горле вырастает колючий ком, словно из терновых иголок, когда я представляю, как Дэн в

сумерках садится на поезд, совсем один. Смотрю на свой остывший чай, к глазам подступают слезы. Но я не могу расплакаться, только не при Мэри и Родерике.

– Он ни словом не обмолвился, – выдыхаю я. – Ни словом.

– Он больше всего боялся, что вы все узнаете и... не сможете, как он это назвал, «отойти», оправиться от шока, – говорит Мэри.

– Что с вами случится еще один «эпизод», – тактично подсказывает ей Родерик.

– Не было никаких «эпизодов»! – внезапно взрываюсь я. Родерик и мама обмениваются испуганными взглядами. – Это не был нервный срыв, что бы вам там ни наплели врачи, – продолжаю я более спокойным голосом. – Это была скорбь. И ничего больше. Да, я была совершенно опустошена. Но лишь потому, что не могла поверить в папину смерть, не могла принять, что его больше нет. Это вовсе не значит, что я неуравновешенная или эмоционально неустойчивая. А Дэн всегда слишком беспокоился обо мне. Чересчур меня опекал.

– Мы все беспокоились за тебя, дорогая, – начинает оправдываться мама.

– Вздор! – фыркаю я. – Ты боялась, что я опозорю тебя, только и всего. – Поворачиваюсь к Мэри: – Я знаю, Дэн хотел как лучше, и я его не виню... Но я бы приняла правду, если бы он сказал мне. Ему незачем было скрывать все от меня. *Вам* незачем было скрывать все от меня, – с ощутимым стуком ставлю чашку на стол и требую: – Так что теперь у вас нет другого выхода. Я должна знать *все*!

Встречаю оценивающий взгляд Мэри и отвечаю ей таким же. Знать правду – это мое право! Наконец Мэри согласно кивает:

– Хорошо. Я принесу вам все документы. Правда, выносить их из здания строжайше запрещено. Но я найду вам комнату, где вы сможете все прочитать и где вам никто не будет мешать.

– Спасибо, – отвечаю я сухим, деловым тоном.

– Сильви, дорогая, – причитает мама. – На твоём месте я бы не стала... В смысле, тебе действительно не нужно знать...

– Нужно! – яростно отрезаю я. – Все это время я жила в мыльном пузыре. Но теперь я проткнула его. Мне не нужна защита. Проект «Защитить Сильви» окончен! – окидываю присутствующих бескомпромиссным взглядом. – Потому что я так решила!

Сию в одиночестве и читаю. Строки расплываются перед глазами, в ушах звенит. Помощник Мэри приносит мне еще три чашки чая, но они так и остывают на столике нетронутыми. Я всеми мыслями в том, что я читаю. И, самое главное, в том, что я *понимаю*. Голова идет кругом. Как все это могло происходить за моей спиной, а я даже ничего не заметила? Какой же слепой, рассеянной душой я была!

Джосс Бертон отдыхала в Лос-Боскес-Антигуос. Там она, очевидно, и повстречалась с папой. Она пишет, что у ее семьи там был дом неподалеку от нашего. Ее родители наверняка общались с моими мамой и папой. Только я их не помню, но опять же, мне тогда было всего три или четыре года.

Но все то, о чем рассказывает Джосс в своей рукописи: как мой папа дарил ей подарки, угощал ее коктейлями, отводит ее в лес... Я просто не могу это спокойно читать. Меня тошнит от самой мысли, что это вообще могло быть. Боюсь, я судорожно листаю страницы, читаю кусками то тут, то там. Тошнота не отступает ни на секунду. Мой отец? С наивной, неопытной несовершеннолетней девушкой, которая никогда бы даже...

Мэри Смит-Салливан была права. Отнюдь не самое легкое чтение. В этих страницах путаешься, как в самых настоящих тенетах.

Так что я переключаюсь на электронную переписку – от писем тех дней, когда папа еще был жив, до актуальных писем по настоящему делу. Писем сотни. Даже тысячи. От папы к Дэну, от Дэна к папе, от Родерика им обоим, от Дэна к Мэри, от Мэри к Дэну... И чем больше я

читаю, тем быстрее распадается на кусочки моя память об отце. Папины письма резкие, жесткие, требовательные. Дэн в своих письмах всегда вежлив, обходителен, уступчив, но папа... Папа обращается с ним, как с несмышленным мальчиком на побегушках. Он ждет, что Дэн бросит все и будет работать только над этим делом. А когда у Дэна что-то не выходит, он грубит ему. Я никогда не слышала, чтобы папа использовал нецензурную лексику. Но эти письма... они пестрят самыми грубыми выражениями в адрес Дэна. Мой отец настоящий тиран!

Я не могу в это поверить... Мой добродушный, привлекательный, добрый папочка – истеричный тиран? Да, он иногда кричал на своих работников, но на членов семьи никогда. Или...

Продолжаю читать, отчаянно мечтая обнаружить письмо, где папа благодарит Дэна за все усилия, вложенные в это дело, где папа говорит, что он ценит Дэна. Ведь папа всегда был каким красноречивым... Так где же это чертово письмо?

Я пролистала двести пятьдесят восемь писем, но не нашла в папиных словах ничего, даже отдаленно напоминающего благодарность. С каждым письмом все становится только хуже, отношения между Дэном и моим отцом портятся вконец. А все потому, что папа втянул Дэна в свои проблемы, заставил его разруливать их, а сам относился к нему как к грязи.

Не удивительно, что Дэн назвал это «непрекращающимся кошмаром». Мой отец был самым настоящим кошмаром.

Я уверена, мои щеки пылают, хотя я и не могу их видеть. Я разваливаюсь по кусочкам, подобно доброй памяти о моем отце. Я хочу все вернуть. Я хочу забраться в эти чертовы письма. Я хочу встретиться с отцом, чтобы крикнуть ему в лицо: «Как ты можешь?! Извинись! Почему ты так разговариваешь с Дэном?! Это же мой муж! И он старается помочь изо всех сил!»

Но папа мертв. Слишком поздно что-либо менять. Я не могу крикнуть ему что-либо в лицо, я не могу потребовать у него правды, не могу спросить, почему он так вел себя с Дэном, или постараться помирить их. Слишком поздно, слишком поздно.

И чувство вины растет во мне, превращаясь в клубок терновых плетей. Я ничем не помогала Дэну. Все это время я боготворила своего папочку, не замечала его недостатков, не давала Дэну даже слова худого сказать про папу. И тем самым только отдаляла от себя правду, но расширяла пропасть между собой и любимым мужем.

– С вами все хорошо?

Едва не подпрыгиваю на месте, когда слышу над ухом голос Мэри. И только сейчас понимаю, что все это время раскачивалась взад-вперед в кресле, дрожа от немой ярости. Нет, Мэри, не хорошо, я по-над обрывом.

– Да, все нормально, – мгновенно выпрямляюсь я. – Нормально. Читать это... нелегко.

– Согласна, – сочувствующе кивает Мэри. – Сложно переварить такое огромное количество шокирующей информации.

– В любом случае, мне уже пора идти, – говорю я, кивая на часы. – Пора забирать девочек из школы.

На самом деле хочу поскорее убраться из этой холодной юридической обители. С ее огромными окнами, серыми диванами и стопками порочащих документов.

– Хорошо, – сухо кивает она. – Вы можете вернуться в любое время. И обращаться ко мне по любым вопросам.

– Вам удалось связаться с Дэном? – Вопрос срывается с моих губ прежде, чем я успеваю хорошенько подумать.

– Пока нет, но я уверена, он сделает все, что он него зависит, – отвечает Мэри, провожая меня к лифту.

В голове моей роится множество вопросов, которые мне не терпится задать.

– Мой отец, – начинаю я, нажимая кнопку лифта.

– Да?

– Он мог... Вы же не думаете, что он... – не могу произнести это вслух, но Мэри и так все понимает.

– Ваш отец всегда утверждал, что у Джосс Бертон очень буйное воображение и что весь роман она попросту выдумала, – отвечает Мэри. – Ее версия событий изложена в тех документах, которые я вам передала. Очень подробная версия. Тысяча слов в красках. Хотя не думаю, что вы поверите Джосс.

– Верно, – соглашаюсь я. – Но... возможно... – наблюдаю, как меняются индикаторы этажей на панели лифта: двадцать шестой, двадцать пятый, двадцать четвертый... Вновь делаю глубокий вдох: – Мой отец, – повторяю я и тут же закусываю губу. Я не знаю, о чем именно хочу спросить. И все же пытаюсь снова: – Я читала переписку между Дэном и моим отцом...

– Да, – Мэри смотрит мне в глаза; она сразу же поняла, к чему я клоню. – Дэн очень терпелив, проницателен. Надеюсь, ваш отец понимал, чем он обязан Дэну.

– Вот только он не понимал, так ведь? – прямо спрашиваю я. – Я видела письма. Мой отец осыпал Дэна бранью. Не могу представить, как Дэн все это терпел. – Слезы наворачиваются на глаза, когда думаю о том, как Дэн безропотно исполнял все указания моего папочки, мирился с его грубостью и эгоизмом. И не сказал мне ни слова. – Почему мой отец даже не поблагодарил его? Почему все так случилось?

– Ох, Сильви. – Мэри качает головой. – Если уж вы не понимаете... – С губ ее внезапно срывается короткий смешок. Весь ее сухой деловой тон куда-то исчез, она осматривает меня почти что с любопытством. – Знаете, я все это время хотела познакомиться с вами. Встретить ту самую Сильви. Сильви Дэна.

– Сильви Дэна? – От ее насмешливого, пытливого взгляда мне становится не по себе. – Я больше не чувствую себя *его* Сильви. Будь я на его месте, давно бы ушла от такой, как я, с вагоном моих семейных проблем.

Двери лифта со звоном раздвигаются, и я выхожу. Мэри протягивает мне руку:

– Было очень приятно познакомиться с вами, Сильви, – улыбается она. – Пожалуйста, не беспокойтесь о второй книге. Я уверена, нам удастся все уладить. Если вы захотите узнать побольше о Джосс, или Линн, как мы...

– Что? – в недоумении смотрю я на нее. – Вы сказали «Линн»?

– Ох, простите, если запутала вас, – сочувственно кивает Мэри. – Джослин – полное имя писательницы. Но когда она была подростком, все звали ее Линн. Для юридических документов мы, очевидно, используем...

– Подождите, – как сумасшедшая жму на кнопку удержания лифта. – Вы говорите, ее звали Линн?

– Ну, мы, как правило, называем ее Джосс. – Мэри, как мне кажется, весьма озадачена моей реакцией. – Но тогда ее звали Линн. Я думаю, вы на самом деле даже можете ее помнить. Когда вы были маленькой, она играла с вами. Пела вам песни. «*Kumbaya*», если не ошибаюсь. – Мэри вдруг меняется в лице: – Сильви, с вами все хорошо? Сильви!

Оказывается, я жила во лжи не только последние годы, когда на горизонте объявилась Джосс Бертон. Я жила во лжи практически всю свою жизнь. И теперь я должна сделать все, чтобы выпутаться из этих тенет. Да, я лопнула пузырь неведения. Но когда я шагаю по Нижней Слоан-стрит, в голове вертится одна и та же фраза: «Все ненастоящее. Все ненастоящее». А что же тогда настоящее?

С тех пор как я покинула офис «Эйвори Милтон», я набирала Дэну пять раз. Либо у него до сих пор нет сигнала, либо он не видел, что я звоню, либо просто не брал трубку. В отчаянии оставляю ему торопливое голосовое сообщение: «Дэн, я только что узнала. Не могу в это поверить. Я понятия не имела. Мне так жаль. Я все неправильно поняла. Дэн, нам нужно

поговорить. Пожалуйста, перезвони мне. Прости меня. Пожалуйста, прости...» Я умоляла в трубку, пока не раздался звуковой сигнал.

Сама же я еду к маме. Скажу честно, я сама не своя. Вероятно, было бы хорошо для меня остановиться и купить успокоительное. Но я не собираюсь. Я должна увидеть маму. И высказать ей все. Я уже позвонила в школу и отправила девочек на продленку. (Боже, благослови воспитателей, которые привыкли отвечать на звонки вечно занятых и измотанных родителей, звонящих в последнюю минуту.)

Открываю дверь в мамину квартиру своим комплектом ключей, захожу в гостиную и без лишних слов безжалостно выплевываю:

– Вы с папой лгали мне!

Мама подпрыгивает на месте от неожиданности; до этого она сидела, уставившись в пространство и сжимая диванную подушку так, что у нее побелели костяшки пальцев. Она кажется такой маленькой и уязвимой в этой огромной, пропитанной одиночеством гостиной. Нет, я не могу ее жалеть сейчас!

– Линн! – кричу я, выжигая маму взглядом. – Линн, мама! Линн!

Надо отдать ей должное, она не спрашивает: «О чем это ты?» Она лишь смотрит на меня в ужасе, будто не узнает.

– Линн! – не могу остановиться я. – Вы сказали мне, что я ее придумала! А она была настоящей! Настоящей!

– Ох, милая. – Мама беспокойно теребит полы своего пиджака.

– Зачем вы это сделали? – визжу я, заходясь в детской истерике. – Почему вы заставляли меня чувствовать себя такой глупой, недалекой? Вы не позволяли мне говорить о ней, я чувствовала себя виноватой, как будто делала что-то плохое. А все это время вы знали, что она существовала! Говоришь, Джосс Бертон поступает низко? Это вы с папой поступили со мной низко! Подло!

Кричу, а перед глазами у меня встают смеющиеся, румяные личики Тессы и Анны. Мои драгоценные девочки. У них тоже есть мечты, желания и представления о мире. Чтобы я когда-нибудь пыталась их изменить, заставить их стыдиться своего воображения, не верить в свои мечты... Никогда! Я бы никогда не заставила девочек пройти через этот ад!

Мама не отвечает. Я наклоняюсь к ней, близко-близко, практически дышу ей в лицо.

– Почему? Почему?

– Ты была такой маленькой, – наконец выдавливает из себя мама.

– Маленькой? При чем тут мой возраст?

– Мы думали, так будет проще.

– Проще? – в недоумении смотрю на нее. – Проще?

– Нам пришлось спешно покинуть...

– Почему вы решили так быстро уехать?

– Потому что эта девчонка начала обвинять отца в домогательствах! – Я не узнаю мамин голос – так резко и странно он звучит. Лицо ее искажается от отвращения и презрения, становится похоже на маску страха из греческой трагедии.

По моей спине пробегает холодок. В следующую секунду ее лицо разглаживается, но я же видела то выражение. Я никогда не смогу его забыть. Как и не забуду ее голоса.

Мое детство было таким безмятежным. Я не видела ничего, кроме блеска, веселья и роскоши. Красивый отец и добрая мамочка. Очаровательная, любящая семья. Но теперь всплыли бранные письма. Ложь родителей. Презрение и отвращение, скрывавшиеся за улыбками.

– Есть ли... – я сглатываю, – есть ли правда в словах Линн?

– Конечно, нет! – Мамин резкий голос заставляет меня вздрогнуть. – Нет!

– Тогда почему...

– Нам пришлось покинуть Лос-Боскес-Антигуос. – Мама отворачивается, старательно избегая моего взгляда. – Это было просто невыносимо. Не знаю, что эта девчонка наплела про Маркуса своим родителям, но они поверили в ее страшную историю. Можешь себе представить, как они отреагировали. Начали распространять клевету и лживые слухи среди наших друзей... Мы не могли этого допустить... Мы должны были уехать.

– Значит, вы поэтому продали дом.

– Мы бы все равно его продали.

– Но вы сказали мне, что Линн была воображаемой, – безжалостно отрезаю я. – Вы играли с разумом четырехлетнего ребенка.

– Но ты продолжала о ней спрашивать, Сильви! – Мама поворачивается ко мне, и я вижу, что у нее дергается левый глаз. – Все время плакала: «Где Линн? Я хочу к Линн!» И пела ту чертову песню, которой она тебя научила.

– «*Kumbaya*», – еле слышно шепчу я.

– Это действовало твоему отцу на нервы. Нас обоих это сводило с ума. Как мы могли позабыть о происшедшем? Это была идея твоего отца, сказать тебе, что ты попросту выдумала Линн. Я согласилась. Настоящая... воображаемая... Ты бы все равно больше никогда не увидела ее. Это была невинная ложь во спасение.

– Спасение кого?

Я преисполнена гневом. Перед глазами то и дело предстают картины из моего детства: лицо папы искажается каждый раз, когда я упоминаю Линн. Мама замирает, испуганно переводит взгляд с папы на меня и пытается сменить тему. Не это ли делала мама всю свою жизнь? Меняла темы, чтобы скрыть ужасающую правду?

В гостиной тишина. Я не могу остаться, но и сдвинуться с места тоже не в силах. Вместо этого просто стою и смотрю на диван. Огромный и мягкий, со сливочными валиками на спинке. Розовые бархатные подушки, сшитые на заказ. С чудесным узором из геральдических лилий. И сидящая на нем красивая блондинка в элегантном розовом костюме. Восхитительная картина. Но красиво все это только на первый взгляд.

Только теперь понимаю, что мама всегда была лишь восхитительной картинкой. Блеск и отражение. Милые улыбки, созданные для того, чтобы, как стрелки, направлять по ложному пути. Одни и те же фразы: «Какая красивая у тебя юбка, Сильви!», «Здесь хорошее вино», «Папа был героем». Фразы, созданные для того, чтобы заполнять пустоту, не дать правде выбиться наружу. Когда мы в последний раз говорили с мамой по душам? А если и говорили, что, если я и тогда не слышала искренних слов?

– А как же Дэн? – прямо спрашиваю я.

– Дэн? – Мама непонимающе трясет своими светлыми волнами волос, как будто не может вспомнить, кто такой Дэн.

Новая волна ярости захлестывает меня:

– Дэн, который себя не жалел, чтобы распутать ваши проблемы. Дэн, который сейчас в Девоне защищает имя отца. Снова. Дэн. Настоящий герой. А ты относишься к его стараниям так... как будто... так и надо.

Как только эти слова срываются с моих губ, я понимаю, насколько они правдивы. Мама никогда не воспринимала Дэна всерьез. Никогда его не уважала. Она была с ним милой и вежливой, но в ее тоне всегда проскальзывало что-то фальшивое. «Бедняга Дэн», называла она его. Как будто что бы он ни делал, он останется никем и ничем.

– Не говори глупостей, Сильви, – сухо отрезает мама. – Ты знаешь, что мне нравится бедняга Дэн...

– Хватить называть его беднягой! – Я не верю ее словам. – Тебе всегда надо было его как-то задеть.

– Сильви, дорогая, успокойся.

– Я успокоюсь, когда ты начнешь уважать моего мужа! Ты такая же плохая, как папа. Я видела его письма к Дэну. Он грубил ему, оскорблял его. Все это время мы вели себя так, будто папа святой. Будто он – герой. Дэн – вот кто настоящий герой! Но его никто не благодарил, никто не воспринимал всерьез...

Злость заполняет каждую клеточку моего тела, и в первую очередь это злость на саму себя. Я себя ненавижу, я противна самой себе. Сколько раз я защищала отца перед Дэном. А те выводы, которые я делала исходя из поведения Дэна... Непростительные слова, которые кричала любимому в лицо: «Тебя раздражает, что папа был таким богатым и успешным, что все им восхищались. Ты такой мелочный, что меня уже тошнит от этого!»

Я назвала Дэна, который терпеливо сносил все помои, что мой папочка на него вываливал, мелочным. Дэна... мелочным. Не удивительно, что Дэн все время «пружинился». Не удивительно, что он чувствовал себя прижатым к стенке. Не удивительно, что он терпеть не мог наше свадебное видео, где отец сиял подобно звезде. Звезде, которая в жизни Дэна оказалась черной дырой.

Я вся горю от стыда, мне нечем дышать. А я-то считала себя умной. Думала, что знаю Дэна даже лучше, чем себя саму. А я не знала ничего.

Но даже сейчас мама не признает своих ошибок. Я могу сказать это по ее отсутствующему взгляду. Она снова в своих воспоминаниях, вместе с папой. Наверняка она продолжает выстраивать в своем уме цепь событий так, что они с папочкой находятся в центре мира, а все остальные лишь проходят мимо, изредка согреваемые «благословенными лучами доброты» моего папочки.

– Ты сидела здесь, в этой самой комнате, и сказала: «Твой Дэн славный малый... но вряд ли его можно назвать душой компании», – продолжаю я. – А между тем он был душой... Он и сейчас душа нашей семьи. – Мой голос внезапно начинает дрожать. – Не подмигивает, не заигрывает, не выпендривается... Вместо этого проводит время с семьей. Стоит горой даже за тех, кто ему неприятен. Вы с папой недооценивали его. Я недооценивала его. – К глазам подступают слезы. – Не могу поверить, что отец так обращался с ним. Осыпал его бранью. Приказывал ему...

– Довольно, Сильви! – резко обрывает меня мама. – Ты принимаешь все близко к сердцу. Дэну очень повезло, что его впустили в такую семью. Не каждый мог похвастаться таким тестем, как у...

– Что?! – Я, должно быть, ослышалась. – Что ты сказала?

– Твой отец был добрым, щедрым, выдающимся человеком. Вспомни о том, что он сделал. Твой папа так огорчился бы, если бы услышал, как ты сейчас говоришь про него.

– Ну и пусть! – взрываюсь я. – Дэну повезло, говоришь? На его месте я бы давно уже сбежала от такого везения. Он не принял ни пенни из ваших с папой денег, сам обеспечивал нашу семью, заботился обо мне и девочках, каждый раз мирился с просмотром этого чертового видео со свадьбы, где папа подмигивал и улыбался, напоминая Дэну о... Да это папе повезло, что у него такой замечательный зять!

Перевожу дыхание. Я начинаю терять контроль над собой. Не знаю, что собираюсь сказать дальше. Но мне все равно.

– Не смей так говорить о своем отце! – визжит мама. – Он души в тебе не чаял, все для тебя делал! Ты знаешь, как он гордился тобой?

– Если бы он по-настоящему любил меня, то уважал бы человека, за которого я вышла замуж! Он относился бы к Дэну как к сыну, а не как к мелкой сошке у себя в компании. Он не стал бы лгать дочери, заставлять ее стыдиться себя саму только потому, что ему так было удобно! – Мама в ужасе смотрит на меня. Я и сама в шоке от своих слов, в шоке от того, что они складываются в примитивный шаблон. Но даже этот шаблон куда правдивее и жизненнее того мыльного пузыря, в котором я жила. – Я даже не уверена, что папа любил меня как человека,

личность, индивидуальность. Он любил меня лишь за то, что я была его отражением. Идеальная златовласая доченька – частица неподражаемого Маркуса Лоу. Принцесса при своем короле. Но я не принцесса. Я – это я. Сильви Уинтер!

Пока я говорю, краем глаза замечаю свое отражение в одном из маминых позолоченных зеркал. Длинные, отливающие золотом, светлые волны до пояса. Папочка так любил мои волосы. Запрещал мне их стричь. Но нравятся ли мне самой длинные волосы? Идут ли мне они?

Несколько мгновений изучаю себя в зеркале. Принцесса ли я из сказки или живой, настоящий человек? Осознание того, что тень моего отца более надо мной не властна, опьяняет меня. Подхожу к маминему письменному столу и достаю из ящика ножницы с рисунком, которые подарила ей на прошлое Рождество. Хватаю одной рукой золотистую прядь и без всякого сожаления щелкаю ножницами. Отрезанные волосы в беспорядке рассыпаются у меня в ладони, но мне не страшно. Никогда еще не чувствовала себя настолько свободной, готовой изменить все.

– Сильви! Остановись! *Что ты творишь?!* – истерически визжит мама, как будто я собираюсь сделать себе британское харакири.

Но я останавливаюсь лишь тогда, когда половина моих кудрей рассыпается по полу маминей гостиной. Поднимаю на маму бесстрастный взгляд:

– Я взрослею.

16

Остаток дня провожу на автопилоте. Забираю девочек из школы, смеюсь над их испуганными личиками: «Мамочка, что случилось с твоими волосами? Мамочка, куда пропали твои волосы?»

– Это ведь такая игра, да? Они сейчас опять появятся? – любопытствует Тесса.

– Мамочка, верни волосы! Сейчас! – хнычет Анна.

Сначала я подумывала о том, чтобы защитить их. Смягчить удар, купить блондинистый парик. Но потом поняла – я не смогу защищать их вечно. В их жизни произойдет еще много событий, которые напугают их, заставят усомниться в людях и мире. Всякое случается. Не все с этим справляются, но мы справимся. Если будем все вместе. Честны друг с другом.

Мы ужинаем, и я укладываю девочек спать; затем просто сижу на своей кровати – нашей кровати – и гляжу в пространство, пока события последних нескольких дней не накрывают меня тяжелой океанской волной. Утыкаюсь носом в подушку и рыдаю. Я и не знала, что во мне есть столько слез.

Как будто я снова потеряла отца... О чем я скорблю? О том, что потеряла нежное, светлое детское воспоминание о моей воображаемой подруге Линн? О том, что мой героический отец оказался двуличным лицемером? О Дэне? О нашем продуваемом всеми ветрами браке? О той невинной и жизнерадостной Сильви, которая жила в мыльном пузыре и понятия не имела, что происходит в ее жизни?

Мои мысли все время возвращаются к папе и Линн... Действительно ли она все выдумала? Или же... Нет, я не могу об этом думать. Все до сих пор кажется нереальным.

Что же меня по-настоящему волнует, то, чем я одержима, – это Дэн. Сумерки уступают ночи свои права, а я лежу на кровати, гляжу в потолок и думаю: «Как там Дэн? Что он делает?» Ох, что мне ему сказать... Мне очень жаль? Я не понимала? Ты должен был сказать мне... Если бы я знала... Если бы я только знала...

Он так и не ответил на мое голосовое сообщение. И не звонил. Я его не виню.

Пусть я и спала всего пару часов, но чувствую себя... нет, не взбодрившейся, но... отдохнувшей (несмотря на то, что лицо у меня смертельно бледное). Встаю по первому звону будильника. Когда собираюсь на работу, уже машинально тянусь к одному из цветастых платьев в стиле миссис Кендрик. Но тут меня что-то останавливает. Отодвигаю все платья в сторону и в глубине шкафа нахожу черный костюм с элегантными брюками и хорошо скроенным пиджаком. Я много лет его не надевала. Миссис Кендрик не одобряет брючные костюмы. Но сегодня я хочу отправиться на работу именно в этом.

За одну короткую ночь мой разум полностью прояснился. Я увидела все в новом свете. Не только себя и Дэна, наш брак, отца и работу. Но и себя саму. Такую, какая я есть на самом деле. Какой давно могла стать. Как будто утренние лучи наконец разогнали тьму.

Настоящая Сильви давно готова к переменам. Никаких больше женственных платьиц и цветочных юбок. Больше никаких нелепых правил и глупых условностей. Я готова сделать шаг вперед. Ухватить феникса за хвост. Наверстать упущенное время.

Отвожу девочек в школу и с улыбкой киваю всем, кто вчера еще видел златовласую принцессу, а сегодня шокирован моей импровизированной короткой стрижкой. Родители, учителя, даже директриса мисс Блейк разевают рты, но вовремя спохватываются и надевают на лица свои безупречные вежливые улыбки. Согласна, моя новая прическа выглядит немного... нестандартно (да кому я вру, волосы выглядят кошмарно. Я сама себя не узнала, когда утром оказалась у зеркала.) Мне остается лишь вежливо улыбаться и протягивать что-то типа: «Да, захотелось немного поэкспериментировать» или иронизировать: «Ну да, немножко растрепалась».

лись». После того как я повторила это раз пятьдесят за одно утро разным людям, мне удастся сбежать на работу.

Я обязательно запишусь к парикмахеру, чтобы сделать нормальную стрижку. Но сегодня у меня другие дела.

Реакция Клариссы, когда я прибываю в Уиллоуби-хаус, ничем не отличается от реакции родителей и учителей в школе.

– Сильви! – восклицает она. – Твои волосы!

– Да, мои, – устало киваю я. – Я их отрезала.

– Ясно, – сглатывает она. – Понятно. Выглядит очень... мило.

– Тебе не обязательно врать, – улыбаюсь я, тронутая ее стараниями. – Милым это точно не назовешь, – шучу я, тряхнув головой. – Но так было нужно. Это правильно. Для меня.

Кларисса, естественно, не понимает, что я имею в виду. Но это неважно. Я и вправду приняла верное решение.

– Роберт интересовался, где ты вчера пропадала, – осторожно начинает Кларисса. – Честно говоря, нам всем интересно, чем ты вчера занималась в библиотеке.

– Волосы стригла, – отвечаю я, направляясь к компьютеру. Наши книги аккуратно сложены в стопку. Они охватывают период в двенадцать лет. Думаю, Уиллоуби-хаус уже достаточно времени жил в прошлом. Не раздумывая ни секунды, сгребаю книги в охапку.

– Что ты делаешь? – Кларисса с любопытством следит за мной.

– Пришло время все изменить, – отвечаю я. – Пришло время для решительных, рискованных действий. Мы должны были это сделать давным-давно.

– Ага, – ошарашенно кивает Кларисса. – Да, ты права.

– Увидимся позже, – осторожно складываю книги в сумку. – Пожелай мне удачи.

– Удачи, – покорно повторяет Кларисса и вдруг неожиданно добавляет: – Ты выглядишь очень по-деловому, – и смотрит на меня таким жадным взглядом, будто выглядеть по-деловому – это радикально и чужеродно. – В этом костюме и с короткой стрижкой.

– Может, сейчас самое для этого время, – подмигиваю ей я.

* * *

В здание фонда Уилсона-Кросса прибываю на двадцать минут раньше. Это мало чем примечательное здание в Мейфэре, покрытое белой штукатуркой. Всего в офисе работает человек двадцать, и, если честно, я понятия не имею, чем они все занимаются, кроме как распивают халявный кофе в «Кларидже» с такими идиотками, как я. Но мне все равно. Их персонал меня не интересует. Только деньги.

Собрание попечителей начнется ровно в одиннадцать (это я узнала из календаря событий, который Сьюзи Джексон мне прислала еще в начале года). Сьюзи часто описывала собрания попечителей за чашечкой кофе, бросая на меня лукавые взгляды. Рассказывала, что попечители не приступают к делу, пока вдоволь не похващаются друг перед другом своими детьми, роскошными приобретениями и незабываемыми каникулами в самых фешенебельных местах. Когда же они все же обращают внимания на суммы и цифры, то часто вообще не понимают, что к чему. Одним мгновением распоряжаются миллионами фунтов, но могут по полчаса спорить о каком-то крошечном гранте в пятьсот фунтов («А соответствует ли музей условиям нашего фонда?»). Как попечители, чуть что, начинают оскорблять и бросаться друг на друга (хотя полчаса назад спокойно болтали о школах, в которых учатся их отпрыски). Я видела список попечителей – сплошь важные и уважаемые люди (дамы и сэры). Само собой разумеется, что на подобных собраниях они ведут себя как дети.

Я все это знаю. Как и то, что сегодня на собрании будет решаться судьба грантов в пять миллионов фунтов. И что эти люди, хоть и вполуха, но будут слушать рекомендации Сьюзи Джексон. И еще я знаю, что она нам должна.

Говорю девушке на стойке регистрации, что у меня встреча со Сьюзи. Когда Сьюзи с толстой папкой в руках приближается к стойке, она останавливается на полпути:

– Ох, Сильви, ваши волосы!

Ее глаза расширяются, а лицо недовольно кривится. Мысленно ставлю ей два из десяти в моем топе «Самых тактичных ответов». (Десять из десяти получает директриса девочек, мисс Блейк, которая пусть и была шокирована моим видом, но с улыбкой произнесла: «Какая у вас сегодня эффектная прическа, миссис Уинтер. Очень стильно и... вдохновляюще!»)

– Да, мои! – в который раз за день отвечаю я.

– Но разве у нас на сегодня назначена встреча? – хмурится Сьюзи, одной рукой листая что-то в телефоне. – У меня в календаре ничего такого нет. И простите, что пока не ответила на ваше письмо...

– Забудьте о письме, – отрезаю я. (И да, я вовсе не забыла обратиться к ней на «вы»!) – И нет, сегодня у нас нет встречи. Я лишь решила заскочить и узнать, сколько денег сегодня планируется выделить Уиллоуби-хаус.

– Прошу прощения? – Сьюзи в замешательстве хлопает глазами.

– Было так чудесно повидаться с вами в «Кларидже», – снова обращаюсь к ней на «вы». – Надеюсь, вам понравился торт.

В яблочко! Щеки Сьюзи мгновенно заливают румянец.

– Да, очень. Спасибо большое, – опустив очи долу, мямлит Сьюзи.

– Не знаю, как вы, а я верю во взаимовыгодный обмен, – сладеньким голосом пропеваю я. – Услуга за услугу. Компенсация.

– Слушай, Сильви, сейчас не самое подходящее время, – начинает она, но я не даю ей и слова вставить.

– И я тут поняла, что мы слишком долго ждали от вас услуг. – Достая из сумки книги. Я пометила все нужные страницы липкими закладками, прежде чем пришла сюда. Указываю ноготком на старую запись в уже выцветавших черных чернилах. – Впервые мы встретились с одной из ваших предшественниц одиннадцать лет назад. Одиннадцать лет назад. Ее звали Марианна, и она говорила, что Уиллоуби-хаус – именно то место, ради которого и существует фонд Уилсона-Кросса. Но, к сожалению, сейчас не самое подходящее время для подобных вложений. Она повторяла это три года. Затем на место Марианны пришла Фиона. Двенадцатого мая две тысячи одиннадцатого года миссис Кендрик угостила ее обедом в «Савойе». – Пробегаю пальцем вниз по соответствующей рукописной записи. – Три блюда и вино. Фиона обещала, что фонд поддержит нас. Но, конечно, этого так и не произошло. А потом появились вы. Я встречалась с вами... восемь раз. Угощала вас кофе и пирожными, приглашала на вечеринки и приемы. Мы каждый год обращаемся к Фонду за грантом. И до сих пор не получили ни пенни.

– Верно, – сухо отзывается Сьюзи. – Но вы же знаете, что у фонда много правил, условий и требований. – С каждым словом тон Сьюзи становится все более формальным. – Мы уделяем каждому обращению особое внимание и тщательно отбираем...

– Хватит кормить меня пустыми словами! – перебиваю ее я. – Вы постоянно вкладываете средства в Музей Виктории и Альберта, Собрание Уоллеса, Дом Генделя, Музей Ван Лон в Амстердаме... но ни единого пенни в Уиллоуби-хаус. Почему?

Мне можно поставить пятерку! Свою «домашнюю работу» я подготовила на «отлично». Сьюзи тут же начинает протестовать:

– Сильви, если вы думаете, что у нас какие-то предубеждения против Уиллоуби-хаус... – начинает она с важным видом.

– Нет, я так не думаю, – снова перебиваю ее я. – Я думаю, мы были чересчур вежливы и непритязательны. Но мы, как и любой другой музей, заслуживали финансирования. Которое никогда не приходило. Теперь мы банкроты.

Чувствую, как моя внутренняя миссис Кендрик морщится от слова «банкрот». Но ничего не поделаешь. Пришло время для решительных шагов. Пришло время отрезать все увертки и ужимки, как я отрезала свои волосы.

– Банкроты? – Сьюзи, кажется, удивилась по-настоящему, аж растеряла весь свой деловой тон. – Но я думала, вы как сыр в масле катаетесь! Как же то огромное наследство?

– Давно истрачено, – мрачно признаю я. – Если мы не соберем достаточную сумму, музей закроют и продадут застройщикам.

– Боже мой! – Тут уж она и совсем обомлела: – Застройщикам? Я не... Я думала... Мы все думали...

– Мы тоже, – пожимаю плечами я.

Воцаряется долгая тишина. Сьюзи выглядит по-настоящему пристыженной. Она неуверенно косится на папку в руке, затем поднимает глаза на меня:

– Сегодня я уже ничего не смогу сделать. Весь бюджет уже распределен, рекомендации расписаны. Все спланировано до последнего пенни.

– Вот только не утверждено, – постукиваю пальцем по ее белой папке. – Это всего лишь рекомендации. И ты их перепишешь, – требую я.

– Но я не могу!

– Ты всегда можешь внести поправку. Дополнительное предложение.

– Уже слишком поздно, – качает головой Сьюзи. – Слишком поздно.

– Собрание еще не началось! – Я начинаю злиться. – Как может быть слишком поздно?! Все, что тебе нужно сделать, это войти в зал и сказать: «Уважаемые попечители, я только что узнала ужасные новости. Уиллоуби-хаус собираются закрыть за недостатком финансирования. Думаю, мы не уделяли достаточного внимания этому музею, в то время как обещали заботиться об уникальных собраниях и коллекциях. Этот музей заслуживает щедрого пожертвования. Кто согласен, поднимите руки».

По лицу Сьюзи видно, что она уже начала обдумывать эту идею. Хотя ради приличия будет еще долго упираться. Что ж, я не дам ей даже такой возможности!

– Ты поступишь правильно, – говорю я, смотря ей в глаза. – И сама это знаешь. Здесь то, что тебе может понадобиться. – Передаю ей документ с программой развития Уиллоуби-хаус, над которой мы трудились с Клариссой и Робертом. – Я оставлю это тебе и буду ждать твоего звонка, потому что я доверяю тебе. Хорошего собрания.

Поворачиваюсь и ухожу, хотя в голове вертятся еще с десяток доводов для Сьюзи. Но, как говорится, краткость – сестра таланта. Не стоит искушать судьбу и злить Сьюзи еще больше.

Кроме того, я сегодня на задании. И это была лишь первая его часть. Пора переходить ко второй, третьей и четвертой.

К пяти часам я совершенно изматываюсь. И в то же время удача весь день была на моей стороне. За все те годы, что я работала в Уиллоуби-хаус, я никогда так не выкладывалась. Никогда так не раскручивала наш музей, никогда так не уговаривала людей, да и вообще не говорила о Уиллоуби-хаус с такой страстью, как сегодня. Что привело меня к вопросу: а что я, собственно, делала все это время на работе?

Просто шла по течению, вдоль русла реки, проложенному правилами миссис Кендрик. И даже все те последние недели я боялась рисковать, ничего не предлагала, ничего не меняла.

Но теперь все будет по-другому. Сегодня я действовала по правилам Сильви. И эти правила работают, как оказалось.

До сегодняшнего дня я ни разу не назначала собрания. Но сегодня я пригласила Роберта и миссис Кендрик на встречу, определила место и время, составила повестку дня. В общем, вела себя как главная. Сосредоточенная и уверенная в себе.

Ну, не совсем сосредоточенная. Скажем так: сосредоточенная на работе, когда я на работе. Что не помешало мне по пятьсот раз глядеть на экран телефона («Не написал ли Дэн?») и попробовать ему позвонить раз пятьдесят. Как только начинаю воображать себе, что он сейчас обо мне думает, на глаза наворачиваются слезы. Но я не могу расплакаться. Только не сейчас. Огромными мысленными усилиями мне удастся отбросить Дэна на второй план.

Когда вхожу в библиотеку, моя походка тверда, а взгляд серьезен. По лицам Роберта и миссис Кендрик догадываюсь сразу, что их шокирует мой вид.

– Сильви! – хватает ртом воздух миссис Кендрик. – Твои... твои...

– Мои волосы, – упреждаю я ее ответ. – Да, я знаю.

– Выглядит неплохо, – вставляет Роберт. Бросаю на него недоверчивый взгляд, но лицо его по-прежнему невозмутимо. Без лишних слов достаю свои заметки и встаю у камина.

– Я попросила вас прийти сюда, – начинаю я, – чтобы обсудить будущее Уиллоуби-хаус. Это ценный, уникальный образовательный музей, который еще рано списывать со счетов. – Откладываю свои заметки и смотрю прямо на моих работодателей: на миссис Кендрик – женщину, которую я знаю давно и которая, тем не менее, смогла по-настоящему удивить меня, и на Роберта – мужчину, которого я едва знаю, но чье появление дало мне понять, как сильно я люблю Уиллоуби-хаус. – У нас полно возможностей, и мы должны эти возможности реализовать. У нас много активов, на которых мы можем заработать. – «Активы» – еще одно слово, которое миссис Кендрик крайне не одобряет. Потому-то я и произношу его дважды. – Заработать на активах по максимуму, если мы хотим выжить.

– Я весь внимание, – серьезно произносит Роберт, и я благодарно улыбаюсь ему.

– У меня есть несколько идей, которые нам в этом помогут, – продолжаю я. – Первое: мы слишком долго пренебрегали кухней в подвале. Я предлагаю устроить выставку «Пудра и пыль: вверх и вниз по лестнице», чтобы рассказать, как жили и работали люди разных социальных классов. Второе: у нас сохранился дневник горничной, которая когда-то работала в этом доме. В дневнике изложен распорядок дня господ и слуг по минутам. Сегодня я позвонила двум издателям, и оба выразили заинтересованность в публикации дневника. Можно презентовать книгу на выставке. Возможно, мы найдем и дневник кого-нибудь из господ и опубликуем их вместе?

– Это довольно интересно, – соглашается Роберт, но я продолжаю излагать свой план без пауз.

– Третье: нам нужно организовывать образовательные экскурсии для школьников. Четвертое: вплотную заняться веб-сайтом. Пятое: арендовать это место для проведения приемов и вечеринок. Шестое...

– Школьники? – лицо миссис Кендрик покрывается холодным потом. – Для вечеринок?

– Шестое: можно также арендовать Уиллоуби-хаус в качестве съемочной площадки.

– Ты права, – кивает Роберт. – Кто знает, может, здесь снимут свое «Аббатство Даунтон» или «Гордость и предубеждение»?

– Седьмое: мы таки устроим эротическую выставку, чтобы вызвать всплеск в средствах массовой информации. И восьмое, последнее и самое главное. Трясти и вытряхивать деньги из наших покровителей и не только. Это сейчас нам нужнее всего.

– Да, а ты времени зря не теряла, – приподнимает бровь Роберт.

– Как и потенциальные покупатели и застройщики, – без обиняков отвечаю я. – Вы дали нам шанс стать успешным, современным музеем – мы используем его по максимуму!

– Мне нравится, – медленно проговаривает Роберт. – Мне нравятся все твои идеи, Сильви. Что же касается денег... – Он поворачивается к миссис Кендрик. – Я запрещаю вам вкладывать в музей свои деньги, тетя Маргарет. Вы уже сделали достаточно.

– Я согласна, – поспешно вставляю я, пока миссис Кендрик не начала протестовать. – К тому же сегодня мы получили грант в триста тысяч фунтов от фонда Уилсона-Кросса.

Сьюзи написала мне хорошие новости час назад. И не стану врать, моя первоначальная реакция была: «И это все?!» Я втайне надеялась, что фонд, как фея-крестная из сказки, отстегнет нам волшебную сумму. Миллион фунтов. Ну ладно... полмиллиона. Но будем благодарны и за это.

– Молодец, Сильви! – Миссис Кендрик радостно хлопает в ладоши.

– Хорошая работа, – соглашается Роберт.

– Это поможет нам продержаться на плаву некоторое время, пока остальные проекты не начнут приносить прибыль.

Роберт протягивает руку за списком, и я любезно передаю ему мои заметки. Несколько минут он внимательно изучает записи, затем кивает:

– Займешься всем этим?

– Не могу дождаться, – бодро киваю я.

И не вру. Мне и вправду не терпится приступить к этим проектам. Хочу запустить эти проекты и довести их до конца. Хочу увидеть, как они спасают Уиллоуби-хаус.

И в то же время меня охватывает странное чувство, которое тугою лозой проросло внутри меня целый день. И сейчас он побегами силков сковывает мое сердце. Я чувствую, что мое пребывание в Уиллоуби-хаус подходит к концу. Что через некоторое время, в не таком уж и далеком будущем, я буду готова попробовать себя в новой работе. Испытать себя. Посмотреть, на что я способна.

Нечаянно ловлю взгляд Роберта, и у меня создается впечатление, что он прекрасно понял, о чем я думаю. Поспешно отворачиваюсь к величественному камину, на полке которого покоятся две огромные морские раковины, – их привез из Полинезии сэр Волтер Кендрик. Именно здесь мы собираемся все вместе на Рождество и вешаем ярко-красные носки для подарков. Миссис Кендрик заворачивает подарки и готовит особые крошечные марципановые пироженки...

Внезапно чувствую прилив эмоций. Боже, это место западает тебе в душу со всеми его традициями и причудами. Но нельзя оставаться на одном месте лишь потому, что тебя связывают традиции. Нельзя не двигаться вперед из-за нескольких сентиментальных причин.

Так ли Дэн относится ко мне? Я всего лишь сентиментальная причина?

К глазам подступают слезы. Сегодня был такой напряженный день. Я не уверена, что смогу сдерживать себя так долго.

– Я пойду, если вы не возражаете, – произношу я хриплым голосом. – Я пришлю по электронной почте письмо, где еще раз подытожу все, что мы сегодня решили. Просто... мне пора домой.

– Конечно, иди, Сильви! – улыбается миссис Кендрик. – Хорошего тебе вечера. Ты такая молодец! – она снова хлопает в ладоши.

Выхожу из библиотеки и слышу за своей спиной тяжелую поступь Роберта.

– У тебя все хорошо? – полушепотом спрашивает он, и я проклиная его за его проницательность.

– Вроде бы, – отвечаю я. – В смысле, нет. Не совсем.

Останавливаюсь на середине лестницы; Роберт смотрит на меня так, будто хочет сказать что-то еще.

– Что он натворил? – наконец-то спрашивает Роберт.

Все совсем наоборот. Это у меня нужно спрашивать, что натворила я. Я бы засмеялась, не подступай к моим глазам сейчас слезы. Что натворил Дэн? Всего-то без устали пахал на моего папашу (даже после папиной смерти), не ожидая ни от кого благодарности. В то время как я назвала его «мелочным», «гребаным клише» и выгнала из дому.

– Ничего. Он не сделал ничего плохого, – снова спускаюсь по лестнице. – Простите, мне нужно идти.

Нетвердым шагом иду по улице, ноги словно деревянные. Весь адреналин сегодняшнего дня расплескался, покинул меня. Принятие решений, переговоры, звонки, поездки туда-сюда по всему городу отвлекали меня. Но теперь я одна, шагаю к своему дому. К нашему дому. Думаю лишь об одном человеке. Я не знаю, где он, о чем он думает и что ждет нас в будущем.

Я одна. Дома меня не ждут даже мои девочки. Если бы я только могла обнять их, выслушать их маленькие забавные истории и шутки, помочь им с уроками, приготовить им ужин, почитать сказки на ночь, чтобы хоть ненадолго отвлечься от мыслей о Дэне. Но девочки на празднике у подружки вместе с Карен.

Брожу словно в тумане, не смотрю по сторонам, словно вокруг меня нет ничего. В глаза бросается что-то большое и желтое. У дома профессора Рассела стоит машина «скорой помощи»: два медработника выкатывают из фургона Оуэна в инвалидной коляске и везут в дом. Оуэн выглядит совсем крошечной, иссохшей бледной тенью, из носа у него торчит пластовая трубка.

– Господи, – подбегаю к Джону, который пытается заговорить с Оуэном и положить руку ему на плечо (его попытки настойчиво прекращают врачи «скорой помощи»). – Что случилось?

– Оуэну стало хуже, – тихо и просто отвечает Джон. Что-то в его голосе сразу предупреждает: «Даже не пытайтесь спрашивать у меня «Когда?» и «Почему?»!»

– Мне очень жаль, – шепчу я. – Если я могу что-нибудь два вас сделать...

Умолкаю. Как же пусто и фальшиво звучат эти слова. Мы все их произносим, когда у кого-то случается горе. Но что стоит за этими словами? Что они значат?

– Вы очень добры, – кивает Джон, и уголки его губ слегка приподнимаются. – Очень добры.

Он следует за медиками и Оуэном в дом. Я молча стою и наблюдаю за ними. Не хочу быть любопытной соседкой, которой все нужно знать, но и черствой теткой, которая отворачивается от людей в беде, быть тоже не хочу.

И тут внезапно понимаю: я знаю, чем могу им помочь! Спешу домой, бросаюсь в тихую, пустую кухню, распахиваю дверь холодильника и начинаю там копаться. Недавно мы сделали большой заказ в онлайн-супермаркете, так что холодильник забит до отказа. А я сейчас меньше всего на свете хочу есть.

Нагружаю на поднос свиной окорок, баночку гуакамоле⁴⁷, несколько спелых груш, два замороженных французских багета (восемь минут в духовке, и у вас ароматный дышащий хлеб), пакетик орешков, оставшийся с Рождества, и плитку шоколада. Беру в руки поднос и, осторожно балансируя на мысочках, чтобы не опрокинуть его, медленно двигаюсь к дому Джона и Оуэна. «Скорая» уехала. Все вокруг кажется тихим, недвижимым.

Стоит ли мне беспокоить Джона? Может, лучше просто оставить поднос на пороге? Нет, Джон может и не заметить подноса, а ночью продукты наверняка растерзают еноты.

Осторожно звоню в дверь и придаю своему лицу самое извиняющееся выражение. Джон открывает: у него красные глаза, лицо осунувшееся. Мое сердце пропускает глухой удар. Напрасно я все это затеяла. Надо уважать частную жизнь своих соседей. Но я уже здесь. Откашливаюсь и хрипло говорю:

⁴⁷ Холодная закуска из пюре из авокадо; блюдо мексиканской кухни, имеет ацтекские корни.

- Я подумала, может вам понадобится... Тут немного еды...
- Ох, дорогая, – лицо его на мгновение светлеет. – Вы так добры.
- Мне занести поднос внутрь?

Осторожно прохожу продукты в полумрак дома, чтобы не потревожить Оуэна, но Джон кивает в сторону закрытой двери в гостиную и шепчет: «Он отдыхает».

Ставлю поднос на столешницу и начинаю складывать продукты в холодильник (который оказался совершенно пустым). Привлеку к этому делу и Тильду, уж мы проследим, чтобы Джон и Оуэн ни в чем не нуждались.

Когда заканчиваю, поворачиваюсь, чтобы уходить, и замечаю Джона – подернутые пеленой глаза устремлены куда-то в небытие. Бесшумно ступаю по коридору, чтобы не помешать ему.

– Ваша дочь... – внезапно оживает он. – Полагаю, она забыла у меня... зайчика. Маленького, белого... большие ушки... – Джон складывает ладони горшочком, показывая, какого размера зайчик. – Я не смог узнать...

– А, это наверное ее игрушка из «*Sylvanian Families*», она их вечно с собой таскает и постоянно теряет.

- Я принесу его вам.
- Что вы, позвольте мне самой забрать.

Следую за ним до оранжереи, где Тесса наверняка и оставила своего зайчика жить среди высоких папоротников (возможно, специально). Когда я нахожу зайчика и подбираю его, поворачиваюсь к Джону, но тот опять стоит с отсутствующим взглядом и поглаживает сухой рукой одно из своих растений. Я вспоминаю, что Тильда рассказала мне на днях: она гуглила Джона и узнала, что результаты его исследований привели к прорыву в генной терапии и могут помочь миллионам людей. (Я далека от науки и генной терапии, но факт остается фактом.)

– Вы так многого достигли за свою жизнь, – протягиваю я, желая хоть как-то его приободрить.

– О, нет-нет, моя работа никогда не будет закончена, – откликается он, и я с радостью замечаю, как в его глазах замелькали веселые искорки. – Эти хитрецы никогда не раскроют людям все свои секреты. – Он по-отечески поглаживает папоротник. – Я знаю их с самого своего детства. И в то же время не знаю совсем. Каждый день я узнаю о них что-то новое, каждый день влюбляюсь в них все больше. – Он проводит пальцем по краю листа, затем заботливо пододвигает горшочек к свету. Лист покачивается от движения, будто согласно кивает. – Каждое растение уникально. Как и каждый человек.

Я не уверена, говорит ли он все это мне или разговаривает сам с собой. Но его мелодичный, слегка хриловатый голос успокаивает, каждое слово подобно капле Отвара мудрости. Я хочу узнать больше. Хочу, чтобы Джон дал мне ответы на все мои вопросы.

– Не знаю, как и сказать... – Умолкаю, смущенно почесываю переносицу и вдыхаю полной грудью землистый запах оранжереи. – Ваша история меня вдохновила. Вы меня вдохновляете. У нас с Дэном... – тяжело сглатываю. – Впрочем, неважно. Я лишь хотела, чтобы вы знали, что ваша история заставила меня о многом задуматься. Пятьдесят девять лет. – Смотрю прямо в его светлые глаза, окруженные лучиками морщинок. – Пятьдесят девять лет любить одного человека. Это достижение. Это подвиг.

Джон молчит. Его длинные пальцы, словно бабочки, порхают над его обожаемыми папоротниками. Может быть, Джон меня и не слышал.

– Я ранняя пташка, – наконец произносит он. – Каждое утро я наблюдаю за тем, как Оуэн просыпается. Каждое утро являю мне что-то новое о нем. Я наблюдаю, как сон окрашивает его лицо улыбкой. Я смотрю, как первый солнечный луч, дрожа, приливает к его лицу. Смотрю, как трепещут его веки, когда Оуэн уже готов проснуться. Слушаю о том, что ему приснилось. Любовь – это не обладание. Любить – значит видеть в другом человеке великую тайну и ста-

раться ее постичь. – Он награждает меня теплой, почти отеческой улыбкой. – Любовь – это не подвиг и не достижения. Это скорее... привилегия.

Я смотрю на Джона в тревоге. Он дрожащими руками двигает горшки с папоротниками, опрокидывает один, начинает развозить землю по полу. Неужели он настолько затерялся в воспоминаниях, что не понимает, что делает? Я вспоминаю Оуэна – бледную сморщенную тень, вжавшуюся в кресло, с трубкой в носу. И понимаю – все плохо, все очень плохо. Повинуясь внезапному порыву, подбегаю к Джону и беру в свои ладони его морщинистую, испачканную в земле руку.

– Если вам когда-нибудь понадобится помощь. Машина, лишние руки, просто компания, да все, что угодно, мы всегда рядом. Мы здесь.

Он кивает и крепко сжимает мою руку. Возвращаемся в дом, и я делаю Джону чай. Когда ухожу, обещаю зайти завтра и провести их, но сама могу думать только о Дэне. Дэн. Мне нужно поговорить с ним. Даже если он все еще в Девоне. Даже если у него нет сигнала. Даже если это будет односторонний разговор.

Едва переступаю порог, тут же хватаю телефон. Набираю номер Дэна, сажусь на нижнюю ступеньку лестницы. Хочу, чтобы он знал, хочу, чтобы он понял... что?

– Дэн, – начинаю я, когда слышу в трубке сигнал для звукового сообщения. – Это я. Мне очень жаль. – Я сглатываю, колючий ком в горле не собирается исчезать. – Я просто... Я хотела... Мне нужно...

Господи. Это какой-то кошмар. Ну почему я такая безнадежная? Даже Джон в такой сложный период его жизни умудряется рассуждать не хуже Оскара Уайльда. А я только расхаживаю как идиотка, не в силах оставить любимому нормальное голосовое сообщение.

Набираю в грудь побольше воздуха:

– Дэн. Это снова я. Я просто позвонила, чтобы сказать, я...

Нет, это уже Стиви Уандер какой-то⁴⁸. Пробую еще раз.

– Дэн, это я. Впрочем, ты и так это знаешь. Наверняка ты увидел имя «Сильви» на дисплее. А значит, ты все же слушаешь сообщение от меня. Это хороший знак...

Боже мой, что за чушь я несу? Черт, мне нужно взять себя в руки и перестать действовать Дэну на нервы.

– Дэн, это я. Забудь про остальные сообщения. Прости меня. Я просто не знала, что сказать. Я просто хочу, чтобы ты понял... – Соберись, Сильви! Соберись! – На самом деле я просто хочу знать, где ты. Что делаешь. О чем ты думаешь. Потому что я больше этого не понимаю, не чувствую. – Голос начинает дрожать. Делаю пару глубоких вдохов. – Это странно. И больно. Потому что я была настолько глупа. Я думала, что знаю тебя лучше, чем саму себя... – Слеза скатывается по моей щеке. – В любом случае, если ты все еще меня слушаешь... Прежде всего, я хотела сказать, что...

Входная дверь открывается, я в тревоге отнимаю трубку от уха. Дэн? Дэн вернулся?

Но это Карен, как всегда, в наушниках, модных кроссовках, со своим ярким велосипедным рюкзаком.

– О, привет, – удивленно здоровается она, заведя меня на лестнице. – Я забыла свой планшет... Черт, Сильви, твои волосы!

– Да, мои, – машинально отвечаю я. Но почему Карен приехала одна? – А где девочки?

– О, Дэн с ними. Он приехал и сказал, что сам отвезет их на праздник, – беспечно отвечает она, но, увидев мою реакцию, испуганно ахает и подносит руку ко рту. – Ой! Я что, не должна была говорить? Это опять один из ваших сюрпризов?

Дэн приехал? Сердце мое с силой колотится о ребра, как будто готово выскочить из груди.

⁴⁸ Имеется в виду песня в исполнении Стиви Уандера «I Just Called to Say I Love You» (англ.) «Я просто позвонил, чтобы сказать: «Я люблю тебя»).

– Он здесь? Где он? Где?

– В Баттерси-парк, – хлопает глазами Карен. – На «Залезай-ка!». Ну, знаешь, где всякие турники и карусели для детей...

Но я уже выскакиваю за дверь. Баттерси-парк! Мне нужно в Баттерси-парк!

17

Одна из причин, по которой мы переехали в юго-западный Лондон, – это Баттерси-парк. Этот зеленый рай со скамейками, лужайками, аттракционами и вездесущими зверюшками. В этот чудесный, не дождливый вечер люди расслабленно прогуливаются по тропинкам, отдыхают на скамейках, кормят белок и уток. Катаются на лежачих велосипедах и играют в бадминтон. Все смеются и улыбаются друг другу. Все счастливы. Но не я. Я в отчаянии.

Не знаю, что толкает меня вперед. Может, желание спасти наш брак во что бы то ни стало придает сил моим уставшим членам? Но я несусь вперед в своих черных туфлях на высоком каблуке, мимо всех бегунов и велосипедистов, вся красная и задыхающаяся. У меня горят легкие, я натерла мозоль на пятке. Но чем сильнее ноют ноги, чем больше хватать ртом воздух, тем быстрее я лечу вперед. Не знаю, что скажу ему, когда увижу. Я даже не уверена, что смогу выдавить из себя законченное предложение. Бегу вперед, ветер играет с моими непривычно короткими волосами, приятно холодит шею. В голове моей всего три слова: «Твоя... Сильви... Навсегда».

– Ай! – Что-то сзади толкает меня, и, не удержавшись на ногах, я падаю на землю, ударяясь лбом об асфальт. Когда встаю на ноги, вижу позади себя мальчика на лежащем велосипеде. Судя по его довольной ухмылке, врезался он в меня специально, и извиняться он не собирается.

– Джоо-о-ош! – К нам подбегает какая-то женщина. – Сколько раз я тебе говорила быть осторожнее! Простите, ради бога, – она взволнованно оглядывает мое лицо. – Ваш лоб! Вы поранились. Стоит ли мне вызвать врача? У них здесь есть вообще место оказания первой помощи?

– Все хорошо, – хриплю я в ответ, отворачиваюсь и бегу дальше. Чувствую, как струйка крови с моего лба стекает по лицу. Неважно. Поищу пластырь позже, а пока на бегу утираю кровь тыльной стороной ладони.

«Залезай-ка!» – это неофициальное название огромной игровой площадки для детей со всякими горками, лестницами, тарзанками и веревочными мостами – отвратительными, высокими, качающимися мостами. Как только приближаюсь к этому месту, у меня желудок скручивается в трубочку. Какому родителю в здравом уме придет в голову устраивать детский праздник в таком месте? Что плохого в безопасном пикнике на лужайке?

Я вижу Дэна. Он стоит вместе с другими папами на вершине деревянной башни по ту сторону веревочного моста. Родители в защитных шлемах болтают и смеются, Дэн же кажется каким-то отстраненным. Смотрит вперед, брови сдвинуты, лицо хмурое.

– Дэн! – кричу я, стараясь переорать гомон играющих детишек (почему детям всегда нужно визжать во время игры?). – Дэн! Дэн!

Он не слышит. Мои легкие горят после долгого бега, я едва нахожу в себе силы, чтобы кричать. Нырять под входной барьер, игнорируя охранников и работников площадки. Скидываю туфли и начинаю взбираться по чудовищным веревочным ступеням – единственный путь на площадку, где стоит Дэн. Я даже не думаю, что делаю. Мне просто нужно к Дэну.

И только когда я оказываюсь на высоте десяти футов от земли, то понимаю... Боже, что я творю! Как кружится голова...

Пальцы немеют. Сердце глухо колотится о ребра. Меня начинает тошнить. Не смотри вниз, Сильви, пожалуйста, не смотри вниз. Силой заставляю себя запрокинуть голову: до Дэна еще футов двадцать. Мне нужно карабкаться вверх. Но я не могу. Я боюсь... «Ты должна, Сильви!» – говорю я самой себе.

– Эй! – Чей-то разгневанный голос окликает меня с земли. – Вы кто? Вы гостя на празднике? Почему вы не надели защитный шлем? Без шлема взбираться на препятствия строго запрещено!

Игнорирую голос, кому бы он ни принадлежал, и заставляю себя сделать еще один рывок наверх. Потом еще один. Слезы подступают к глазам. Не смотри вниз, Сильви. Слышишь, не смотри! Веревочные ступени угрожающе качаются. Я всхлипываю от страха, все мое тело немеет, я не в силах продолжать.

– Сильви? Сильви! – слышу сверху испуганный голос Дэна. – Какого черта...

Поднимаю голову и утопаю в знакомых голубых глазах.

– Гевин, ты где? – не унимается голос снизу. – Гевин, ты администратор, вот ты за ней и лезь!

– Не полезу я! – возмущается кто-то внизу, видимо, Гевин. – Нам нужна аварийная лестница! Джейми, тащи аварийную лестницу!

Каждая клеточка моего тела умоляет меня остановиться. Мир плывет у меня перед глазами. Но шаг за шагом я поднимаюсь наверх, даже не думая о том, что нахожусь на расстоянии двадцати футов от земли. И у меня нет ни страховочных тросов, ни шлема. Что, если я упаду... Не думай об этом, Сильви! Просто лезь!

Крики внизу внезапно прекратились, стих и детский визг. Неужели все наблюдают за мной? И мои девочки тоже? Руки начинают потеть, дыхание вырывается из горла короткими хрипами.

До платформы осталось несколько футов. Совсем немного. И тут меня накрывает новая волна страха. Ноги трясутся так сильно, что кажется, еще чуть-чуть, и я соскользну... Руки меня не слушаются. Я упаду, упаду! Но я не могу упасть!

– Ты почти на месте, – слышу спокойный, вдохновляющий голос Дэна. Такой знакомый, такой любимый. – Осталось совсем чуть-чуть, Сильви. Ты не упадешь. Смотри на меня, родная. – Цепляюсь за этот голос, хватаюсь за него, словно за веревку. – Вот так, еще один рывок. Держись рукой за платформу. Ты почти здесь, Сильви. Почти здесь.

И внезапно я и вправду оказываюсь на платформе. Черт бы побрал эту деревянную башенку! Чья-то крепкая рука подтягивает меня наверх, и я ложусь на деревянный навес и закрываю глаза, не в силах пошевелиться. Когда наконец открываю глаза, вижу перед собой Дэна. Ох, он опять «волнует лоб». Я бы засмеялась, если бы по моему лицу ручьем не текли слезы.

– Какого черта? – орет Дэн, забыв о том, что это вообще-то детская площадка. Он хватает меня за плечи и резко прижимает к себе. – Какого черта, Сильви? Ты же могла... Что ты вообще... – Отпускает от себя и в ужасе смотрит на мое лицо. Должно быть, он только сейчас по-настоящему разглядел короткие волосы и рану на лбу. – Ты что, пыталась *удивить* меня? Шокировать меня? Довести до инфаркта? – Он утирает рукавом слезы и запекшуюся кровь с моего лица. – Господи Иисусе.

– Я не пыталась тебя удивить, – выдыхаю я. Мои легкие все еще горят. – Это не то... Я просто... Мне просто нужно было тебя увидеть. Разве ты не получал мои сообщения?

– Сообщения? – Его рука машинально тянется к карману. – Блин, забыл. У меня телефон сдох. Но Сильви... Ты же боишься высоты! – Дэн опускает голову вниз – тридцать футов отделяют нас от земли, потом снова смотрит на меня. – Даже на стремянку взобраться не можешь!

– Теперь у меня со стремянками проблем не будет, – выдавливаю улыбку.

– Но... твоё лицо. Твои волосы... Что случилось? На тебя напали? – Его лицо сереет.

– Нет-нет, – спешу заверить его я. – Я сама отрезала волосы. Дэн, послушай. Я все знаю! – Мне нужно как можно скорее донести до него это. – Я знаю *все*!

– Ты знаешь? – На секунду он опять хмурится, как будто готов отбрасывать мои нелепые предположения о папочке и зависти. Только сейчас я понимаю, как много ему приходилось от меня скрывать. Не удивительно, что он чувствовал себя прижатым к стенке.

– Я все знаю. Просто поверь мне. Я все знаю.

Остальные отцы, стоявшие на платформе, тактично увели всех детей на другую канатную дорогу. Я слышу, как кто-то предлагает спуститься и поиграть в футбол на земле. Мы одни на платформе.

– Так что именно ты знаешь, Сильви? – осторожно спрашивает Дэн. Его готовность защищать меня даже сейчас пробивает меня на новую волну слез. Ведь что, в сущности, я могу знать? Всю свою жизнь я жила во лжи.

– Я знаю, что ты такой, каким я тебя всегда считала, – смотрю в голубые озера его глаз, стараясь заглянуть в самую их глубину. – Ты гораздо лучше, чем я когда-либо думала. – В горле встает ком, но я продолжаю: – Я знаю все, что ты сделал для моей семьи. Знаю все страшные тайны, которые тебе пришлось хранить от меня. Теперь я знаю правду о своем отце. О Джосс Бертон. О Линн. Я видела письма. Я их читала. – Делаю глубокий вдох и произношу слова, о которых всего несколько дней назад не могла бы и помыслить: – Я знаю, что мой отец был лжецом, лицемером и просто куском дерьма.

Дэн вздрагивает и смотрит на меня так, будто я повредила умом:

– Что ты сказала?

– Мой отец был куском дерьма.

Мои слова еще некоторое время висят в воздухе. По лицу Дэна вижу – он по-над обрывом. Мы оба по-над обрывом (точнее, по-над детской площадкой на высоте тридцати футов). Дэн молча смотрит на меня, будто не в силах вымолвить ни слова. И это хорошо, потому что я еще многое хочу ему сказать.

– Я жила в мыльном пузыре, – сглатываю я. – В безопасном, удобном пузыре с термостатом и обогревателем. Но теперь пузырь лопнул. Теперь меня продувают все ветра. Но мне это нравится! Я чувствую себя... свободной.

– Это заметно, – медленно кивает Дэн. – Твое лицо... Ты теперь даже выглядишь по-другому.

– По-другому в хорошем смысле?

– Ты теперь выглядишь... по-настоящему. – Он внимательно изучает мое лицо, будто отмечает новые черты. Не про это ли говорил Джон, когда рассказывал про Оуэна? – Не как принцесса или куколка. А как живой, настоящий человек. Твои глаза. Твое лицо. Твои волосы. Ты прекрасна, Сильви.

Ощупываю голую шею. Мне все еще немного непривычно с короткими волосами. И все же теперь я чувствую себя... *собой*.

– Златовласка Сильви мертва, – отрезаю я, на что Дэн серьезно кивает:

– Ну и пусть покоится с миром.

Вдруг слышу чье-то тяжелое пыхтение за моей спиной: к нам по аварийной лестнице поднимается парень лет двадцати. Одной рукой он держится за лестницу, второй протягивает мне защитный шлем. Но, увидев мое окровавленное, заплаканное лицо, резко отшатывается назад и едва не падает с лестницы.

– Это увечье вы получили на нашей территории? – вопрошает он, отдышавшись (и покрепче ухватившись за лестницу). – Поскольку вы не являетесь зарегистрированным клиентом, вы не прошли инструктаж по технике безопасности. Также вы не получили страховочные тросы, защитный шлем и...

– Не волнуйтесь, – перебиваю его я. – Увечье я получила не на вашей территории.

– Ясно. – Он с укором смотрит на меня и нехотя протягивает мне шлем. – Все клиенты должны постоянно носить защитные шлемы. Все клиенты должны регистрироваться, прежде чем использовать любой из снарядов. Все клиенты обязаны надевать страховочные ремни.

– Простите, – виновато мямлю я и беру у него шлем.

– Я прошу вас незамедлительно покинуть снаряж, – добавляет парень таким осуждающим тоном, что я невольно хихикаю.

Смотрю на Дэна, он тоже улыбается.

– Хорошо, я сейчас спущусь, – говорю я, а сама смотрю на аварийную лестницу и чувствую новую волну тошноты. – Через минуту.

– Могу показать тебе более мягкий и *незамедлительный* путь вниз, – говорит мне Дэн. – Или ты желаешь опять спуститься по веревочной лестнице?

– Не сегодня, – стараюсь подражать его беспечному тону. – Как-нибудь в другой раз.

Следую за Дэном по веревочному мосту на нижнюю платформу. Мост шатается, и меня шатает каждый раз, когда я смотрю вниз. И пусть у меня дрожат ноги, я ослепительно улыбаюсь Дэну и иду за ним, за моим Вергилием по этому веревочно-развлекательному кругу ада. Я вспоминаю слова Джона: «*Vincit qui se vincit*». Побеждает тот, кто побеждает себя!

Вскоре мост остается позади, и мы спускаемся с нижней платформы по небольшой лесенке. Я на твердой земле! Наконец-то! Хочется лечь и целовать землю. Но, естественно, я этого не делаю.

– Окей, раз уж мы на земле, ты не трясешься от страха и не собираешься падать в обморок, я спрашиваю еще раз, Сильви: какого черта? – принимается распекать меня Дэн. Его зрачки расширены; он, кажется, действительно напуган. – Расскажи мне, что случилось с твоим лицом... И с волосами... – Дэн загибает пальцы. – Откуда ты знаешь о своем отце? Меня не было дома всего две ночи, и все кошмары тут же вырвались на свободу.

Всего две ночи? А кажется, будто целая вечность.

– Я знала, что ты соврал мне по поводу Глазго, – отвечаю я, знакомое чувство стыда тут же начинает теснить мне грудь. – Я думала, ты уехал к лю... Я думала, ты собираешься бросить меня. Ты говорил, что тебе нужна свобода. Говорил, что хочешь сбежать.

– Боже, я совсем не это имел в виду. – Дэн прикрывает глаза. – Я просто... – Он умолкает, и я с безмолвным ужасом ожидаю его ответа. – Просто все становилось слишком... – Он снова замолкает, устремив взгляд в небеса.

Я не могу закончить предложение за него, как делала когда-то. Сильви-телепат, которая знала о своем муже все, исчезла. И теперь, после страшного подъема на тридцать футов и не менее пугающего спуска, я вижу нас такими, какие мы есть на самом деле. Обычная супружеская пара из юго-западного Лондона, которая зашла в тупик. Муж и жена, что пытаются во всем разобраться. Найти свой путь. Какой – они еще не знают.

– Я знаю, что ты жил в «непрекращающемся кошмаре», – вставляю я. – Мэри Холланд сказала мне.

– «Кошмар» – слишком сильно сказано, – Дэн устало протирает глаза, – но вот то, что это не прекращалось... Твоя мама звонила мне чуть ли не каждый день. Нескончаемые письма от адвокатов, от литературного агента Джосс Бертон. И еще эта новая книга... Сильви, эта книга вызовет огромный общественный резонанс, если выйдет. Я не уверен, что мы сможем остановить Джосс в этот раз.

Он выглядит таким уставшим и обеспокоенным, что мне хочется сказать ему что-нибудь успокаивающее. И в то же время остатки злости и обиды за то, что меня столько лет держали в неведении, вырываются наружу:

– Тогда почему ты мне не сказал?

Ведь это Дэн хранил от меня секреты, которые вбивали клинья между нами. Это он старался побыстрее перелистнуть страницу, когда я хотела прочитать всю историю.

– Ты должен был сказать мне все с самого начала. Ты должен был сказать: «Сильви должна знать!» – моему отцу еще тогда, когда он тебя во все это втянул. Все было бы совсем по-другому.

Боюсь, мой голос и вправду звучит осуждающе. Но в своей голове я уже придумала целую альтернативную вселенную: Дэн мне сразу все рассказал, и борьба с адвокатами Джосс только сильнее сплотила всю нашу семью.

– Должен был сказать тебе? Сказать тебе? – Дэн смотрит на меня недоверчиво, почти сердито. – Сильви, да ты хоть представляешь... Для начала, твой отец придушил бы меня, посмей я предложить такое. Все подробности этой истории были опечатаны сургучом строжайшей секретности. Твоя мама пыталась отгородиться от этого, не хотела ничего знать. Все, что мы делали, – это круглосуточно следили, чтобы никто не сорвал печать, чтобы никто не узнал. Никогда. Ради всего святого, больше всего на свете твой отец жаждал рыцарского титула. А если бы скандал раскрылся... Никто не должен был знать, в особенности его дочь. В этом твой отец был непреклонен. Можешь себе представить, в какую ярость он бы пришел, посмей я тебе рассказать?

Тишина. Я медленно киваю. Дэн наверняка удивится, но я вполне могу себе представить эту ярость. Я помню, как папа словно обезумевший кричал на своих работников. Он никогда не повышал голос на меня, на свою принцессу. Но я вспоминаю письма... Если бы скандал раскрылся... Да, я могу представить.

– И потом... когда дела постепенно начали налаживаться, он погиб. Его не стало. – Дэн невольно содрогнулся. – После этого я тем более не мог решиться и рассказать все тебе.

– Мог, – решительно заявляю я. – Тогда было просто идеальное время.

– Сильви, ты не могла поверить в папину смерть! – яростно взывает Дэн. Прохожие оборачиваются на нас, но мне все равно. – Помнишь, какой ты была тогда? Ты не могла отойти, совершала одну глупость за другой. Я боялся за тебя. И ты говоришь, я должен был подойти к тебе и сказать: «Хочешь узнать кое-что про своего обожаемого папочку? Да-да, про того, с чьей смертью ты не можешь смириться. Так вот, он, судя по всему, домогался шестнадцатилетней девушки. А может быть, он этого не делал». – Дэн так сильно трет свое лицо, что оно уже покраснело. – Твоя мама закрылась в спальне и никого не пускала. Ты словно в тумане ходила к дому Гэри Батлера. Господи, что я должен был делать? Что мне оставалось делать?

Он обращается ко мне с самым что ни на есть «пружинистым» выражением лица. Все эти годы ему приходилось принимать решения по этому делу самому. И даже сейчас, когда я все знаю, тугая пружина внутри все еще сдерживает его.

– Прости, – виновато говорю я. – Я знаю, ты хотел как лучше. И понимаю, что все это было из-за любви ко мне. Но Дэн... Ты всегда чересчур опекал меня.

Понимаю, что этими словами только сыплю соль на рану. Все это время он думал, что поступает правильно, доблестно, наилучшим образом. Нелегко услышать, что это не так.

– Возможно, – соглашается он, хорошо обдумав мои слова.

– Это так, – настаиваю я. – И хватит все сваливать на мой «эпизод». В жизни всякое бывает. Жизнь без дерьма, происходящего в ней, не жизнь. В этом я убедилась на собственном опыте. Жила в мыльном пузыре всеобщей опеки. И куда это меня привело? Не нужно ставить на человеке клеймо, если он не может справиться со скорбью или перебороть себя. Нужно признать это, бороться с этим. Вместе.

Я представляю, как мы с Дэном вместе орудуем метлами, сметая все тенета и паутины на нашем пути, которые мешают нам быть счастливыми. (М-м, фигуральными метлами, не заговоренными. Привет Саймону и Оливии!) Не самый романтичный образ идеального брака... Но именно такими я нас вижу!

Я вижу, что Дэн переваривает то, что я сказала. Ну, или пытается, по крайней мере. Наверное, это займет какое-то время.

– Может быть, ты и права, – кивает он. Но тут его лицо вновь напрягается: – Ты читала, что написала Джосс?

– Пока только пролистала, – признаюсь я, потупив взгляд.

Самый главный вопрос висит в воздухе между нами. Я знаю, Дэн сам так и не решится его задать. Делаю глубокий вдох, мысленно готовлю себя к любому ответу, каким бы он ни был:

– Ты думаешь, Джосс говорит правду?

– Не знаю, – говорит он отстраненно. В его глазах снова появляется та непроницаемая пелена, которая пугала меня в последние дни. – Ее слово против его слова. Все было так давно. Наверное, не стоит строить догадки.

– Но ты прочитал все, что она написала, – смотрю ему прямо в глаза. – Что *ты* думаешь? Дэн выглядит еще более измученным:

– Мне не хочется говорить об этом с тобой. Все так...

– Постыдно, – безэмоционально отрезаю я. – Не так, какой представлялась моя семейка. Идеальная, купающаяся в деньгах?

Дэн морщится, но не вступает со мной в спор. М-да, моя семейка и вправду оказалась для Дэна драконом о двух головах. С одной стороны, мама со своими нелепыми обедами в стиле «Ну купи комбайн!» и бесконечные просмотры свадебного видео с подмигивающим и улыбающимся папочкой. С другой стороны, войны с адвокатами и попытки удерживать папочкино грязное белье в корзине.

– Я собираюсь прочитать все файлы по делу, – решительно заявляю я. – Все, что она написала, все, что она сказала. Каждое слово.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – качает головой Дэн.

– Не пытайся меня остановить, – отрезаю я. – Я должна знать. Не бойся, я не буду психовать. Ты ведь знаешь, что Джосс – это Линн? – добавляю я, обхватывая себя руками. Почему меня пробирает дрожь каждый раз, когда я думаю об этом? – Мои родители солгали мне.

– Я знаю, – кривит губы Дэн. – И это хуже всего. Я слышал, с каким удовольствием ты рассказывала о своей воображаемой подруге. Но при этом я знал... что твое детство было отравлено ложью.

– Все детство я чувствовала себя виноватой. Когда твои родители убеждают тебя, что иметь воображаемую подругу – это постыдно и глупо... – Мои ладони сами сжимаются в кулаки. – Никогда им не прощу!

Поднимаю глаза на Дэна и вижу, что он смотрит на меня с тревогой во взгляде.

– Не перегибай палку, Сильви. Не позволяй обиде свести себя с ума. Я понимаю, что новости шокировали тебя. Но это же твой папа, помнишь? Ты любила его!

Снова думаю о папе. Пытаюсь вспомнить свои чувства к нему. Жду знакомого потока любви и обожания, скорби и сожаления, немой ярости за то, что его отняли у нас. Но ничего не происходит. Как будто я розетка и меня отрубили от живительно потока электричества.

– Может, и любила, – наблюдаю, как парень на роликовых коньках рассекает по парку, словно мчится наперегонки с ветром. – Может, когда-нибудь полюблю снова. Это все, что я могу сейчас сказать. – Наклоняю голову набок и долго смотрю на Дэна. – Я не понимала, что произошло между тобой и папой. Не понимала, почему ты себя так вел. Теперь я знаю.

– Я думал, что хорошо скрывал свои чувства, – криво улыбается Дэн.

– Не настолько хорошо, – отвечаю ему такой же улыбкой, но внутри отматываю назад все года. Дэн познакомился со мной, с моей семьей, был в хороших отношениях с моими родителями. И вот он узнает правду и становится мальчиком на побегушках у тирана-самодура. И все ради меня. – Не могу даже представить, каково тебе было.

– Ты знаешь, сначала я тоже идеализировал твоего отца, по-своему, – говорит Дэн, отводя глаза. – Он казался мне героем. Но потом всплыли ужасные новости. Сказать, что я был шокирован, – это ничего не сказать. А уж если они меня выбили из колеи, то я боялся, что будет, если обо всем узнаешь ты. Сначала я страстно хотел защитить твоего отца. Думал, это только сблизит нас с ним. Но... – он выдает глухой смехок. – Давай просто скажем: это нас не сблизило.

Безрадостно киваю:

– Я знаю. Читала письма.

– Ему не понравилось, что я сумел разглядеть то, что скрывалось за его внешним глянцем, – медленно проговаривает Дэн. – Что сумел не вестись на обложку и докопаться до сути.

Крики и визги счастливых детей прерывают нас; гурьба притких детишек несется по парку в нашу сторону, каждый с воздушным шариком в руке, как будто все они разом решили улететь в страну Оз. Анна и Тесса, завидев нас с Дэном, с громким визгом бросаются к нам, будто мы не виделись целую неделю.

– Мамочка, ты поранилась! – испуганно ойкает Тесса, когда я обнимаю ее.

– Всего лишь маленькая царапинка, – заверяю я ее. – Я наклею пластырь, и все пройдет.

– Эй, смотрите все! Это мой папа! – Анна указывает на Дэна, и все остальные детишки в послушном изумлении раскрывают рты, как будто Дэн кинозвезда или певец, хотя они и так видят его почти каждый день в школе. Остальные родители тоже собрались вместе.

– Пойдем к ним? – Мой родительский радар настраивается на частоту «лучший детский праздник – строго контролируемый праздник». – Может, им понадобится наша помощь? Ну там столы накрыть и...

– Нет-нет, они справятся сами, – уверяет меня Дэн.

Девочки с друзьями наперегонки несутся в чайный шатер – огромный тент, растянутый на лужайке, настоящая пещера сокровищ для маленьких детей (леденцы, печенье и пирожные сами собой разумеются). Я слышу, как Тесса хвастается другим детям: «Моя мама всегда лазает по лестницам!»

Мы с Дэном смотрим друг на друга по-новому. Непроницаемая пелена спала с глаз Дэна, в глубине его голубых глаз светится честность. Теперь, когда между нами не стоит страшная тайна моего отца, все будет по-другому. Я буду заново узнавать Дэна, изучать его каждый день нашего бесконечного шестидесятивосьмилетнего брака. Я люблю Дэна, я хочу узнать о нем больше. Моей главной ошибкой было полагать, что я знаю о нем все. Невозможно знать все о другом человеке. Но, как сказал Джон: «Любить – значит видеть в другом человеке великую тайну и стараться ее постичь».

Это мой Дэн. Мой муж. Солнце в моей Солнечной системе. Когда-то его затмевало другое, показное солнце. Не стану врать себе, когда я сравнивала Дэна и папу в своих собственных мыслях, Дэн все равно оставался в тени... Но теперь я знаю, Дэн – все для меня. И солнце, и луна, и звезды. Мой герой. Настоящий герой.

– Сильви? – Обеспокоенный голос Дэна возвращает меня к реальности. Почему он на меня так смотрит?

И тут понимаю, что слезы опять ручьем текут по моему лицу.

– Прости, – сглатываю я, утирая слезы. – Я просто думала... Ну, ты знаешь... О нас.

– О нас, – эхом отзывается он. Но это совсем не тот тон, каким мы раньше предугадывали мысли друг друга и заканчивали предложения. Я вижу в глазах Дэна это новое понимание. Понимание того, что мы разные. Что мы не обязаны знать все друг о друге.

– И что теперь? – спрашиваю я.

– Эм, шестьдесят восемь лет. Ну, минус пара недель. Все еще очень долго.

– Я знаю, я знаю.

– Как на это ни посмотри, все равно кажется вечностью.

– Ага.

Дэн молчит, а я стою, затаив дыхание. Неужели мы так и будем стоять, или сделаем каждый день из этих шестидесяти восьми лет незабываемым?

– Я готов, если ты готова, – внезапно твердым голосом произносит Дэн.

– Да, – киваю я. Когда дар речи возвращается ко мне, я так же твердо отвечаю: – Я готова.

Дэн с минуту колеблется, затем поднимает руку и берет мои ладони в свои. Что случилось с моими нервными окончаниями? Почему я вся дрожу? Отчего прикосновения Дэна кажутся совершенно новыми, непредсказуемыми? Дэн целует кончики моих пальцев, я же тону в его голубых глазах. Я хочу большего. Нам нужна спальня! Я хочу вновь открыть для себя этого человека. Хочу пьянеть от каждого его прикосновения, сходить с ума от каждого вздоха.

– Сильви? Дэн? Вы идете пить чай? – Оборачиваемся и видим, как Джил, мама именинницы, машет нам из чайного шатра. – Мы и для родителей закусок прикупили. Просекко, все дела...

– Идем! Одну минуту! – вежливо отвечает Дэн, а мне вполголоса добавляет: – Что расшифровывается как: «Ты что, не видишь, что мы заняты?»

– Да ладно тебе, – в шутку журю его. – Они даже просекко купили, все дела.

– Не хочу я просекко. Хочу тебя. Сейчас. – Его глаза жадно пробегают по всему моему телу, как будто раздевают на месте. Такой жадности, страсти и влечения я не видела уже давно. Он прижимает меня к себе и тяжело дышит мне в ухо. Мгновение мне кажется, что он собирается сделать это здесь, в Баттерси-парк, в самом разгаре детского праздника.

– У нас впереди еще шестьдесят восемь лет, – напоминаю я ему. – Мы найдем другое время.

– Не хочу другое время, – как ребенок, заладил Дэн, прилипая губами к моей шее.

– Дэн! Нас же арестуют за нарушение общественного порядка! – пытаюсь воззвать я к нему.

– Ладно-ладно, – демонстративно закатывает глаза Дэн и отпускает меня. – Пойдем, угостимся незаменным просекко. Только для начала тебе нужно умыться. – Он ведет меня по дорожке, мимо деревьев, к которым дети привязали свои воздушные шары. – А то ты как будто снимаешься в массовой «Ходячих мертвецов».

– Может, я аниматор, – предлагаю я. – Меня наняли на празднике детей развлекать. Современные ребятишки не любят традиционных клоунов с красными носами, им подавай зомби и вампиров.

– Мне тоже подавай зомби, – смеется Дэн и гладит мои короткие волосы. – Мне нравится. Ты мне нравишься.

Из горла его вырывается сексуальное, грудное львиное рычание, и я задаюсь вопросом: «Неужели Дэну все это время нравились девушки с короткими волосами, а я об этом даже не подозревала?»

– Девочки чуть с ума не сошли, – говорю ему я. – Расплакались, когда увидели.

– Это понятно. – Кажется, Дэна все это забавляет. – А что миссис Кендрик?

– Возненавидела мою новую прическу. Но это другое дело, – добавляю я. – Я подумываю оставить работу.

Дэн останавливается и пристально смотрит на меня.

– Таа-а-к, где моя жена и что ты сделала с ней?

– Как? – вызывающе смотрю на него я. – Ты хочешь Златовласку Сильви обратно?

Златовласка с косой до пояса, в девчачьих платьицах и невинно-розовыми представлениями о жизни и папочке кажется мне теперь лишь героиней сериала. Не могу поверить, что это была я.

– Нет, – отвечает Дэн, не раздумывая ни секунды. – Пускай остается в своей сказке. Мне нужна моя Сильви. Мне нужна ты!

Он все еще гладит мои волосы. Я чувствую приятное покалывание в затылке. Я должна была давно отрезать волосы.

Мы уже дошли до чайного шатра. Внутри слышатся визги и смех детей, пустая болтовня родителей, которая поглотит нас, стоит нам войти. Дэн останавливается, гладит меня по затылку, а его голубые глаза смотрят мне прямо в душу:

– Это нелегко, не правда ли? – спрашивает он, снова «волнуя лоб». – Брак, семья, любовь. Это не так просто.

На ум приходят слова Тильды, правдивые, как никогда: «Любовь не бывает легкой и безболезненной. И если она такая, с ней явно что-то не так».

Я повторяю их Дэну.

Пусть я больше и не телепат Сильви, мне не нужна никакая телепатия, чтобы увидеть, как любовь и нежность плещутся в глазах Дэна. Там, где раньше была обида на моего отца.

– За шестьдесят восемь лет мы научимся любить по-настоящему, – отвечает он, и слова его звучат как клятва. Он притягивает меня к себе и страстно целует, чтобы закрепить эту клятву. Затем отпускает и подмигивает мне. Подмигивает так, как только может помигивать Дэн, а не папочка:

– Идем. А то нам не достанется просекко.

18

Ее дом уютится на скале, словно гнездо диковинной птицы, словно замок короля Хаггарда из романа Питера Бигля. Огромные окна от потолка до пола (заглядывать в которые я больше не боюсь) открывают вид на искрящееся море. Смотришь, и кажется, будто море плещется у тебя под ногами. Только руку протяни, и ухватишь барашек белоснежной пены, который окажется гривой единорога. Пьянящий аромат моря, белые стены, мягкий диван – все в этом доме вызывает доверие, расслабляет.

Я сижу на самом краешке дивана, напротив меня – Линн. В смысле, Джослин. Я знаю, что ее зовут Джосс. Именно так и я ее зову. Но смотрю на нее и вижу Линн – застывшую картинку из детства. Почему я не узнала ее, когда видела ее лицо на обложке книги или по телевизору?

Я будто смотрю на голографическую картинку. Вот передо мной Джосс Бертон, известная писательница и основательница парфюмерной компании «Тенета». Короткие черные волосы с отличительной белой прядью, умный вид. Но стоит слегка наклонить голову, и видишь, как начинает проскальзывать Линн: в искорках смеха в глазах, в том, как Джосс морщит нос, в том, как она поправляет спадающую на глаза челку.

Это Линн, моя воображаемая Линн. Из плоти и крови. Все равно что увидеть Деда Мороза или фею-крестную в одной элегантной настоящей женщине.

Это не первая наша встреча после стольких лет. Я уже виделась с ней месяц назад. И все равно кажется совершенно нереальным видеть ее, находиться в ее доме. Может, я опять разговариваю со своей воображаемой подругой?

– Я болтала с тобой каждый день, – признаюсь я, постукивая пальцем по чашке ромашкового чая «Тенета». (Бизнес Джосс идет в гору, она недавно запустила свою отборную коллекцию чайных напитков!) – Лежала в постели и представляла себе тебя... Рассказывала тебе о своих желаниях... и обидах.

– Это помогало? – спрашивает Джосс и улыбается мне так, как улыбалась в детстве: сочувствующе и игриво одновременно.

– Да, – улыбаюсь я в ответ. – Ты всегда заставляла меня чувствовать себя лучше.

– Здорово. Еще чаю?

– Благодарю.

Пока Джосс наливает мне чай, я наслаждаюсь потрясающим видом из окна: декабрьское небо цвета сизого голубкиного крыла почти сливается с бушующим морем внизу. Отмечаю не без удовольствия, что к горлу больше не подступает тошнота, а сердце не колотится как сумасшедшее. Я таки прошла полный курс терапии. По натянутому канату, конечно, ходить не буду, но высоты я больше не боюсь.

Я все еще прихожу раз в неделю к женщине, которая помогла мне. Каждый раз, когда стучу в дверь ее кабинета, думаю о том, что должна была согласиться на терапию много лет назад. Мне попался очень хороший специалист: с ней можно обсудить любые проблемы, не только боязнь высоты. Но и отца-лицемера. Воображаемых друзей. Старые связи и романы. Кстати, о романах...

Конечно, сейчас я уже прочла «Тенета лжи», от корки до корки, два раза. Читала внимательно, читала между строк, искала улики, доказательства. Затем снова сходила в офис «Эйвори Милтон» и прочла все бумаги, относящиеся к этому делу. Я читала рассказ Джосс о папе и сходила с ума. Я разрывалась на части. Потому что не могла поверить в то, что читаю. Я бы никогда не подумала, что папа мог сотворить такое. Но я продолжала читать. И самое страшное: я верила Линн. Верила каждому ее слову. Я чувствовала, что она говорила правду.

Прошло много времени, прежде чем все это смогло уложиться у меня в голове. И сейчас я думаю... А что я, собственно, думаю?

Я думаю, что Джосс, она же Линн, говорит правду. Насколько точна каждая деталь в ее описании, я не могу знать. Но я ей верю. Но Мэри Смит-Салливан мне убедить не удалось. Мэри качала головой и продолжала говорить: «Ее слово против слова вашего отца». Но Мэри адвокат, ее работа – защищать клиента, и я это понимаю.

Что же заставило меня поверить Джосс? Именно «ее слово». Я читала ее историю и узнавала своего отца в каждой мелочи. Да, именно таким он и был. Как шестнадцатилетняя соседка могла так хорошо знать моего отца, подмечать то, что с трудом подмечали даже его близкие и друзья. Если только она и вправду не...

К такому выводу я пришла с месяц назад. Той ночью, когда я окончательно все поняла, я не могла уснуть. Я лежала в кровати с открытыми глазами, не смея пошевелиться. Лежала и представляла себе Линн, как когда-то в далеком детстве. Я даже не смогла сказать об этом Дэну. На следующее утро все показалось мне таким прозрачно ясным, что первым делом, придя на работу, я написала письмо Джосс. Она позвонила мне, и мы разговаривали в течение часа. Я плакала в трубку. Она не плакала. Она из тех спокойных, уравновешенных людей, которые «находят в себе силы каждый раз выбираться из эпицентра шторма» (прямая цитата из «Тенета лжи»). Но ее голос дрожал. Ее голос определенно дрожал. Она сказала, что много думала обо мне все эти годы.

Мы встретились в Лондоне за чашечкой чая. Мы обе волновались, хотя Джосс скрывала свои эмоции лучше, чем я. Дэн предлагал отправиться со мной в качестве моральной поддержки, но я сказала решительное «нет». Будь Дэн там, у нас с Джосс не случилось бы такого трогательного, замечательного разговора по душам. Она поведала, что Дэн в свое время убедил ее, что история о моем отце только навредит такому сильному роману, как «Тенета лжи», умалит его литературную ценность как рассказа о стойкой, сильной женщине.

– И ты знаешь, он был прав, – говорит она, глаза ее сияют. – Я знаю, что он лишь пытался защитить твоего отца. Но он также дал мне понять, что моя героиня сильнее, чем я была в подростковом возрасте. Что излишняя автобиографичность – не всегда хорошая основа для романа.

Потом наступила тишина. Я-то надеялась, что она поведаст мне свою историю из первых уст, чтобы мне больше не пришлось бояться и беспокоиться. Но она вытащила из сумки кипу бумаг, и я сразу догадалась, что это.

– Это рукопись моей новой книги, – сказала она, протягивая мне бумаги. – Я хочу, чтобы ты прочитала ее.

И я прочла. До сих пор удивляюсь, как я умудрилась тогда быть настолько спокойной. Прочитай я эту рукопись несколько месяцев назад, без предупреждения, она бы меня напугала. Я бы швырнула ее через комнату. Я бы закатила истерику. Я бы не поверила ни единому слову. Но все изменилось. Я изменилась.

– Сильви, твое последнее письмо напугало меня, – говорит Джосс, отставляя чайник в сторону. Она говорит медленно, с расстановкой. У нее нежный, успокаивающий голос, почти как у Мэри Холланд. Джосс собирается назвать свою новую книгу «Вздохнуть полной грудью», и я не могу придумать лучшего названия.

– Но почему?

Джосс подносит свою чашку ко рту, но застывает, так и не сделав ни глотка. С мгновение она смотрит, как чайки чертят над скалой, затем поворачивается ко мне.

– Меня пугает то, как ты спокойно приняла историю о своем отце. Его виновность. Сильви, я никогда не утверждала, что именно из-за твоего отца заболела анорексией, но...

– Может, из-за него, может, и нет. – Махаоны в моем животе не спешат прятать свои стальные крылья. – В любом случае...

– Он часть моей истории, но не ее причина. Он не злодей, не антагонист. Ты должна это понять. – Ее голос звучит так покровительственно, словно мне опять четыре, а ей шестнадцать. Моя милая, умная Линн, которая знает ответы на все вопросы.

– Но и героем и помощником он тоже не был, – сухо замечаю я.

– Ну да. Я понимаю, как тебе тяжело. Но поверь мне, если в первый раз это был страх, гнев, подростковое желание отомстить, то сейчас уже прошло много лет. Я много размышляла, прежде чем решила, что все-таки хочу написать об этом.

Мои глаза блуждают по комнате, останавливаются на огромных свечах ручной работы. Такие свечи стоят целое состояние в авторском магазинчике, а у нее целых восемь штук, и, судя по фитилькам, она зажигает все восемь. Сажу в ее доме и чувствую себя загипнотизированной запахом перечной мяты, как когда-то в детстве. И в то же время этот запах дарит мне безмятежность. Чувствую, что пришло время для вопроса, который висит над нами с самого начала нашей встречи.

– Как я уже писала в своем письме... – медленно начинаю я. – Новая книга. Я ее прочла.

– Ясно, – коротко отвечает Джосс. Но я вижу, что голова у нее наклонена, как у птицы, выживающей червяка из дырки в дереве. Что она сделает, когда услышит мой вердикт: накроет меня своими крыльями или выключит глаза?

– Я думаю, это очень... мощный роман. Наделяющий силой. Нет... – не могу найти верное слово. – Думаю, я понимаю, почему ты хотела его написать. Думаю, те женщины, которые его прочтут, узнают о том, как легко попасть в ловушку, но, может быть, также поймут, как отыскать этот капкан в своей жизни и не попасться в него.

– Именно. – Джосс наклоняется вперед, в ее глазах теплится сочувствие и понимание. – Ты одна из тех, кто проник в самое сердце истории. Я не хотела делать эту книгу сенсацией. Я не пытаюсь разоблачить твоего отца. Если я и разоблачаю кого-то, то только саму себя в шестнадцать лет. Выставляю на общий суд мои страхи и заблуждения, мои мечты и надежды. Признаю свои ошибки. И верю, что новое поколение девушек, прочитав мою книгу, их не повторит.

– Я думаю, ты должна опубликовать роман.

Вот и все. Слова сказаны, кости брошены. Целую неделю я балансировала на грани: ругалась с мамой, беседовала с адвокатами, пыталась выпутаться из тенет собственного разума, чтобы вдохнуть полной грудью. Я так старалась убедить всех в своей правоте, что и сама уже перестала себе верить. Лишь встретившись с Джосс, я поняла, чего я на самом деле хочу. Я хочу, чтобы эта история, которая может помочь другим девушкам, была опубликована. Мама не увидела в книге ничего, кроме клеветы на отца. Дэн не мог не защищать меня. Адвокаты не могли не делать свою работу. Но в центре всего этого была Линн. Добрая, умная Линн со смеющимися глазами, вспоминающая страхи и кошмары своего прошлого и превращающая их в искусство. Как я могу затыкать ей рот?

Я знаю, мама считает меня предательницей. Она всегда будет думать, что Джосс всего-навсего гнусная лгуныя, мечтающая прославиться за счет моего отца и опорочить его доброе имя. Когда я спросила у мамы, читала ли она показания Джосс, мама взорвалась и начала орать на меня: «Как ты можешь ей верить? Как это может быть правдой? Как это может быть правдой?!»

На что мне хотелось ответить: «А как моя воображаемая подруга могла оказаться настоящей?!» – но я промолчала.

– Спасибо, – благодарно кивает Джосс, и какое-то время мы обе молчим.

– Помнишь, как мы катались по озеру на лодке Мастерсонов? – спрашиваю я наконец.

Она поднимает на меня сияющие глаза:

– Конечно. Ты была такой миленькой в спасательном жилете.

– Я так хотела увидеть дельфинов, – со смехом вспоминаю я. – Пусть все взрослые и твердили мне, что это озеро, а в озерах дельфинов не бывает.

Я бережно хранила в памяти этот день. Голубое небо, искрящаяся лазурью вода; я сижу на коленях Линн, а она мурлычет мне на ухо: «*Kum bay ya, my Lord, kum bay ya...*»

Конечно, со временем эта память превратилась в «игру воображения», но я цеплялась за эту игру. Я придумала новые беседы и шалости. Я построила тайную дружбу, я создала целый мир фантазий только для себя и Линн. Мир, в который я всегда могла сбежать.

Ирония в том, что, если бы мои родители не убеждали меня так страстно, что Линн была воображаемой, я бы в скором времени забыла о ней.

– Я бы с радостью познакомилась с твоими девочками, – нарушает тишину Джосс. – Пожалуйста, привези их ко мне в гости.

– Обязательно.

– У нас тут иногда проплывают дельфины, – протягивает она, лукаво подмигивая мне. – Постараюсь уговорить их, чтобы они приплыли, когда ты в следующий раз приедешь ко мне.

– Договорились. Но сейчас мне уже пора, – нехотя поднимаюсь на ноги. Я бы с удовольствием осталась у нее в гостях, но Девон довольно далеко от Лондона, а мне нужно вернуться сегодня вечером.

– Обещай приехать ко мне как можно скорее, – просит она. – И привози семью. И да, удачи в субботу.

– Спасибо, – улыбаюсь я. – Прости, что не могу тебя пригласить...

Встречаться с Джосс и приезжать к ней в гости – это одно. Но посмей я пригласить ее на семейное торжество, маму бы хватил удар. Она знает, что я встречаюсь с Джосс, но предпочитает и дальше отворачиваться к окну и яростно моргать.

– Ничего страшного. Я буду думать о тебе, – говорит Джосс и крепко-крепко обнимает меня. В мою жизнь вошло нечто прекрасное. Новая дружба. Или все же старая дружба? Неважно. Настоящая дружба.

Суббота приходит незаметно. Этим ясным утром я готовлюсь к тому, чтобы вступить в новую жизнь. Макияж? Отличный! Платье? Сидит идеально! Волосы? Налачены. Больше я ничего не могу с ними сделать. Даже цветы и ювелирный гребень выглядели бы нелепо.

Сейчас волосы намного короче, чем когда я их собственноручно обкорнала. Мой знакомый парикмахер Нил, после того как спало первое потрясение от моего вида, начал объяснять мне, что я сделала не так и как на самом деле нужно было стричь. Не могла же я ему сказать, что терзала свои волосы, ослепленная гневом? Он называет мою новую прическу прической Твигги. Правда, я совсем не похожа на эту британскую супермодель. Но новая прическа мне идет. Все, кто сначала в ужасе отшатывался от моего вида, теперь признают, что с короткими волосами мне намного лучше. Все, кроме мамы, естественно.

За последние полгода я много раз пыталась поговорить с мамой по душам. Сидела в ее гостиной, поднимала разные темы. Я пыталась объяснить ей, почему отрезала волосы. Я пыталась объяснить ей, почему разозлилась на папу. Пыталась объяснить, почему больше не могу вести себя как ребенок: заткнуть ушки или уйти играть в другую комнату, пока взрослые разговаривают. Пыталась снова и снова разбудить ее.

Но неизменно натывалась на ее без усталости моргающие глаза. Может, она и не слушала меня вовсе. Или не хотела слышать. Для нее папа все еще выдающийся человек с золотым сердцем, герой нашей семьи, Джосс – злодейка-клеветница, а я – перебежчица. Она все еще живет в своем мыльном пузыре, стены которого увешаны папиными фотографиями. Она все еще включает девочкам свадебное видео, когда мы приезжаем к ней в гости. (Но я больше не буду его смотреть. Я покончила с этим. Может быть, я смогу себя заставить. Лет через десять. Двадцать.)

В последний раз, когда мы были в гостях у мамы, мы даже не говорили о папе. Вместо этого мы обсуждали, куда мама отправится в отпуск вместе с Лорной. Мама смешала нам по коктейлю Беллини, а я купила у нее набор колец за тридцать девять фунтов (мама опять вернулась к продаже ювелирных изделий!). Она сказала мне: «Спасибо, дорогая, они чудесно будут смотреться на твоих ручках!», и думаю, она и вправду имела это в виду. Ей нравится жить в мыльном пузыре. Она счастлива внутри и не собирается его лопать.

– Мамочка! – Тесса вбегает в нашу спальню в своем любимом наряде: блестящие лосины, балетная пачка и... ярко-синяя футболка с логотипом «Челси». Признаюсь честно, на какое-то мгновение я хотела заказать девочкам чудесные платья цвета пепельной розы с пышными юбками, которые я видела на сайте *Wild & Gorgeous*, специально для этого события. Но вовремя остановила себя. Я не собираюсь заставлять девочек носить то, что они не хотят. Не собираюсь забивать их головы чужими мыслями, правилами и стремлениями. Пусть Тесса носится среди разряженных гостей в фирменной футболке, а Анна смешно ковыляет в костюме Груффало⁴⁹ (она играет Груффало в школьной пьесе). Они для меня – самые идеальные подружки невесты. В чем бы они ни были.

– Папочка сказал: «Увидимся там!» – гордо объявляет она мне.

– Спасибо, родная, – улыбаюсь я ей.

Мы не провели ночь «вдали друг от друга», как это принято перед свадьбой. Ведь у нас не совсем настоящая свадьба – мы просто решили еще раз произнести наши клятвы верности. И все же, чтобы сохранить волшебство, до места торжества мы едем отдельно.

Дэн также не видел мое платье. Так что он еще не знает, что сегодня я облачусь в величайшее творение Веры Вонг – в пышное великолепие без бретелек жемчужного цвета. Платье, конечно, стоит целое состояние. Но мама предложила мне купить его за папины деньги. Я считаю, это правильно. Папа должен нам за все нервы, которые он измотал Дэну.

Спустя несколько недель после того, как я отрезала волосы, у нас с Дэном состоялся разговор о деньгах. Я призналась ему, что думала, что он «пружинился» при упоминании моего отца потому, что не был так богат и успешен в бизнесе, как он.

– Может быть, – пожал плечами Дэн. – Это была одна из причин.

Он же признался мне, что где-то в глубине души у него и вправду был пунктик, что мужчина должен быть единственным кормильцем семьи. Правда, знакомство с моим отцом заставило Дэна поменять некоторые свои убеждения.

Потом я пыталась доказать ему, что мы могли бы жить на мой доход (а доход мой и вправду вскоре будет очень большим), и тем самым убить многие старые стереотипы. И если бы он был настоящим феминистом, он не чувствовал бы необходимости быть кормильцем, но мог бы поддерживать семейную ячейку другими способами. Дэн вежливо выслушал меня и согласился со всем, а затем сказал:

– На самом деле у нас тут новый большой заказ нарисовался... Ничего, если я продолжу вносить финансовый вклад в нашу семью?

Господи, спасибо тебе за моего Дэна.

Капаю на запястье немного жасминового парфюма от «Тенет» (подарок Джосс) и проskalзываю в серебристые туфельки на небольшом каблуке.

– Дора, говори! Поговори со мной! – властно приказывает Тесса змее. (Девочки недавно в первый раз посмотрели «Гарри Поттера» и теперь постоянно пытаются «разговорить» Дору.)

– В настоящей жизни змеи не разговаривают. Это все выдумки, правда, мамочка? – Анна тянет меня за юбку, чтобы я подтвердила ее слова. – Воображаемые вещи не становятся настоящими!

⁴⁹ Персонаж английской детской литературы, большой и страшный лесной зверь; придуман писательницей Джулией Дональдсон, впервые появляется в книге «Груффало» 1999 года с иллюстрациями Акселя Шеффлера.

– Ты права, милая, – улыбаюсь я. – Воображаемое никогда не воплощается в жизнь.

Я никогда не расскажу им, что моя воображаемая подруга оказалась настоящей. На их долю в свое время и так выпадет много невероятного и необъяснимого. Когда они встретят Джосс, она для них будет просто Джосс.

– Пока, Дора, – говорю я змее и выталкиваю девочек с кухни. Не могу сказать, что я полюбила змеюку. Но я определенно могу теперь смотреть на нее и признаю, что она – весьма *удивительное* создание. А еще она переезжает с кухни (наконец-то!).

Мы полностью изменили наш сад. Убрали игровые домики (девочки, кажется, не особо расстроились) и воздвигли небольшую террасу из дерева и стекла (с огромными окнами от полочки до пола и со специальным террариумом для Доры). Там теперь будет кабинет Дэна. У нас в саду осталось место для небольшого огорода.

– Раз ты так любишь садоводство, – сказала я Дэну однажды ночью, – тогда почему ты не выращиваешь салат в саду?

Дэн рассмеялся и на следующий же день позвонил своему другу Питу: вместе они начали разрабатывать проект для нашего сада. Они даже запланировали посадить несколько морозостойких однолетних растений. Дэн вспомнил, что я предлагала ему это и раньше, и очень долго передо мной извинялся. Я не злилась на него. Теперь я знаю, о чем он тогда думал и что мешало ему жить полной жизнью.

По секрету от Дэна я пригласила на обед Мэри Холланд (не только потому, что она гений садового искусства, но и потому, что хотела извиниться перед ней). Дэн очень обрадовался ее приезду, но круче всего было то, что Джон увидел, что мы начали заниматься садом, и зашел в гости. (Закончилось все долгим, но веселым спором по поводу одной-единственной клумбы.)

Так как Мэри стала появляться у нас довольно часто, она подружилась с Тильдой. («Не понимаю, чего ты так волновалась, – шепнула мне на ухо Тильда спустя пять минут после знакомства с Мэри.) Между тем Дэн стал навещать Джона, чтобы обсудить с ним работы в саду (а заодно и удостовериться (тайно!), что холодильник Джона и Оуэна полон). В нашей жизни многое изменилось, мы стали более открытыми с другими людьми. Я больше не хочу смотреть свое прошлое на видео. Я хочу жить настоящей жизнью.

Теперь, когда Дэну больше не нужен кабинет, у девочек отдельные спальни. (Опустим тот факт, что они заревели, когда мы сообщили им новости. «Ничацуу отдельную комнату!» – плакала Анна. «Я буду скуча-а-ть по Анне!» – причитала Тесса, как будто Анна будет спать не в соседней комнате, а в клетке с тиграми за тридевять земель.)

Шикарный лимузин ждет меня у дома, я вижу его в окно. Невольно вспоминаю свою свадьбу: папа выводит меня из дома, я выгляжу, как диснеевская принцесса. Кажется, как будто это было в другой жизни. Кажется, будто это было не со мной. Сегодня некому вывести меня и девочек из дома. Сегодня некому «выдавать невесту замуж за этого жениха». Да и не нужно меня никому отдавать. Я человек. И я сама хочу посвятить свою жизнь другому человеку. Но этом все и заканчивается. Или только начинается?

Не могу сказать, что двигаться по улицам Лондона в роскошном лимузине неприятно. Когда мы скользим по тротуару, девочки радостно машут прохожим, я же то и дело смотрюсь в зеркальце и поправляю макияж, шепчу своему отражению слова брачной клятвы. Подъезжаем к Уиллоуби-хаус прежде, чем я чувствую себя готовой сделать этот шаг в будущее. И хотя я понимаю, что это не настоящая свадьба и я давно уже не невеста, и что все это не так уж важно... Страхи и тревоги в последнее время были постоянными спутниками моей жизни, так почему бы сейчас просто не отдаться радостному волнению, приятному беспокойству.

Водитель открывает дверь, и я выплываю из машины, как настоящая кинозвезда; прохожие останавливаются и принимают фотку, особенно когда Анна пытается выбраться из машины в своем огромном костюме Груффало. (Где вы еще увидите вылезающего из лимузина Груффало с букетиком в руке?) У нас у всех букеты из ветвей эвкалипта, обвитые побегами

английского плюща из садов апостола Филиппа (Мэри завезла буквально сегодня утром, вместе с петлицей для Дэна). Она обняла меня и прошептала: «Я так рада за тебя!», и я могу точно сказать, что говорила она искренне. Я безумно счастлива, что у меня появилась такая подруга.

– Вперед, девочки, – говорю я, окидывая взглядом такой знакомый фасад Уиллоуби-хаус, – давайте сделаем это!

И я открываю дверь старинного особняка, которая приведет меня в новую жизнь.

И эта новая жизнь окружает меня совершенно фантастическими красками. Цветы везде: пестреют на ступеньках и балкончиках, каскадом спускаются с перил. Гости неторопливо высаживаются по местам. Под первые звуки музыки я медленно вышагиваю вперед меж обтянутыми золотой тканью стульями, почти как по проходу между рядами в церкви. Наши дамы-добровольцы мечтательно улыбаются, провожая меня взглядами, все как на подбор в шляпках пастельных цветов. В первом ряду – родители Дэна; Сью сидит в элегантном платье и лучезарно улыбается мне, я улыбаюсь ей в ответ. Мы обедали с ней пару недель назад, и она поведала мне, что они с Невиллом опять стали ходить на занятия бальными танцами. Вместе. Она призналась мне, что все для нее там как будто в новинку, словно она и вправду абсолютный новичок в танцах. И в отношениях. Я уже давно не видела ее такой спокойной и расслабленной (и приятно взволнованной одновременно!).

Я вижу Мэри в чудесном платье аквамаринового цвета, Тильду в узорном палантине, небрежно накинутом на плечи, вижу Тоби и Мичи. Мама в новом розовом костюме о чем-то оживленно болтает с Мичи (должно быть, впаривает ей набор колец по скидке). Сердце пропускает глухой удар, когда я замечаю седой хохолок профессора Рассела – Джон одиноко сидит на стуле в конце ряда. Он все-таки пришел, несмотря на то, что Оуэну в эти дни стало хуже.

Кларисса стоит с одной стороны, записывая все на камеру, а Роберт снимает с другого угла. Он кивает мне, когда я прохожу мимо. Все-таки он славный человек, этот Роберт. Знал бы он, что когда-то я называла его злобным племяшей.

А там, впереди, на небольшом возвышении, покрытом старинным ковром (ручной работы, quasi), меня ждет Дэн. В элегантном темно-синем костюме, который подчеркивает его глаза. Солнечный свет, пробивающийся сквозь золотисто-янтарный витраж, создает некое подобие нимба над его головой. Нет, не нимба, а пышной львиной гривы. Когда он гордо вышагивает там и смотрит на меня с девочками, он напоминает мне льва. Победоносного льва. Счастливого и благородного. Вожака прайда.

(Ну, второго вожака, совместно со мной. Но думаю, это и так понятно.)

Идея праздновать свадьбу в Уиллоуби-хаус была моей. Когда мы с Дэном решили, что хотим вновь обменяться клятвами, я долго копалась в интернете в поисках идеального места. Все предлагали и роскошные номера для новобрачных, и брачную церемонию с «погружением в историю». Я искала и думала: «Держись, держись...» А потом меня осенило!

Поместье Уиллоуби-хаус же просто создано для свадеб! Интересно, почему мы раньше до этого не додумались? И дело не только в финансовой выгоде.

Понадобилось довольно много времени, чтобы получить лицензию на проведение свадебных церемоний, но с тех пор у нас уже прошло три свадьбы (выходили замуж дочери покровителей музея), и с каждым днем мы получаем все больше запросов. Пусть это слегка изменило назначение Уиллоуби-хаус, но не изменило его сути. Весь особняк теперь просто утопает в цветах (мы сотрудничаем с лучшими флористами), а к нам все чаще приходят будущие невесты, принося с собой предсвадебные надежды и волнения. Вихри обновления и новой жизни так и витают в воздухе. И это чудесно. Уиллоуби-хаус не потерял своего уюта, но теперь больше походит на солнечное, яркое, оживленное и, самое главное, нужное людям место.

Но это не все. Наш сайт работает! Наконец-то работает так, как надо! Правильно функционирующий сайт, где вы можете купить билеты, прочитать о событиях, выставках и многом

другом. (А скоро запустим и интернет-магазин.) Каждый раз я внутренне ликую, когда захожу в систему. Ведь это наш сайт, а не чей-либо (выкуси, Музей Виктории и Альберта!). Конечно, мы не могли себе позволить вращающиеся 3D-изображения или аудиоэкскурсии, которые начитали бы знаменитости. Зато каждую страницу нашего сайта украшают уникальные рисунки, гравюры или акварели (изображения особняка или экспонатов) и даже наброски миссис Кендрик в разделе «История семьи». Каждая страничка очаровательнее предыдущей, каждая страничка открывает посетителям любительскую алхимию истории и чувств, фактов и образов, старого и нового. То, чем стал наш любимый Уиллоуби-хаус. Сайт отражает нас всех, кто так долго и преданно трудился на благо этого места. (И даже миссис Кендрик, которая недавно освоила все прелести электронной почты и теперь заваливает нас с Клариссой смайликами каждый час. То ли еще будет, когда она заведет себе аккаунт в инстаграме.)

Кстати, говоря о миссис Кендрик, она уже готова взять на себя почетную роль.

– Всем добро пожаловать. – Миссис Кендрик выступает вперед, а я подавляю смехок, потому что она облачилась в мантию. В самую настоящую академическую мантию, какую надевают выпускники университетов, темно-фиолетовую, с летящими рукавами, без воротника и капюшона, только шапочки бакалавра не хватает.

Хотя на самом деле ей даже очень идет.

Когда зашел вопрос о том, кто будет «священником» на нашей церемонии обмена новыми брачными клятвами, мы с Дэном пришли к согласию, что раз уж это не официальная церемония, то мы можем попросить кого угодно. Очевидным выбором была миссис Кендрик, я не хотела бы никого другого. Она была очень тронута, когда я предложила ей побыть «священником». И хотя она и задавала мне по двадцать вопросов в день, я не пожалела о своем выборе.

И вот она стоит, как будто владеет этим местом (хотя она на самом деле владеет этим местом) и звучно провозглашает:

– Сегодня мы собрались здесь в этом историческом месте, чтобы стать свидетелями того, как два любящих сердца возобновят свои брачные обеты, как было установлено Господом в раю во времена невинности человечества. К чему не следует относиться легкомысленно, – непонятно зачем добавляет она, театрально размахивая своими фиолетовыми рукавами, будто огромными шелковыми крылами. – Ибо тех, кого соединил Господь, да никто не сможет разлучить.

Что?! Звучит как случайный набор фраз из брачных церемоний разных эпох. Но миссис Кендрик явно получает удовольствие от своей речи (и от размахивания рукавами), так что какая разница?

– А сейчас, – продолжает она, – я прошу Дэна и Сильви обменяться брачными клятвами. Миссис Кендрик отступает в сторону, и я поворачиваюсь лицом к Дэну.

Мой Дэн. В ореоле мягкого золотистого света. Глаза полны нежности и любви, в уголках глаз скопились лучики морщин. Думала, что справлюсь, думала, что не все так страшно... но мой собственный голос подводит меня.

Дэн будто чувствует это, он тяжело дышит, и я понимаю, что он тоже онемел от волнения. Какого черта мы решили произнести наши клятвы перед всей этой толпой народа? С чего мы вообще взяли, что это хорошая идея?

– Сильви, – начинает он слегка хриплым голосом. – Прежде чем я произнесу свою клятву, я хочу сказать тебе кое-что. – Он наклоняется и шепчет мне на ухо: – Завтра мы отправляемся в Сент-Люсию, все четверо. Я уже все уладил. Такой семейный медовый месяц. Сюрприз!

Что?! Я думала, с сюрпризами покончено. Он не должен был этого делать. Но боже мой, Сент-Люсия! Плечи, парки, заповедники... Смагиваю уже подступающие к глазам слезы радости, наклоняюсь вперед и шепчу Дэну на ухо:

– А на мне сегодня нет трусиков. Сюрприз!

Ха! Видели бы вы его лицо.

Дэн, кажется, забыл, что ему надо произносить клятву, поэтому я собираюсь прийти ему на помощь и начать свою, как вдруг слышу какой-то шум в холле. В зал из холла протискивается только что подошедший доктор Бэмфорд и весело машет нам, заняв свой стул.

– Сюрприз, – объявляю я Дэну. – Это я его пригласила. Думала, ему следует быть здесь, ведь именно он начал все это.

– Удивительно, – кивает Дэн, его глаза сияют каким-то неземным светом. – Удивительно.

Каким-то *удивительным* образом нам с Дэном все же удалось произнести все наши клятвы, не запнувшись и не заплавав; наши последние слова были встречены громкими аплодисментами. Затем гости оживленно потянулись за шампанским, Кларисса достала где-то винтажные джазовые пластинки и поставила их проигрывать на старом граммофоне, некоторые наши дамы-добровольцы тут же пустились в пляс на импровизированном танцполе. Роберт сосредоточенно рассказывает о чем-то Мэри (интересно, что все это значит?); родители Дэна полностью забываются в оживленном квикстепе. Или они лишь делают вид, что не замечают никого вокруг? Невилл не сводит глаз со Сью; они двигаются с невероятной скоростью, но при этом легко и воздушно, будто предугадывая движения друг друга. Я смотрю на них и невольно моргаю. Затем, словно почувствовав, что я смотрю на них, Сью ловит мой взгляд и улыбается мне через плечо Невилла. С улыбкой машу ей рукой в ответ.

И тут же сама ловлю лучезарную улыбку Клариссы, когда она меняет пластинки на граммофоне. Оказалось, Кларисса тоже умеет удивлять. Три месяца назад она ошеломила нас всех, сказав, что написала страшно привлекательную историю с привидениями, некую легенду для Уиллоуби-хаус, и уже записала ее в виде аудиоподкаста. И никому не сказала! Она вспомнила, что я предлагала сделать что-то подобное, это засело у нее в голове, и она решила попробовать. Историю можно послушать на нашем сайте, и с каждым днем количество прослушиваний только увеличивается (ибо история и вправду *удивительная*). И никто из нас не удивится, если однажды Кларисса будет зарабатывать себе на жизнь писательством. Правда, она сама, кажется, еще об этом и не думает.

Я стою, наблюдая за всеми с какой-то глупой сентиментальной улыбкой на лице; ко мне приближается Дэн и, наклонившись, шепчет:

– Ты уже сказала им? Миссис Кендрик? Или Клариссе?

Качаю головой, сразу же поняв, о чем он:

– Еще не время, – тихо отвечаю я. – Сообщу, когда вернемся.

Я так горжусь всем, чего мы добились в Уиллоуби-хаус. Теперь я люблю это место больше, чем когда-либо (после своего второго рождения оно не стало для меня менее спокойным и уютным). Но ничего не изменится, если ничего не менять. На днях я увидела такую надпись на футболке, и эти слова нашли во мне отклик. Многое в моей жизни изменилось, изменилась я сама. И, если я хочу продолжать расти и меняться, я должна бросить вызов самой себе. Чтобы «вырасти в человека», как сказал бы Джон.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы отыскать свое «большое дело». Теперь я возглавляю компанию по возведению детского крыла в Нью-Лондон-Хоспитал. Увидев объявление об этой должности, я сразу же поняла – это мое. Правда, мне долго пришлось убеждать Седрика и его совет, что я гожусь для такой ответственной работы, а мой опыт работы в Уиллоуби-хаус только поможет мне в этом занятии. Но это вовсе не значит, что я не боюсь сделать что-то не так. Самое главное, что я буду помогать детям. Это совершенно новый уровень в сфере сбора средств на благотворительность. Понимаю также, что кто-то другой займет мое место здесь – кто-то со свежими взглядами и неукротимой энергией.

Иногда в жизни все же приходится тыкать палкой пчелиный улей, и невозможно знать наверняка, вернешься ли ты с медом или с волдырями на руках. Как бы мы жили, если бы я не потыкала палкой наш семейный улей брака, с виду казавшийся таким крепким и неприступ-

ным? Не хочу сейчас об этом думать, ибо в данный момент это уже не так важно. Да, неприятная правда вылезла наружу, но мы с ней справились. Вместе. Было ли бы у нас все так же хорошо в противном случае? Что-то я не слишком в этом уверена.

Когда я оглядываюсь назад, на тех Дэна и Сильви, которые были женаты все эти годы, были так довольны друг другом и думали, что жизнь подобна дуновению ветерка... О, это совсем другие люди. Совершенно не представляющие, что такое жизнь.

– Мои поздравления. – Чей-то звучный голос доносится до ушей, и вскоре я замечаю, что к нам приближается доктор Бэмфорд с бокалом в руке. – Чудесно видеть вас снова. Огромное спасибо за приглашение. Всегда хотел посетить это место, но не получалось. Прекраснейшая коллекция книг сразу завоевала мое сердце! А кухня в подвале меня совершенно очаровала!

– Должно быть, вам показалось странным, что мы пригласили вас сегодня, – искренне улыбаюсь я ему. – Но, как я вам уже писала, именно с посещения вашего кабинета в нашей жизни началась череда по-настоящему удивительных событий, которая, я надеюсь, не закончится никогда.

– Что вы, что вы! – ахает доктор Бэмфорд, и я точно могу сказать: он не помнит ничего.

– Удивительно страшных событий, – вставляет Дэн. – И удивительно прекрасных в конце.

В конце? Но конец ли это для нас?

– Вы сказали нам, – напоминаю доктору Бэмфорду, – что у нас будет еще шестьдесят восемь лет брака, и все началось. Не могу сказать, что мы восприняли эти новости с восторгом...

– Мы ужасно перепугались, – признается Дэн. – Шестьдесят восемь лет. Это как множество коробочек с сюрпризом, в которых не знаешь что попадет.

Дэн смеется собственной шутке, но доктор Бэмфорд как будто его не слышит. Врач задумчиво пялится на Дэна, затем поворачивается ко мне. Потом снова смотрит на Дэна.

– Шестьдесят восемь лет? – наконец выдавливая из себя он. – Ох, дорогие мои, боюсь, я немного обсчитался. Со мной такое бывает. Мой коллега, доктор Алан Маккензи, всегда на меня ворчит из-за этого.

Обсчитался? О чем это он?

– Что значит, вы обсчитались? – почти хором выпаливаем мы с Дэном, уставившись во все глаза на врача.

– Доктор Маккензи посоветовал мне урезать добрую половину процентов по моим расчетам. – Он бодро улыбается нам. – Это значит, что вам осталось... где-то шестьдесят четыре года. Ох, копченый лосось... Прошу меня извинить.

Врач замечает подносы с канапе и ныряет в толпу вслед за официантом, оставляя нас с Дэном, совершенно ошарашенных новостью, смотреть друг на друга.

Доктор Бэмфорд обсчитался?! Да это нас обсчитали, обманули. Всего пару минут назад у нас было шестьдесят восемь лет впереди, а сейчас только шестьдесят четыре.

– Шестьдесят четыре? – сглатываю я. – Но ведь это так мало! У нас ни на что не хватит времени!

Какое-то время Дэн стоит молча, пораженный услышанным. Затем молниеносным движением тянет меня за руку и крепко прижимает к себе:

– Раз у нас осталось только шестьдесят четыре года, – шепчет он, – давай сделаем их удивительными.

– Больше не будем терять время, – горячо соглашаюсь я.

– Больше не будем ссориться.

– Будем наслаждаться каждой секундой.

– Будильник теперь ставим раньше на десять минут, – настаивает Дэн. – Мы выцарапаем у жизни хоть немного времени, что у нас отняли, Сильви. Обязательно выцарапаем!

Лоб Дэна покрылся испариной, щеки покраснелись. Вкрадчивый шепоток в голове, что мучил меня все эти месяцы, превратился в спокойный мелодичный голос: «Успокойтесь. Вы опять принимаете все слишком близко к сердцу».

– Дэн, – нежно начинаю я, – никто не может знать наверняка. У нас может быть еще семьдесят два года. Или два. Или вообще два дня.

Окидывая взглядом комнату и, к моему удивлению, вижу все давно знакомое и такое привычное в совершенно ином свете. Ласковая и в то же время сдержанная мамина улыбка; маме с папой было отмерено так мало лет вместе. Джон, которому придется научиться жить без Оуэна; в глазах его светится печаль, даже когда он разговаривает с Тильдой. Тильде же предстоит смириться с тем, что сын ее не всегда будет поступать так, как она того желает. Родители Дэна все еще танцуют с крайне серьезными лицами, стараясь воскресить хоть толику того, что, казалось, ушло навсегда. Мэри и Роберт со смущенными улыбками о чем-то шушукаются (уж не начало ли это чего-то нового?). Мои девочки беззаботно кружатся, держась за ручки, одна в костюме Груффало, другая в бессменной футболке с логотипом «Челси». Похоже, только они из всех нас знают, как нужно жить.

– Идем, – нежно беру Дэна за руку и веду за собой в круг веселья и танцев. – Идем же, Дэн. Пора жить.

Все гости хлопают нам, когда мы оказываемся в центре танцпола. Дэн выписывает руками такие кренделя, что Тильда свистит, а девочки радостно скачут вокруг нас с Дэном, заливаясь смехом.

Впереди у нас еще долгая жизнь. Но мы к ней готовы.

Благодарности

Пока работала над этой книгой, я все время размышляла о долголетьи, человеческих отношениях и супружеской верности.

Но бывает и другая верность – преданность читателя автору. Уже много лет я пишу книги, которые находят отклик в людских сердцах, за что и благодарна моим самым лучшим и преданным читателям. Пускай писатели и лишены возможности обменяться клятвами верности с читателями, позвольте мне поднять бокал за всех вас, чтобы доказать свою преданность вам. Спасибо, что читаете.

Я рада воспользоваться этой возможностью и поблагодарить моих издателей по всему миру. Мне несказанно повезло в том, что мои работы попадают на книжные полки не только в родном Соединенном Королевстве, но и в США, Канаде, странах Европы, Южной Америки, Азии и Австралии.

Я работаю в тесном сотрудничестве с издателями из разных стран и горжусь совершенно фантастическими долгосрочными отношениями с ними.

Во многих странах, где выпускают мои книги, я еще не была, но знаю, сколько сил и энергии уходит на издание моих романов там, с каким восторгом и увлечением люди работают над ними. Всю мою благодарность невозможно выразить в этом маленьком послесловии.

И в частности, хотелось бы поблагодарить мою команду агентов, «Команду Кинселлы», – группу очень отзывчивых и творческих людей, которые всегда удивляют меня только в хорошем смысле этого слова (и это не игра!). Араминта Уитли, Марина де Пасс, Ким Уизерспун, Джессика Милейо, Мария Уилан, Никки Кеннеди, Сэм Эденборо, Кэтрин Уэст, Дженни Робсон, Саймон Смит и Флоренс Додд – спасибо вам огромное.

Спасибо союзу писателей *The Board*, что появился в моей жизни почти сразу, как только я начала писать. Не знаю, что бы делала без вас.

Спасибо Дженни Колган – моему эксперту по «Доктору Кто».

И наконец, поскольку эта книга о семье и браке, я хотела бы выразить бесконечную любовь своему *удивительному* мужу Генри и нашим детям Фредди, Хьюго, Оскару, Рексу и Сисси, которые всегда и во всем меня поддерживают. Именно они научили меня смеяться, верить в себя и доказали мне, что настоящая любовь живет отнюдь не три года.